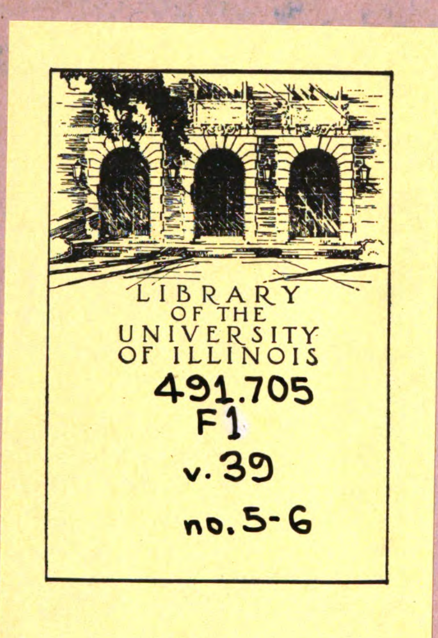

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
491.705
F1
v.39
no.5-6

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ Семинарій и Училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

4

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ВЫПУСКЪ V.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ V ВЫПУСКА.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

40-й годъ изд. въ 1900 году **40-й годъ изд.**

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ,—также главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ семинарій и училищъ. За представленное изданіе «Филологическія Записки» на Всероссійскую Выставку печатнаго дѣла въ 1895 г. Коммиссіей присужденъ похвальный отзывъ.

Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати разрѣшено издавать „Филол. Зап." безъ предварительной цензуры.

Журналъ: «Филолог. Записки», издавался въ Воронежѣ съ 1860 года подъ одной и той же редакціей въ теченіе 38 лѣтъ. Неуклонно, шагъ за шагомъ, пройденъ нелегкій длинный періодъ изданія покойнымъ почтеннымъ безкорыстнымъ труженикомъ науки, редакторомъ издателемъ «Ф. З». А. А. Хованскимъ, съ честью сошедшимъ въ могилу на 86-мъ году своей примѣрной жизни. Имя его, какъ основателя перваго въ Россіи филологическаго журнала, займетъ почетное мѣсто на страницахъ исторіи русскаго просвѣщенія.

Съ 1899 года «Фил. Зап». издаются его наслѣдницами—дочерьми, подъ редакціей Сергѣя Никаноровича Прядкина и Бертрама Оскаровича Гаазе.

Программа, направленіе и задачи журнала остаются тѣ же: новая редакція не отступитъ ни на шагъ ни отъ программы, ни отъ строго намѣченной покойнымъ иниціаторомъ цѣли—доставлять въ органѣ, посвященномъ наукѣ и учебно воспитательному дѣлу. полезныя свѣдѣнія для читателей и особенно для учебныхъ заведеній и преподавателей. Она будетъ внимательно слѣдить за каждымъ новымъ проявленіемъ въ дѣлѣ педагогики и школы, насколько это возможно въ провинціальномъ городѣ, чтобы на каждое новое требованіе, на каждый запросъ отвѣтить своевременно статьей.

Въ программу журнала входятъ—сравнительное языкознаніе, классицизмъ, лингвистика, изслѣдованія по славянскимъ нарѣчіямъ и литературѣ, русскій языкъ, теорія словесности, исторія литературы; статьи и замѣтки по воспитанію и методѣ преподаванія родного языка и другихъ учебныхъ предметовъ; миѳологія, народная психологія, этнографія, біографія, критика, учебники, руководства и пр. пособія; однимъ словомъ, научныя изслѣдованія въ области филологіи. Программа по возможности будетъ расширяться въ предѣлахъ, указанныхъ выше; въ изданіе будутъ время отъ времени вноситься нѣкоторыя улучшенія.

Первые четыре выпуска «Ф. З». за 1899 г. (въ двухъ соединенныхъ книгахъ) дали читателямъ 35 печатныхъ листовъ, т. е. три листа сверхъ обѣщанной нормы (8 листовъ въ книгѣ) въ V вып. 10 листовъ.

Почтенные и безкорыстные сотрудники «Ф. З»., относившіеся всегда такъ задушевно къ покойному редактору, сочувственно откликнулись и на приглашеніе новой редакціи работать на пользу науки, воспитанія и обученія; къ числу ихъ присоединились и вновь желающіе участвовать въ трудахъ редакціи журнала. Сотрудники во главѣ съ редакціей составляютъ какъ бы одну дружную семью, энергично работающую на родной нивѣ просвѣщенія дорогой нашей родины. Печатный обмѣнъ мыслей, взглядовъ, завѣтныхъ думъ вызываютъ новыя идеи, вопросы, соображенія, проекты, планы, и вырабатывается такимъ образомъ нѣчто цѣлое; создаются новые методы преподаванія, руководства, учебники, пособія для преподавателей и учащихся и пр. Не даромъ же въ первые годы существованія журнала на обложкѣ «Ф. З». красовалась пословица: «Сто головъ—сто умовъ». Общими силами рѣшаются назрѣвшіе вопросы, а ихъ много. Задачъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія еще такъ много впереди.

Въ прошломъ читатели журнала «Ф. З». получили, кромѣ научныхъ, серьезныхъ статей за вѣской подписью академиковъ и профессоровъ, напр.: Ѳ. И. Буслаева, Я. К. Грота, А. Д. Галахова, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, А. А. Котляревскаго, П. А. Лавровскаго, Н. А. Лавровскаго, А. А. Потебни, И. И. Срезневскаго, А. А. Шлейхера, А. Н. Веселовскаго, В. И. Шерцля, О. Ѳ. Миллера, В. В. Макушева, И. В. Ягича, П. А. Сырку, Д. И. Нагуевскаго, А. И. Кирпичникова, А. С. Архангельскаго, Н. И. Карѣева, Д. В. Цвѣтаева, М. А. Колосова, А. И. Смирнова, Е. Ѳ. Будде, А. И. Маркевича, А. В. Богородицкаго, И. С. Некрасова, В. Ѳ. Пѣвницкаго, А. В. Говорова и др., учебники и разныя пособія, напр.: «Опытъ элементарнаго

руководства при изученіи рус. языка К. Г. Говорова, «Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики» И. Д. Четыркина (скоро выйдетъ 3-е изданіе, одобренное Ученымъ Комитетомъ Нар. Просв). «Синтаксисъ и христоматія въ литературныхъ образцахъ и пословицахъ» Ѳ. Г. Савенко, 4 курса «Методики Живое Слово для изученія родного языка» — А. В. Барсова, его же хрестоматія къ 1-му курсу; «Объяснительное чтеніе образцовыхъ произведеній» Г. А. Миловидова, «Теорія словесности» И. Н. Стефановскаго, «Къ изученію о славянскомъ глаголѣ» В. М. Добровскаго, «Разборъ образцовыхъ произведеній нашихъ писателей»: М. В. Куклина, С. Н. Брайловскаго, А. П. Флёрова и др.

Вотъ имена сотрудниковъ, участвовавшихъ въ послѣдніе годы въ «Ф. З».: П. А. Адамовъ, А. И. Анастасіевъ, В. Ѳ. Андреевъ, А. В. Барсовъ, С. Н. Брайловскій, проф. Е. Ѳ. Будде, Н. Ѳ. Буняковъ, Ѳ. Г. Болотниковъ, С. М. Бородинъ, М. Ѳ. Быстровъ, И. М. Бѣлоруссовъ, Н. Н. Вакуловскій, А. А. Васильевъ, Ю. Н. Верещагинъ, М. И. Великановъ, Н. М. Гальковскій, П. К. Горницкій, А. Е. Гороховъ, М. Б. Гуревичъ, В. М. Добровскій, М. А. Дроздовъ, К. В. Ельницкій, И. И. Замотинъ, В. И. Ивановскій, Е. А. Кале, П. С. Козловскій, І. К. Линдеманъ, проф. А. И. Маркевичъ, Г. И. Можаровъ, Д. А. Никольскій, Г. И. Недѣтовскій, Н. А. Подаринъ, И. А. Поликарповъ, Н. Н. Поповъ, С. Н. Прядкинъ, Н. К. Рамзевичъ, А. С. Рождествинъ, В. С. Рыбинскій, В. И. Рѣзановъ, В. Н. Сирочинскій, А. И. Соловьевъ, М. И. Соколовъ, А. И. Солоникіо, Б. Е. Сольчавскій, И. Н. Стефановскій, А. І. Степовичъ, И. Н. Смѣльницкій, Н. П. Тихомировъ, М. В. Тростниковъ, А. П. Флёровъ, А. А. Херувимовъ, А. А. Хованскій, М. А. Харламовъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, Н. В. Шеметова, И. Д. Четыркинъ, Д. Н. Ѳоминъ.

Журналъ, «Филол. Записки», выходитъ безсрочными выпусками, шесть разъ въ годъ, не менѣе 8 пе-

чатныхъ листовъ въ каждой книгѣ. При благопріятныхъ условіяхъ редакція надѣется еще больше увеличить объемъ журнала.

ЦѢНА годовому изданію 6 р. безъ пересылки, 7 р. съ перес., за границу 8 р. съ пер.

Контора журнала: «Филолог. Зап.», честь имѣетъ убѣдительнѣйше просить г.г. подписчиковъ своихъ дослать причитающіяся съ нихъ за предыдущіе годы деньги до 7 р. (цѣны журнала съ пересылкою).

ПОДПИСКА принимается въ Воронежѣ, въ конторѣ редакціи журнала: «Фил. Зап.», Старо-Москов. ул., д. № 20 (близъ Каменнаго моста).

Тамъ же можно получать изданіе «Ф. З.» за прежніе годы по 6 р. 50 к. съ перес. за шесть выпусковъ, а за каждый выпускъ отдѣльный по 1 р. 20 к. съ перес.; тамъ же продаются и отдѣльные оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ. Высылаются редакціей по требованію «Каталогъ брошюръ» безплатно, а «Указатель» статей за 39 лѣтъ за 40 к. съ перес. за 25 лѣтъ 30 к. съ пер., за 13 лѣтъ 25 к. съ пер. Всѣмъ подписчикамъ журнала на 1900 г. «Указатель» за послѣднія 13 лѣтъ будетъ высланъ безплатно.

Г.г. книгопродавцы могутъ получить журналъ: «Филологическія Записки», на слѣдующихъ условіяхъ:

журналъ за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто 6 р. 50 к. за 6 р. 20 к. съ пересылкою;

за 1899 и 1900 года вмѣсто 7 р. 6 р. 65 к. съ перес. за границу вмѣсто 8 р. 7 р. 60 к. съ пер.

отдѣльно за каждый выпускъ 1 р. 10 к. съ перес., за соединенные 2 выпуска 2 р. 20 к. съ пер.

Брошюры со скидкою съ рубля по 15 к.

Желающихъ подписаться на 1900 годъ на журналъ: «Фил. Зап.», редакція покорнѣйше проситъ заявить о томъ заранѣе, въ избѣжаніе разныхъ недоразумѣній и въ виду, напр., того, что сверхъ назначеннаго количества экземпляровъ для постоянныхъ подписчиковъ журнала, лишнихъ экземпляровъ печатается ограниченное число.

Редакторы { **С. Н. Прядкинъ.** **Б. О. Гаазе.**

Издательницы-наслѣдницы А. А. Хованскаго.

Редакція позволяетъ себѣ снова напомнить свою просьбу лицамъ, у которыхъ сохранились письма покойнаго А. А. Хованскаго, выслать или подлинники, или копіи съ нихъ (съ соблюденіемъ его правописанія): безъ нихъ не мыслимо продолженіе статьи: „Матеріалы для біографіи А. А. Хованскаго“.

Адресы редакторовъ { Сергѣя Никаноровича Прядкина — Халютинская ул., д. № $^2/_{21}$; Бертрама Освальдовича Гаазе — Поднабережная, д. Перковской, № 26.

ПАМЯТИ

Ивана Саввича Никитина

(рѣчь по случаю семидесятипятилѣтія со дня его рожденія: род. 21 сент. 1824 г.) *).

Сегодня, 21-го сентября, въ день семидесятипятилѣтія со дня рожденія дорогого нашего поэта И. С. Никитина, мы собрались здѣсь, чтобы почтить память его, почему священнымъ долгомъ своимъ считаю для себя напомнить Вамъ въ нѣсколькихъ словахъ о его жизни, указать на важнѣйшія черты души его и бѣгло прослѣдить, поскольку отразились симпатичныя стороны души его въ его поэтическихъ созданіяхъ.

---

*) Рѣчь, произнесенная въ Маріинской Воронежской женской гимназіи 21-го сентября 1899 г. (Рѣчь эта для печати увеличена нѣкоторыми детальными подробностями).

Починъ празднованія памяти Ивана Саввича Никитина въ день семидесятипятилѣтія со дня рожденія принадлежитъ комитету Никитинской въ городѣ Воронежѣ библіотеки. Послѣдній вошелъ съ предложеніемъ почтить память поэта, пѣвца горя, страданій, въ комитетъ Воронежской публичной библіотеки. Довели до свѣдѣнія городского самоуправленія; но, такъ какъ все дѣлалось чуть не наканунѣ празднованія, то пришлось подготовляться къ празднованію спѣшно, съ горячностью. Городское самоуправленіе рѣшило праздновать и на этотъ разъ довольно энергично: 1) постановило переименовать Малую Дворянскую улицу въ Никитинскую (на этой улицѣ былъ постоялый дворъ поэта) и на домѣ, въ которомъ жилъ онъ, прибить доску съ надписью, что въ немъ жилъ Иванъ Саввичъ Никитинъ; 2) приняло для обсужденія въ комиссію вопросъ объ обращеніи одной грязной, зараженной міазмами, площади въ паркъ и постановкѣ памятника поэта въ проектируемомъ паркѣ (было

I.

Дорогой нашъ поэтъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ росъ и воспитывался при благопріятныхъ условіяхъ. Родители его были добрые русскіе люди, державшіеся старинныхъ взглядовъ на воспитаніе. Отецъ его, Савва Евтѣевичъ, былъ человѣкъ зажиточный, по происхожденію изъ духовнаго сословія; у него былъ свѣчной заводъ, на которомъ приготовлялись восковыя свѣчи, и лавка для продажи ихъ—на самомъ бойкомъ мѣстѣ въ городѣ; торговые обороты его по тому времени были значительные (не менѣе ста тысячъ ассигнаціями въ годъ), и онъ не отказывалъ семьѣ ни въ чемъ; какъ происходившій изъ духовнаго сословія, начитанный и въ книгахъ религіознаго содержанія, и въ литературныхъ произведеніяхъ до-Пушкинскаго періода, онъ заботился по-своему о воспитаніи и образованіи своего сына. Мать И. С., Прасковья Ивановна, дочь воронеж-

---

бы прекрасно, если бы осуществилось это предположеніе: чуть не центръ города украсился бы садомъ съ памятникомъ, и городъ выигралъ бы въ гигіеническомъ отношеніи); 3) постановило учредить при духовной семинаріи, гдѣ учился поэтъ, стипендію (приведено въ исполненіе: за этотъ годъ внесено въ семинарію на стипендію *90 рублей*); 4) постановило открыть новую школу имени Никитина, 5) выдать 100 р. комиссіи народныхъ чтеній на устройство чтеній съ туманными картинами для учащихся, 6) чрезъ мѣстнаго г. губернатора обратилось къ г. попечителю Харьковскаго учебнаго округа съ ходатайствомъ о разрѣшеніи учащимся въ день рожденія поэта не учиться и принять участіе въ торжественной процессіи на могилу поэта. Къ несчастію, разрѣшеніе пришло въ день празднованія, когда уже въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ прошло два урока. Зависѣло это запозданіе всецѣло отъ того, что очень поздно обратились за этимъ разрѣшеніемъ въ учебный округъ. Результаты получились печальные: 1) преподаватели учебныхъ заведеній не могли, какъ слѣдовало, почтить память поэта произнесеніемъ рѣчей; 2) учащіеся, вслѣдствіе того,

скаго мѣщанина; она была женщина простая, добрая, богобоязненная; во всемъ она подчинялась своему мужу, человѣку съ крутымъ «нравомъ». Кромѣ того, у нашего поэта была симпатичная няня, которая, подобно нянѣ Пушкина, Аринѣ Родіоновнѣ, любила своего питомца, воспитывала его воображеніе на народныхъ сказкахъ, о чемъ самъ поэтъ нашъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній слѣдующее:

«Помню я: бывало няня,
Долго сидя за чулкомъ,
Молвитъ: «Баловень ты, Ваня:
Все дурачишься съ котомъ.
Встань, подай мою шубейку:
Что-то холодно... дрожу...
Да присядь вотъ на скамейку:
Сказку длинную скажу.
И старушка съ разстановкой
До полночи говоритъ.

что еще 20 сентября не было разрѣшенія отъ округа освободить ихъ отъ уроковъ, одни принимали участіе въ процессіи, другіе нѣтъ.

Далѣе, незамѣтно было надлежащаго подготовленія къ празднованію городомъ: 1) улица, по которой шли учащіеся къ могилѣ, не была подметена и не полита водой, а въ день памяти поэта былъ значительный вѣтеръ, почему дѣтямъ пришлось дышать известковой пылью отъ мостовыхъ; 2) на памятникѣ Кольцова, около котораго приходилось итти почитателямъ И. С. Никитина, лежала толстымъ слоемъ пыль; 3) около памятника на могилѣ И. С. Никитина не назначены были опредѣленныя мѣста для представителей разныхъ учрежденій, а также и для учащихся, почему послѣднимъ пришлось стоять вдали отъ памятника и среди публики, такъ какъ, тѣсное и безъ того мѣсто около надмогильныхъ памятниковъ Кольцова и Никитина, было уже занято пришедшими ранѣе участвовавшихъ въ процессіи. Не могло не возмущаться сердце мыслящихъ воронежцевъ при видѣ того, что съ двухъ сторонъ (на аршинъ разстоянія) прилегаетъ надмогильный высокій мавзолей, со стѣнами изъ металли-

Съ приподнятою головкой
Я сижу. Свѣча горитъ.
Пѣтухи давно пропѣли.
Поздно. Тянется ко сну...
Гдѣ-то дрожки прогремѣли...
И подъ говоръ я засну».

Обучилъ грамотѣ И. С. сапожникъ и—по тому времени довольно рано: восьми лѣтъ, въ 1832 году, онъ уже былъ опредѣленъ въ Воронежское духовное училище,—въ духовное учебное заведеніе, вѣроятно, въ силу того, что отецъ его происходилъ изъ духовнаго сословія и по стариннымъ традиціямъ предпочелъ отдать сына не въ свѣтское училище, какъ сдѣлали родители Кольцова, другого нашего поэта-воронежца, а въ духовное. По окончаніи курса въ Воронежскомъ духовномъ училищѣ И. С. въ 1841 году поступилъ въ мѣстную духовную семинарію, въ которой тогда система преподаванія отличалась рутинностью, о чемъ нашъ поэтъ говоритъ

ческой рѣшотки, съ желѣзною крышею,—мавзолей сарайной архитектуры, въ который было впущено много лицъ. Слѣдовательно, съ двухъ сторонъ къ памятнику доступъ былъ невозможенъ, и чрезъ рѣшотку мавзолея—сарая и лицъ, тамъ находившихся, нельзя было видѣть памятника, украшеннаго вѣнками, а также трудно было слушать совершаемую панихиду духовенствомъ, во главѣ котораго былъ викарный преосвященный Іосифъ, епископъ Острогожскій.

Такимъ образомъ, повторилось почти то же при праздновaніи памяти И. С. Никитина, что было въ 1892 г. 19 октября, т.-е. въ день празднованія памяти А. В. Кольцова по истеченіи пятидесятилѣтія со дня смерти послѣдняго. Жаль, если городъ не приведетъ въ исполненіе всего того, что предположено относительно увѣковѣченія памяти И. С. Никитина, какъ это совершилось въ отношеніи къ памяти А. В. Кольцова (см. ст. о послѣднемъ въ III—IV вып. «Филолог. Записокъ» за 1899 г.); жаль, если городъ не позаботится привести въ исполненіе свое разумное предположеніе заставить владѣльца мавзолея снести это сооруженіе, дать воздуху, свѣту воронежскимъ поэтамъ.

въ своемъ «Дневникѣ семинариста». Кончить курса въ семинаріи не пришлось (онъ вышелъ въ 1843 году), потому что еще раньше, вслѣдствіе упадка торговыхъ оборотовъ, отецъ его з а п и л ъ, а за нимъ тоже стала дѣлать и мать, которая скоро умерла (1843 г.) Отецъ его, пораженный смертью жены, сталъ пить еще больше и въ состояніи опьяненія «бушевать»; нерѣдко бросалъ онъ, подъ вліяніемъ чащи горькаго, въ сына все, что только попадалось ему подъ руку: стаканъ, солонку, огурцы... Страданіямъ поэта не было конца: приходилось терпѣть и вслѣдствіе потери матери, и вслѣдствіе недостатка матеріальныхъ средствъ, невоздержности отца словомъ и дѣломъ, а также враждебно-насмѣшливаго отношенія торговаго сословія, въ особенности въ то время, когда поэту пришлось лишиться лавки и торговать свѣчами на столикѣ, подъ открытымъ небомъ; но онъ терпѣливо выносилъ все, подкрѣплялъ свои силы вѣрою въ Промыслъ Божій, находилъ для себя утѣшеніе въ чтеніи произведеній Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Бѣлинскаго, своихъ дорогихъ учителей, и читалъ часто на сѣновалѣ, такъ какъ въ это время онъ, принужденный разстаться съ торговлей свѣчами, добывалъ средства къ существованію другимъ путемъ: обратился въ содержателя и дворника постоялаго двора, единственнаго достоянія, оставшагося отъ прежняго богатства. Въ это время ему приходилось быть на ногахъ и днемъ, и ночью: то встрѣчать, то провожать крестьянъ, занимавшихся извозомъ,—выслушивать пѣсни пьяныхъ, ссоры и т. д.,—все это тяжело дѣйствовало на отзывчивое сердце И. С., подготовляло тѣ недуги, которые были причиною преждевременной его смерти. Но простой народъ цѣнилъ «С а в е л ь и ч а» (такъ звалъ онъ Ивана Саввича)—дворника, почему, несмотря на то, что постоялый дворъ былъ не на бойкомъ мѣстѣ, заѣзжающихъ крестьянъ было много, и это дало возможность нашему поэту построить новый флигель. Исполняя тяжелую обязанность хозяина-дворника, иногда кухарки, нашъ поэтъ свободные ча-

сы посвящалъ самообразованію; отпуская овесъ, сѣно, онъ обдумывалъ ту или другую идею, занимался по ночамъ творчествомъ, но почти никому не повѣрялъ своихъ завѣтныхъ думъ, никому не читалъ своихъ созданій, которыя выливались у него прямо изъ сердца. Скромность его не позволяла ему долго печатать своихъ стихотвореній. Наконецъ, онъ рискнулъ послать для пробы нѣкоторыя изъ нихъ въ редакцію «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» безъ подписи (съ иниціалами И. Н.), въ которыхъ принимали тогда участіе видные воронежскіе дѣятели; но не довелъ дѣло до конца: редакція отозвалась о присланныхъ стихотвореніяхъ одобрительно и просила автора назвать ей свое имя, безъ чего, по условіямъ цензурнымъ, нельзя было печатать стихотвореній, и нашъ скромный поэтъ не отозвался на призывъ редакціи. Только въ 1851 г., когда послалъ въ ту же газету стихотвореніе: «Русь», онъ заявилъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ посланныя стихотворенія, за подписью И. Н., принадлежатъ ему. Чуткіе къ прекрасному и благородные работники «В. Г. В.» были въ восторгѣ отъ стихотворенія и, тотчасъ же отыскавъ И. С., ввели въ свой кружокъ. Въ числѣ этихъ дѣятелей особенное вниманіе на поэта обратилъ извѣстный просвѣщенный человѣкъ того времени Н. И. Второвъ. Съ 1851 г. И. С. Никитинъ дѣлается извѣстнымъ на Руси, какъ даровитый поэтъ. Просвѣщенные люди г. Воронежа стремятся знакомиться съ нимъ и сдѣлать его печальную жизнь болѣе легкой, но нашъ поэтъ живетъ попрежнему — исключительно на средства, которыя доставались ему дорогою цѣною: такъ какъ обстановка, жизнь на постоялномъ дворѣ, пьющій отецъ и многое другое не могли не отразиться гибельно на его атлетическомъ отъ природы организмѣ. Правда, жизнь въ послѣднее десятилѣтіе была для него свѣтлѣе, лучезарнѣе; но недуги физическіе все увеличивались, и, когда онъ открылъ первый въ Воронежѣ книжный магазинъ, бросилъ свой постоялый дворъ, — здоровье его было значительно расшатано. Боязнь

не уплатить долга, который онъ сдѣлалъ при открытіи магазина, взявъ деньги на честное слово (денегъ ссудилъ ему 2,000 р. г. Кокоревъ); одиночество и невозможность при болѣзненности избѣгнуть его, безпокойный буянъ-отецъ заставляли его работать часто не по силамъ, несмотря на развивавшуюся быстро чахотку... Даже и умереть ему не пришлось спокойно: послѣдніе часы жизни отравлялъ ему разбушевавшійся отецъ (за то, что сынъ оставилъ духовное завѣщаніе, по которому книжный магазинъ былъ завѣщанъ не ему) своею грубою рѣчью: «Кому отказываешь магазинъ? Гдѣ ключи?.. Гдѣ деньги?» и т. п. *). О тяжести своей не долговременной, но страдальческой жизни онъ говоритъ въ элегіи: «Вырыта заступомъ яма глубокая»... слѣдующими стихами:

«Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая,
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла»... замерла преждевременно, въ расцвѣтѣ силъ, 16 октября 1861 г.

II.

Тяжелъ бываетъ переходъ въ жизни человѣка, когда онъ, живя при всѣхъ удобствахъ, при полной обезпеченности, лишается почти всего, особенно—въ тѣхъ случаяхъ, когда при этомъ разбиваются завѣтныя мечты. Подобное пережилъ И. С. Н., когда матеріальное достояніе его отца, благодаря разнымъ обстоятельствамъ, пошло прахомъ; когда нашему дорогому поэту со школьной скамьи, привыкшему къ франтовскому костюму, пришлось продавать восковыя свѣчи, посуду и проч. на столикѣ вм. прежней продажи въ богатой лавкѣ; выслушивать тяжелыя насмѣшки отъ кулаковъ-

*) Біографія Никитина: «Иванъ Саввичъ Никитинъ», составленная М. Θ. Де-Пуле.

торгашей, присутствовать въ домѣ, гдѣ пили горькую отецъ и мать, и все это послѣ того, когда онъ лелѣялъ мысль учиться въ университетѣ!... Нужно имѣть желѣзную силу воли, чтобы перенесть все это; необходимо имѣть адское терпѣніе, чтобы всю жизнь прожить съ пившимъ горькую отцомъ и постоянно буянившимъ! Только именно терпѣніе, сила воли, сознаніе долга сыновняго въ отношеніи къ отцу, а также горячая вѣра въ Бога дали ему возможность не дойти до отчаянія. Глубокое его религіозное чувство сказалось, напр., въ томъ интересѣ, съ которымъ онъ слѣдилъ въ послѣдній годъ своей жизни за всѣмъ, что касалось важнѣйшаго событія для каждаго воронежца: открытія мощей Святителя Тихона Задонскаго 13 авг. 1861 года.

Какъ питомецъ идеалистической школы, онъ съ жаромъ читалъ все, попадавшееся ему въ журналахъ и имѣвшее глубокій интересъ, особенно—произведенія выдающихся писателей и статьи гремѣвшаго тогда по всей мыслящей Руси Бѣлинскаго. Его чистое сердце искало наслажденій въ идеальныхъ образахъ, въ картинахъ природы, которую онъ любилъ, и которая облегчала ему, какъ иногда и Лермонтову, горечь жизни. Саморазвитіе И. С. Никитина сказалось въ пониманіи жизни, въ отношеніи ко всему родному: природѣ, жизни, отечеству. Отзывчивость сердца, религіозность, глубокое пониманіе жизни, тяжелое матеріальное положеніе, «бѣдность горемычная» окружавшей его среды, тяжелое жизненное бремя крѣпостныхъ, а также крестьянъ, занимавшихся «извозомъ», ямщичествомъ; горькая доля «жены ямщика», бѣдствующаго портного,—все это было причиною того, что онъ былъ до боли сердца отзывчивъ на горе другихъ, напр.: онъ скорбѣлъ о томъ, что не зналъ о тяжести жизни одного знакомаго своего портного (изображеннаго въ поэмѣ: «Портной»), погибшаго въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба.

Желая отклика на любовь родной по духу дѣвушки, имѣя возможность облегчить свою одинокую жизнь,

онъ отказываетъ себѣ въ этомъ, руководясь сознаніемъ, что здоровье его слабое; что негуманно, безнравственно поселить возлюбленную въ домѣ, на постояломъ дворѣ, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ жилъ пьяница-отецъ, и И. С. не давалъ хода своему чувству любви, несмотря на то, что ему высказывали свое сочувствіе, даже преданность—дѣвушки съ большими умственными и нравственными достоинствами. Вотъ (при бѣгломъ взглядѣ) черты души, которыми обладалъ нашъ дорогой И. С. Никитинъ, нашъ поэтъ-страдалецъ... Вотъ почему на Руси цѣнятъ его, какъ человѣка, какъ христіанина, какъ гражданина, любившаго «Русь державную», свою «родину православную»; гордившагося побѣдами надъ разными врагами ея («Русь»). Но ярче всѣхъ, красною нитью, проходитъ чрезъ всю его жизнь, вслѣдствіе разныхъ причинъ, одна характерная черта души—замкнутость въ себѣ самомъ, почему его часто не понималъ и такой преданный ему человѣкъ, какъ Н. И. Второвъ, несправедливо поэтому обвинявшій его въ кулачествѣ. Никому и никогда въ теченіе всей своей кратковременной жизни Никитинъ, нашъ пѣвецъ горя, страданій, не довѣрялъ вполнѣ, искренно, беззавѣтно; кромѣ пера и бумаги, на которой онъ при помощи пера и чернилъ «воплощалъ боль сердца въ звуки»; во время творчества отдыхала его измученная, страдальческая душа. Иначе и быть не могло: такъ сложилась его жизнь, не было у него друга въ дѣтствѣ, не нашлось его въ юности, когда онъ учился въ семинаріи; не установились искреннія, сердечныя отношенія между имъ и отцомъ; не было у него возлюбленной, которой онъ могъ бы излить адъ души своей; безотрадна вообще была его жизнь и потому, что ему пришлось до гробовой доски дрожать изъ-за куска хлѣба, избѣгать общенія съ людьми. Вотъ почему творчество было его якоремъ, надеждою, спасеніемъ, хотя на мгновеніе, отъ страданій. Какъ тяжела была его жизнь вслѣдствіе одиночества, борьбы за свободу, изъ-за куска хлѣба, объ этомъ онъ говоритъ слѣдующее, обра-

щаясь къ бѣдности, какъ главной причинѣ, порождавшей его страданія:

«Ахъ, ты, бѣдность горемычная,
Дома въ горѣ терпѣливая,
Къ куску черствому привычная,
Въ чужихъ людяхъ боязливая!
Всѣмъ ты, робкая, въ глаза глядишь,
Сирота, стыдомъ убитая;
Къ богачу придешь,—въ углу стоишь,
Безпривѣтная, забытая.
Ты плывешь,—куда водой несетъ;
Стороной бредешь,—гдѣ путь дадутъ;
Просишь солнышка,—гроза идетъ;
Скажешь правду,—силой ротъ зажмутъ.
У тебя весна безъ зелени,
А любовь твоя безъ радости,
Твоя радость безо времени,
Немочь съ голодомъ при старости;
Вѣкъ ты мучишься да маешься,
Все на сердцѣ грусть великая;
Съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься,
На могилѣ травка дикая».

Въ этомъ стихотвореніи поэтъ высказалъ почти все, что грызло его сердце въ теченіе всей его жизни: здѣсь видна и застѣнчивость вслѣдствіе бѣдности, и тоска вслѣдствіе того, что сердце требовало любви, отвѣта, а ни того, ни другого не было; и убѣжденіе, что жизнь его будетъ безотрадною до гроба: «съ бѣлымъ свѣтомъ ты разстанешься,—на могилѣ травка дикая», говоритъ онъ въ приведенномъ выше стихотвореніи.

III.

«Я воплощалъ боль сердца въ звуки»...
(Изъ поэмы: «Кулакъ»).

Тяжелое, часто безысходное горе преслѣдовало нашего поэта всю жизнь:

«Я радъ молчать о горѣ старомъ,
Мнѣ къ чернымъ днямъ не привыкать»...

говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній въ 1860 году; а черные дни, дѣйствительно, были, начиная съ юности, о чемъ мы читаемъ въ слѣдующихъ его стихахъ того же года:

«Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Радъ бы забыть васъ, да что жъ мнѣ останется,
Чѣмъ моя жизнь при бездольи помянется?»

Радостей въ жизни его было мало,—радостей, которыя поддерживаютъ бодрость духа, заставляютъ даже умирающаго улыбаться; больше его мучила «кручинушка, ночь безъ разсвѣта». Вотъ что объ этомъ говоритъ онъ самъ въ своемъ одномъ дивномъ стихотвореніи:

«Ахъ, у радости быстрыя крылья,
Золотыя да яркія перья!
Прилетитъ,—вся душа встрепенется,
Передъ смертью больной улыбнется!
Ужъ зазвать бы мнѣ радость обманомъ,
Задержать и мольбою, и лаской:
Отъ тумана глаза бъ прояснились,
На веселый ладъ пѣсни бъ сложились...
Ты, кручинушка, ночь безъ разсвѣта,
Безъ разсвѣта да съ холодомъ, съ вѣтромъ...
При тебѣ—вся краса изсушится,
При тебѣ въ головѣ помутится.
Ужъ и будь ты, кручинушка, пепломъ,—
Весь бы по полю въ бурю развѣялъ:
Пусть бы травушка въ полѣ горѣла,
Да на сердцѣ смола не кипѣла».

Жизнь, по представленію поэта, безотрадна, и счастливъ тотъ, кто съ нею распростился, особенно въ лѣта дѣтства, когда ребенокъ, подобно птичкѣ Божіей, еще не знаетъ заботъ, печали, горя, страданій. Вотъ почему пѣвецъ страданій почивающему въ могилѣ не-

пробуднымъ сномъ дитяти, если бы и была возможность проснуться, желаетъ непробуднаго сна:

«Спи, дитя! Едва ли
Стоитъ просыпаться,
На людское горе
Сердцемъ надрываться.
Наша жизнь земная,
Право, незавидна;
Спи, дитя родное:
Суждено такъ, видно.
Сонъ твой—сонъ отрадный:
Крестъ и камень бѣлый
Надъ твоей могилкой
Солнышко пригрѣло;
Перелетнымъ гостьямъ
Благодать святая—
Въ ямочкѣ на камнѣ
Влага дождевая:
Пьетъ шалунья-птичка,
Брызги разсыпаетъ,
Чуткій слухъ малютки
Пѣснями ласкаетъ»

«Могила дитяти» (1859 г.).

Такое пониманіе жизни дало возможность И. С. Никитину и по бѣглымъ впечатлѣніямъ, полученнымъ на постояломъ дворѣ при наблюденіи надъ мужичками, русскими пахарями, въ общихъ штрихахъ набросать картины страданій народа вслѣдствіе разныхъ причинъ,—по бѣглымъ впечатлѣніямъ, потому что нашъ поэтъ не имѣлъ возможности, какъ Некрасовъ, изучить народной жизни на мѣстѣ, въ деревняхъ, въ сѣверной столицѣ, но тѣмъ не менѣе онъ понималъ эту тяжелую жизнь своимъ чуткимъ сердцемъ, самъ переживалъ горе пахаря тѣмъ же сердцемъ. Вотъ почему во всѣхъ его поэтическихъ созданіяхъ чувствуется сила, искренность, задушевность,—нѣтъ той дѣланности, какую мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Некрасова, которому нашъ поэтъ, въ силу указанной причины,

уступаетъ въ широтѣ захвата жизни; но зато изображаемое Никитинымъ народное горе отзывается въ сердцѣ читателя, пробуждаетъ въ послѣднемъ стремленіе итти на помощь къ страдающимъ.

Причины страданій изображенныхъ имъ людей разнообразны: 1) стонетъ мать чрезъ дочь, которая заглушила голосъ своей совѣсти чашей горькаго; 2) страдаетъ жена ямщика, получивъ внезапно вѣсть о смерти мужа («Жена ямщика»),—вѣсть, которую привозитъ ей изъ Москвы ея сосѣдъ:

«И мужикъ плечистый
Сильно дверь рванулъ,
На порогѣ съ шапки
Иней отряхнулъ.
Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:
— «Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?..
Экая погодка:
Въ полѣ слѣду нѣтъ!
Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ».
«А мой мужъ?» спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣе снѣга
Сдѣлалась она.
— «Да въ Москву пріѣхавъ,
Вдругъ онъ захворалъ,
И Господь бѣднягѣ
По душу послалъ».
Вѣсть, какъ громъ, упала...
И, едва жива,
Перевесть дыханья
Не могла вдова»...

3) пьетъ чашу горькаго Пантелей, желая заглушить свое горе («Ссора»): встрѣтивъ на улицѣ сосѣда, виновника своего счастья, онъ

. . . . . «во всю мочь развернулся
Да какъ хватитъ сосѣда съ размаху въ високъ,
И не охнулъ,—бѣднякъ протянулся.
Ввечеру Пантелей ужъ сидѣлъ въ кабакѣ
И, слегка подгульнувъ съ бурлаками,
Крѣпко руку свою прислонивши къ щекѣ,
Пѣсни пѣлъ, заливаясь слезами»...

4) погибаетъ чрезъ клевету старый слуга («Старый слуга»), 5) не знаетъ покоя старикъ, видя, какъ мачеха издѣвается надъ своими пасынками, его дѣтьми («Старикъ другоженецъ»), и упрекаетъ онъ свата за то, что сосваталъ ему молодую жену свардивую, бранливую:

«Удружилъ ты мнѣ, сватъ, молодою женой!
Стала жизнь мнѣ и радость не въ радость:
День и ночь ни за что она споритъ со мной
И бранитъ мою бѣдную старость;
Ни за что, ни про что малыхъ пасынковъ бьетъ
Да заводитъ съ сосѣдями ссоры...
. . . .
Погубилъ я дѣтей, погубилъ свою кровь:
Доканаетъ ихъ мачеха злая!»

6) не спитъ бѣдная больная старушка: она

«Думаетъ—гадаетъ
Про своихъ сиротъ:
Кто ихъ приласкаетъ,
Какъ она умретъ!
Горемыки-дѣтки,
Долго ли до бѣдъ!
Оба малолѣтки,
Разуму въ нихъ нѣтъ:
Какъ начнутъ шататься
По дворамъ чужимъ,
Мудрено ль связаться
Съ человѣкомъ злымъ!»

(«Зимн. ночь въ деревнѣ»).

7) Задушевно изображено горе пахаря, причиненное смертью жены, сына и др. обстоятельствами, и пахарь этотъ идетъ въ бурлаки, чтобы заглушить свое горе («Бурлакъ»). 8) Другой пахарь страдаетъ потому, что нечѣмъ накормить, не на что одѣть дѣтей: у него недозрѣлую «колосистую рожь крупнымъ градомъ до корня» побило («Внезапное горе»)... 9) Особенно реально изображаетъ И. С. Никитинъ нужду, которая зависитъ отъ того, что у человѣка «безталанная доля»: эта доля

«Не уморитъ съ голода,
Не накормитъ досыта.
. . . .
Доля безталанная
Весь день потѣшается,
Растолкаетъ соннаго,—
Всю ночь насмѣхается,
Грозитъ мукой, бѣдностью,
Сулитъ дни тяжелые,
Смотрѣть велитъ соколомъ,
Пѣсни пѣть веселыя.
Пѣсни тѣ веселыя
Свистомъ покрываются,
Послѣ пѣсенъ въ три ручья
Слезы проливаются»
«Безталанная доля» (1857 г.).

При большемъ знакомствѣ поэта съ жизнью народа, конечно, онъ далъ бы намъ картины жизни народной, подобныя тѣмъ, какія мы находимъ у Кольцова и Некрасова; но онъ 1) обстоятельствами тяжелыми былъ прикованъ къ жизни въ городѣ, 2) мало жилъ...

Изображеніе родной среды, мѣщанской, у нашего поэта гораздо реальнѣй, подробнѣй. Это, конечно, объясняется тѣмъ, что Никитинъ отчасти самъ испыталъ тяжесть жизни, отчасти наблюдалъ эту жизнь постоянно, живя въ Воронежѣ, вращаясь среди лицъ, подобныхъ изображеннымъ имъ въ стихотвореніяхъ: «Портной», «Хозяинъ», и въ поэмѣ: «Кулакъ». Нелегко было поэту

нашему изображать нищету, стоны, слезы, о чемъ онъ самъ говоритъ въ началѣ стихотворенія: «Портной»:

«Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя;
Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается:
Слышу я, слышу, чей плачъ разливается:
Бѣдность голодная, грязью покрытая;
Бѣдность несмѣлая, бѣдность забитая;
Днемъ она гибнетъ и въ полночь, и за полночь,
Гибнетъ она—и никто нейдетъ на-помочь;
Гибнетъ она—и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса...
Горькій полынь—эта пѣснь невеселая,
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!»

Мрачная картина нарисована въ послѣдн. стихотвореніи. Портной голоденъ; у него нетоплена хата; просить милостыню совѣстно, а работать немыслимо при названныхъ условіяхъ и при его болѣзненномъ состояніи. Предчувствуя приближеніе смерти, онъ собирается съ силами, идетъ на кладбище, чтобы заблаговременно упросить могильщика выкопать ему хоть неглубокую могилу. Дѣлаетъ онъ для того, чтобы избавить больную дочь отъ страданій: когда онъ умретъ, чтобы ей не пришлось просить объ этомъ:

«Вѣдь дочь-то, дочь моя больна!» говоритъ онъ:
«Куда просить пойдетъ она!
Кого?.. Ужъ пособи ты горю!
Платить-то нечѣмъ... я бы радъ,
Я заплатилъ бы... вырой, братъ!»

— «Земля-то, видишь ты, застыла», говоритъ могильщикъ:

«Рубить-то будетъ не легко».—
«Ты такъ... не очень глубоко,
Не очень... все-таки могила!
Просить и совѣстно,—нужда!»

Въ предсмертной агоніи онъ говоритъ только о больной своей дочери:

«Не кашляй! тише! кровь польется»...

Не веселѣе картина дана намъ Никитинымъ въ

стихотвореніи: «Хозяинъ». Хозяинъ гуляетъ по ночамъ, а жена одна дома съ дѣтьми, изъ которыхъ

«Любимый сынъ въ могилу сходитъ,
Другой давно сошелъ съ ума». Послѣдній,

взявъ палку вмѣсто скрипки, водитъ рукой по палкѣ и поетъ пѣсню; но вотъ онъ бросаетъ свой мнимый музыкальный инструментъ, закрываетъ лицо руками

«И плачетъ горькими слезами:
«Больно мнѣ! больно мнѣ! мозгъ мой горитъ.
Счастье тому, кто въ могилѣ лежитъ!
Мать моя, матушка! полно рыдать!»...

Другой сынъ, любимый матерью, больной,

«Горѣлъ на медленномъ огнѣ;
Сказать хотѣлъ онъ: дайте мнѣ
Хоть умереть безъ слезъ и муки!
Ужель не могъ я отъ судьбы
Дождаться мира въ часъ кончины
За годы думы и кручины,
За годы нитки и борьбы?»..

Трагизмъ положенія несчастной матери увеличивается возвратившимся пьянымъ хозяиномъ, который заявляетъ о своемъ прибытіи словами:

«Ну, отпирай! заснули скоро!» и при этомъ ударяетъ въ ставень кулакомъ. Заканчивается это произведеніе слѣдующими потрясающими душу стихами:

«Печальный домъ, пріютъ раздора!
Нѣтъ, тяжело срывать покровъ
Съ твоихъ таинственныхъ угловъ,—
Срывать покровъ, какъ уголь, черный!
Угрюмъ твой видъ, какъ гроба видъ,
Какъ мѣсто казни, гдѣ стоитъ
Съ желѣзной цѣпью столбъ позорный,
И плаха съ топоромъ лежитъ!
За то, что здѣсь такъ мало свѣта,
Что воздухъ солнцемъ не согрѣтъ,—
За то, что нѣтъ на мысль отвѣта,—
За то, что радости здѣсь нѣтъ,
Ни ласкъ, ни милаго объятья,—

За то, что гибнетъ человѣкъ,
Я шлю тебѣ мои проклятья,
Чужой оплакивая вѣкъ!»

Много и въ поэмѣ: «Кулакъ», мѣстъ, рисующихъ трагическое положеніе лицъ, изображенныхъ въ этомъ произведеніи. Припомнимъ, напр., тотъ моментъ, когда Лукичъ проситъ у зятя на погребеніе жены и прежде, чѣмъ получить помощь отъ него, выслушиваетъ упреки и наставленія своего безсердечнаго родича. Вотъ это мѣсто, изображающее трагизмъ Лукича:

«Лукичъ вошелъ, перекрестился,
Сказалъ, что умерла жена,
Что погребенья ждетъ она,
И зятю въ поясъ поклонился.

. . . .

«Не позабудь, къ примѣру, въ горѣ»...
— «Вотъ ключъ позвольте отыскать...
Я много не могу вамъ дать,
Не то, что... да-съ... нѣтъ денегъ въ сборѣ» —
«Не добивай, я такъ убитъ!»
— «О томъ никто не говоритъ.
Насчетъ того съ, оно, конечно,
Родню позабывать грѣшно,
Да, вѣдь, грѣшно и жить безпечно...
Да-съ! поскользнетесь неравно!
На васъ вотъ тулупишка рваный,
Да пальцы изъ сапогъ торчатъ,
А вы намедни были пьяны...
Выходитъ, кто же виноватъ?» —

. . . .

«Мнѣ стыдно! Богомъ умоляю!
Подумай, выручи!»...
— «Опять!
Охота вамъ слова терять...
Нельзя-съ! По чести завѣряю...
Рубль серебра извольте—дамъ»...—
«Такъ я, выходитъ, по домамъ
На тѣло мертвое сбираю...

Къ чему ты говоришь про честь?
Вѣдь, я не нищій: я твой тесть;
Вѣдь, я прошу не подаянья,
Въ заемъ, ты слышишь или нѣтъ?»...
— «А я даю изъ состраданья,
Не то, что, дасъ! И мой совѣтъ—
Не надо брезгать»... Вступается за отца дочь и проситъ позволенія у мужа отдать тѣ деньги, которыя онъ ей подарилъ на платокъ. Зять отдалъ ихъ. Лукичъ, выслушавъ еще послѣ этого наставленія зятя, уходитъ:

«Старикъ молчалъ и вышелъ вонъ.
О чемъ, бѣдняга, думалъ онъ?
А, вѣрно, думою печальной
Былъ оглушенъ: на рынокъ шелъ
И, Богъ вѣсть, почему забрелъ
Въ какой-то переулокъ дальній;
Опомнившись, взглянулъ кругомъ
И назвалъ зятя подлецомъ».

Надежда Лукича не оправдалась: богатый зять не далъ бы и на погребеніе тещи, если бы этого не потребовала дочь умершей; нечего, слѣдовательно, было ожидать отъ богатой родни. Особенно пораженъ былъ Лукичъ, когда открылась тайна: дочь, выданная имъ замужъ силою, страдала... Лукичъ умолялъ зятя дать ему какое-нибудь дѣло, чтобы хоть подъ старость загладить свои грѣхи, пожить честно; но просьба его не была услышана, и несчастный принужденъ былъ доживать послѣдніе годы жизни кулакомъ, чтобы не умереть съ голоду, чтобы заработать на выпивку въ кабакѣ, которая облегчала его страданія. Вотъ что побудило пѣвца страданій «воплотить боль сердца въ звуки» при произнесеніи надъ Лукичомъ своего суда:

«Бѣднякъ! бѣднякъ! печальной доли
Тебя урокъ не вразумилъ!
Своихъ цѣпей ты не разбилъ,
Послушный рабъ безсильной воли!
Ты понималъ, что честный трудъ

И путь иной тебѣ возможенъ;
Что ты, добра живой сосудъ,
Не совершенно уничтоженъ:
Ты плакалъ и на помощь звалъ...
Подхваченный нужды волнами,
Въ послѣдній разъ взмахнулъ руками
И... въ грязномъ омутѣ пропалъ!»...

Особенно тяжелою грустью проникнуты заключительныя строки поэмы: «Кулакъ», въ которыхъ изображается отношеніе поэта къ Лукичу, какъ жертвѣ тяжелыхъ жизненныхъ обстоятельствъ:

«Прощай, Лукичъ! Не разъ съ тобою,
Когда мой домъ объятъ былъ сномъ,
Сидѣлъ я, грустный, за столомъ,
Подъ гнетомъ думъ, ночною порою!
И мнѣ по твоему пути
Пришлось бы, можетъ-быть, итти,
Но я избралъ иную долю...
Какъ узникъ, я рвался на волю...
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!
Во благо ль? Небесамъ извѣстно...
Но блага я просилъ у Нихъ!
Не ради шутки, не отъ скуки
Я, какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ:
Я воплощалъ боль сердца въ звуки!
Моей душѣ была близка
Вся грязь и бѣдность Кулака!
Мой братъ! никто не содрогнется,
Теперь взглянувши на тебя!
Пройдетъ, быть—можетъ, посмѣется,
Потѣху пошлую любя...
Ты сгибъ, но велика ль утрата?
Васъ много! Тысячи кругомъ,
Какъ ты, погибли подъ ярмомъ

Нужды, невѣжества, разврата!
Придетъ ли, наконецъ, пора,
Когда блеснутъ лучи разсвѣта;
Когда зародыши добра
На почвѣ, солнцемъ разогрѣтой,
Взойдутъ, созрѣютъ въ свой чередъ
И принесутъ сторичный плодъ;
Когда минетъ проказа вѣка,
И воцарится честный трудъ;
Когда увидимъ человѣка,
Добра божественный сосудъ?»...

Приведенныя мѣста изъ разныхъ произведеній въ высшей степени реально рисуютъ намъ, съ одной стороны, страданія людскія вслѣдствіе разныхъ причинъ, съ другой—говорятъ намъ о томъ, что преждевременно сошедшій въ могилу нашъ дорогой поэтъ страданія ближнихъ переживалъ въ своемъ сердцѣ, о чемъ онъ говоритъ въ приведенныхъ выше стихахъ; «Я воплощалъ боль сердца въ звуки»...

Только «чуткіе люди» въ состояніи понять весь адъ души страдающихъ, проникнуть въ ихъ тайники сердца, жить съ ними одною жизнью. Къ числу такихъ «чуткихъ людей» должно отнести и И. С. Никитина; слѣдовательно, чтобы быть близкимъ къ нему, нужно было имѣть душу, подобную его душѣ. Вотъ почему онъ жилъ одинъ, замкнувшись самъ въ себя; не повѣрялъ никому того, что хранилось въ глубинѣ сердца, жгло огнемъ его; вотъ почему вполнѣ не понимали нашего поэта даже и самые близкіе ему люди. Только бумагѣ онъ ввѣрялъ свое святое; только природа и вѣра въ смыслъ жизни, въ назначеніе человѣка, въ Промыслъ Божій доставляли ему временный покой отъ тревогъ земныхъ. Вотъ почему въ произведеніяхъ его мы находимъ рядъ картинъ природы, съ любовью изображенныхъ имъ при помощи звучнаго стиха; вотъ почему въ его созданіяхъ есть такія строки и цѣлыя произведенія, которыя проникнуты глубокимъ религіознымъ чувствомъ.

Между прочимъ, въ поэтическихъ его описаніяхъ

мы находимъ указанія на то, какъ благодѣтельно на него вліяла природа. Вотъ одно изъ такихъ стихотвореній, въ которомъ онъ самъ намъ говоритъ объ этомъ вліяніи:

«Раскинулось поле волнистою тканью
И съ небомъ слилось темносинею гранью,
И въ небѣ прозрачномъ щитомъ золотымъ
Блестящее солнце сіяетъ надъ нимъ;
Какъ по морю, вѣтеръ по нивамъ гуляетъ
И бѣлымъ туманомъ холмы одѣваетъ,
О чемъ-то украдкой съ травой говоритъ
И смѣло во ржи золотистой шумитъ.
Одинъ я... и сердцу, и думамъ свобода...
Здѣсь мать моя, другъ и наставникъ—природа.
И кажется жизнь мнѣ свѣтлѣй впереди,
Когда къ своей мощной, широкой груди
Она, какъ младенца, меня допускаетъ
И часть своей силы мнѣ въ душу вливаетъ».
(«Поле» 1849 г.).

Такое же магическое дѣйствіе имѣлъ на поэта съ самаго ранняго дѣтства лѣсъ, «молчаніе нѣмое» котораго и «таинственный языкъ» были для него «чѣмъ-то близкимъ, роднымъ». Дорогъ былъ лѣсъ для И. С. Никитина, потому что онъ оживлялъ его, облегчалъ его тоску, часто тяжелую, невыносимую:

« . . . . . снова прихожу», говоритъ онъ въ своемъ стихотвореніи, обращаясь къ лѣсу:

«Къ тебѣ съ тоской моей безплодной,
Опять на сумракъ твой гляжу
И голосъ слушаю свободный.
И, можетъ-быть, въ твоей глуши,
Какъ узникъ, волей оживленный,
Забуду скорбь моей души
И горечь жизни обыденной».

И поэтъ горячей любовью заплатилъ природѣ за свой временный покой тѣмъ, что изобразилъ разныя явленія ея, предметы: лѣсъ, дубъ, береза, степь, степ-

ная дорога, вечеръ, вечеръ послѣ дождя, ночь, встрѣча зимы, утро на берегу озера, буря, осень («19 октября») и т. п. художественно изображены Никитинымъ.

Кто изъ насъ не знаетъ его чудныхъ стихотвореній, напр.: «Ярко звѣздъ мерцанье»... или: «Въ синемъ небѣ плывутъ надъ полями» и др... Что за дивная картина дана намъ поэтомъ и въ слѣдующемъ стихотвореніи!

«Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь-безлюдье вокругъ.
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ
Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ: воду морщитъ, рябитъ.
Понеслись утки съ шумомъ и скрылися.
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися,
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ, разгорается.
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло,—
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ,—пѣсню поетъ:
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце да утро веселое!»

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что природа, дѣйствительно, была его матерью, наставникомъ, другомъ,—была живымъ существомъ; во всѣхъ предметахъ, явленіяхъ онъ видѣлъ присутствіе смысла, непостижимой силы. Такое міросозерцаніе выработалось у него довольно рано: оно высказано имъ въ одномъ стихотвореніи 1849 года:

«Присутствіе непостижимой силы
Таинственно скрывается во всемъ:
Есть мысль и жизнь въ безмолвіи ночномъ
И въ блескѣ дня, и въ тишинѣ могилы,
Въ движеніи безчисленныхъ міровъ,
Въ торжественномъ покоѣ океана
И въ сумракѣ задумчивыхъ лѣсовъ,
И въ ужасѣ степного урагана,
Въ дыханіи прохладномъ вѣтерка
И въ шелестѣ листовъ передъ зарею,
И въ красотѣ пустыннаго цвѣтка,
И въ ручейкѣ, текущемъ подъ горою».

Видя во всемъ смыслъ, онъ глубоко вѣрилъ въ то, что вселенною управляетъ Высочайшее существо; что человѣкъ всецѣло находится во власти Его:

«Когда одинъ въ минуты размышленья»,

говоритъ поэтъ:

«Съ природой я бесѣдую въ тиши,
Я вѣрю: есть святое Провидѣнье
И кроткій миръ для сердца и души;
И грусть свою тогда я забываю,
Съ своей нуждой безропотно мирюсь
И Небесамъ невидимо молюсь,
И пѣснь мою, и слезы проливаю...
И сладко мнѣ!»... Природа, признаніе въ ней

смысла, вѣра въ Провидѣніе,—все это давало покой душѣ поэта. Умиротворяющимъ образомъ на него дѣйствовало и чтеніе книгъ Новаго завѣта, потому что въ этихъ книгахъ

...«Все въ чудно сжатой картинѣ
Представлено Духомъ Святымъ:
И міръ, существующій нынѣ,
И Богъ, управляющій имъ,
И сущаго въ мірѣ значенье,
Причина и цѣль, и конецъ,
И вѣчнаго Сына рожденье,
И крестъ, и терновый вѣнецъ.
Какъ сладко читать эти строки,

Читая, молиться въ тиши
И плакать, и черпать уроки
Изъ нихъ для ума и души!»

Но только глубокая, горячая вѣра въ Бога отрѣшаетъ отъ всего земного, врачуетъ болѣзни сердца, примиряетъ съ страданіями въ этомъ мірѣ,—вѣра, соединенная съ теплою молитвою Голгоѳскому Страдальцу, спокойно терпѣвшему насмѣшки. Представленіе распятаго на крестѣ, образъ Страдальца Голгоѳскаго за міръ, говоритъ поэтъ, невольно заставляетъ склонить колѣни предъ иконой и возносить «жаркую молитву». Поэтъ въ это время совершенно перерождается.

«И мнится мнѣ, слышу я шопотъ невнятный», говоритъ намъ онъ въ стихотвореніи: «Сладость молитвы:

И кто-то со мной въ полумракѣ стоитъ:
Быть-можетъ, незримо въ тотъ мигъ благодатный
Мой ангелъ-хранитель молитву творитъ,
И въ душу прольется мнѣ свѣтлая радость,
И смѣло на образъ тогда я взгляну,
И, чувствуя въ сердцѣ какую-то сладость,
На ложе я лягу и крѣпко засну». Въ противномъ случаѣ, т. е. при отсутствіи молитвеннаго настроенія, припоминается поэту міръ съ его суетою, мелочи, заботы, и сонъ бѣжитъ отъ его очей, и страшно становится ему, безотрадно:

«Бываютъ минуты,—тоскою убитый,
На ложѣ до утра безъ сна я сижу», говоритъ Никитинъ въ томъ же стихотвореніи:

«И нѣтъ на устахъ моихъ теплой молитвы,
И съ грустью на образъ святой я гляжу.
Вокругъ меня въ комнатѣ тихо, безмолвно...
Лампада въ углу одиноко горитъ,
И кажется мнѣ, что святая икона
Мнѣ въ очи съ укоромъ и строго глядитъ.

И дума за думой на умъ мой приходитъ,
И жаръ непонятный по жиламъ течетъ,
И сердце отрады ни въ чемъ не находитъ,
И волосъ отъ тайнаго страха встаетъ.
И вспомню тогда я тревогу желаній
И жгучія слезы тяжелыхъ утратъ,
Невѣрность надежды и горечь страданій,
И скрытый подъ маской тяжелый развратъ,—
Всю бѣдность и суетность нашего вѣка,
Всѣ мелочи жалкихъ, ничтожныхъ заботъ,
Все зло въ этомъ мірѣ, всю скорбь человѣка
И грозную вѣчность, и съ жизнью расчетъ».

Чтобы научить такой молитвѣ, Господь самъ молился, говоритъ нашъ поэтъ въ стихотвореніи: «Моленіе о чашѣ», и этимъ далъ намъ примѣръ: Учитель міра, преклонивъ колѣни, такъ молился:

«Отецъ! Отецъ! Мнѣ тяжело!
Мой умъ колеблется, темнѣетъ:
Все человѣческое зло
На Мнѣ единомъ тяготѣетъ;
Позоръ людской, позоръ вѣковъ,—
Все на себя я принимаю,
Но самъ подъ тяжестью оковъ,
Какъ человѣкъ, изнемогаю...
Отецъ! спаси же свой народъ!
Дай мнѣ на подвигъ укрѣпленье!
И Сынъ Твой съ радостью умретъ
Великой жертвой примиренья!...
И руки къ небу Онъ подъялъ
И весь въ молитву превратился...
Огонь лицо Его сжигалъ,
Кровавый потъ по Немъ струился.
И вдругъ съ безоблачныхъ небесъ,
Эдема блескомъ окруженный,
Явился въ садъ уединенный
Глашатай Божіихъ чудесъ...
Былъ чуденъ взоръ его спокойный,
И безмятежно, и свѣтло—

Одушевленное чело;
И ликъ сіялъ, какъ полдень знойный,
И близь Учителя онъ сталъ
И рѣчью свыше вдохновенной
Освободителя вселенной
На славный подвигъ укрѣплялъ
И самъ, подобный легкой тѣни,
Но полный благодатныхъ силъ,
Свои воздушныя колѣни
Съ молитвой пламенной склонилъ»...

Итакъ, всецѣло возношеніе ума и сердца во время молитвы къ Богу, по убѣжденію нашего поэта—христіанина, можетъ дать покой нашей душѣ, т. е. заставить насъ забыть про все земное. Только такая молитва возвышаетъ нашу душу, заставляетъ давать себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ, помышленіяхъ. Но мы слишкомъ привязаны къ землѣ; слишкомъ кипятъ въ насъ страсти, пороки; слишкомъ мы погружены въ расчеты «житейскаго моря», почему трудно намъ отдаться всецѣло молитвѣ. Это доступно только «глашатаю Божіихъ чудесъ», жителю «эдема» да невиннымъ существамъ, дѣтямъ, у которыхъ нѣтъ сомнѣнья; для которыхъ Господь приказалъ не заграждать пути къ Нему для благословенія ихъ. Вѣра ихъ чиста, молитва пламенна, и поэтъ проситъ Бога, чтобы у дитяти, съ возрастомъ его, не ослабѣвала вѣра. Такою молитва дѣтей представляется поэту въ его знаменитомъ стихотвореніи: «Молитва дитяти», которое мы здѣсь и приводимъ вполнѣ:

«Молись, дитя: сомнѣнья камень
Твоей груди не тяготитъ:
Твоей молитвы чистый пламень
Святой любовію горитъ.

Молись, дитя: тебѣ внимаетъ
Творецъ безчисленныхъ міровъ
И капли слезъ твоихъ считаетъ,
И отвѣчать тебѣ готовъ.

Быть-можетъ, ангелъ твой хранитель
Всѣ эти слезы соберетъ

И ихъ въ надзвѣздную обитель
Къ престолу Бога отнесетъ.
Молись, дитя; мужай съ лѣтами!
И дай Богъ, въ пору поздникъ лѣтъ
Такими жъ свѣтлыми очами
Тебѣ глядѣть на Божій свѣтъ!
Но, если жизнь тебя измучитъ,
И умъ, и сердце возмутитъ;
Но, если жизнь роптать научитъ,
Любовь и вѣру погаситъ,—
Приникни съ жаркими слезами,
Креста подножье обойми:
Ты примиришься съ Небесами,
Съ самимъ собою и людьми.
И вновь тогда изъ райской сѣни
Хранитель-ангелъ твой сойдетъ
И за тебя, склонивъ колѣни,
Молитву къ Богу вознесетъ».

Вѣра, вѣра искренняя, глубокая, кромѣ природы, чтенія книгъ, въ которыхъ свѣтитъ свѣтъ, и моментовъ поэтическаго творчества, давала жизнь поэту, возбуждала энергію, борьбу со зломъ; она не давала ему дойти до отчаянія при тяжелыхъ обстоятельствахъ жизни:

«Утраты, нужды и печали,
«Къ чему меня вы привели? спрашиваетъ онъ:
Какой мнѣ путь вы указали,
Какое благо принесли?
Гдѣ опора
Изъ темной пропасти исходъ?
Исходъ!... едва ли онъ возможенъ:
Душа на скорбь осуждена,
Уснуло сердце, умъ встревоженъ;
А даль темна, какъ ночь, темна». Что же остается человѣку при такомъ безотрадномъ состояніи души? Люди безъ идеаловъ, безъ любви къ прекрасному, безъ вѣры, доходятъ въ такихъ случаяхъ до полнаго отчаянія, и смерть для нихъ отрада. «Дни невесе-

лые, сердцу тяжелые»—для И. С. были явленіемъ почти обычнымъ, и нашему поэту, дѣйствительно, жилось въ высшей степени тяжело, почему онъ могъ ставить себѣ вопросъ: «Ужъ не пора ли лечь въ могилу?

Усопшихъ сонъ невозмутимъ»... вопросъ, который онъ тотчасъ же самъ старался рѣшить отрицательно, побуждаемый къ подобному рѣшенію вѣрою;

«О, Боже мой! пошли ты силу
И миръ душевный всѣмъ живымъ!»
«Я радъ молчать»... (стих. 1860 г.)

Развитію глубокаго религіознаго чувства у поэта нашего способствовала, между прочимъ, среда; бѣдные люди, которыхъ приходилось постоянно видѣть ему, и которые, несмотря на грозныя волны «житейскаго моря», несли до конца крестъ свой, руководясь вѣрою. Подобное явленіе въ жизни народа И. С. Никитинъ изобразилъ въ стихотвореніи: «Дѣдушка»: послѣдній почти ничего не требуетъ отъ жизни: ему необходимо только

«Лапти сплесть да сбыть,—
Вотъ и сытъ. Его отрада—
Въ Божій храмъ ходить.
Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога
Божіе дитя».

Слѣдя за проявленіемъ души поэта въ его созданіяхъ, мы не можемъ не отмѣтить въ высшей степени симпатичной черты души нашего поэта, излившей въ поэтическіе звуки: его платонической любви и взглядѣ на это святое для него чувство. Воспитавши себя поэзіей нашихъ великихъ поэтовъ, чтеніемъ критическихъ и научныхъ статей, въ которыхъ рисовались идеалы; отъ природы склонный видѣть во всемъ святое, великое, Никитинъ имѣлъ возвышенный взглядъ на любовь, на женщину. Преклоненіе предъ женщиной, кромѣ того, у него могло появиться при наблюденіи надъ женщинами низшихъ классовъ, которыя мало видятъ радостей, но

въ то же время терпѣливо сносятъ удары судьбы (подобныхъ женщинъ онъ обрисовалъ въ «Кулакѣ», «Хозяинѣ», «Портномъ» и пр.), и поэтъ нашъ, имѣя самъ чистую душу, создалъ идеалъ милой самый возвышенный: это была не женщина, а ангелъ земной: она въ состояніи облегчить страданія своего возлюбленнаго, пить съ нимъ чашу горечи жизненной; но въ душѣ своей чистой онъ не могъ допустить того, чтобы земной его ангелъ страдалъ; поэтому онъ все отдалялъ на время для себя земное счастіе, надѣясь обезпечить себя матеріально, чтобы избранная была счастлива во всѣхъ отношеніяхъ, не страдала, подобно тѣмъ дѣвушкамъ, женщинамъ, образы которыхъ такъ ярко обрисованы имъ во многихъ его стихотвореніяхъ. Въ присутствіи дѣвушки, въ которой онъ видѣлъ «сосудъ добра», И. С. перерождался:

«Помнишь?—съ алыми краями
Тучки въ озерѣ играли;
Шапки на ухо, верхами
Ребятишки въ лѣсъ скакали.
Табуномъ своимъ покинутъ,
Конь въ водѣ остановился
И, какъ будто опрокинутъ,
Недвижимъ въ ней отразился.
При зарѣ румяной колосъ
Сквозь дремоту улыбался;
Лѣсъ синѣлъ; кукушки голосъ
Въ сонной чащѣ раздавался.
По полянѣ передъ нами,
Что ни шагъ, цвѣты пестрѣли;
Тѣнь бродила за кустами,
Краски вечера блѣднѣли...
Трепетъ сердца, упоенье—
Вамъ въ слова не воплотиться!
Помнишь?... Чудныя мгновенья!
Суждено ль имъ воротиться?»

Разлука съ тѣми изъ прекраснаго пола, которыя приближались къ его идеалу, далеко залегала въ глубинѣ

сердца поэта, отравляла его счастливые дни, минуты, въ доказательство чего мы приводимъ слѣдующее стихотвореніе, написанное Никитинымъ въ 1856 году:

«Чуть сошлись мы,—другъ друга узнали,
Ваши рѣчи мнѣ въ душу запали;
Но, увы! не услышать мнѣ ихъ,
Не услышать мнѣ звуковъ родныхъ.
Не помочь, видно, горю словами!
На мгновенье я встрѣтился съ вами,
Разстаюсь навсегда, навсегда:
Унесетесь вы, Богъ вѣсть, куда!
Вотъ какъ жизнь иногда безтолкова!
Вотъ какъ доля глупа и сурова!
Ужъ какъ ляжетъ она на плечахъ,—
Бѣлый свѣтъ помутится въ глазахъ!»

Желаніе любить у И. С. Никитина было великое, чувство любви кипѣло въ сердцѣ его, но мысль, что проявить его при своемъ положеніи матеріальномъ, высказать его любимой, а также застѣнчивость—не давали ему возможности:

«День и ночь съ тобой жду встрѣчи», говорить онъ въ своемъ стихотвореніи, полномъ тяжелой грусти,—въ стихотвореніи, написанномъ въ 1856 году, но

«Встрѣчусь,—голову теряю;
Рѣчь веду, но эти рѣчи
Всей душой я проклинаю.
Рвется чувство на свободу,
На любовь хочу отвѣта...
Говорю я про погоду,
Говорю, какъ ты одѣта.
Не сердись, не слушай болѣ:
Этой лжи я самъ не вѣрю...
Я не радъ своей неволѣ,
Я не радъ, что лицемѣрю.
Такова моя отрада,
Такъ я вѣкъ свой коротаю:
Тяжело ль, молчать мнѣ надо;
Полюблю ль, любовь скрываю».

Въ силу указанной причины чувство любви нашего поэта не могло найти себѣ полнаго отклика въ сердцѣ тѣхъ изъ прекраснаго пола, въ которыхъ видѣлъ онъ свой идеалъ: любовь его была «безъ зелени»; «безъ радости» она не озарила вполнѣ своимъ свѣтомъ его мракомъ окруженной жизни: онъ только искалъ отклика, но въ то же время боялся сдѣлать шагъ впередъ, почему жизнь его была безотрадна; любовь безъ отклика часто окрашивала въ мрачный колёръ все, что окружало поэта, о чемъ онъ самъ говоритъ въ стихотвореніи 1860 г., то-есть незадолго до смерти своей:

«Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Глянешь назадъ,—точно степь неоглядная,
Глушь безотвѣтная, даль безотрадная!
Нѣтъ въ этой дали ни кустика зелени,
Все-то зачахло да сгибло безъ времени,
Спитъ, точно мертвое, спитъ, какъ убитое,
Солнышкомъ Божьимъ навѣки забытое.
Солнышко Божье на свѣтъ поскупилося,
Счастье-веселое на зовъ не явилося;
Горькое горе безъ зову нагрянуло,
При горѣ радость свинцомъ въ воду канула.
Бѣдная молодость, дни невеселые,
Дни невеселые, сердцу тяжелые!
Радъ бы забыть васъ, да что жъ мнѣ останется,
Чѣмъ моя жизнь при бездѣльи помянется?».

Прослѣдивъ въ общихъ чертахъ за проявленіемъ души поэта страдальца по его произведеніямъ, не можемъ не сказать нѣсколько словъ о немъ, какъ гражданинѣ «Руси державной», его «родины православной», насколько эта сторона души его, то-есть любовь къ родинѣ, отразилась въ его поэзіи. М. Ѳ. Де-Пуле, біографъ И. С. Никитина, говоритъ *), что воззрѣ-

*) См. 3 е изд. соч. И. С. Никитина—Шамова, т. I стр. 10—11.

ніе на жизнь государственную и общественную у нашего поэта выработалось подъ вліяніемъ Бѣлинскаго и литературно-научнаго направленія, которое проводилось въ «Русской Бесѣдѣ» и «Днѣ»: «Европеизмъ Бѣлинскаго съ презрѣніемъ отворачивался отъ окружающей его жизни... не изучалъ ея и называлъ её не иначе, какъ грязной дѣйствительностью; страстно, но отвлеченно любя простой народъ, онъ въ прикосновеніи къ нему чувствовалъ то же самое, т.-е., если не отвращеніе, то какую-то брезгливую неловкость: ибо и въ жизни простого народа прежде всего и больше всего бросалась ему въ глаза грязная дѣйствительность, о которой если онъ и не кричалъ, такъ только потому, что нужно же было опереться на какой-нибудь свой идеалъ, нужно же было кого-нибудь любить. Но, полное любви и вѣры въ человѣка, направленіе Бѣлинскаго, не смотря на всѣ его крайности, должно было выработать изъ себя нѣчто глубоко-жизненное... Молодой Никитинъ вполнѣ воспитался подъ вліяніемъ этого направленія; но оно, произведя въ немъ внутреннюю переработку, внутренній душевный перестрой. направленный къ добру и красотѣ, вредно подѣйствовало на него всѣми крайностями» (!?)... Семейныя бури мучили его, и онъ «отвернулся отъ окружающаго міра безъ борьбы (?) и еще болѣе спрятался въ самого себя; дѣйствительная жизнь стала ему противна своею грязью, т.-е. своею прозаическою стороною». Трудно согласиться съ біографомъ нашего поэта въ подобномъ приговорѣ на него, какъ гражданина. Несомнѣнно, «грязная дѣйствительность» мучила Никитина, особенно жизнь съ отцомъ; но неужели можно сказать, что Никитинъ не любилъ своего отца? вѣдь, по словамъ того же біографа, поэтъ нашъ готовъ былъ сокрушить всякаго, кто осмѣливался обидѣть его «батеньку». Далѣе, вѣдь большая разница между приведеннымъ взглядомъ Бѣлинскаго на жизнь и тѣми взглядами, которые проводились въ «Русской Бесѣдѣ» и «Днѣ», а Никитинъ любилъ читать названныя періодическія изданія. Да и нельзя, отвлеченно любя

русскій народъ, отвертываясь отъ «грязной дѣйствительности», въ то же время принимать горячее участіе въ судьбѣ страждущихъ братьевъ, какъ это дѣлалъ нашъ поэтъ. Вѣдь самъ же біографъ говоритъ, что Никитинъ глубоко потрясенъ былъ судьбою портного, котораго онъ изобразилъ въ своемъ стихотвореніи подъ тѣмъ же названіемъ; но этого мало: не на словахъ онъ только сочувствовалъ, а и на дѣлѣ: онъ похоронилъ его на свой счетъ. Для нашего поэта дорогъ былъ всякій страдающій, всякій больной, нищій тѣломъ и духомъ. За послѣднее время въ печати появилось сообщеніе доктора Цезаревскаго слѣдующее: послѣдній часто мѣнялъ книги, которыя бралъ въ библіотекѣ Никитина. Нашъ поэтъ, самъ уже совершенно больной, изнуряемый чахоткой, чтобы научить читать юнаго птенца одного мѣстнаго духовнаго учебнаго заведенія г. Воронежа, ведетъ его къ себѣ въ кабинетъ при библіотекѣ, читаетъ ему «Муму» и, дошедши до мѣста, гдѣ Тургеневъ изображаетъ состояніе души своего героя послѣ того, какъ онъ утопилъ, по приказанію барыни, любимую собаку свою Муму, разрыдался, и вмѣстѣ съ нимъ сталъ плакать и г. Цезаревскій... Это ли у дорогого нашего страдальца-поэта отвлеченная любовь къ своимъ собратьямъ? Нѣтъ, не отвлеченно онъ любилъ «Русь державную», свою «родину православную»: онъ любилъ ее за просторъ, за картины и явленія природы, за страданія предковъ своихъ, за великіе подвиги ихъ. По нашему убѣжденію, въ стихотвореніи: «Русь» (подражательномъ по формѣ), онъ выразилъ свое горячее чувство любви къ родинѣ. Изобразивъ сжато географическое положеніе Россіи въ названномъ стихотвореніи, богатства ея, политическое могущество, проявившееся въ борьбѣ съ внѣшними врагами отечества, онъ особенно обращаетъ наше вниманіе на подвиги русскаго народа во время нашествія французовъ въ 1812 году.

Представляя своимъ воображеніемъ борьбу нашихъ предковъ за вѣру, царя и отечество съ французами и другими народами, поэтъ говоритъ:

«И давно ль было,
Когда съ Запада,
Облегла тебя
Туча темная?..

Подъ грозой ея
Лѣса падали,
Мать-сыра земля
Колебалася,

И зловѣщій дымъ
Отъ горѣвшихъ селъ
Высоко вставалъ
Чернымъ облакомъ.

Но лишь кликнулъ Царь
Свой народъ на брань,—
Вдругъ со всѣхъ концовъ
Поднялася Русь,

Собрала дѣтей,
Стариковъ и женъ,
Приняла гостей
На кровавый пиръ.

И въ глухихъ степяхъ,
Подъ сугробами,
Улеглися спать
Гости навѣки.

Хоронили ихъ
Вьюги снѣжныя,
Бури сѣвера
О нихъ плакали».

Преодолѣвъ враговъ своихъ, Русь быстро начала расти, и слава о ней разнеслась по всему «свѣту бѣлому». За такія великія дѣла любилъ поэтъ свою родину и готовъ былъ за неё «сложить голову»:

«Ужь и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову».

Далѣе, нельзя сказать, чтобы слова: «Русь святая», звучали въ устахъ нашего поэта, какъ отвлеченные звуки; мало того: они вызывали въ его душѣ то представленіе о родинѣ, которое выработано славянофилами, проводившими свои воззрѣнія въ журналахъ, которые любилъ читать И. С. Никитинъ, а воззрѣнія славянофиловъ рѣзко отличались отъ воззрѣній западниковъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Бѣлинскій. Нашъ поэтъ съ горячностью слѣдилъ за борьбою русскихъ въ концѣ царствованія имп. Николая I съ соеди-

ненными силами западныхъ народовъ, понималъ, что дѣло Россіи святое. Вотъ что мы читаемъ въ его стихотвореніи: «Новая борьба», написанномъ въ 1854 г.:

«Впередъ за христіанъ, позорно умерщвленныхъ!
Впередъ за нашу честь и за права отцовъ,
За славу мѣстъ, нечестьемъ оскорбленныхъ;
За вѣру русскую—наслѣдіе вѣковъ!
Пришла теперь пора для нашего народа
Рѣшить своимъ мечомъ соврѣменный вопросъ,
Свята ли христіанъ поруганныхъ свобода,
И крѣпокъ ли досель нашъ сѣверный колоссъ» ...

Нашъ поэтъ понималъ коварную политику Англіи, ея хищническіе замыслы:

«Понятно Англіи кичливое волненье:
. . . .
И, можетъ-быть, она узнаетъ слишкомъ поздно
Своей политики запятнанную честь... Онъ обвиняетъ просвѣщенныхъ сыновъ Запада въ томъ, что они приняли сторону притѣснителей христіанъ, турокъ; не стыдились того, что стали подъ «знамя Луны»:

«Вы ль это, жаркіе поклонники свободы,
Объ общемъ равенствѣ твердившіе всегда,
На брань позорную сзываете народы
И защищаете насилье безъ стыда!
Вы ль, представители слѣпые просвѣщенья,
Сыны Британіи и Франціи сыны,
Забыли все свое народное значенье
И стали съ гордостью подъ знаменемъ Луны!» ...

Необыкновеннымъ восторгомъ проникнуто стихотвореніе Никитина, вызванное взятіемъ Карса; но, торжествуя въ сердцѣ своемъ побѣду, онъ скорбитъ, что лавры на полѣ битвы стóятъ большихъ жертвъ, и видитъ въ этомъ особый удѣлъ, назначенный Россіи Творцомъ:

«Таковъ удѣлъ твой, Русь святая:
Величье кровью покупать;
На грудахъ пепла, выростая,
Не въ первый разъ тебѣ стоять.

Въ борьбѣ съ чужими племенами
Ты возмужала, развилась
И надъ мятежными волнами
Скалой громадной поднялась.

Опять борьба! Растутъ могилы...
Опять стоишь ты подъ грозой!
Но чую я, какъ крѣпнутъ наши силы,
И вижу я, какъ дѣти рвутся въ бой»...

Однакожъ недаромъ были жертвы со стороны сыновъ «Руси святой»:

За нашихъ героевъ отмщенье настало:
По сушѣ, по морю гулъ битвы пошелъ,
И знамя Ислама позорно упало:
Надъ Карсомъ поднялся двуглавый орелъ.

Да царствуетъ наша родная держава,
Сыновъ-исполиновъ безсмертная мать!
Да будетъ тебѣ вѣковѣчная слава,
Облитая кровью могучая рать!»

Мы ограничиваемся этими цитатами изъ стихотвореній нашего поэта: по нимъ можно уже судить о томъ, каковы были политическіе и общественные идеалы его. Эти идеалы, несомнѣнно, стоятъ въ противорѣчіи съ положеніемъ г. Де-Пуле, что И. С. Никитинъ, по убѣжденіямъ своимъ, былъ всецѣло питомецъ Бѣлинскаго. Нашъ поэтъ искренно любилъ родное и съ горечью въ сердцѣ говорилъ правду тѣмъ, кто допускалъ ложь, притворство въ отношеніи къ родинѣ, къ русскому народу, истиннымъ представителемъ котораго онъ самъ былъ. Вотъ чѣмъ возможно объяснить стихотвореніе его: «Поэту—обличителю» (1860 г.), въ которомъ онъ указываетъ на фальшь «музы мести и печали» Некрасова, писавшаго свои произведенія въ пятидесятые годы:

«Обличитель чужого разврата,
Проповѣдникъ святой чистоты,
Ты, что камень на падшаго брата
Поднимаешь, сойдя съ высоты!

Ужъ не первый въ величьи суровомъ
Врагъ неправды и лѣни тупой,
Какъ гроза, своимъ огненнымъ словомъ
Ты царишь надъ послушной толпой.

Дышетъ рѣчь твоя жаркой любовью,
Безъ конца ты готовъ говорить
И, подумаешь, собственной кровью
Счастье ближнему радъ ты купить.

Что жъ ты сдѣлалъ для края роднаго,
Безкорыстный мудрецъ гражданинъ?
Укажи, гдѣ для дѣла благаго
Потерялъ ты хоть волосъ одинъ?

Твоя жизнь, какъ и наша, безплодна,
Лицемѣрна, пуста и пошла...
Ты не понялъ печали народной,
Не оплакалъ ты горькаго зла.

Нищій духомъ и словомъ богатый,
По наслышкѣ о всемъ ты поешь
И безстыдно похвалъ ждешь, какъ платы,
За свою всенародную ложь.

Будь ты проклято, праздное слово!
Будь ты проклята, мертвая лѣнь!
Покажись съ своей жизнію новой,
Темноту прогоняющій день!

Передъ нами нѣмыя могилы,
Позади—одна горечь потерь...
На тебя, на твои только силы,
Молодежь, вся надежда теперь.

Много поту тобою прольется
И, быть-можетъ, въ глуши, безъ слѣдовъ,
Очистительныхъ жертвъ принесется
Въ искупленье отцовскихъ грѣховъ.

Нелегка твоя будетъ дорога,
Но иди: не погибнетъ твой трудъ!
Знамя чести и истины строгой
Только крѣпкіе въ бурю несутъ.

Безконечное мысли движенье,
Царство разума, правды святой,—
Вотъ прямое твое назначенье,
Добрый подвигъ на почвѣ родной!»

. . . .

Такова была симпатичная личность нашего дорогого поэта, который, послѣ веселыхъ дней дѣтства, долженъ былъ несть нужду, терпѣть горе вслѣдствіе разныхъ причинъ; долженъ былъ бороться съ мракомъ окружающей его среды, дрожать за свое матеріальное положеніе, просвѣщать свой умъ, воспитывать сердце средствами, совершенно противоположными тѣмъ, которыми пользовалась окружавшая его среда; находить отраду, утѣшеніе, во-первыхъ, въ самой борьбѣ съ мракомъ, во вторыхъ, въ саморазвитіи, поэтическомъ творчествѣ, созерцаніи природы, молитвѣ. Среда, обстановка, тяжелыя обстоятельства жизни, борьба организма съ разными недугами были для него тюрьмою, изъ которой онъ цѣлую жизнь употреблялъ усилія освободиться, пожить на волѣ, хоть на мгновенье забыться:

«И, можетъ быть, въ твоей глуши»,

измученный страданіями, говоритъ поэтъ, обращаясь къ лѣсу,

«Какъ узникъ, волей оживленный,
Забуду скорбь моей души
И горечь жизни обыденной».
«Лѣсъ» (1849 г.)

Объ этой же борьбѣ съ неволей мы находимъ данныя въ заключительныхъ строкахъ поэмы: «Кулакъ»: поэту угрожала судьба, готовила ему жизнь, подобную

жизни Лукича; но онъ, съ своею силою воли, отразилъ удары судьбы: онъ говоритъ:

«. . . я избралъ иную долю...
Какъ узникъ, я рвался на волю...
Упрямо цѣпи разбивалъ!
Я свѣта, воздуха желалъ!
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно!
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой!
Во благо ль? Небесамъ извѣстно»...

Дѣйствительно, поэтъ-страдалецъ разбилъ цѣпи, освободился изъ тюрьмы—мрака «житейскаго моря», но надорвалъ свои физическія силы,—освободился изъ тюрьмы «во благо» и себѣ, и русскому народу: дорогой нашъ поэтъ своею жизнью доказалъ, что можно побывать въ волнахъ «житейскаго моря», поплатиться физическими силами, но выбраться изъ нихъ, сохранивъ въ чистотѣ душу.

Поэтъ угасъ въ борьбѣ, преждевременно сошелъ въ могилу, но то, что онъ завѣщалъ намъ въ своихъ созданіяхъ, воплощая «боль сердца въ звуки», будетъ жить вѣчно, и мы самое великое сдѣлаемъ для увѣковѣченія памяти поэта-страдальца, если, изучивъ его созданія, воспримемъ изъ нихъ религіозно-нравственные завѣты его, будемъ бороться съ мракомъ, невѣжествомъ; если будемъ, подобно ему, отзывчивыми на горе, страданія ближнихъ своихъ.

С. Прядкинъ.

Воронежъ.
2—9 ноября 1899 г.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПОЭЗІИ А. С. ПУШКИНА *).

«Потомковъ позднихъ дань поэтамъ справедлива.

***

Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ, отъ мала до великаго.

***

О нѣтъ, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

***

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ»...

I.

Въ этихъ пророчески-высокихъ выраженіяхъ, а равно и во многихъ другихъ, разсѣянныхъ въ лирическихъ произведеніяхъ Пушкина, выражаются юношескія мечты незабвеннаго поэта и твердое убѣжденіе его въ зрѣлую пору его творческаго генія въ несомнѣнности духовнаго преемства между геніальными пѣвцами «добрыхъ чувствъ» и ихъ далекими будущими поколѣніями. Только что пережитые нами «Пушкинскіе дни» служатъ неоспоримымъ доказательствомъ существованія такого преемства. Въ эти свѣтлые, праздничные дни русскаго просвѣщенія «слухъ» о великомъ народномъ поэтѣ, объ этомъ пѣвцѣ изъ пѣвцовъ, дѣйствительно, «прошелъ по всей Руси великой», отъ царскаго трона до бѣдной сельской школы. Царственный Правнукъ высокаго покровителя поэта, государя Николая Павловича, нашъ возлюбленный Монархъ Николай Александровичъ изволилъ почтить память Пушкина возрожденіемъ основан-

---

*) Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ церковно-приходскихъ школъ г. Рязани 10 іюня 1899 года.

ной императрицею-писательницею Екатериною II Россійской Академіи, членомъ которой состоялъ Пушкинъ, съ оставленіемъ ея въ составѣ Академіи Наукъ. Правительство пріобрѣло родовое имѣніе Пушкина въ селѣ Михайловскомъ и предоставило псковскому дворянству устроить въ этомъ имѣніи какое-либо благотворительное учрежденіе въ память поэта. Благодарное потомство уже горячо откликнулось своими пожертвованіями на этотъ благотворительный памятникъ пѣвцу «свободы и милости». Въ Одессѣ имѣетъ быть открыто имени А. С. Пушкина убѣжище для инвалидовъ печати. Всѣ ученыя и литературныя учрежденія посвятили памяти Пушкина нарочитыя торжественныя засѣданія. Сколько рѣчей въ день 26 мая было произнесено о Пушкинѣ, начиная отъ ученыхъ и кончая скромнымъ словомъ сельскихъ пастырей и народныхъ учителей! Сколько Пушкинскихъ общенародныхъ спектаклей и чтеній съ свѣтовыми картинами состоялось въ тотъ же день! Сколько улицъ въ разныхъ городахъ переименовались въ Пушкинскія! Сколько журнальныхъ статей и ученыхъ, и популярныхъ появилось въ нашей періодической печати по поводу годовщины со дня рожденія великаго поэта-художника! Какая масса портретовъ и бюстовъ поэта за періодъ Пушкинскихъ празднествъ разошлась среди русскаго общества! Какую массу привѣтствій принесъ въ Москву и Петербургъ телеграфъ со всѣхъ концовъ просвѣщеннаго міра! Сколько представителей иностранной литературы и печати, даже изъ новаго свѣта, прибыли въ наши столицы на Пушкинскій національный праздникъ! Сколько, наконецъ, горячихъ заупокойныхъ молитвъ «о рабѣ Божіемъ Александрѣ» вознеслось къ Престолу Всевышняго въ этотъ же, отнынѣ знаменательный въ исторіи русской литературы, день 26 мая!

Есть извѣстіе, что наше Министерство Народнаго Просвѣщенія намѣрено издать сводъ рѣшительно всѣхъ, «по всей Руси великой», Пушкинскихъ празднествъ. Легко себѣ представить, какое грандіозное впечатлѣніе произведетъ на читателя описаніе этихъ празднествъ,

объединенныхъ въ одномъ цѣломъ изданіи! Это изданіе и для потомства сохранитъ память о днѣ 26 мая 1899 г., какъ о всероссійскомъ, національномъ и въ частности школьномъ литературномъ праздникѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Пушкинскій юбилейный праздникъ, по преимуществу нашъ школьный праздникъ. Всюду и въ столичныхъ, и въ губернскихъ, и въ уѣздныхъ городахъ въ Пушкинскихъ торжествахъ принимала участіе наша учащаяся молодежь отъ юношей до дѣтей, только что вступившихъ въ школьный возрастъ. Имъ во всѣхъ торжественныхъ процессіяхъ принадлежало первое мѣсто, всюду они выступали въ активной роли чтецовъ, пѣвцовъ и даже артистовъ въ передачѣ безсмертныхъ твореній Пушкинской музы. Всюду учащаяся молодежь несла къ бюсту Пушкина вѣнки, какъ благодарную дань своему незабвенному воспитателю. Почти во всѣхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ окончившіе курсъ получали изданія сочиненій Пушкина, а лучшіе изъ нихъ награждались медалями, вычеканенными въ память поэта. И съ какимъ чисто юношескимъ энтузіазмомъ отнеслась наша школьная молодежь къ памяти своего родного, дорогого поэта въ день 26 мая! Достоинъ вниманія въ этомъ отношеніи и такой фактъ, отмѣченный газетами. Въ Москвѣ, въ залахъ Историческаго музея открылась Пушкинская выставка изъ бюстовъ, статуй, портретовъ поэта въ разные возрасты его жизни; портретовъ его родныхъ, друзей, литераторовъ, знакомыхъ; снимковъ мѣстностей, гдѣ жилъ поэтъ; вещей, ему принадлежавшихъ; автографовъ, картинъ, иллюстрирующихъ текстъ его сочиненій и пр. и пр. Выставка эта полна живого интереса: по ней наглядно можно прослѣдить всю жизнь Пушкина. И такой интересъ эта выставка возбуждаетъ, прежде всего, въ учащихся. Громадный процентъ ежедневныхъ посѣтителей выставки падаетъ на нихъ именно.

Къ школѣ, главнымъ образомъ, пріурочилась и общественная благотворительность въ минувшіе Пушкинскіе дни. Рѣдкій городъ и рѣдкое земство не ознаменовали память великаго поэта открытіемъ начальныхъ

школъ, учрежденіемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ Пушкинскихъ стипендій и т. д. И если 19 лѣтъ тому назадъ, при открытіи въ Москвѣ памятника Пушкину, нашъ драматургъ Н. А. Островскій выразился: «На нашей улицѣ праздникъ», то и мы, учащіе и учащіеся, въ дни пережитыхъ нами Пушкинскихъ празднествъ могли бы смѣло сказать: «и на нашей улицѣ праздникъ». Тогда праздновала память Пушкина одна русская литература, одна интеллигенція, теперь отпраздновалъ свѣтлую память поэта весь народъ и по преимуществу вся школа во всемъ разнообразіи ея типовъ. Вотъ и мы нашъ обычный школьный праздникъ по случаю окончанія учебнаго года въ нашихъ церковныхъ школахъ соединяемъ сегодня съ воспоминаніемъ объ А. С. Пушкинѣ, горячемъ и убѣжденномъ ревнителѣ народнаго просвѣщенія.

II.

Чѣмъ же такъ «долго любезенъ» Пушкинъ не только Россіи и «всякому сущему въ ней языку», но и всѣмъ культурнымъ народамъ? Почему же, чѣмъ дальше отдаляемся мы отъ года несчастной кончины поэта, посланной ему «судьбою» отъ руки того, кто «смѣясь дерзко презиралъ земли чужой законъ и нравы (Дантеса), тѣмъ дороже становится онъ русскому сердцу и понятнѣе для иностранца? Потому, безпорно, что Пушкинъ обладалъ всеобъемлющимъ геніемъ, могучимъ и глубокимъ, какъ море, которое онъ воспѣвалъ. Поэтъ красоты и гармоніи, Пушкинъ не могъ ограничить тѣсными рамками свое міровоззрѣніе. Глубокій патріотъ, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ гражданиномъ всего міра; въ каждой сферѣ жизни: родной и чужеземной, современной и прошлой, онъ чувствовалъ себя, какъ дома. Онъ проникалъ въ психологію каждаго народа. По выраженію Ѳ. М. Достоевскаго, Пушкинъ обладалъ необыкновенною способностью всемірной отзывчивости и полнѣйшаго перевоплощенія въ генія чужихъ націй. Въ этомъ

отношеніи Пушкинъ, по выраженію одного изъ его друзей, былъ дѣйствительно Протеемъ. Вотъ почему каждый культурный народъ въ содержаніи поэзіи Пушкина находитъ общечеловѣческія, родственныя себѣ черты; вотъ почему съ каждымъ годомъ списокъ иноязычныхъ переводовъ произведеній Пушкина все болѣе и болѣе увеличивается. Въ настоящее время Пушкинъ, какъ извѣстно, переведенъ уже на 50 культурныхъ языковъ и нарѣчій. Геній идетъ впереди своего вѣка, раскрывая въ своихъ твореніяхъ такой широкій горизонтъ міровоззрѣнія, обнять который своимъ умственнымъ взоромъ можетъ только потомство въ своемъ поступательно-просвѣтительномъ движеніи. Въ содержаніи поэзіи Пушкина «цѣлое море жизни», не исчерпанное еще и въ наши дни. Пушкинъ исчерпанъ только, какъ поэтъ эстетикъ, поэтъ художникъ, но ждетъ еще всесторонней оцѣнки, какъ міровой поэтъ, какъ поэтъ психологъ, какъ поэтъ бытописатель и историкъ и т. д. Поэтому, чѣмъ шире распространяется просвѣщеніе среди русскаго народа, тѣмъ выше поднимается онъ по ступенямъ того Пушкинскаго нерукотворнаго памятника, который «главой непокорной» вознесся «выше Александрійскаго столпа».

Въ частности мы, скромные работники средней и низшей школы, цѣнимъ и любимъ незабвеннаго поэта за то высоко-нравственное воспитательное вліяніе, какое онъ «плѣнительною сладостію» своей поэзіи оказываетъ на юное, подрастающее поколѣніе. Это вліяніе настолько широко и глубоко, что всесторонне выяснить его въ краткой рѣчи не представляется возможнымъ. Мы ограничимся только общими положеніями, не уклоняясь въ своихъ сужденіяхъ о воспитательной сторонѣ поэзіи Пушкина отъ текста его сочиненій.

III.

Черезъ все содержаніе поэзіи Пушкина, въ разные періоды его творческой дѣятельности, красною

нитью проходятъ идея красоты (эстетическое начало) и идея воспитанія «чувства добраго» (нравственное начало). Поэзія Пушкина—поэзія красоты внѣшней и духовной, поэзія мира и гармоніи. Въ душѣ поэта, «небесъ избранника», «велѣніемъ» перерожденнаго для проповѣди вѣчной истины и безконечной любви, былъ неизсякаемый источникъ художественно-прекрасныхъ, идеально чистыхъ образовъ, которые будили творческій духъ поэта къ высшимъ стремленіямъ, наполняли сердце его «Святымъ очарованіемъ», спасали поэта отъ житейской тины и грязи и, выражаясь въ «живой прелести» его чарующихъ стиховъ, будили и продолжаютъ будить въ читателѣ «добрыя чувства», примиряютъ его съ жизнью въ тяжелые часы невзгодъ, заставляютъ читателя, какъ и самого поэта, «въ надеждѣ славы и добра» безбоязненно глядѣть въ «свѣтлу даль милой жизни за туманомъ». Для Пушкина была «земля прекрасна, и жизнь мила», потому что онъ, подобно Жуковскому,

...«насламденое прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ».

Отсюда бодрый, жизнерадостный взглядъ поэта на міръ Божій, на жизнь человѣческую. Какъ бы тяжело ни жилось поэту, онъ не хочетъ умирать. Онъ говоритъ:

«Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать».

Но и смерть онъ ждетъ бодро, потому что вѣритъ, что «душа его въ завѣтной лирѣ прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ», что на его могилѣ

«Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять»;

что внукъ его о немъ «вспомянетъ».

Поэтъ вѣритъ, что житейскія тучи и бури не вѣчны, что онѣ даже полезны, потому что нравственно освѣжаютъ человѣка. Онъ говоритъ «послѣдней тучѣ разсѣянной бури»:

«Довольно, скройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ».

Свою душевную бодрость поэтъ сообщалъ и своимъ друзьямъ. Вотъ какой одобряющій голосъ услышали отъ поэта его друзья (Одоевскій, Волконскій и др.), томившіеся въ сибирскихъ рудникахъ:

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра,
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:
Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ».

А вотъ какъ утѣшаетъ поэтъ отвѣтнымъ письмомъ своего захандрившаго друга Плетнева: «Письмо твое отъ 19-го крѣпко меня опечалило. Опять хандрить? Эй, смотри: хандра хуже холеры: одна убиваетъ только тѣло, другая убиваетъ душу. Дельвигъ умеръ, Молчановъ умеръ: погоди, умретъ и Жуковскій, умремъ и мы. Но жизнь все еще богата; мы встрѣтимъ еще новыхъ знакомцевъ, новые созрѣютъ намъ друзья, дочь у тебя будетъ расти, вырастетъ невѣстой. Мы будемъ старые хрычи, жены наши—старыя хрычевки; а дѣтки будутъ славные, молодые, веселые ребята; мальчики будутъ повѣсничать, а дѣвчонки сентиментальничать, а намъ то и любо. Вздоръ, душа моя; не хандри: холера на дняхъ

пройдетъ; были бы мы живы, будемъ когда—нибудь и веселы».

И теперь жизнерадостное настроеніе музы Пушкина бодритъ человѣка, спасаетъ его отъ малодушнаго унынія, душевной развинченности. И теперь въ минуту житейскаго горя невольно припоминается утѣшительный завѣтъ добросердечнаго поэта:

«Если жизнь тебя обманетъ,
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ:
Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило».

Эта юношеская вѣра въ свѣтлое будущее дѣлала и личное горе поэта легкимъ:

«Мнѣ грустно и легко; печаль моя свѣтла»,

говоритъ Пушкинъ. Онъ же сказалъ:

«Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво».

И, дѣйствительно, Пушкинъ въ прекрасныхъ и свѣтлыхъ образахъ своей дивной поэзіи провозглашалъ только «любви и правды чистыя ученья». Подобно Шеньѐ, онъ былъ

«Пѣвецъ любви, дубравъ и мира,
Пѣвецъ возвышенной мечты»

и болѣе всего—пѣвецъ любви и мира. «Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ истины», говоритъ Пушкинъ, и онъ своимъ отзывчивымъ сердцемъ всѣхъ любилъ, потому что сердце его

...«любитъ оттого,
Что не любить оно не можетъ».

И этому святому призванію («провозглашать «любви... чистыя ученья») поэтъ, «какъ великій Господа посланникъ», посвятилъ всю свою недолгую жизнь.

IV.

Къ кому же именно пробуждаетъ въ нашемъ сердцѣ любовь своей «свирѣлью, оживленной божественнымъ дыханіемъ», нашъ безсмертный поэтъ? Какъ «великій гражданинъ среди великаго народа», Пушкинъ завѣщалъ намъ любовь къ своему народу и прежде всего къ низшимъ народнымъ слоямъ, среди которыхъ онъ по преимуществу отыскивалъ высокія качества ума и сердца русскаго человѣка. Пушкинъ—другъ народа. Это былъ «добрый баринъ», какъ его называли крестьяне, и какъ сейчасъ еще называютъ помнящіе его старики—простолюдины въ Псковской губерніи. Онъ полюбилъ меньшую братію, особенно въ Михайловскій періодъ своей жизни, почувствовалъ тѣсное духовное родство съ этою братіею, проклиналъ свое французское воспитаніе и образованіе, отдалившее было его отъ жизни и быта народа. Онъ, «другъ человѣчества», скорбѣлъ, видя, какъ

...«барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца».

Въ замѣчательной «Лѣтописи села Горохина» Пушкинъ подъ маскою добродушнаго юмора бичуетъ мрачныя стороны крѣпостного права съ грозными требованіями господъ о присылкѣ двойнаго оброка, съ девизомъ приказчика: «чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе». Онъ сочувствуетъ подневольнымъ труженикамъ «дворовымъ толпамъ измученныхъ рабовъ», которыхъ барство, подобно старухѣ, чудесно преобразившейся въ «Сказкѣ о рыбакѣ и рыбкѣ» въ столбовую дворянку, «бьетъ, за чупрунъ таскаетъ», не допускало со стороны закрѣпощенныхъ даже возможности какого-либо протеста, подобно той же старухѣ, ударившей по щекѣ мужа и кричавшей:

«Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою?»

Унижало и оскорбляло въ нихъ человѣческое достоинство, подобно отцу Гринева (въ «Капитанской дочкѣ»), писавшему Савельичу по поводу дуэли молодого Гринева: «Стыдно тебѣ, старый песъ, что ты, невзирая на мои строгія приказанія, мнѣ не донесъ о сынѣ моемъ. Я тебя, стараго пса, пошлю свиней пасти за утайку правды». Даже молодой и мягкосердечный Гриневъ въ минуту вспыльчивости называетъ своего вѣрнаго дядьку старымъ хрычомъ, грозитъ прогнать его въ зашеи. Тяжелъ былъ «яремъ барщины старинной», и, если онъ гуманнымъ владѣльцемъ замѣнялся «оброкомъ легкимъ», то «рабъ уже судьбу благословлялъ». Даже «очень милая старушка» Ларина

...«брила лбы,
Служанокъ била осердясь».

Въ большинствѣ случаевъ помѣщики больше заботились о любимой псарнѣ, чѣмъ о своихъ крѣпостныхъ людяхъ. Надменный Троекуровъ, Кирилла Петровичъ (въ повѣсти: «Дубровскій») ведетъ своихъ гостей «на псарный дворъ, гдѣ больше пятисотъ гончихъ и борзыхъ жили въ довольствѣ и теплѣ, прославляя щедрость Кириллы Петровича на своемъ собачьемъ языкѣ». Гости восхищаются псарнею. Одинъ только старикъ—Дубровскій молчалъ и хмурился.

— Что же ты хмуришься, братъ,—спросилъ Кирилла Петровичъ.—Или псарня моя тебѣ не нравится?

— «Нѣтъ», отвѣчалъ Дубровскій сурово: «псарня чудная; врядъ ли людямъ вашимъ житье такое, какъ вашимъ собакамъ».

Конечно, и среди суровыхъ помѣщиковъ были исключенія, были Гриневы, которыхъ крестьяне «обожали», потому что они, «несмотря на свою строгость, были справедливы и знали истинныя нужды подвластныхъ имъ людей». И какъ горячо для этихъ подвластныхъ людей желалъ поэтъ свободнаго труда и мирнаго довольства. Предъ его поэтическимъ воображеніемъ предносятся такія картины:

«Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда;
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мельницы крылаты,
Вездѣ слѣды довольства и труда».

И какъ бы хотѣлось поэту охранить мирное довольство крестьянъ отъ вредныхъ явленій природы и отъ злыхъ людей. Онъ молитъ «добраго домового»:

«Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра поздняго осенніе набѣги,
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни:
Постигни робостью полуночнаго вора,
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!
Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой милый садъ и берегъ сонныхъ водъ,
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!».

Среди этого угнетеннаго народа Пушкинъ, какъ позднѣе Тургеневъ, Григоровичъ, С. Аксаковъ, Некрасовъ и др., находилъ типы людей, владѣющихъ неисчерпаемымъ богатствомъ любви, самопожертвованія, беззавѣтной преданности, исполнительности, состраданія къ несчастнымъ, исполненныхъ героизма, глубокой вѣры. Такова, прежде всего, знаменитая няня самого поэта, задушевно опоэтизированная имъ въ лицѣ няни Татьяны, въ лицѣ Пахомовны, «мастерицы сказки сказывать», и любовно воспѣтая имъ въ стихотвореніяхъ: «Зимній вечеръ», «Наперсница волшебной старины», «Опять на родинѣ», «Няня»; таковъ типъ

извѣстнаго Савельича, за барское добро и жизнь барчука, готоваго жертвовать собственною жизнью и простодушно не видящаго въ этой жертвѣ ничего героическаго; таковы крѣпостные Дубровскаго въ своей любви и преданности къ молодому барину; таковъ въ повѣсти: «Дубровскій», кузнецъ Архипъ, съ опасностью жизни спасающій отъ огня «тварь Божію»—кошку; таковъ вообще весь народъ въ своемъ состраданіи ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ. Въ поэмѣ: «Полтава»,

За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы—за враговъ».

Тотъ же народъ въ благоговѣйномъ ужасѣ преклоняется предъ Высшимъ судомъ, покаравшимъ злодѣяніе Годунова его смертью и смертью его жены и сына. Онъ проникся состраданіемъ къ невиннымъ жертвамъ отцовскаго преступленія и на приказаніе Мосальскаго кричать: «Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!» безмолствуетъ. Этимъ народомъ создались «кровавыя скрижали» его исторіи, этимъ народомъ

«Въ искушеніяхъ долгой кары
Претерпѣвъ судебъ удары
Окрѣпла Русь»;

этотъ же народъ своею кровью искупилъ

«Европы вольность, честь и миръ»;

этому народу «тяготѣвшій надъ царствами кумиръ» (Наполеонъ)

Высокій жребій указалъ».

Вотъ какого нравственнаго колосса, который, какъ колоссъ, по мысли поэта, не можетъ быть «больнымъ, разслабленнымъ» («Бородинская годовщина»), поэтъ призываетъ любить, раскрывая далѣе его міровоззрѣніе и въ чуткой совѣсти мужика, отказавшаго утопленнику въ «могилѣ и крестѣ», и въ суевѣрномъ пониманіи явленій природы («Бѣсы»), и въ долгихъ пѣсняхъ ямщика, въ которыхъ слышится что-то родное: «то разгулье удалое, то сердечная тоска», и въ свадебныхъ обрядахъ («Женихъ», «Русалка»), и въ святочныхъ гаданіяхъ

(«Евгеній Онѣгинъ»), и въ народныхъ сказкахъ, шуткахъ, прибауткахъ.

«А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!
Слушать, такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ сладко?
И не пилъ бы, и не ѣлъ,
Все бы слушалъ да глядѣлъ!»

И поэтъ, дѣйствительно, даже въ зрѣлые годы своей жизни, съ захватывающимъ интересомъ по цѣлымъ вечерамъ слушалъ сказки своей няни, находя въ каждой изъ нихъ цѣлую поэму. Нѣкоторыя изъ этихъ сказокъ онъ самъ пересказалъ своимъ дивнымъ стихомъ. Въ своихъ пяти художественно-народныхъ сказкахъ, съ дѣтства хорошо извѣстныхъ каждому изъ насъ, Пушкинъ обнаружилъ удивительное пониманіе духа и склада народной поэзіи, удивительное проникновеніе въ понятія и чувства народа. Воспитателямъ дѣтей вообще и въ частности крестьянскихъ дѣтей, сказки Пушкина даютъ богатѣйшій педагогическо-образовательный матеріалъ.

V.

Любовь основывается на сродствѣ душъ. Очевидно, душа поэта была сродни съ народною душою, и то, что любитъ и почитаетъ народъ, любилъ и почиталъ нашъ великій поэтъ. Русскій народъ названъ Достоевскимъ «богоносцемъ». Онъ крѣпокъ своею вѣрою. И Пушкинъ былъ глубоко вѣрующій, религіозный человѣкъ. Только глубоко вѣрующій поэтъ могъ высказать то высокое благоговѣніе къ силѣ вѣры народной, какое высказалъ Пушкинъ, вложивши въ уста патріарха дышащій какою-то святою, библейскою торжественностью разсказъ о чудѣ при гробѣ царевича Димитрія. Его юношеское легкомысліе въ дѣлахъ вѣры, въ нехристіан-

своимъ взглядѣ на жизнь, отразившееся въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ на тему: «Давайте жизнію играть», было чѣмъ-то наноснымъ, скользившимъ, такъ сказать, по поверхности души поэта и не оставившимъ мутныхъ осадковъ на днѣ ея. Эти юношескія заблужденія подобны были тѣмъ «краскамъ чуждымъ», которыми

«Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ»,

и которыя съ лѣтами «спадаютъ ветхой чешуей».

«Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней».

Самъ поэтъ стыдился своихъ временныхъ увлеченій. Онъ восклицаетъ:

Ахъ, лира, лира! Что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, еслибъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!

Нѣтъ, поэту не эти «летучія мечты», а «рѣчей благоуханныхъ отраденъ чистый былъ елей». «Многое», писалъ онъ въ зрѣлые годы: «я желалъ бы уничтожить, какъ недостойное и моего дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготитъ, какъ упрекъ, на совѣсти моей». И, дѣйствительно, «безумныхъ лѣтъ угасшее веселье» поэту было тяжело, какъ смутное похмелье», особенно «въ часы ночного томительнаго бдѣнія». «Въ бездѣйствіи ночномъ», говоритъ поэтъ: «живѣй горятъ во мнѣ змѣи сердечной угрызенья». Свою горячую вѣру Пушкинъ засвидѣтельствовалъ предсмертными часами своей жизни, о чемъ такъ трогательно разсказываетъ намъ Жуковскій. Своею истинно христіанскою кончиною онъ какъ бы подтвердилъ то, что писалъ о вѣрѣ, будучи 18-лѣтнимъ юношею:

«Когда холодна тьма объемлетъ грозно насъ,
Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ:
Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!

Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И, ободренную, съ надеждой отпускаешь».

Съ такою вѣрою не страшно и умирать, не страшно предстать на судъ Божій въ загробной жизни, въ которую поэтъ глубоко вѣрилъ. Памятованіе объ этой отвѣтственности предъ Богомъ и «гроба тайны роковыя», должны смирять «кичливаго» человѣка, внушать вѣру, что жизнь его со всѣми ея благами дана Богомъ и хранима Его св. Промысломъ.

«Почто же кичится человѣкъ?
За то ль, что нагъ на свѣтъ явился,
Что дышетъ онъ недолгій вѣкъ,
Что слабъ умретъ, какъ родился?
За то ль, что Богъ и умертвитъ,
И воскреситъ его по волѣ?
Что съ неба дни его хранитъ,
И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?
За то ль, что далъ ему плоды,
И хлѣбъ, и фиником, и оливу,
Благословивъ его труды
И вертоградъ, и холмъ, и ниву!
Но дважды ангелъ вострубитъ;
На землю громъ небесный грянетъ,
И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ,
И всѣ предъ Бога притекутъ,
Обезображенные страхомъ,
И нечестивые падутъ,
Покрытые пламенемъ и прахомъ».

И эти нечестивцы, которые «тревожатся безвѣрнымъ мученьемъ», которые «Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зрятъ», поэту еще въ ранней юности его казались «безумно-изступленными» и «несчастными». А какою глубокою вѣрою въ Бога и Его св. Промыслъ проникнуты письма Пушкина къ женѣ, которую онъ съ дѣтьми благословляетъ именемъ Божіимъ и убѣ-

ждаетъ ежедневно молиться Богу, ввѣряя ее и дѣтей своихъ попеченію Его!

Муза Пушкина, плѣненная въ «послушаніе велѣнью Божьему», раскрываетъ намъ вѣру, какъ могучую силу, окрыляющую человѣка въ серьезные моменты его жизни, какъ цѣлительный бальзамъ для души тоскующей и преступной.

Въ великій моментъ Полтавской битвы, когда на карту поставлена была вся судьба обновленной Россіи, великій преобразователь Россіи призываетъ свои полки къ бою «свыше вдохновеннымъ» голосомъ: «За дѣло, съ Богомъ!» Татьяна въ романѣ: «Евгеній Онѣгинъ»,

«молитвой услаждала
Тоску волнуемой души».

Марія («Бахчисарайскій фантанъ») одной позволено было жить въ «дальнемъ отдѣленіи гарема».

«Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой,—
Души тоскующей отрада;
Тамъ упованье
Съ смиренной вѣрой обитаетъ».

Этотъ мирный пріютъ Маріи, эти

«Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ
И крестъ, любви символъ священный»,—

все это даже въ душѣ пылкой Заремы, забывшей вѣру своихъ отцовъ,

«Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило».

Наканунѣ казни Кочубей съ нетерпѣніемъ ждетъ «отшельника святого» и готовъ

«Съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Предъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоски мольбу своей»,

а на другой день безвинный Кочубей, уже

«Съ міромъ, съ небомъ примиренный,

Могущей вѣрой укрѣпленный,
«на плаху, крестясь, ложился».

Точно также и въ чудныхъ сказкахъ Пушкина каждый серьезный шагъ въ жизни героевъ совершается съ молитвой и призываніемъ имени Бога. При шумномъ звонѣ колоколовъ съ златоглавыхъ церквей и при пѣніи церковныхъ хоровъ царь Гвидонъ вступаетъ на престолъ. Мать Гвидона молитвою и св. иконою благословляетъ жениха и невѣсту на брачную жизнь. Царевичъ Елисѣй, отправлясь на поиски красавицы—царевны, молится Богу. Семь могучихъ богатырей, братьевъ разбойниковъ, съ молитвою хоронятъ умершую царевну.

Самого поэта въ минуты душевной немощи укрѣпляла молитва св. Ефрема Сирина.

«Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжитъ невѣдомой силой»,

говоритъ поэтъ. Онъ самъ любилъ «во храмъ Всевышняго съ толпой молча входить» и тамъ «за русскимъ богослуженіемъ»,

«При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ,

подобно Парашѣ («Домикъ въ Коломнѣ») молиться Богу «тихо и прилежно». Видъ монастыря на вершинѣ Казбека будилъ въ Пушкинѣ религіозныя чувства и желаніе

«Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!»

Во всю жизнь свою, во всѣ трудовыя минуты ея поэтъ душою стремился «въ сосѣдство съ Богомъ», бѣжалъ къ «Сіонскимъ высотамъ», отъ «алчнаго грѣха», гнавшагося за нимъ «по пятамъ», отъ какого-то злобнаго генія, «язвительными рѣчами» и «неистощимою клеветою искушавшаго «Провидѣнье».

Видъ ангела нѣжнаго въ дверяхъ эдема неволь-

но заставилъ «демона мрачнаго и мятежнаго» воскликнуть:

...«тебя я видѣлъ,
И ты недаромъ мнѣ сіялъ;
Не все я въ мірѣ ненавидѣлъ,
Не все я въ мірѣ презиралъ».

Такъ и поэтъ въ молитвѣ къ своему ангелу хранителю освобождался отъ демона страстей, сомнѣній, увлеченій и дивился тѣмъ людямъ, которые «не имѣютъ никакого понятія о житіи того святого угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы и чью празднуютъ память ежегодно». Такъ и Пименъ, этотъ художественный перлъ въ поэзіи Пушкина, призываетъ Григорія «бѣсовское мечтанье», игру младой крови, «смирять молитвою и постомъ».

Правъ поэтъ, сказавшій о себѣ, что онъ рожденъ «для звуковъ сладкихъ и молитвъ».

М. Дроздовъ.

Продолженіе будетъ.

ПРЕДАНІЕ О ВАДИМѢ НОВГОРОДСКОМЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ *).

«Историческое представленіе изъ жизни Рюрика» относится къ 1786 году. Вотъ библіографическія свѣдѣнія объ этой драмѣ, собранныя П. Щебальскимъ [9]). «О времени окончанія этой пьесы мы узнаемъ отъ Храповицкаго: 7-го августа 1786 года онъ переписывалъ первый актъ Рюрика, а 1-го сентября пятый. Пьеса была послана затѣмъ къ Потемкину для поправленія (4-го сентября). Храповицкій не говоритъ, былъ ли поставленъ Рюрикъ на сцену, но Кастера, включившій Рюрика въ изданный имъ Théatre de l'Hermitage, свидѣтельствуетъ (II, 369), что эта пьеса была представлена на эрмитажной сценѣ; на публичной сценѣ она не была, повидимому, поставлена; по крайней мѣрѣ, «Драматическій Словарь» вовсе о ней не упоминаетъ, а Макаровъ (Реперт. 1844) выражаетъ мнѣніе, что она была играна передъ публикой». Эта пьеса была напечатана впервые при импер. Академіи Наукъ въ 1786 г. отдѣльною брошюрою (59 страницъ); въ 1787 г. ее перепечатали въ «Росс. Ѳеатрѣ», потомъ въ 1802 г. въ «Эрмитажномъ Театрѣ» (томъ I) и, наконецъ, въ Смирдинскомъ изданіи сочин. Екатерины II 1849 г. Но, кромѣ академич. изданія, было еще два изданія этой пьесы отдѣльною брошюрою: 1792 и 1793 г.,—оба съ примѣчаніями генер.-майора Болтина и одно—1792—съ нѣмецкимъ переводомъ; было также изданіе на одномъ нѣмецкомъ и на одномъ франц. языкѣ. Полное заглавіе драмы въ академическомъ и въ двухъ другихъ отдѣльныхъ изданіяхъ (на русск. языкѣ) такое: «Подражаніе Шакеспиру, историческое представленіе безъ сохраненія ѳеатральныхъ обыкновенныхъ правилъ изъ жизни Рюрика». Такое же заглавіе ея и въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ»,

*) Продолж. (Нач. см. въ предыдущ. кн. «Ф. З.»).

[9]) П. Щебальскій. «Драматич. и нравоопис. сочиненія Екатерины II». «Русск. Вѣстн». 1871, 5, стр. 129.

и въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій импер. Екатерины II. Главныя дѣйствующія лица драмы слѣдующія:

Гостомыслъ—князь новгородскій.

1	1
Умила—средняя дочь=(замужемъ) за Людбратомъ, королемъ Финскимъ.	Меньшая дочь
Сыновья ихъ: Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, князья варягорусскія.	Сынъ ея Вадимъ, князь славянскій.

Мы нарочно выписываемъ ихъ въ такой таблицѣ, чтобы показать, что всѣ они находятся въ родствѣ. Уже въ этомъ обозначеніи сказалась антинорманская тенденція Екатерины II. Здѣсь мы находимъ ту же генеологію первыхъ русскихъ князей, что и въ «Запискахъ», написанныхъ противъ «хулителей» Россіи. Какъ извѣстно, Екатерина II пользовалась въ своихъ «Запискахъ» для очерка первыхъ временъ нашей исторіи Іоакимовой лѣтописью, и самый разсказъ о до-исторической жизни Россіи она вводитъ слѣдующими словами: «Новгородскій лѣтописецъ скажетъ слѣдующее» [10]). Основываясь на этихъ лѣтописныхъ данныхъ, она полагаетъ, что славяне не были аборигенами нынѣшней Россіи, но пришли туда лишь за нѣсколько времени до 480 г.; а съ этого года, по ея соображеніямъ, начала царствовать славянская династія, которая въ мужскомъ поколѣніи окончилась въ лицѣ Гостомысла. Туземными же жителями Россіи Екатерина считаетъ русь. «Имя русь», говоритъ она: «хотя сначала и малой части народа принадлежало, но потомъ разумомъ, мужествомъ и храбростью того же народа повсюду распространилось. Предѣлъ единъ: отъ Финляндіи къ востоку до горъ Поясныхъ (Уральскихъ) и отъ Бѣлаго моря къ югу до Двины и Полоцкой области; итакъ, вся Карелія, часть Лапландіи, Русь Великая и Поморье съ нынѣшнею Пермью наименовалось Русь до пришествія сла-

---

[10]) Щебальскій. «Екатерина II, какъ писательница». «Заря», 1870, 3; стр. 23.

вянъ» [11]). Славяне, пришедшіе около 480 года, побѣдили, по мнѣнію Екатерины II, туземцевъ—русь и впослѣдствіи смѣшались съ ними, и изъ этого-то смѣшенія славянъ и руссовъ и возникъ русскій народъ. Но въ описываемый моментъ мы застаемъ (въ разсказѣ императрицы) славянъ и руссовъ еще неслившимися. Руссы, землю которыхъ Екатерина отожествляетъ съ нынѣшними великорусскими губерніями, имѣли свой центръ Русу, вели заморскую торговлю съ Даніей, Швеціей и Норвегіей, а съ другой стороны съ Индіей, Сиріей и Египтомъ и задолго до Рюрика имѣли письмена. У славянъ же былъ свой центръ Новгородъ. Съ другой стороны «отродіе варяжское, жившее по берегу Варяжскаго моря», по мнѣнію Екатерины, было единоплеменно славянамъ. Князья, призванные славянами, были князья варягорусскіе, сыновья финскаго короля Людбрата; самъ же Людбратъ былъ «отродія варяжскаго», т. е. находился въ племенномъ родствѣ съ славянами; кромѣ того, онъ былъ и въ личномъ родствѣ съ Гостомысломъ, какъ мужъ его дочери. Такимъ образомъ, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, внуки Гостомысла, находились и въ племенномъ, и въ личномъ родствѣ съ народомъ, который звалъ ихъ «княжить и владѣть». Все это очень натянуто, нестройно и лишено всякаго фактическаго основанія, но въ то же время все это клонится, конечно, къ тому, чтобы, вопреки мнѣнію «хулителей» Россіи, вытѣснить «нѣмцевъ» изъ первыхъ страницъ русской исторіи. Историческія драмы Екатерины II вылились изъ той же мысли, что и ея «Записки», и поэтому немудрено, что въ нашей драмѣ мы на первыхъ же порахъ, читая перечень дѣйствующихъ лицъ, наталкиваемся на протестъ противъ норманизма. Такимъ образомъ, первый пунктъ драмы—антинорманизмъ императрицы—уже обнаружился, и дальше, при изложеніи содержанія пьесы, онъ будетъ уже сказываться параллельно съ другимъ пунк-

---

[11]) Ibid. 25—26.

томъ—идеализаціей власти Рюрика насчетъ мятежнаго Вадима.

Дѣйствіе открывается въ палатѣ княжескаго дома въ Новгородѣ [12]). Гостомыслъ, чувствуя приближеніе кончины, завѣщаетъ старѣйшинамъ «отъ Славянъ, Руси, Чуди, Веси, Мери, Кривичь и Дряговичъ» призвать на княженіе своихъ внуковъ, сыновей финскаго короля Людбрата, Рюрика, Синеуса и Трувора, а Вадиму, сыну своей меньшой дочери, отказываетъ собственныя свои славянскія мѣстности». Новгородскіе посадники и всѣ старѣйшины согласны съ волею Гостомысла, потому что, какъ говоритъ одинъ изъ нихъ, «Великій Новгородъ пріобыкъ повиноваться роду Славянскихъ князей, отъ которыхъ Гостомыслъ есть послѣдній» (д. I, явл. 2, Тріанъ); но они опасаются «упорности отъ одного Вадима» (ibid.). Такимъ образомъ, Новгородъ представляется искони привыкшимъ къ власти князя и, слѣдовательно, готовымъ принять новую варяжскую династію. Вадимъ, какъ князь славянскій, возстаетъ противъ рѣшенія старѣйшинъ, но ему опять-таки указываютъ на то, что «народы, привыкши повиноваться Государю, дѣду твоему, не поважены имѣть тутъ преніе, гдѣ слѣдуетъ исполнять его волю (д. I, явл. 4, Добрынинъ). Правда, трое изъ старѣйшинъ соглашаются съ нимъ въ томъ, что «варяги не знали ни нашего языка, ни нашихъ законовъ и обычаевъ», а «ты, князь Вадимъ, обращаются они къ нему: «между нами выросъ и воспитанъ, мы тебѣ ради» (д. I, явл. 5, 3-ій старѣйшина); но лишь только Вадимъ намекаетъ имъ о своемъ желаніи сѣсть самому на престолъ дѣда Гостомысла, они тотчасъ же заявляютъ, что онъ—только мѣстный славянскій князь и самъ подвластенъ великому князю, т. е. варягоруссу Рюрику, котораго избралъ себѣ въ преемники Гостомыслъ (д. I, явл). Однимъ словомъ, все первое дѣйствіе сводится къ тому, чтобы показать, что

---

[12]) При изложеніи содержанія пользуемся изданіемъ сочин. имп. Екат. II А. А. Смирдина, т. I.

славяне уже до призванія князей вполнѣ свыклись съ порядками единодержавія и научились повиноваться своему великому князю даже въ ущербъ своему національному чувству. И, дѣйствительно, они по волѣ Гостомысла готовы принять княземъ варягоруса, хотя сами по отношенію къ руссамъ являются господствующимъ населеніемъ. «Вы, храбрые Славяне», говоритъ имъ Вадимъ (д. I, явл. 5): «пришедъ съ Дона, Руссами владѣли и, соединясь съ ними, дали имъ языкъ вашъ». Но это напоминаніе не производитъ на нихъ желаннаго впечатлѣнія, потому что, хотя, съ одной стороны, они и соглашаются съ тѣмъ, что славяне «всегда имѣли князей родовъ своихъ», зато, съ другой—заявляютъ, что имъ «хорошо будетъ» и при варягорусскомъ князѣ, тѣмъ болѣе, что этотъ князь—внукъ Гостомысла и старшій (двоюродный) братъ Вадима. Дѣйствіе второе происходитъ въ станѣ варягоруссовъ. Король Людбратъ съ своей супругой Умилой и съ Едвиндой, супругой Рюрика, получаетъ грустную вѣсть о кончинѣ тестя своего Гостомысла и вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаетъ своихъ сыновей—Рюрика, Синеуса и Трувора, возвращающихся изъ похода на Францію. Вслѣдъ затѣмъ являются новгородскіе послы и держатъ свою пресловутую рѣчь о томъ, что «земля наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ». Людбратъ хвалитъ ихъ почтеніе къ покойному Гостомыслу и послушаніе его волѣ и этимъ самымъ подчеркиваетъ ту же мысль о монархическихъ симпатіяхъ новгородцевъ, которую мы отмѣтили уже въ первомъ дѣйствіи. Въ 3-мъ дѣйствіи излагается совѣщаніе Людбрата съ сыновьями по поводу славянскаго посольства и затѣмъ отвѣтъ его посламъ. Людбратъ рѣшаетъ, что «соединеніе сѣвера должно совершиться»—тѣмъ болѣе, что былъ уже примѣръ такого соединенія всего почти сѣвера подъ властью Владиміра, сына Вандала (sic!) (д. III, явл. 3 и 4). Затѣмъ слѣдуютъ жертвоприношенія и отъѣздъ Рюрика съ младшими братьями на Русь. Какъ видно, это дѣйствіе не вноситъ новаго момента въ развитіе драмы и составля-

етъ собственно часть второго, въ которомъ являются послы, такъ что тутъ авторъ, помимо историческихъ погрѣшностей и странностей (въ родѣ Вандала и т. п.), грѣшитъ еще и какъ драматургъ. Но какъ бы тамъ ни было, первая цѣль его достигнута: Рюрикъ, вопреки норманистамъ, оказывается не чужимъ, но своимъ человѣкомъ среди славяноруссовъ, а послѣдніе вдобавокъ еще чувствуютъ себя его родственниками не только по племенному происхожденію, но и по духу, по его замысламъ, такъ какъ заранѣе свыклись уже съ единодержавіемъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ новаго монарха, Рюрика. Такимъ образомъ, теперь остается только Рюрику явиться на Русь во всеоружіи просвѣщеннаго абсолютизма и обнаружить свои просвѣтительныя стремленія во вкусѣ монарховъ Фридриха или самой Екатерины II, этихъ «Соломона и Семирамиды XVIII столѣтія». Ближайшій случай выказать себя таковымъ представился Рюрику въ возмущеніи Вадима, который долженъ, стало-быть, испытать на себѣ его просвѣщенное великодушіе, и вотъ два послѣднія дѣйствія и посвящены уже собственно эпизоду съ Вадимомъ. Въ 4-омъ дѣйствіи Рюрикъ является уже въ новомъ своемъ замкѣ, на берегу рѣки Волхова, и сразу же вступаетъ въ роль просвѣщеннаго монарха. Онъ благосклонно выслушиваетъ предложеніе своего шурина Олега принять титулъ «Великаго Князя» въ отличіе отъ младшихъ братьевъ и подданныхъ его мѣстныхъ князей (явл. 3), рѣшаетъ, что ему, какъ государю, «прилежаніе имѣть должно теперь о расправѣ земли и правосудіи» (явл. 2), и совѣтнику своему Добрынину заявляетъ, повторяя мысль «Гражданскаго ученія» [13]), что онъ, любя истину, почитаетъ ее, хотя она ему была непріятна»; раздавая вслѣдъ затѣмъ

[13]) Ср. Гражд. нач. ученіе, § 174: «Правду любящій не отвращаетъ друзей говорить правду, слушаетъ и терпитъ и непріятныя рѣчи и про самого себя»... Въ такомъ же родѣ и § 86: «Только тотъ, который услышавъ правду, досадуетъ».

въ управленіе города своимъ братьямъ и Олегу и посылая Оскольда въ Кіевъ, онъ не пропускаетъ случая подчеркнуть вслухъ своей свитѣ, что, какъ государь просвѣщенный и отецъ своихъ подданныхъ, онъ далекъ отъ того, чтобы стѣснять ихъ дѣйствія, лишь бы послѣднія клонились всегда къ государственной пользѣ: «Обычай мой таковъ», говоритъ князь Рюрикъ: «дабы излишними приказаніями благомысленнымъ и съ довѣренностію употребленнымъ особамъ къ добру руки не связывать» (явл. 4). Между тѣмъ въ самый разгаръ этихъ разсужденій просвѣщеннаго монарха является вѣстникъ и доноситъ, что «въ народѣ заводятся безпокойства отъ Славянскаго Князя Вадима» (явл. 5). По словамъ вѣстника, князь Вадимъ началъ распускать въ народѣ тревожные слухи о томъ, «будто Славяне въ уничиженіи находятся и мало уже гдѣ въ знатности; что великое число Варягъ съ Княземъ Великимъ придетъ въ Русь; что повсюду они поплются и употреблены будутъ, и угнетутъ Славянъ и Русь; что Варяги болѣе искусны на морѣ, нежели на сухомъ пути, и что ратнаго дѣла Славянъ и Руси отнюдь не знаютъ и не смыслятъ; что князь Вадимъ выросъ и воспитанъ въ Новѣгородѣ Гостомысломъ; что въ наслѣдіи не столько смотрѣли на старѣйшество, какъ на то, отъ кого народу болѣе ожидать выгоды; что князь Вадимъ рожденъ точно такимъ, каковъ народу надобенъ». Встревоженные такими слухами, славяне (доноситъ вѣстникъ) собираются въ городѣ толпами и грозятъ обывателямъ разореніемъ, если тѣ не соединятся съ ними; требованіе, которое предъявляютъ эти мятежники, это «не допустить Варягъ до города, до знатныхъ мѣстъ и имѣть князя рода Славянскаго» (явл. 5). Выслушавъ разсказъ вѣстника, Рюрикъ рѣшается предпринять походъ противъ мятежниковъ, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время пріѣзжаютъ суда съ варягорусскимъ войскомъ (явл. 5 и 6). Пятое дѣйствіе застаетъ мятежъ уже утихшимъ: изъ разсказа Олега узнаемъ, что славяне, напуганные вѣстью о движеніи на нихъ съ войскомъ великаго князя, стали

колебаться и частью ушли сами изъ города, частью были переловлены; въ числѣ схваченныхъ оказался и князь Вадимъ. Едвинда, супруга Рюрика, скорбитъ объ участи Вадима, но Олегъ утѣшаетъ ее тѣмъ, что «милость и судъ въ рукахъ Великаго Князя» (явл. 1). Добрынинъ совѣтуетъ Рюрику назначить надъ Вадимомъ судъ изъ двѣнадцати мужей равнаго съ нимъ состоянія, именно изъ удѣльныхъ князей, и ссылается при этомъ на уважаемый славянами законъ Одина: «Аще гдѣ взыщетъ на друзѣ, то ити на изводъ предъ двунадесять человѣкъ» (явл. 2). Едвинда кротко заступается за мятежника въ духѣ «Наказа» и «Инструкціи». «Не наказанъ ли Князь Вадимъ», говоритъ она: «уже довольно тѣмъ, что въ своихъ намѣреніяхъ успѣха не имѣлъ и что подверженъ всенародному сужденію?» [14]) (явл. 2). Просвѣщенный монархъ, Рюрикъ, умиляется, видя, что лучи просвѣтительной философіи проникли и въ душу его супруги: «О коль пріятно мнѣ, Едвинда», говоритъ онъ «видѣть въ душѣ твоей при каждомъ случаѣ чувствительность, милующую человѣчество!». Едвинда отвѣчаетъ ему такимъ же умиленіемъ, напоминая вмѣстѣ съ тѣмъ своему супругу, что и онъ, подобно самой Екатеринѣ II, заимствуетъ свои лучшія мысли не только изъ Монтескье, но и изъ Беккаріи: «Любезнѣйшій супругъ», говоритъ кроткая Едвинда: «я подражаю лишь тебѣ: ты въ виновномъ видишь смертнаго, рожденнаго со страстьми, слабостями и пороками: не всякой въ умѣ своемъ имѣетъ довольную силу обуздать свои хотѣнія въ стати и во времени; иной грѣшитъ отъ легкомыслія» [15]). Превознеся добродѣтель своего супруга, она

[14]) Ср. Наказъ, гл. VIII, § 82: «Самое большое наказаніе за злое какое-нибудь дѣло во правленіи умѣренномъ будетъ то, когда кто въ томъ изобличится». «Инструкція кн. Салтыкову», Б: «Никакое наказаніе... полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учиняли дурно». Ср. также Mont., L'esprit des lois l. VI, chap. IX.

[15]) Ср. Mont. l. VI. chap. IX. Беккаріи, § XV или § XLI.

снова вступается за Вадима: «Вадимъ молодъ, съ младенчества при дѣдѣ вашемъ воспитанъ, окруженъ былъ ласкателями, кои бодрость духа его поощряли къ блистательнымъ предпріятіямъ; родъ Князей Славянскихъ храбръ... Вадимъ братъ вашъ двоюродный... подданные обожаютъ милосердіе... прости мнѣ, Государь, что я такъ смѣло изъясняюсь, ты не токмо любишь слышать правду, ты поощряешь всѣхъ своихъ снисходительнымъ обхожденіемъ говорить истину, дерзость одна тебѣ противна, её ты прекращаешь по должности» (опять повтореніе § 174 Гражд. ученія). И вотъ въ самый разгаръ этого обмѣна философскими идеями XVIII столѣтія вводятъ подъ стражей плѣннаго Вадима (явл. 5). По приказанію Рюрика, являются всѣ князья и бояре. На первыхъ порахъ Вадимъ держится гордо и стойко. Предъ лицомъ всѣхъ присутствующихъ онъ говоритъ Рюрику: «Не ожидай отъ меня оправданія или извиненія»; на вопросъ Синеуса, хотѣлъ ли онъ отвлечь славянъ и прочіе народы отъ должнаго повиновенія, онъ отвѣчаетъ твердо: «Хотѣлъ»; а на вопросъ Трувора, какія онъ имѣлъ при этомъ намѣренія, онъ отвѣтилъ: «Не иныя, какъ тѣ, коими со младенчества питался»... Но вотъ вмѣшивается въ этотъ допросъ самъ Рюрикъ и, не заискивая передъ мятежнымъ княземъ, но стараясь поразить его своимъ просвѣщеннымъ вниманіемъ, говоритъ довольно-таки неподходящую фразу: «Бодрость духа твоего, Князь Вадимъ, не унываетъ; она написана въ рѣчахъ, въ чертахъ твоихъ»... Вадимъ, не желая показать себя ниже по уму, припоминаетъ въ свою очередь чью-то (очевидно, чужую) умную фразу и тоже совершенно не къ дѣлу говоритъ: «Духъ всякаго человѣка наполненъ чувствами, сходными съ истиною или же предубѣжденіями». Рюрику не нравится, что мятежный князь позволяетъ себѣ, повидимому, увлекаться просвѣтит. идеями наравнѣ съ просвѣщеннымъ монархомъ, и онъ довольно рѣзко и съ ѣдкой ироніей переходитъ къ развязкѣ: «Неоспорима, по крайней мѣрѣ, есть истина на сей часъ та, что ты теперь во власти моей, что я

могу тебя судить, аки мѣстнаго князя и какъ подданнаго»... Вадимъ обезоруженъ рѣзкимъ поворотомъ рѣчи и ждетъ строгаго приговора. И вотъ тутъ-то неожиданно развертывается надъ нимъ во всемъ сіяніи просвѣщенный абсолютизмъ Рюрика. «Но пусть Рюрикъ», говоритъ варягъ XVIII столѣтія ко всѣмъ окружающимъ его: «въ сей день окажется, каковъ есть: онъ, видя винныхъ предъ собою, съ горячею ревностію возьмется всегда за изслѣдованіе общему добру причиненнаго ущерба или обиды; но кой часъ вина уже извѣстна, винной изобличенъ, и надлежитъ, вынувъ мечъ, приступить ко мщенію... мечъ... падаетъ изъ дрожащихъ рукъ моихъ... отдамъ ли я на осужденіе брата моего двоюроднаго... его качества могутъ быть полезны государству впередъ. Онъ съ тобой, князь Оскольдъ, пусть поѣдетъ. Славяне же пошли къ Кіеву, онъ тамъ ихъ соберетъ и будетъ тебѣ вѣрно помощникомъ. Освободите его изъ-подъ стражи и пошлите о семъ сказать въ Новгородъ, куда я самъ сейчасъ поѣду». Этотъ неожиданный маневръ просвѣщеннаго монарха поражаетъ виновнаго: онъ забываетъ свои гордыя намѣренія, свою непоколебимую твердость передъ лицомъ судей,—забываетъ даже и то, что онъ и самъ нечуждъ идей просвѣтительной философіи, и что поэтому нечего ему удивляться, слыша знакомые гуманныя идеи изъ устъ Рюрика, и... падаетъ на колѣни. «О Государь»! взываетъ онъ, подавленный великодушіемъ своего повелителя: «ты къ побѣдамъ рожденъ, ты милосердіемъ враговъ всѣхъ побѣдиши, ты дерзость тѣмъ же обуздаешь... Я вѣрный твой подданный вѣчно».

Что сказать объ этомъ произведеніи? «Послѣднія слова Рюрика», говоритъ П. Щебальскій [16]): «смыслу которыхъ вообще слѣдовала и имп. Екатерина, а также нѣкоторыя другія политическія и нравственныя идеи, высказанныя различными лицами, составляютъ главный

---

[16]) П. Щебальскій. «Драмат. и нравоопис. сочин. Екат. II.», «Русск. Вѣстн.», 1871 г. №№ 5—6.

ея (т.-е. данной драмы) центръ». И съ этимъ приходится согласиться. Необходимо только добавить, что, посвящая свою пьесу главнымъ образомъ идеѣ просвѣщеннаго абсолютизма, т.-е. изображенію своего политич. идеала, имп. Екатерина вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы уже видѣли, воспользовалась случаемъ выступить съ своими историческими соображеніями противъ ненавистныхъ ей норманистовъ. Относительно формы драмы надо сказать, что имп. Екатерина претендуетъ на «подражаніе Шакеспиру», съ которымъ у насъ тогда знакомились по переводамъ—французскому Дюси и нѣмецкому Виланда [17]). И отчасти ея претензіи справедливы. «Екатерина», говоритъ Щебальскій [18]): «превзошла и Княжнина, и Державина тѣмъ, что отказалась въ этомъ случаѣ (т.-е. въ своихъ драмахъ) отъ условій псевдо-классической французской трагедіи и приняла за образецъ Шекспира, далеко не всѣми тогда признаваемаго за величайшаго драматурга». Но нельзя не оговориться, что «подражаніе Шакеспиру» явилось очень блѣднымъ какъ по содержанію, которое даетъ намъ не живыхъ людей, но только вывѣски добродѣтелей, такъ и по формѣ, гдѣ отступленіе отъ строгихъ правилъ псевдо классицизма повело къ излишнимъ вольностямъ, напр., въ дѣленіи на дѣйствія: такъ, третье дѣйствіе (какъ уже выше было замѣчено) даже и съ точки зрѣнія Шекспировскихъ вольностей является лишнимъ. Но какъ имп. Екатерина отнеслась къ преданію о Вадимѣ? Для этого возстановимъ въ памяти на основаніи предыдущаго разбора содержанія образы Рюрика и Вадима. Рюрикъ—это идеалъ государя XVIII стол. монарха-философа, какимъ была сама Екатерина. Онъ, полонъ просвѣтительныхъ идей о гуманномъ и разумномъ правленіи и ищетъ случая выказать себя послѣдователемъ просвѣщеннаго абсолютизма; вдобавокъ онъ—

---

[17]) П. Щебальскій: «Драмат. и нравоуч. соч. Екат. II». «Р. Вѣстн.» 1871, №№ 5—6.

[18]) Онъ же—«Екатерин. II, какъ писательница», «Заря», 1870, № 3.

нашъ соплеменникъ и родственникъ, и поэтому славянамъ, въ частности новгородцамъ, оставалось только радоваться, что ихъ выборъ правителя былъ такъ удаченъ. Вадимъ же—это самонадѣянный, честолюбивый и легкомысленный молодой человѣкъ, который думаетъ про себя, что онъ «рожденъ съ качествами, славу производящими» (д. I, явл. 4), и съ младенчества питается намѣреніями сѣсть на престолъ дѣда (д. I, явл. 5). Правда, онъ ссылается на то, что онъ—славянскій князь, а Рюрикъ—варягъ, но этотъ мотивъ устраняется тѣмъ, что Рюрикъ—его старшій двоюродный братъ и можетъ съ большимъ правомъ занять престолъ дѣда, и такимъ образомъ за Вадимомъ остаются одни только честолюбивыя притязанія, ни на чемъ не основанныя. Посадники и бояре новгородскіе не сочувствуютъ Вадиму, такъ какъ—въ силу допущеннаго авторомъ драмы анахронизма—свыклись съ удѣльными порядками и почитаютъ великаго князя предпочтительно предъ удѣльными: Рюрикъ де—великій князь,—ему нужно и повиноваться, а Вадимъ—удѣльный,—его нечего слушать. Такимъ образомъ, вся эта Вадимова исторія въ драмѣ имп. Екатерины есть не что иное, какъ скорѣе семейная княжеская усобица, чѣмъ протестъ свободы противъ захвата власти чужеземнымъ тиранномъ. И, дѣйствительно, Вадимъ смиряется передъ великодушіемъ великаго князя и готовъ быть его рабомъ,—тѣмъ болѣе, что свобода и не была никогда его руководящимъ принципомъ. Итакъ, первые шаги послѣ литературнаго воскресенія были для Вадима неудачны: онъ изображенъ былъ въ невыгодномъ свѣтѣ. Но зато имп. Екатерина достигла своей цѣли: она смягчила фактъ призванія князей, выставивъ ихъ родственниками славяноруссовъ и благородными правителями—особенно на счетъ мятежнаго Вадима,—и водворила просвѣщенный абсолютизмъ на первыхъ же страницахъ нашей исторіи.

И. Замотинъ.

(Продолженіе будетъ).

II.

ГАЙДУЧЕСТВО ПО СЕРБСКИМЪ И БОЛГАРСКИМЪ ПѢСНЯМЪ *).

Мы замѣтили выше, что по гайдуцкимъ пѣснямъ можно прослѣдить всю жизнь гайдука: его пребываніе въ горныхъ лѣсахъ и пещерахъ, собираніе гайдуцкой четы, испытаніе новичковъ, встрѣчи съ ненавистнымъ туркомъ и т. п. Прослѣдимъ же по пѣснямъ, на самомъ ли дѣлѣ это такъ, начавъ съ причины, побуждавшихъ итти въ гайдуки.

Въ безвыходномъ положеніи болгаръ и сербовъ подъ турецкимъ владычествомъ всегда было много общихъ причинъ для развитія и поддержанія гайдучества. Главная причина — владычество турокъ и возникшій отсюда государственный порядокъ вещей, и устройство, принятые турками и стѣснительные для славянскаго населенія, которое стало питать вражду и ко всѣмъ, примыкавшимъ къ этому порядку,—ко всѣмъ, поддерживавшимъ его и дѣйствовавшимъ заодно съ турками (кнезы, кметы, чорбаджіи). Хитовъ, напр., рисуетъ недавнее положеніе болгаръ въ самомъ ужасномъ видѣ. Населеніе нѣкоторыхъ болгарскихъ деревень находится въ такомъ положеніи, что, по его словамъ, въ состояніи заставить и камни возопить объ отмщеніи: оно ограблено, совершенно обезчещено, измучено. Кто желаетъ составить себѣ понятіе о томъ, что такое рабъ и раба, замѣчаетъ П. Хитовъ, тотъ пусть внимательно вглядится въ болгарскаго поселянина и болгарскую поселянку, живущихъ въ деревняхъ, у большихъ дорогъ. Какой-нибудь поселившійся среди болгаръ, по его словамъ, арнаутъ заставляетъ ихъ работать ему даромъ, рѣжетъ женщинамъ груди и жаритъ дѣтей на вертелѣ. Порта подстрекаетъ цѣлыя орды головорѣзовъ убивать и истреблять невинныхъ христіанъ. Представитель мѣстна-

*) Продолженіе. См. начало въ III—IV вып. за текущій годъ.

го суда—кади также грабитъ вдовъ и сиротъ и заставляетъ проливать слезы и большихъ, и малыхъ.

Такимъ образомъ, кромѣ политической вражды къ туркамъ вообще, была вражда народная къ отдѣльнымъ лицамъ. Были, затѣмъ, многочисленныя и разнообразныя частныя причины и всякіе случаи недовольства окружающею обстановкою и желанія избавиться отъ нея: убійство отца, матери или заточеніе ихъ въ тюрьму, похищеніе невѣсты, побѣгъ изъ тюрьмы и изъ плѣна или отъ неминуемой казни, разореніе податями и грабительствомъ властей, ихъ обиды и притѣсненія, насильственное уничтоженіе торговли; были случаи также, что удалялись изъ общества вслѣдствіе проклятія матери и изъ-за несчастной любви. Въ болгарскихъ и сербскихъ пѣсняхъ и рисуются главнымъ образомъ эти частныя побудительныя причины, заставлявшія отдѣльныхъ лицъ оставлять дома и уходить въ горы и лѣса. Такъ, Старина Новакъ, родоначальникъ гайдуковъ, равно извѣстный сербамъ и болгарамъ, разсказываетъ въ пѣснѣ [1]), какъ однажды не заплатили ему денегъ за тяжкую работу; въ другой разъ потребовали дани въ триста дукатовъ, которыхъ онъ по бѣдности не могъ уплатить, и вотъ онъ взялъ заступъ и пошелъ въ гайдуки. Навстрѣчу идутъ турецкіе сваты, а потомъ женихъ, который, поровнявшись съ нимъ, сталъ бить его плетью. Новакъ, послѣ того какъ просьба—оставить его въ покоѣ и ѣхать съ миромъ своей дорогой—не имѣла успѣха, разсердившись, убилъ его своимъ заступомъ, взялъ его деньги и саблю, а заступъ оставилъ при немъ, чтобы туркамъ было чѣмъ вырыть ему могилу. «Потомъ сѣлъ я на его коня», продолжаетъ Новакъ свою искреннюю отповѣдь князю Богосаву: «и отправился прямо въ Романію... И вотъ уже сорокъ лѣтъ привыкъ я къ горѣ и лѣсу Романіи; полюбилъ ихъ больше, чѣмъ свои дворы. А почему? Стерегу дорогу черезъ гору по-

[1]) «Старина Новакъ и кнез Богосав», сборн. Караджича, т. 3-й, № 1.

жидаюсь турецкой молодежи изъ Сараева, да отнимаю у нихъ серебро, золото, сукно, бархатъ; одѣваю себя и товарищей; всегда готовъ и настичь, и убѣжать, и постоять на страшномъ мѣстѣ, настороже; не боюсь никого, кромѣ Бога».

Далѣе, П. Хитовъ, какъ видно изъ его описанія, сдѣлался гайдукомъ потому, что не могъ перенести несправедливостей турецкаго суда. Онъ сознается, что единственная цѣль его гайдукованья «отомстить турецкимъ звѣрямъ, которые не знаютъ ни чести, ни человѣчности, ни правды... Мое сердце», говоритъ онъ: «искало свободы, искало чести, искало правды. Только Стара-Планина (Балканы) могла удовлетворить моимъ желаніямъ... Только ради этой правды я и сдѣлался гайдукомъ» [2]). Одна сербская пѣсня [3]) такъ разсказываетъ о причинѣ удаленія въ гайдуки нѣкоего Михата:

«Одметну се Мијате ајдуче,
Одметну се у гору зелену,
Од зулума бега Љубовића,
Од глади је црну земљу јео,
А од жеђи с листа воду пио,
Док је јунак дружбу сикупио»...

Причиной удаленія въ гайдуки, какъ мы замѣтили, было также проклятіе матери. Такъ, напр., одна болгарская пѣсня [4]) объясняетъ уходъ въ гайдуки Стояна-Янковича. Въ этой пѣснѣ разсказывается, что, когда проклявла Стояна мать за просьбу о женитьбѣ его, то

«Станѫ Стоянъ, та отиде
Въ нéгови, бре, зимници,
Извáди кóня хрáнена,
Съ бѣдъ го орисъ назобú,

---

[2]) Мое-то пѫтованиe по Стара-Планина—П. Хитова...

[3]) «Дружина Михата хајдуко», сборн. Караџ. т. 3-й, № 63, стр. 431.

[4]) «Стоянъ идетъ въ хайдуки», сбрн. Безсонова, № 17, стр. 86—89.

Съ ройно го вино напой,
И тръгнж Стоянъ, отиде
Въ честж горж зелену,
Да са Стоянъ самъ погуби.
Тамъ си юнаци намѣри,
Юнаци млади хайдути:
Съ тѣхъ са Стоянъ намѣси,
Младъ имъ войвода, бре, станжлъ».

Полное самоуправство и притѣсненія турокъ заставляли также бросать все и итти въ гайдуки. Въ одной сербской пѣснѣ: «За што Бајо оде у хајдуке» [5]), это обстоятельство изображается такъ. Баё Пивляиинъ, жившій въ концѣ XVII и начала XVIII вѣка, послѣ того какъ сталъ гайдукомъ, пишетъ письмо своему обидчику турчину Хаджи-Ришняниму. Въ этомъ письмѣ Баё говоритъ Ришнянину: «Помнишь ли ты, какъ я торговалъ въ приморьѣ скотомъ, а ты былъ сборщикомъ податей? Помнишь ли ты, какъ я пригналъ воловъ къ морю, и ты не хотѣлъ взять съ нихъ ни по грошу, ни по дукату, а вошелъ въ середину, да повыбралъ самыхъ лучшихъ изъ нихъ и такимъ образомъ сбавилъ мою цѣну; зло я тогда истратился, домъ свой разстроилъ и сдѣлался въ лѣсу харамбашей вслѣдствіе этого. Теперь у меня тридцать гайдуковъ, у меня и у моего Лимуна: ну-ка, скуй ты мнѣ тридцать бляхъ изъ чистаго серебра, тридцать бляхъ на тридцать юнаковъ; а мнѣ скуй и моему товарищу Лимуну бляхи изъ золота, чтобы знали, что мы съ нимъ харамбаши. А не хочешь мнѣ послать того, выходи на поединокъ юнацкій: что кому дастъ Богъ и счастье!»

Подобный же фактъ самоуправства и своеволія турецкаго, заставившаго Лимуна итти въ гайдуки, передаетъ и пѣсня: «Ришњанин хаџија и Лимун трговац» [6]). Ришнянинъ хаджія засватался и ѣхалъ за сватами. По дорогѣ онъ нагоняетъ торговца Лимуна, который гналъ

[5]) Сбрн. Караджича, т. 3-й, № 67, стр. 448.

[6]) Сбрн. Караджича, т. 3-й, № 68, стр. 450—462.

воловъ. На Лимунѣ было богатѣйшее оружіе. Позавидовалъ Ришнянинъ на оружіе Лимуново и такъ говоритъ: «Если бы ты сдѣлалъ мнѣ такое оружіе, я далъ бы тебѣ тысячу дукатовъ. Лимунъ обѣщалъ ему купить такое же оружіе, какъ только продастъ воловъ. Но Ришнянинъ не того хотѣлъ. Онъ попросилъ примѣрить оружіе, да какъ надѣлъ его на себя, такъ и былъ таковъ. Ни просьбы, ни обѣщанія со стороны Лимуна не могли заставить Ришнянина возвратить оружіе. Тогда Лимунъ поклялся въ душѣ жестоко отомстить Ришнянину: «Не обнимешь ты дѣвушки, которую засваталъ на Савѣ, пока я живъ и здоровъ». Тутъ же Лимунъ рѣшилъ больше не торговать, а, продавши воловъ, сдѣлать себѣ оружіе еще лучше и пойти въ гайдуки. Слово было сдержано, передается въ концѣ пѣсни. Въ третьемъ томѣ сборника пѣсенъ Караджича, въ примѣчаніи къ одной пѣснѣ (№ 74 «Женидба Плетикосе Павла») говорится, что бывали также случаи, когда парни съ дѣвушками уходили въ гайдуки въ томъ случаѣ, если дѣвушекъ не выдавали за нихъ замужъ, или если кто-либо перехватывалъ, или отнималъ ихъ. Въ самой пѣснѣ разсказывается о подобномъ случаѣ, т.-е. какъ одна дѣвушка, предостерегая своихъ сватовъ, уже ведшихъ её въ домъ жениха, заявляетъ имъ, что изъ-за нея ушелъ въ гайдуки нѣкто Плетикосе Павле. Вотъ ея слова:

«Кад сам била лудачка код мајке,
Просио ме Плетикоса Павле
Седам пута у седам година,
Он просио, не даде ме мајка,
С мене Павле оде у хајдуке
И сад њега у хајдуке кажу
У некакој Кунари-Планини,
Шњиме кажу тридесет хајдука:
Бојати-се Плетикосе Павла».

Словомъ, много было побудительныхъ причинъ итти въ гайдуки; можно сказать, что всякій, становившійся гайдукомъ, имѣлъ какую-нибудь побудительную причину свою, частную, имѣющую непосредственно отношеніе

только къ нему, помимо общей политической вражды къ туркамъ и къ ихъ государственнымъ порядкамъ.

Уходившій въ гайдуки самъ собиралъ и составлялъ «дружину», «чету» (отрядъ), или приставалъ къ одной изъ существовавшихъ уже дружинъ, а иногда дѣйствовалъ и самъ по себѣ.

Большая часть пѣсенъ начинается именно тѣмъ, что такой-то «пособралъ дружину» и пустился на подвиги. Названіе дружинниковъ, кромѣ гайдуковъ, арамій, «юнаки» (это болѣе употребительное и болѣе лестное названіе), т.-е. удальцы, добрые молодцы, богатыри, и «момки» —ребята. Замѣчательно, что у болгаръ, равно какъ и у сербовъ, въ гайдуцкія «четы» поступали даже дѣвушки въ сопровожденіи своихъ братьевъ: онѣ ловко владѣли оружіемъ и въ совершеніи подвиговъ соперничали съ мужчинами. Въ болгарскихъ пѣсняхъ (сбрн. братьевъ Миладиновыхъ № 212, стр. 328; сбрн. проф. Качановскаго № 204 и 205, стр. 508—509; сбрн. Безсонова № 27, 28, 29, 30), которыя обыкновенно начинаются стихами: «гдѣ слыхано, гдѣ видано, чтобъ дѣвушка была воеводой», воспѣваются «войводка Бояна», «мома-Елена» (считалась за юнака), Тадорка (также считалась за юнака, но впослѣдствіи была узница при Дунаѣ), Сирма—войводка (долго слывшая за юнака), которая въ концѣ прошлаго столѣтія предводительствовала гайдуцкою дружиною и по 18-ти часовъ въ день могла оставаться на ногахъ [7]). Всѣ эти дѣвушки-гайдуки, по пѣснямъ, ловко владѣли оружіемъ, носили сабли, съ отважною хитростью нападали врасплохъ на караваны и т. п. Вотъ какъ, напр., изображается въ одной болгарской пѣснѣ [8]) геройство войводки Бояны.

Шелъ царскій обозъ подъ большимъ прикрытіемъ. Юнаки, бывшіе съ Бояной, разбѣжались, но она ни-

---

[7]) Сирму-войводку—уже восьмидесятилѣтней старухой видѣлъ въ Прилѣпѣ Димитрій Миладиновъ и изъ устъ ея слышалъ исторію ея молодости. См. Исторія Болгаріи Иречка.

[8]) «Бояна», сбрн. Безсонова, стр. 139—143.

сколько не смутилась и не пала духомъ, а
«Тогá язъ си сáбя извáди,
Та сѣче млáди топчíи,
Петь стóтинъ—се яничяре»...
Осталась въ живыхъ только султанша изъ всего обоза. Султанша стала сестримить Боянку, вымаливая жизнь. Бояна щадитъ султаншу, велитъ ей кланяться отъ нея султану и визирю и съ сознаніемъ собственной силы и достоинства проситъ султаншу передать царю, чтобы «Помного аскéръ да проводи», такъ какъ Тука е Бояна-войвода». По другой пѣснѣ [9], какъ только Бояна узнала о томъ, что ея мужа Мирчё, воеводу гайдуковъ, схватили турки, бросаетъ преслицу (хурка) и веретено, затѣмъ «Облѣче мжжки примѣня,
Припáса сáбля френгíйя,
Забýчи чисти́ ништóве,
И зéма пушку бойлíйка»...,
и отправляется навстрѣчу туркамъ съ цѣлью освободить мужа. Когда турки, ведшіе ея мужа въ оковахъ, предложили ей ѣсть и пить съ ними, то она гордо и смѣло заявляетъ имъ:
«Ой ми ва вáзи, сердари!
Не дойдохъ, да ѣмъ и пия,
Но дойдохъ бой да са бия»...
Пока турки успѣли спохватиться, продолжаетъ пѣсня, она «Турци исколи,
Тоги зи Мирча отървá,
Отърва, оште извáди
Отъ желѣзни-тѣ синджири,
И отъ тежки-тѣ букай».
Мирчё за спасеніе своей жизни уступилъ Боянкѣ свое воеводство.

Таковы-то были дѣвушки, поступавшія въ гайдуцкія четы.

Что же касается до гайдуковъ—мужчинъ, то нужно замѣтить, что въ дружину принимался не всякій при-

[9]) «Мирчё о Бояна», сбрн. Безсонова, стр. 135—139.

ходящій, а по «отбору», «избору», лишь храбрый, испытанный на разные лады юнакъ съ «юнацкимъ сердцемъ и съ юнацкими способностями» (Караджичъ, т. 3 № 41 и 42). Одинъ изъ способовъ испытанія юнаковъ приводится въ пѣснѣ: «Сењанин Тадија» [10]. Тадія, собравши дружину, захотѣлъ испытать мужество и отвагу юнаковъ. Для этой цѣли онъ ободралъ козла и барана и пустилъ ихъ живыми на рубленые еловые сучья; при каждомъ соприкосновеніи съ сучьями козелъ неистово кричитъ, тогда какъ баранъ молчитъ, не даетъ голоса. Когда спросили Тадію, зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, то онъ отвѣтилъ: «видите ли, дорогіе мои братья! какова мука на скотину, еще больше мука у турокъ на нашего брата-юнака, если схватятъ его; кто можетъ поднять эти муки, пусть молча идетъ черезъ гору, какъ ободранный этотъ баранъ; а кто не можетъ, отъ меня ему Богомъ прощеніе, пусть воротится домой»... Слѣдствіемъ этого испытанія, по пѣснѣ, было то, что, когда Тадія послѣ объясненія своего поступка съ бараномъ и козломъ всталъ и, не оглядываясь, быстро пошелъ въ гору, изъ тридцати собранныхъ имъ юнаковъ осталось при немъ только три [11]).

Безчестный человѣкъ, обыкновенный разбойникъ и воръ, котораго звали кокошаринъ, т.-е. куриный злодѣй «лупежъ», «пецибаба», т. е. досадитель бабамъ, не находилъ мѣста въ гайдуцкой средѣ. Никого изъ такихъ и вообще всѣхъ несмѣлыхъ не пускали подъ байракъ (сбрн. Караджича, т. 3 й, №№ 41 и 42, стр. 297—313). Составляшіе «чету» присягали между собой не оставлять другъ друга до послѣдней капли крови, быть справедливыми, вѣрными обѣту и мстить за жертвы турецкаго угнетенія. Обрядъ присяги, или клятвы, состоялъ въ томъ, что, поднявъ три раза свои кинжалы и осѣнивъ себя честнымъ крестомъ, гайдуки клялись

[10]) Сбрн. Караджича, т. III, № 39, стр. 286—293.

[11]) Подобный же примѣръ см. сборн. Караджича, т. 3-й, № 26.

между собой и другихъ обыкновенно заклинали Богомъ и св. Іоанномъ Крестителемъ [12]) не измѣнять своей клятвѣ и не забывать ея до конца своей жизни. Клятва считалась ненарушимой: «Гайдуцкая вѣра крѣпче камня», говоритъ пословица; «Пусть кинжалъ или пистолетъ разорветъ сердце того, кто измѣнитъ данной клятвѣ, и Св. Іоаннъ да накажетъ его». Затѣмъ, всѣ дружинники цѣловались, положивъ правую руку на грудь, прежде съ своимъ воеводою, потомъ другъ съ другомъ. Младшіе изъ гайдуковъ цѣловали руку воеводы и даже одежду его (Сбрн. Караджич., т. 3-й № 26, стр. 173—192). Это заключеніе тѣснѣйшаго и священнаго союза—«побратимства» необходимо было для веденія борьбы съ исконнымъ врагомъ.

Дружинники, составляя «чету», собирались подъ «байракъ» (знамя) краснаго или зеленаго цвѣта, съ кистями и шнурами и съ украшеніемъ вверху. Вотъ какъ въ одной пѣснѣ [13]) описанъ байракъ, развѣвающійся надъ дружиной въ шестьдесятъ человѣкъ:

«Над њима се алај—барјак вије,
На барјаку сребрна челенка
Од двадесет и четири стуба,
На чекрк се за барјаком вије;
На челенки триста трепетљика;
Кад с' обрне на чекрк челенка,
Стоји јека триста трепетљика,
Како листак, кадно ветар дува»...

Когда являлась необходимость собрать дружину, знамя водружалось въ землю, при чемъ подавали какой-нибудь условный знакъ. Такимъ путемъ только и собиралась дружина. Въ гайдуцкихъ пѣсняхъ сплошь и рядомъ упоминается, что такой-то воевода или байрактаръ «развија крстата барјака».

---

[12]) См. сбрн. Караджича, т. III, № 26, стих.: 215, 219, 246.

[13]) «Вучко Љубичић», сбрн. Караджича, т. 3-й, №61, стр. 424.

А под барјак позивље дружину»... (Караджич т. 3-й, № 26, стр. 175).

Гайдуцкія «четы», дружины, въ разное время и въ различныхъ условіяхъ бывали разной численности; въ большинствѣ случаевъ онѣ состояли изъ тридцати человѣкъ; иногда, впрочемъ, сербскія пѣсни упоминаютъ и о большихъ дружинахъ: въ шестьдесятъ человѣкъ (Караджич. т. Ш, № 61-й), въ сто (ibid. № 68-й) и даже нѣсколько больше; въ болгарскихъ пѣсняхъ число дружинниковъ доводится до трехсотъ, хотя это число, вѣроятно, произвольная эпическая цыфра, такъ какъ дѣйствовать постоянно въ такомъ составѣ «четѣ» было затруднительно по многимъ причинамъ. Только въ извѣстныхъ случаяхъ дружины иногда соединялись для какой-либо общей цѣли (Караджич., т. Ш, № 42) и помогали другъ другу.

Главною цѣлью гайдуцкихъ походовъ было нападеніе на турокъ; но подъ конецъ гайдуки грабили и богатыхъ земляковъ, особенно такихъ, которые эксплоатировали бѣдняковъ [14]). Истинный, настоящій гайдукъ рѣдко убивалъ человѣка безъ необходимости. Бывали случаи и очень часто, что гайдуки предваряли о грозящей опасности и совѣтовали исправиться такимъ людямъ; бывали также случаи, что гайдуки во время преслѣдованія и погони за ними совѣтовали гнавшимся и сопротивлявшимся лучше отстать отъ нихъ, дабы имъ не было необходимости убивать.

Уходя на свои подвиги, гайдукъ, конечно, могъ навѣщать своихъ родныхъ и свой домъ только тайкомъ; изъ дому или отъ особыхъ друзей, часто чрезъ пастуховъ, они получали съѣстные припасы, узнавали нужныя свѣдѣнія и т. п. Къ чести турокъ, нужно отнести то, что они не преслѣдовали оставшихся семействъ гайдуковъ, исключая крайнихъ случаевъ.

Составъ дружины нерѣдко бывалъ самый разно-

[14]) Сбрн. Караджича, т. Ш, № 64, стр. 429—440.

образный, какъ можно видѣть изъ пѣсни: «Дружина Михата хајдука» (Караджича сборникъ, томъ Ш-й, № 63 й, стр. 431—433), но при всемъ томъ это былъ народъ избранный. Такъ, напр., въ пѣснѣ: «Гавран харамбаша и Димо» (Карадж., Ш, № 42) воевода Димо приказываетъ своему байрактарю водрузить байракъ и

«Нек се купи тридесет јунака,
Немој пуштит' рђу под барјака,
Но ти купи све главне јунаке,
Кој' одране јаокнути не ће,
Поред себе уклонити друга»...

Въ другой пѣснѣ [15]) воевода Галовранъ, получивъ порученіе собрать юнаковъ, такъ это дѣлаетъ:

«Он развија свилена барјака,
Удари га у зелену траву,
Те сакупи шездесет јунака
Све по избор' бољег од бољега»...

Кромѣ того, о дружинѣ вездѣ въ пѣсняхъ говорится, что она «вѣрна, стоворна».

Выборъ предводителей всегда основывался на личныхъ качествахъ и доблестяхъ извѣстнаго лица. Обыкновенно дружина избирала своимъ начальникомъ, «воеводою», самаго опытнаго и храбрѣйшаго гайдука. Въ пѣсняхъ болгарскихъ и сербскихъ такой начальникъ всего чаще называется воеводой; въ сербскихъ пѣсняхъ очень часто встрѣчается также чисто турецкое слово для названія начальниковъ гайдуковъ «харамбаша (Карадж. Ш, №№ 23, 42, 46, 67 и др.); встрѣчается, хотя и рѣже, еще «чето-баша», т. е. глава четы (Карадж. Ш, № 39). Харамбаша—главный распорядитель дѣйствій и хозяинъ дружины. Гайдуки клялись добровольно повиноваться ему во всемъ, что онъ признаетъ хорошимъ. Они говорили: «Теперь ты наша глава; гдѣ—твой волосъ, тамъ и всѣ наши головы». По сербскимъ пѣснямъ, даже изъ двухъ сошедшихся въ одномъ мѣстѣ

[15]) «Іерко Латинин и Галовран Луко», сбрн. Караджича, т. Ш, № 41; стр. 297.

гайдуковъ, одинъ непремѣнно уже считается харамбашей.

Въ пѣсняхъ есть также указаніе на то, какъ выбирался воевода. Въ одной болгарской пѣснѣ («Дѣвушка воевода,» сбрн. проф. Качановскаго, № 204) разсказывается, что, когда дружинники стали завидовать дѣвушкѣ, которая была булюкъ-башей у нихъ, она для рѣшенія спора, кому быть воеводой, предложила замѣсить прѣсный пирогъ (погача), положить внутрь его золотую монету и поломать на куски; кому достанется кусокъ пирога съ монетой, тотъ и долженъ быть булюкъ-башей; далѣе, въ той же пѣснѣ говорится, что, когда дружина не успокоилась и продолжала все-таки спорить между собою, то дѣвушка предложила стрѣлять въ цѣль:

«Мома булюкъ-башъ говори:
Ай на нышанъ да фырляме—
Кой ке ми погоди,
Той да ми биде булюкъ-башъ»...

Въ другой пѣснѣ того же сборника (№ 205, стр. 509) передается, что дружина въ семьдесятъ человѣкъ порѣшила выбрать того воеводой, кто попадетъ изъ ружья въ середину кольца, перстня.

Въ сборникѣ бр. Миладиновыхъ находится пѣсня, въ которой также разсказывается о выборѣ воеводы (№ 212, «Сирма-Войводка»). Сирма-войводка предлагаетъ юнакамъ такой способъ состязанія:

«Земайте пжрстенъ отъ ржка,
Вурзейте пжрстенъ на бука,
Фжрлейте редомъ на нишонъ,
Кой ке ударитъ пжрстенотъ,
Той ке си бидетъ Войвода
И мене ке ме кердосатъ»..

Далѣе, въ той же пѣснѣ, когда никому изъ юнаковъ, кромѣ нея, не удалось попасть въ перстень, Сирма войводка предлагаетъ состязаться въ бросаніи камня:

«Земайте каменъ, фжрдейте:
Кой ке ме мене натфжрлитъ,

Той мене нека кердосатъ,
Той младъ войвода да бидетъ».

Въ отношеніяхъ воеводы и дружины сохранялись, по пѣснямъ, взаимное уваженіе и заботливость. Въ болгарской пѣснѣ («Стоянъ больной хватаетъ султана», сборн. Безсонова, № XXIII) разсказывается: «Стоянъ собралъ дружину, и вѣру, и клятву сотворили: когда отправимся въ путь, то кто разболѣется, по очереди будемъ присматривать за нимъ, на рукахъ будемъ носить его. Разболѣлся молодой Стоянъ, и носили его на рукахъ отъ Свѣтлаго дня до Ильина дня; нигдѣ никакой добычи не брали, нигдѣ не дѣлали нападенія». Говорить дружина Ивану: «Стояновъ братецъ, Иванъ! не во гнѣвъ тебѣ да будетъ, хотимъ оставить батю твоего». «Дружина вѣрная, сговорная! Не оставляйте батю: вѣдь мы вѣрою клялись ему. Дружина, возьмите его, носите на рукахъ по очереди; отнесемъ его, дружина, къ лѣсу Карнабатскому: тамъ у насъ нива засѣяна прекрасною желтою пшеницею; какъ придутъ жать ниву, авось найдутъ батю». Отнесли они Стояна и оставили на нивѣ. Всѣ-то голосятъ и плачутъ: «Стоянъ, изстари воевода, отъ стараго времени ты остался! Стоянъ! простишь ли ты насъ въ клятвѣ нашей вѣрою»? Грустно смотритъ на нихъ Стоянъ, махаетъ правою рукою: «будь вамъ прощеніе, дружина»!

Воевода обязывается иногда доставить одежду и пищу дружинѣ. Такъ, въ той же болгарской пѣснѣ (сбрн. Безсонова № XXIII) разсказывается, что дружина послѣ того, какъ оставила Стояна, пришла къ крайней бѣдности: «ружья у нихъ на голыхъ плечахъ, пистолеты на голой груди, на голыхъ бедрахъ — сумки съ порохомъ». Стоянъ, встрѣтившись съ дружиной послѣ своего выздоровленія и узнавъ о причинѣ такого бѣдственнаго ея положенія, прежде всего напоилъ и накормилъ её, а затѣмъ немедленно отправился съ нею въ походъ, захватилъ султана, взялъ съ него большой выкупъ червонцами и отдалъ ихъ дружинѣ, по пѣснѣ, «сколько кто понести могъ».

Воевода считаетъ для себя долгомъ предостеречь дружину объ опасностяхъ, когда она просится итти на добычу; онъ, по словамъ пѣсни, прибавляетъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ:

«Ал' ако ми онђе изгинемо,
Ил' грднијех рана допаднемо,
Не мојте ми душе проклињати;
Ако л' како благо добијемо,
Братски ћемо благо дијелити»...

(Кар. III, № 64).

Бывали случаи, что разныя невзгоды и неудачи вызывали ропотъ дружины противъ своего воеводы; но обыкновенно дружина свято исполняетъ свою клятву и обѣтъ и даже при крайней нуждѣ и бѣдности не перемѣняетъ своихъ отношеній къ воеводѣ. «Врага всё нѣтъ, какъ нѣтъ», говорится въ одной пѣснѣ (Караджъ. III, № 42): «не стало ни хлѣба, ни краснаго вина, въ мѣшкѣ вкуснаго кушанья. Сидѣли три четыре дня, никто не попробовалъ хлѣба, ни вина краснаго. Досадила юнакамъ бѣда, но юнаки тверже камня: терпятъ голодъ и юнацкую жажду, никто ни слова не скажетъ».

Случалось также, что дружина при первой неудачѣ проситъ воеводу распустить её (Караджъ. III, № 43). И воевода, если не находилъ возможности сладить съ трусливою и ослушливою дружиною, говорилъ обыкновенно: «экая дрянь у меня дружина», и покидалъ её. Вообще примѣры несогласія и непослушанія, по пѣснямъ, не рѣдки; особенно это изображается въ болгарскихъ пѣсняхъ, которыя часто рисуютъ картину несогласій и раздоровъ среди народа. Подтвержденіе этого находимъ и у Хитова. По его замѣчанію, несогласіе—это главная язва болгарскаго народа. Большая часть народныхъ представителей, по его словамъ, погибли отъ предательства или отъ внутренняго несогласія.

Знаменоносецъ («байрактарь») первое лицо въ дружинѣ послѣ воеводы. Въ это званіе избирается достойнѣйшій изъ гайдуковъ. Если выборъ оказывался неудаченъ, то такое лицо лишали этого званія и отдавали

«барјак» другому (Карадж. III, № 47). Байрактаръ — ближайшій совѣтникъ воеводы, часто одинъ водитъ дружину, а послѣ смерти воеводы заступаетъ его мѣсто (Карадж. III, № 46). Многія славныя имена знаменосцевъ воспѣты въ народныхъ пѣсняхъ параллельно съ именами знаменитыхъ воеводъ. Таковы, напр., Комненъ байрактаръ (Карадж. III, № 26), Зуканъ (ibid. № 54), Милинъ (ibid. № 78) и др.

При каждой гайдуцкой дружинѣ находился «кара-вулджія», т. е. сторожъ, развѣдчикъ. Изъ пѣсенъ можно заключить, что наблюдательными пунктами у него обыкновенно были деревья и ближайшія возвышенности.

Болгарскіе гайдуки носятъ верхнюю одежду большею частью обыкновенную и простую. Совершенно противное явленіе находимъ у сербовъ. Сербскіе гайдуки одѣваются весьма нарядно: платье ихъ расшито разноцвѣтными украшеніями, шелковая шапка украшается обыкновенно большою кистью, спадающею на грудь, и султаномъ (по пѣснѣ № 63 сборн. Караджича III, на гайдукѣ Лукѣ Стремоглядѣ была шапка изъ двухъ волковъ, а султанъ изъ сорока перьевъ). На груди въ видѣ украшенія гайдуки носятъ бляхи, или, за неимѣніемъ ихъ, крупныя серебряныя монеты. Вооруженіе гайдука обыкновенно составляютъ: ружье въ ростъ человѣка (пушка бовшая)[16], два пистолета, прямой ятаганъ и острая сабля. Драгоцѣнное оружіе исстари переходило отъ одного гайдука къ другому по наслѣдству (Карадж. III, № 58, 61 и др.), и турки нерѣдко узнавали гайдуковъ по доспѣхамъ (Карадж. III, № 65). Встрѣчалось у гайдуковъ оружіе очень цѣнное. Такъ, напр., Банъ Задра проситъ выкупомъ за Митю Анделійча у его брата Вука саблю гайдука Стояна Янковича по той причинѣ, что на ней де три золотыхъ ручки, а въ нихъ три дорогихъ камня, и по слухамъ стоютъ они три царевыхъ города. Вукъ Анделійчъ отправился, по пѣснѣ, въ Которъ, къ бѣлому замку Стояна, и купилъ у него

16) Старой системы.

саблю за тридцать кошельковъ денегъ (Караджи. III, № 58). Оружіе имѣло большое значеніе въ гайдуцкой жизни: оно было средствомъ для расправы съ притѣснителями и придавало силу всякому требованію; посредствомъ оружія только гайдукъ могъ добыть себѣ громкую извѣстность и славу. Въ народномъ бытѣ касательно гайдуцкаго оружія сохранились даже поговорки, напр.: «Собака боится палки, а турокъ гайдуцкаго оружія». Арсеналомъ для оружія гайдуковъ служили тѣ же горы и лѣса: уходя на зимовку къ ятакамъ, гайдуки зарывали свое оружіе въ землю и ставили на томъ мѣстѣ извѣстную примѣту, по которой весною отыскивали его. Пѣсня: «Женидба Стојана Јанковича» (Караджи. III, № 21, стр. 117—129) такъ рисуетъ внѣшній видъ юнака Стояна, бывшаго, правда, воеводою:

«Пјан катана под јелином спава
Сав у срми и у чистом злату;
На глави му калпак и челенке,
Један калпак, девет челенака,
Поврај њих је крило саковано,
Ваља крило хиљаду дуката;
На плећима зелена долама,
На долами тридесет путаца;
Свако пуце по од литру злата,
Под грлоцем од три литре злата,
И оно се на бурму отвора,
У њем' носи за јутра ракију;
По доламе троје токе златне,
Златне токе по од двије оке,
Двоје вите, а треће салинге;
На ногама ковче и чачшире,
Жуте му се ноге до кољена,
Побратиме, како у сокола,
Из ковчи су синџири од злата,
На синџирим' ситне тицреиве,
Што ђевојке носе о грлоцу;
Опасао мукадем појаса,
За појасом девет Даницинька.

Све у чисто зальевене злато;
О бедри му сабља окована,
На сабли су три балчака златна
И у њима три камена драга,
Ваља сабља три царева града;
У врату му лежи павталија,
На којзи је тридесет карика,
Свака павта од десет дуката,
Код нишана од тридест дуката,
Више злата, него љута гвожђа»...
(Ст. 17—50)

Рельефными чертами изобразилъ юнака въ своемъ «Горскомъ Путникѣ» поэтъ Раковскій[17]):

«Надъ моремъ стоитъ воевода,
Болгарскій воитель стоитъ,
И, крѣпкую думая думу,
Печально на Сѣверъ глядитъ.
Встаютъ передъ нимъ, какъ видѣнья,
Прошедшіе славные дни:
Онъ мыслитъ о горномъ возстаньи,
Что мнитъ его жизни.
Ой, любо съ болгарской дружиной
Скитаться въ нагорныхъ лѣсахъ
И въ битвѣ встрѣчать супостатовъ
Съ булатною саблей въ рукахъ!
На каждомъ широкое платье—
Старинный народный уборъ.
У каждаго блещетъ оружье,
И всѣ—молодцы на подборъ.
Въ рукахъ боевая винтовка,
На поясѣ пуговицъ рядъ,

[17]) Георгій Раковскій былъ ревностнѣйшимъ патріотомъ и виднымъ дѣятелемъ на пользу умственнаго и нравственнаго развитія болгарскаго народа. Онъ издавалъ газету: «Болгарская Денница»; ему принадлежитъ брошюра: «Предвѣстникъ къ Горскому Путнику», поэма: «Горскій Путникъ»; нѣкоторое время онъ издавалъ газету: «Дунайскій Лебедь». Умеръ онъ въ 1868 г. въ Бухарестѣ.

За поясомъ ножъ, пистолеты,
Какъ ясное солнце, горятъ;
Иду я въ главѣ ополченья,
За мной знаменоносецъ сѣдой:
Подъ златою зеленой хоругвою
Проходимъ Балканы грозой.
Гдѣ бьется болгаринъ съ невѣрнымъ
Въ прохладныхъ нагорныхъ лѣсахъ,
Тамъ выбьется знамя свободы,
Тамъ цѣпи ложатся во прахъ.
О соколъ, могучая птица!
Живешь ты въ гранитныхъ стѣнахъ
Съ подругой, съ своими птенцами,
Въ сосѣдствѣ съ орлами въ горахъ.
Туда помоги мнѣ, о Боже,
Пробраться съ дружиной моей,
Чтобъ съ братьями тамъ мнѣ сойтися
Подъ сѣнью нависшихъ вѣтвей!
Чего они ждутъ такъ упорно?
Чего они крѣпко такъ спятъ?
Кто ихъ, бѣдняковъ, пожалѣетъ,
Когда они сами молчатъ?
Туда! не теряйте минуты!
Отчизна насъ кличетъ, зоветъ!
Удѣлъ нашъ — лѣса и стремнины:
Тамъ наша свобода живетъ.
Возстанетъ могучее племя,
Рука упадетъ на курокъ —
И снова воскресшую славу
Украситъ побѣдный вѣнокъ [18])...

Гайдученье практиковалось обыкновенно лѣтомъ. У сербовъ и болгаръ оно начиналось въ характеристическій въ славянской миѳологіи Юрьевъ день, когда, по выраженію П. Хитова, гайдуки начинаютъ бѣсится. У сербовъ есть поговорка: «Юрьевъ данце, айдуцки са-

[18]) Н. В. Гербель: Поэзія славянъ, С.-ПБ. 1871 г., стр. 304.

опанце» [19]). Почему Юрьевъ день играетъ такую роль въ гайдуцкомъ эпосѣ, ясно само собой: съ этого времени деревья покрываются листьями, благодаря чему гайдукамъ можно легко укрыться отъ взоровъ.

Гайдуковали обыкновенно до осеннихъ холодовъ, когда, съ одной стороны, лѣсъ, обнажившись, не могъ уже скрывать ихъ,—а, съ другой—холодъ не позволялъ оставаться внѣ теплаго крова. Расходясь на зимованье, гайдуки условливались, когда и гдѣ соберутся слѣдующею весною (Сбрн. Караджч. III, №№ 52, 53). Сборными пунктами («сбирины») были большею частью мѣста вблизи колодцевъ, водоемовъ, которыхъ много въ горахъ и возлѣ дороги; вообще же «сбирины» и мѣста свиданій гайдуцкихъ были примѣтные по чему-либо и извѣстные для гайдуковъ пункты. Гавранъ харамбаша (Сбрн. Караджича III, № 42) проситъ Лима собрать дружину отважныхъ молодцовъ и назначаетъ ему мѣсто, гдѣ они должны сойтись, встрѣтиться:

«Каде скупиш таку добру чету,
Хајде шњоме Бишћу на крајину,
У високу Бишћанску планину,
Ђено има суховрха јела,
И под јелом један бијел камен,
Код камена једна вода ладна,
Ту ћеш мене наћи, побратиме,
Са мном хоћеш сву дружину моју»...

Хотя проводить зиму въ лѣсахъ и горахъ для гайдуковъ было крайне затруднительно по причинѣ сильнаго холода и отъ того, что лѣса, потерявъ свой лѣтній уборъ, дѣлались неудобными убѣжищами, и, слѣдовательно, пребываніе въ нихъ оказывалось крайне небезопаснымъ, однако гайдукамъ случалось и зиму проводить въ устроенныхъ тамъ пещерахъ. Что дѣйствительно гайдукамъ приходилось и зимою оставаться въ горахъ и лѣсахъ, можно видѣть изъ многихъ мѣстъ записокъ П. Хитова [20]), а также и изъ описанія А. Н.

---

[19]) «Юрьевъ день - гайдуцкая сходка».

[20]) См. «Пѫтование по Стара-Планина»... П. Хитова

Дырииымъ жизни гайдука Станислава Сочивицы, жившаго въ XVIII вѣкѣ и надѣлавшаго много шуму въ свое время [21]).

Но обыкновенно на зиму, какъ было замѣчено выше, гайдуки уходили изъ лѣсовъ и горъ и скрывались у своихъ родныхъ и друзей, у которыхъ исполняли часто разныя работы. Эти послѣдніе обязывались оберегать и лѣчить своихъ тайныхъ гостей, за что гайдуки считали своимъ долгомъ достойнымъ образомъ отблагодарить своихъ друзей. Люди, дававшіе пріютъ гайдукамъ, назывались ятаками. Вообще въ средствахъ для сношеній гайдуковъ съ своимъ народомъ, сочувствовавшимъ имъ и сознававшимъ ихъ самоотверженныя жертвы для него, никогда не было недостатка. Гайдуки почти вездѣ и всегда находили ятаковъ, которые снабжали гайдуковъ пищею и другими необходимыми предметами, посылали имъ письма, сообщали о злодѣйствахъ турокъ и о грозящей имъ опасности.

И. Н. Смѣльницкій.

Продолженіе будетъ.

---

[21]) См. «Вѣстникъ Европы», 1877 г. іюнь, стр. 727—746.

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ Н. П. КОНДАКОВА.

На остававшееся вакантнымъ кресло сверхштатнаго академика Императорской академіи наукъ по историко-филологическому отдѣленію избранъ Н. П. Кондаковъ. Записка о его ученыхъ трудахъ составлена была ординарными академиками В. Васильевскимъ и В. Латышевымъ. Академія пріобрѣла въ лицѣ Н. П. Кондакова дѣятельнаго члена.

Н. П. Кондаковъ по Московскому университету былъ ученикомъ профессоровъ Буслаева и Герца. Счастливое сочетаніе двухсторонняго вліянія, обозначаемаго этими именами, выразилось въ томъ, что Кондаковъ, съ одной стороны, рано заинтересовался памятниками христіанскаго искусства и особенно восточнаго: византійскими и русскими, а съ другой стороны, былъ введенъ въ кругъ занятій классическимъ искусствомъ—въ наиболѣе научно разработанную область, въ которой всего лучше можно было выработать правильный и строгій методъ изслѣдованія. Первые ученые опыты Н. П. Кондакова были посвящены именно античному искусству. Его магистерскою диссертаціею было сочиненіе: «Памятникъ Гарпій изъ Малой Азіи и символика греческаго искусства» (Одесса, 1873). Въ классической археологіи господствовало тогда нѣкоторое крайнее увлеченіе символизмомъ; не избѣжалъ его, конечно, и молодой ученый. Бóльшую самостоятельность обнаружилъ онъ въ другомъ своемъ обширномъ трудѣ по предмету классическихъ древностей, въ изслѣдованіи о греческихъ терракоттовыхъ статуэткахъ. (Одесса, 1879). Ближайшимъ основаніемъ для него послужило собраніе терракоттъ изъ южной Россіи, принадлежащее Императорскому Обществу Исторіи и Древностей при Новороссійскомъ университетѣ, но авторъ привлекалъ къ изслѣдованію и многочисленныя коллекціи, которыя онъ

видѣлъ во время своей заграничной командировки (1875—1876). Такимъ образомъ онъ взялъ за основу изслѣдованія не одинъ какой-либо памятникъ, а, какъ въ своихъ позднѣйшихъ знаменитыхъ трудахъ по христіанскому искусству, цѣлую массу однородныхъ памятниковъ и стремился къ тому, чтобы найти ихъ значеніе и смыслъ.

Во время помянутой заграничной командировки Н. П. Кондаковъ перешелъ къ спеціальнымъ занятіямъ византійскимъ искусствомъ. Первымъ значительнымъ плодомъ ихъ было сочиненіе: «Исторія византійскаго искусства и иконографіи по миніатюрамъ греческихъ рукописей» (Одесса 1876 г.). Мысль, которая руководила молодымъ ученымъ при выборѣ сюжета, отчетливо выражена въ его отчетѣ Министерству Народнаго Просвѣщенія о заграничныхъ занятіяхъ. Знакомство съ литературою по исторіи византійскаго искусства, довольно, впрочемъ, ограниченной количественно и случайной, привело его къ заключенію, что современная наука въ концѣ концовъ не въ состояніи даже отвѣчать на вопросы о томъ, что такое византійское искусство, и въ чемъ заключается его развитіе.—Онъ понялъ, что къ разрѣшенію этихъ вопросовъ нужно итти путемъ частныхъ изслѣдованій на почвѣ отдѣльныхъ производствъ, какъ мозаика, миніатюра и т. д , точно выдѣляя древне-византійское отъ общаго древне-христіанскаго искусства и отъ романскаго. Прежде всего Н. П. Кондаковъ остановился на миніатюрѣ, потому что этотъ отдѣлъ памятниковъ представляетъ наибольшую важность. Всѣ остальныя художественныя производства византійскаго искусства не даютъ подобной непрерывной серіи памятниковъ, въ которой возможно было бы прослѣдить на значительномъ пространствѣ его развитіе. Напротивъ, миніатюра и по сравнительной многочисленности произведеній этого рода, которыя идутъ съ непрерывной послѣдовательностью съ начала IX вѣка и по XIII включительно, и по опредѣлимости ихъ датъ, и особенно по ясности сюжетовъ, истолковываемыхъ при помо-

щи текста, который этими миніатюрами иллюстрируется или сопровождается, представляетъ всѣ выгоды для изученія чрезъ ея произведенія исторіи византійскаго искусства. Важнѣйшая область археологіи этого искусства—иконографія—какъ выработалась окончательно послѣ иконоборческой эпохи въ этого рода произведеніяхъ, такъ, поэтому, въ нихъ главнымъ образомъ и можетъ быть изучаема. Но при такой высокой важности своихъ произведеній византійская миніатюра въ цѣльномъ своемъ развитіи не была предметомъ спеціальныхъ трудовъ помимо частныхъ изслѣдованій, принадлежащихъ преимущественно Россіи, въ которыхъ вопросъ не могъ получить надлежащей и желательной постановки.

Въ 1876 году въ Одессѣ, гдѣ авторъ былъ профессоромъ Новороссійскаго университета, появилось сочиненіе Н. П. Кондакова «Исторія Византійскаго искусства по миніатюрамъ греческихъ рукописей» —на первый разъ въ скромной формѣ докторской диссертаціи. Но изслѣдованіе не было обычнымъ явленіемъ университетской жизни, —оно было основано на самостоятельномъ изученіи лицевыхъ рукописей во всѣхъ важнѣйшихъ библіотекахъ Зап. Европы (кромѣ Испаніи), а также Москвы и Петербурга. Выставлялась на видъ прежде всего необходимость обозрѣть по возможности весь запасъ матеріала, и въ сущности это было достигнуто за небольшими пробѣлами. Но трудъ не ограничивался однимъ каталогомъ или описаніемъ миніатюръ; существенная часть поставленной авторомъ себѣ задачи заключалась въ стилистическомъ изученіи миніатюръ и въ выясненіи ихъ связи съ иллюстрируемыми текстами. Непосредственное описаніе и всесторонее изслѣдованіе миніатюръ дополняется широкими сравненіями съ памятниками и общими очерками соотвѣтствующихъ эпохъ въ исторіи искусства. На всемъ пути изслѣдованія авторъ изъ множества мелкихъ наблюдаемыхъ фактовъ извлекаетъ общіе выводы, которые въ совокупности представляютъ цѣлый очеркъ всего хода византійскаго искусства, даютъ удовлетвори

тельный отвѣтъ на вопросъ, въ чемъ заключалась его сущность и развитіе. При обсужденіи нѣкоторыхъ частныхъ пунктовъ русскій ученый обнаружилъ особенную проницательность и ясность взгляда, выставляя истинное толкованіе и опредѣленіе памятникамъ византійскаго искусства или не понимаемымъ, или неправильно объясняемымъ со стороны ихъ западно-европейскихъ хранителей и изслѣдователей. Онъ доказалъ принадлежность двухъ знаменитыхъ рукописей Ватикана—свитка книги Іисуса Навина и христіанской топографіи Косьмы Индоплова временамъ болѣе древнимъ, чѣмъ дотолѣ полагали; онъ же первый обратилъ вниманіе на копіи, разбросанныя въ Вѣнѣ и Римѣ, съ лицевого календаря середины IV вѣка по Р. Х., оригиналъ котораго давно утраченъ. Н. П. Кондаковъ угадывалъ въ немъ первое проявленіе особенностей прямого и настоящаго византійскаго стиля: взглядъ, усвоенный и развитый въ позднѣйшей специальной работѣ І. Стшиговскаго, который уже сталъ тогда пріобрѣтать въ ученой Германіи и вообще на Западѣ репутацію первокласснаго знатока византійскаго искусства на ряду со старшимъ своимъ русскимъ предшественникомъ. (I. Strzygowski, Kalenderbilder des Chronographen v. Jahr 354. Berlin. 1888). Неудивительно, что трудъ Н. П. Кондакова о миніатюрахъ съ разу обратилъ на себя вниманіе русской ученой публики; переведенный затѣмъ на французскій языкъ (въ коллекціи «Международной Библіотеки искусства». Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures. I—II. Paris, 1886—1891), при содѣйствіи автора, котораго пригласили сдѣлать дополненія, онъ снискалъ Н. П. Кондакову европейскую извѣстность.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть отдѣльное весьма важное изслѣдованіе Н. П. Кондакова, посвященное миніатюрамъ лицевой, нѣкогда Хлудовской—псалтири IX вѣка (Москва 1878 г.).

Миніатюры греческихъ рукописей были не единственнымъ предметомъ, а только средоточіемъ, къ ко-

торому пріурочивались двухлѣтнія заграничныя студіи Н. П. Кондакова. Отчеты и частныя изслѣдованія, появившіяся тогда же и нѣсколько позже, свидѣтельствуютъ объ изученіи монументальныхъ мозаичныхъ росписей въ церквахъ Италіи, а также и другихъ памятниковъ христіанскаго искусства. И здѣсь наука въ нѣсколькихъ случаяхъ обязана ему указаніемъ истины, скрывавшейся отъ мѣстныхъ изслѣдователей. Такъ, въ Римѣ, центрѣ и колыбели науки христіанской древности, въ рефератѣ, прочитанномъ въ присутствіи Росси и затѣмъ напечатанномъ въ спеціальномъ французскомъ журналѣ «Revue archéologique» за 1877 годъ,—Н. П. Кондаковъ доказалъ принадлежность рельефовъ деревянной двери церкви Св. Сабины къ V вѣку, тогда какъ прежде ихъ считали произведеніемъ позднѣйшаго времени, средневѣковья (XII в.). Ему же принадлежитъ и та честь, что онъ указалъ ключъ для пониманія одного мозаичнаго изображенія на тріумфальной аркѣ базилики Маріи Великой въ апокрифическомъ сказаніи. Работы Н. П. Кондакова по исторіи итальянской живописи эпохи ранняго возрожденія и по вопросу о зависимости ея отъ живописи византійской остались незаконченными и не изданными. Но самостоятельныя изслѣдованія въ этой области дали ему прочное основаніе, чтобы разрушить пущенное было въ науку мнѣніе о зависимости отъ ранней итальянской живописи извѣстныхъ византійскихъ мозаикъ въ церкви монастыря Хоры въ Константинополѣ (XIII в.). Это сдѣлано было въ особомъ трудѣ, чрезвычайно цѣнномъ во всѣхъ отношеніяхъ, появившемся въ Одессѣ въ 1881 году подъ заглавіемъ «Мозаики мечети Кахріе-джами въ Константинополѣ». Впослѣдствіи Н. П. Кондаковъ обращался къ этому предмету въ своихъ общихъ трудахъ.

Другой еще болѣе важный по древности памятникъ восточно христіанской мозаики — мозаическая роспись въ церкви Синайскаго монастыря, остающаяся до сихъ поръ неизданной надлежащимъ образомъ, изслѣдована была проф. Кондаковымъ во время его поѣзд-

ки на Синай въ 1881 году, описаніе которой появилось въ Одессѣ въ слѣдующемъ году. Миніатюры лицевыхъ синайскихъ рукописей, которыя, конечно, интересовали нашего ученаго столько же, сколько и мозаики, послужили источникомъ, изъ котораго въ обиліи извлечены были новыя данныя, подкрѣпляющія и утверждающія прежнія идеи Н. П. Кондакова, въ особенности по вопросу о вліяніи иконоборства въ движеніи искусства.

Орнаментика заглавныхъ буквъ въ рукописяхъ привела изслѣдователя къ догадкѣ о восточномъ происхожденіи такъ называемаго звѣринаго орнамента, считавшагося дотолѣ характернымъ продуктомъ дальняго сѣвера Европы: Ирландіи и Скандинавіи. Догадка въ дальнѣйшемъ развитіи получила видъ прочно установленной теоріи.

Послѣ особой экспедиціи въ Константинополь, снаряженной въ 1884 году подготовительнымъ комитетомъ VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ, проф. Н. П. Кондаковъ взялся за новый общій и большой трудъ о сохранившихся памятникахъ церковнаго зодчества въ Цареградѣ. Сочиненіе было издано въ третьемъ томѣ трудовъ съѣзда подъ заглавіемъ: «Византійскія церкви и памятники въ Константинополѣ» Одесса 1877 г. Въ обширномъ трудѣ этомъ, какъ и въ прочихъ крупныхъ работахъ своихъ, проф. Кондаковъ не ограничивался непосредственною темою изслѣдованія, но попутно вводитъ въ топографическія разсужденія и археологическія описанія сохранившихся памятниковъ, цѣлый рядъ отдѣльныхъ экскурсовъ по различнымъ вопросамъ исторіи византійскаго искусства и иконографіи, такъ или иначе связаныхъ съ древностями «Царствующаго града». Литературныя свѣдѣнія тщательно собраны и приводятся съ полнотою, но они обработаны и провѣрены ученымъ археологомъ, которому вещественные памятники говорятъ сами о себѣ, помимо предполагаемой—зачастую ошибочно—связи ихъ съ тѣмъ или инымъ историческимъ свидѣтельствомъ. Книга остается драгоцѣннымъ пособіемъ для всѣхъ, занимающихся Византіею, а тѣмъ

болѣе, въ частности исторіею византійскаго искусства и иконографіи.—Во введеніи къ этой работѣ авторъ выразилъ мысль, полную справедливость которой доказали его послѣдніе труды, что «русская археологія имѣетъ своей задачею построить научный фундаментъ своего предмета на изслѣдованіяхъ Византіи. Пусть въ конечномъ результатѣ работъ по византійской археологіи будетъ лежать цѣль познанія русской старины, общая историческая постановка всего предмета, отъ его начала до послѣдняго момента, составляетъ единственное условіе научности изслѣдованій.

Эта необходимость полнаго и глубокаго знанія византійскихъ памятниковъ для изслѣдованія русскихъ древностей сказалась въ небольшой, но весьма важной по результату статьѣ Н. П. Кондакова «о фрескахъ лѣстницъ Кіево-Софійскаго собора» (Записки Императорскаго Русскаго археологическаго Общества 1888 г.). Въ ней доказано, что сцены, изображенныя тамъ, вовсе не потѣхи великихъ князей кіевскихъ, какъ объясняли ихъ дотолѣ, а игры и охотничьи представленія въ Константинопольскомъ циркѣ. Этотъ выводъ сразу открылъ смыслъ многочисленныхъ отдѣльныхъ сценъ подобнаго рода на различныхъ памятникахъ византійскаго искусства и далъ новыя прочныя основанія для сужденія о Царьградскомъ ипподромѣ XI вѣка. Оказалось, что цирковыя зрѣлища давали столь же богатую тему художникамъ поздняго византійскаго времени, какъ нѣкогда александрійскимъ и римскимъ.

Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ христіанскихъ памятниковъ средневѣковья, какъ монументальныхъ: мозаичныхъ и фресковыхъ росписей, такъ и обыденныхъ: миніатюръ и иконъ, проф. Кондаковъ на ряду съ заключеніями относительно постепенныхъ измѣненій формъ и стиля, получаемыхъ изъ наблюденій надъ самими памятниками, долженъ былъ рѣшать вопросы объ ихъ происхожденіи и причинахъ измѣненій въ содержаніи и композиціяхъ различныхъ иконографическихъ изображеній. Отвѣты нужно было умѣть находить въ обширной

и относительно мало изслѣдованной области богословской литературы и исторіи византійской церкви. Проф. Кондаковъ по большей части удачно выходилъ изъ затрудненій, которыя нерѣдко являлись ему въ этой области, не входящей ближайшимъ образомъ въ его спеціальность и нерѣдко затемняемой, а не разъясняемой тенденціозными толкованіями комментаторовъ разныхъ вѣроисповѣданій и направленій. Все-таки историкобогословскіе труды значительно уравнивали здѣсь почву для археологическаго изслѣдованія памятниковъ иконографическаго характера.

Въ иное положеніе поставленъ былъ изслѣдователь передъ произведеніями художественной промышленности, подавляющими и своей многочисленностью, и разбросанностью. Научная разработка византійскихъ и русскихъ издѣлій этого рода предыдущими археологами была весьма незначительна; въ литературныхъ памятникахъ по большей части никакой помощи не оказывается; лишь изрѣдка и для немногихъ произведеній этого рода письменные памятники даютъ указанія, то слишкомъ краткія и сухія, то слишкомъ пространныя, расплывчатыя, а именно относительно вещей, освященныхъ преданіемъ какъ святыни и регаліи. Но тутъ-то именно историческія показанія и обнаруживаютъ свою тенденціозность: и святыни, и регаліи связываются обыкновенно съ наиболѣе знаменитыми именами, являются нерѣдко и преувеличенія для вещей перваго рода относительно древности ихъ, для вторыхъ же относительно политическаго значенія ихъ и объема правъ, съ ними связанныхъ. Провѣрить такого рода историческія показанія можетъ въ этихъ случаяхъ только историкъ искусства: его наука оказывается здѣсь не слугою, а путеводителемъ исторіи. «Археологія», говоритъ проф. Кондаковъ (Русскіе клады, 61): «тѣмъ и отличается отъ собственной исторіи, что ея матеріаломъ служитъ самое произведеніе рукъ человѣческихъ, какъ для естествоиспытателя произведенія природы, а не одинъ разсказъ о немъ или его описаніе, или мнѣнія лѣтописцевъ и

историковъ». Такимъ образомъ, для уясненія смысла и назначенія мелкихъ произведеній художественной промышленности изслѣдователь долженъ искать отвѣтовъ на многоразличные вопросы, ему представляющіеся, по большей части пользуясь лишь методами своей специальной науки—исторіи искусства и археологіи—и лишь путемъ анализа формъ и стиля приходится ему прокладывать себѣ дорогу среди дремучаго лѣса, гдѣ часто нѣтъ просвѣта, гдѣ новыя находки только усиливаютъ темноту вмѣсто того, чтобы ее разгонять. Своимъ собственнымъ путемъ мало по малу долженъ археологъ-изслѣдователь добираться до источника, гдѣ таится начало изслѣдуемой группы древностей, прослѣдить едва уловимые извивы начальнаго развитія ихъ, чтобы затѣмъ достигнуть широкаго потока ихъ, включеннаго уже въ ясные берега исторіи и хронологіи, и затѣмъ, слѣдуя по нему и отмѣчая всѣ постороннія вліянія, прійти, наконецъ, къ широкому и неизслѣдованному морю современнаго народнаго искусства и уборовъ. Въ этой области, разумѣется, изслѣдованіе не можетъ быть столь послѣдовательно, столь схематично, и самые результаты его не могутъ быть, очевидно, столь прочны и окончательны, какъ въ изслѣдованіяхъ по археологіи классической или по христіанской иконографіи; здѣсь неизбѣжны недомолвки, недосмотры, увлеченія, частныя ошибки, но здѣсь-то именно всякій твердый шагъ впередъ, всякая проложенная тропа имѣетъ особую цѣну для успѣховъ современной археологіи, для выработки научнаго метода и пріемовъ. Въ эти дебри, въ которыхъ доселѣ безплодно блуждали смѣлые диллетанты, и предъ которыми безпомощно останавливались ученые съ своимъ строго выработанымъ методомъ, углубился въ двухъ послѣднихъ своихъ трудахъ проф. Н. П. Кондаковъ; и тутъ именно его изслѣдованія являются откровеніями, сулящими наукѣ средневѣковой и русской археологіи обладаніе новыми, свѣжими, почти не затронутыми областями.

Ближайшимъ побужденіемъ къ пристальнымъ за-

нятіямъ въ этихъ областяхъ для Н. П. Кондакова было приглашеніе въ 1886 г. А. В. Звенигородскаго составить текстъ къ изданію принадлежащаго ему собранія византійскихъ эмалей. Понимая задачу, согласно съ характеромъ всѣхъ крупныхъ работъ своихъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ, проф. Н. П. Кондаковъ предпринялъ новое спеціальное путешествіе по Европѣ для осмотра всѣхъ важнѣйшихъ памятниковъ этого рода художественной промышленности. Но особенно кстати пришлась лѣтомъ поѣздка 1889 г. въ Закавказье, откуда происходятъ въ большинствѣ эмали Звенигородскаго. Непосредственною задачей поѣздки, совершенной по Высочайшему повелѣнію, было составленіе охранной описи сокровищамъ ризницъ грузинскихъ церквей и монастырей, а литературнымъ результатомъ ея было сочиненіе, обнародованное въ сотрудничествѣ съ Дм. З. Бакрадзе: «Опись памятниковъ древности въ нѣкоторыхъ церквахъ и монастыряхъ Грузіи». (С.-ПБ. 1890 г.). Для основной цѣли, къ которой теперь направились ученые замыслы Н. П. Кондакова, поѣздка особенно благотворна была потому, что ознакомила его съ массою византійскихъ и грузинскихъ эмалей и иныхъ произведеній ювелирнаго и чеканнаго мастерства, нерѣдко точно датированныхъ подписями; это дѣлало изученіе ихъ особенно полезнымъ для установленія критеріевъ для хронологическаго опредѣленія подобнаго рода работъ и въ другихъ мѣстахъ. Нахожденіе издѣлій чисто византійскихъ рядомъ съ мѣстными грузинскими имъ подражаніями особенно важно было для будущаго изученія древностей русскихъ, состоящихъ изъ такихъ же двухъ неразличимыхъ для неискушеннаго глаза группъ.

Въ 1892 году явилась книга: «Исторія и памятники византійской эмали», изданная А. В. Звенигородскимъ одновременно на трехъ языкахъ съ такою роскошью, которая до сихъ поръ значительно препятствуетъ распространенію и доступности заключающагося въ ней изслѣдованія въ кругахъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ содержаніемъ и результатами его. Въ из-

слѣдованіи объ эмаляхъ проф. Н. П. Кондаковъ владѣлъ соотвѣтствующимъ матеріаломъ, разбросаннымъ по всей Европѣ, еще шире и полнѣе, чѣмъ въ изслѣдованіи о византійскихъ миніатюрахъ; въ этомъ отношеніи трудъ его представляетъ явленіе исключительное. Изумительному запасу собранныхъ свѣдѣній соотвѣтствуетъ широта взглядовъ и новый ростъ критическихъ пріемовъ. Самый предметъ изслѣдованія, представляющій какъ бы соединеніе миніатюрной живописи съ золотыхъ дѣлъ мастерствомъ, былъ особенно близокъ и любезенъ Н. П. Кондакову; его предыдущія работы исчерпывали первую сторону дѣла, теперь его главное вниманіе привлекала, естественно, вторая. Книга объ эмаляхъ является почти полною исторіей ювелирнаго искусства Греціи и Востока, древняго, средневѣковаго и даже новаго; авторъ разбираетъ и различные виды цвѣтныхъ инкрустацій по металлу въ Египтѣ, въ Персіи, въ Римской и средневѣковой Европѣ. Предполагая происхожденіе техники перегородчатой эмали въ Персіи, изслѣдователь восходитъ до цвѣтныхъ изразцовъ ахеменидскихъ дворцовъ и спускается до эмалей китайскихъ и японскихъ, какъ восточной отрасли того же корня, отъ котораго на западѣ выросла вѣтвь византійской эмали, составляющей главную тему всего изслѣдованія. Говоря объ украшеніяхъ эмалями предметовъ личнаго убора, профес. Кондаковъ входитъ въ разсмотрѣніе и анализъ и самихъ формъ ихъ; онъ ихъ изучаетъ съ такою же широтою, начиная съ Египта и Кипра и кончая современными Индіей и Тибетомъ. Относительно византійскихъ эмалей сочиненіе профес. Н. П. Кондакова представляетъ съ необыкновенной дотолѣ полнотой собраніе литературныхъ извѣстій, касающихся эмалеваго производства, и описаніе всѣхъ извѣстныхъ автору, по большей части въ оригиналахъ, памятниковъ этого рода. Авторъ касается и нѣкоторыхъ западныхъ подражаній византійскимъ эмалямъ, но особенное вниманіе посвящаетъ восточнымъ грузинскимъ эмалевымъ изданіямъ, копирующимъ византійскіе оригиналы. Та-

кимъ образомъ изслѣдованіе кончается разсмотрѣніемъ памятниковъ эмалеваго производства до-монгольской Руси; здѣсь авторъ имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ русскихъ археологовъ гр. Уварова, Филимонова, В. В. Стасова и, благодаря своимъ предварительнымъ спеціальнымъ студіямъ всевозможныхъ византійскихъ памятниковъ, явился преемникомъ, подготовленнымъ гораздо лучше, чѣмъ кто-либо прежде.

Помимо непосредственной темы изслѣдованія попутно затрогиваются, а иногда и рѣшаются многіе и разнообразные вопросы средневѣковой археологіи. Такъ напр., профес. Кондаковъ вмѣсто обычнаго до тѣхъ поръ опредѣленія IX вѣкомъ драгоцѣннаго оклада престола въ соборѣ св. Лаврентія въ Миланѣ выставилъ датировку его началомъ XII в., къ ней же пришли затѣмъ независимо, впрочемъ, отъ работы профес. Кондакова и мѣстные изслѣдователи. Отнесеніе профес. Кондаковымъ извѣстнаго и во многихъ отношеніяхъ загадочнаго клада золотыхъ сосудовъ, найденнаго въ Венгріи и изданнаго мѣстнымъ авторитетнѣйшимъ ученымъ Гампелемъ, подъ именемъ «Клада Аттилы»,—къ IX вѣку, подтверждается только что найденными въ Болгаріи надписями этого вѣка, въ которыхъ встрѣчаются тѣ же совсѣмъ необычныя слова и выраженія, какъ и на одной чашѣ клада. Разсматривая венгерскую корону св. Стефана и указывая на ранѣе замѣченную ея двухсоставность, русскій изслѣдователь убѣдился, что древнѣйшая часть ея есть та, которой опредѣляется эпоха изображеніемъ византійскаго императора Михаила Дуки (1071—1077), что ея первоначальное значеніе и форма соотвѣтствовали по византійскому церемоніалу чину «Кесаря», и что установка на ней посреди изображенія Спасителя на придѣланномъ позднѣе перекрестьѣ объясняется не просто варварствомъ, а желаніемъ обратить ее въ царскій вѣнецъ.

Кромѣ такихъ и подобныхъ экскурсовъ, въ книгѣ разсыпанъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ иконографическихъ, стилистическихъ и историческихъ замѣчаній, и все вмѣ-

стѣ придаетъ изданію, носящему столь спеціальное название, характеръ неизбѣжнаго пособія при занятіяхъ самыми общими вопросами византійской и вообще средневѣковой археологіи. Если бы мы считали нужнымъ приводить отзывы иностранныхъ и русскихъ рецензентовъ сочиненія, то получился бы согласный и чрезвычайно внушительный хоръ горячихъ и почти восторженныхъ похвалъ. Новѣйшая книга извѣстнаго западнаго археолога фонъ-Бока, изданная тѣмъ же Звенигородскимъ, предназначена служить дополненіемъ къ произведенію русскаго ученаго, не колебля и не измѣняя основныхъ положеній Н. П. Кондакова (Die byzantischen zellenschmelze der Sammlung DrAlexan. Von Swenigorodskoi und das darüber veröffentlichte Prachtwerk von Fr. Bock, Aachen 1896).

Послѣдняя глава сочиненія объ эмаляхъ была какъ бы предварительнымъ сочиненіемъ о результатахъ изученія многочисленныхъ русскихъ кладовъ, чѣмъ профес. Кондаковъ сталъ заниматься по порученію Императорской археологической коммиссіи. Въ 1896 г. вышло начало особаго труда, имъ посвященнаго подъ заглавіемъ: «Русскіе клады. Изслѣдованіе о древностяхъ велико-княжескаго періода. Томъ I. С.-ПБ. 1896». Книга содержитъ въ себѣ, помимо подробнаго описанія кладовъ кіевскихъ, черниговскихъ, рязанскихъ, переяславскаго и владимірскаго, образующаго вторую главу, еще двѣ пространныхъ главы (первая и третья), заключающихъ въ себѣ разборъ различныхъ вопросовъ общаго характера, иногда ближайшимъ образомъ связанныхъ съ русскими кладами, иногда же выходящихъ далеко за предѣлы спеціальной темы изслѣдованія. Помимо строго научнаго описанія предметовъ личнаго убора до-монгольской Руси, опять вносится много новыхъ взглядовъ, гипотезъ и вполнѣ обоснованныхъ выводовъ въ общую европейскую науку о древностяхъ средневѣковой Европы и Востока. Въ первой главѣ профес. Кондаковъ занимается преимущественно весьма сложнымъ и тёмнымъ вопросомъ о вліяніи мусульманскаго, (называемаго обык-

новенно «арабскимъ») искусства на до-монгольскую Русь и въ нѣкоторыхъ случаяхъ на Европу. Такъ профес. Кондаковъ ближайшія аналогіи серебряннымъ рельефамъ, украшающимъ турьи рога, найденныя въ Черниговѣ—въ курганѣ X вѣка, указываетъ въ различныхъ произведеніяхъ такъ называемаго арабскаго искусства (терминъ далеко не соотвѣтствуетъ истиннымъ корнямъ этого стиля, оказывающимся въ до-исламской Персіи и Сиріи). Указывая рядъ отдѣльныхъ чертъ и цѣлыхъ памятниковъ того же происхожденія въ курганныхъ древностяхъ Россіи и Скандинавіи, Н. П. Кондаковъ приходитъ къ заключенію о восточной родинѣ такъ называемаго звѣринаго орнамента, о чемъ по поводу фигурныхъ буквъ нѣкоторыхъ византійскихъ рукописей ему приходилось говорить еще въ описаніи Синайской библіотеки. Разсмотрѣніе оригинальныхъ керамическихъ произведеній, находимыхъ на сѣверномъ и восточномъ берегу Чернаго моря опять приводитъ изслѣдователя къ тому же сильному вліянію на до-монгольскую Русь Востока на ряду съ Византіею. Мѣстомъ этого вліянія элементовъ византійскихъ и восточныхъ профес. Кондаковъ считаетъ Малую Азію и побережье Чернаго моря, въ частности Херсонесъ, и поэтому съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на вопросѣ о значеніи въ древней Руси эпитета «Корсунскій»: этимъ названіемъ, по его мнѣнію, обозначались издѣлія нечисто византійскаго характера, въ противоположность цареградскимъ, что обозначало подлинное византійство. Особенно интересно для русской археологіи и, конечно, исторіи въ главѣ этой подробное разсмотрѣніе такъ называемой мономаховой шапки. Проф. Кондаковъ идетъ своимъ археологическимъ путемъ, оставляя въ сторонѣ всякаго рода историческія о ней сказанія и домыслы новыхъ историковъ, и разсмотрѣніемъ ея самой по себѣ и по сравненію ея съ иными найденными имъ аналогичными памятниками, изъ которыхъ особенно близки къ ней бляшки изъ Херсонеса и окладъ Гелатскаго Монастыря, приходитъ къ выводу о принадлежности ея XII в. и

византійскому искусству, но не константинопольскому, а тѣхъ провинцій, гдѣ чистый византійскій стиль смѣшивался съ арабскимъ т.-е. Малой Азіи, Кавказа или Херсонеса.

Въ третьей главѣ разбираются отдѣльные виды личныхъ уборовъ, при чемъ весь матеріалъ охватывается съ полнотою, свойственною нашему ученому и на сей разъ только Н. П. Кондакову доступной. Проф. Кондаковъ выставляетъ здѣсь, какъ исходную точку, новое и заманчивое положеніе, что такъ называемыя варварскія вещи отнюдь не должны быть изучаемы по пріему до-исторической археологіи, которая, разсматривая формы этихъ вещей, предполагаетъ постепенное и нормальное развитіе ихъ самихъ по себѣ; напротивъ, эти варварскіе уборы суть не что иное, какъ подражаніе уборамъ сосѣднихъ культурныхъ народовъ, особенно же византійскаго двора, гдѣ формы ихъ иногда имѣли значеніе признаковъ ранга и должности, носившихъ ихъ чиновъ. Варвары имѣли много случаевъ ознакомиться съ самыми подлинниками, получая ихъ иногда изъ самой Византіи, считавшей сосѣдніе народы вассальными и охотно одарявшей ихъ властителей титулами и соотвѣтствующими регаліями и наградами. При дальнѣйшихъ же уже мѣстныхъ варварскихъ подражаніяхъ измѣнялись, постепенно грубѣя, формы уборовъ; забывалось, конечно, и первоначальное значеніе ихъ, нѣкогда доступное пониманію честолюбивыхъ князей, конунговъ и вождей. Какъ всегда бываетъ съ модами, путемъ длиннаго и постепеннаго процесса вульгаризаціи придворные наряды царскихъ дворовъ Ктезифонта и Константинополя находятъ свой конецъ въ современныхъ народныхъ костюмахъ и уборахъ. Эта блестящая теорія, равно интересная и для историка и для этнографа, проводится изслѣдователемъ съ великимъ остроуміемъ при помощи необычайнаго знанія памятниковъ путемъ разбора отдѣльныхъ предметовъ личнаго убора. Въ эту же главу включенъ экскурсъ о золотыхъ вещахъ клада, найденнаго близъ Тарса и хранящагося нынѣ въ

Императорскомъ эрмитажѣ. Издавая эти вещи, относимыя къ VII вѣку, проф. Кондаковъ впервые вводитъ въ византійскую археологію группу памятниковъ, тѣмъ болѣе интересныхъ, что онѣ происходятъ оттуда же, откуда получена и золотая подвѣска Оттоманскаго музея, изданная Стшиговскимъ и относимая къ тому же времени. Вообще же клады не только обогащаютъ науку новыми матеріалами, но и двигаютъ ее впередъ, открывая новые пути, возбуждая другихъ къ провѣркѣ накопленнаго ранѣе запаса свѣдѣній, къ согласованію ихъ съ новыми идеями, къ противорѣчію. Особенно нужно ожидать оживленія и возбужденія въ области русскихъ курганныхъ древностей; до сихъ поръ здѣсь едвали не единственно научнымъ методомъ признавалось усердное, аккуратное собираніе матеріала, который лишь изрѣдка, благодаря монетамъ и случайнымъ обстоятельствамъ, могъ быть опредѣляемъ по времени; смыслъ же, происхожденіе и назначеніе вещей или не обсуждалось вовсе, или оказывалось предметомъ неосновательныхъ и праздныхъ гаданій. Трудъ проф. Кондакова вноситъ научные пріемы, свѣтъ и жизнь въ эту обширную и темную доселѣ область историческаго знанія. Методъ, который онъ предлагаетъ, есть давно выработанный и надежный методъ исторіи искусства.

Охарактеризованными изслѣдованіями далеко не ограничиваются труды проф. Кондакова. Было излишне перечислять болѣе мелкія его статьи, сообщенія и рецензіи, но слѣдуетъ упомянуть объ изданіи: «Русскія древности въ памятникахъ быта» (пять выпусковъ С.-ПБ. 1889—1897 г.), предпринятомъ вмѣстѣ съ членомъ Академіи Наукъ, графомъ И. И. Толстымъ. Въ этомъ изданіи популярнаго характера, отчасти повторяющемъ изложенное въ спеціальныхъ трудахъ, о которыхъ до сихъ поръ мы говорили, авторамъ пришлось касаться, однако, областей, еще не тронутыхъ археологическимъ толкованіемъ, и въ этихъ областяхъ изданіе, естественно, является чисто научнымъ произведеніемъ. Таковы части, относящіяся къ древностямъ сибирскимъ, къ древно-

стямъ временъ переселенія народовъ, къ древностямъ курганнымъ. Сверхъ того, множество памятниковъ, впервые изданныхъ въ этомъ трудѣ, даетъ ему значеніе весьма цѣннаго для общей археологіи сборника. Переводъ на французскій языкъ—появились три первые выпуска подъ редакціей извѣстнаго археолога Сол. Рейнака—служитъ доказательствомъ признанія всѣхъ высокихъ достоинствъ изданія за границей.

Самая спеціальность проф. Кондакова требуетъ близкаго и личнаго знакомства съ памятниками, а потому, кромѣ многократныхъ путешествій по Европѣ до Испаніи включительно, Н. П. Кондаковъ съ истиннымъ самопожертвованіемъ, не обладая крѣпкимъ здоровьемъ, совершилъ рядъ экскурсій въ малопосѣщаемыя и трудно доступныя мѣстности: Закавказье, гдѣ онъ былъ дважды, Синайскій монастырь, Палестину, Заіорданье. Послѣднее путешествіе совершено было для Императорскаго Палестинскаго общества, но, къ сожалѣнію, по разнымъ причинамъ, получающимъ особую силу вслѣдствіе личнаго отсутствія Н. П. Кондакова изъ Петербурга въ послѣдніе годы, отчетъ его объ этомъ путешествіи, равно какъ и многочисленныя фотографіи съ античныхъ и христіанскихъ памятниковъ остаются до сихъ поръ неизданными. Та же судьба постигла и «Синайскій альбомъ», содержащій снимки интереснѣйшихъ миніатюръ Синайскаго монастыря. Въ настоящее время проф. Кондаковъ, какъ извѣстно, собирается ѣхать на Аѳонъ во исполненіе возложенной на него и, по обстоятельствамъ политическимъ, замедлившейся командировки отъ Академіи Наукъ, для описанія вещей, хранящихся въ ризницахъ тамошнихъ монастырей. Состоя членомъ Императорской Археологической Коммиссіи и производя много лѣтъ раскопки въ южной Россіи, а затѣмъ бывъ старшимъ хранителемъ средневѣкового отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, толковый указатель котораго былъ имъ изданъ въ 1891 г., проф. Кондаковъ достаточно потрудился и чисто практическимъ образомъ для той же археологіи, научной разработкѣ которой онъ

оказалъ столько содѣйствія въ своихъу литератрныхъ трудахъ. Дѣятельность его на археологическихъ съѣздахъ много способствовала развитію интереса къ археологіи въ обществѣ. Наконецъ, какъ проф., Н. П. Кондаковъ усердно и съ честью занималъ каѳедру въ теченіе 30 лѣтъ и умѣлъ пробуждать интересъ къ научному занятію древностями въ своихъ слушателяхъ Новороссійскаго и С.-ПБ. университетовъ. Два ученика его, явившіеся достойными продолжателями учителя въ своихъ трудахъ научныхъ, занимаютъ каѳедры въ двухъ университетахъ, другіе младшіе къ тому готовятся. Всѣ они проникнуты безпредѣльнымъ уваженіемъ и благодарностью къ создателю новой школы, къ которой они принадлежатъ въ качествѣ историковъ искусства и археологовъ.

Н. Вакуловскій.

ЗАМѢТКИ ОБЪ УЧЕБНИКАХЪ Г. СМИРНОВСКАГО:

«Учебникъ русской грамматики» ч. I. Этимологія, ч. II. «Элементарный синтаксисъ». «Грамматика древняго церковно-славянскаго языка» и «Теорія словесности». *)

Давно произнесенъ уже приговоръ знатокомъ живой русской рѣчи, Далемъ, что у насъ нѣтъ русской грамматики, а есть латинская, нѣмецкая....

Неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ составители учебниковъ держатся старой системы русской грамматики, боятся почему-то внести въ учебники грамматики родного языка то, что выработано немногими нашими тружениками по изученію родного языка.

Г. Смирновскаго, какъ составителя учебника (для изученія родного языка и литературы) можно отнести къ числу тѣхъ, которые боятся разстаться съ старой системой построенія учебниковъ и въ то же время соприкасаются съ областью научныхъ изслѣдованій.

Съ нашей, можетъ-быть, крайней точки зрѣнія, истинный составитель учебника родного языка долженъ всецѣло пользоваться научными выводами, приспособивъ ихъ къ пониманію ученика того или другого возраста, т.-е., чтобы ученикъ могъ вынесть изъ учебника сознательное представленіе формы слова, отношеніе словъ въ предложеніи, умѣнье ту или другую форму строенія рѣчи связать съ другою и на мѣстѣ поставить тотъ или другой знакъ; чтобы могъ получить вполнѣ опредѣленное представленіе о томъ или другомъ литературномъ произведеніи. Къ несчастью, нельзя ска-

*) Особое мнѣніе въ комиссіи преподав. рус. яз. одного изъ кадетскихъ корпусовъ на запросъ Главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній о замѣнѣ практикуемыхъ въ кадетскихъ корпусахъ учебниковъ по рус. яз. учебниками г. Смирновскаго.

зать чтобы хотя одинъ изъ учебниковъ г. Смирновскаго удовлетворялъ этимъ требованіямъ.

Для подтвержденія сказаннаго сошлемся на данныя учебниковъ.

I.

1) Непонятно для насъ, почему бы не внести въ учебникъ родного языка терминовъ: звучные и отзвучные, которые вполнѣ понятны дѣтямъ, и почему г. Смирновскому болѣе нравятся термины: „тонкіе, средніе“ („Слав. граммат.“ стр. 12),—почему 2) не объяснены понятія: слогъ высокій, низкій („Русская грамматика“, 3 стран.); 3) не полно сдѣлано опредѣленіе существительнаго и другихъ частей рѣчи (5 стр), неправильно дано понятіе о собирательныхъ существительныхъ (6 стр.), собственныхъ (стр. 5); 4) не можетъ быть названо яснымъ правило: „Очень многія существительныя на *ня* имѣютъ въ родит. пад. мн. числа *ъ* (а не ь); наприм: басня басенъ“ (§ 14): какъ объяснить этимъ правиломъ слова: ,,деревень, барышень‘‘? 5) Безъ всякаго основанія слово ,,путь‘‘ отнесено къ разносклоняемымъ; не признаетъ учебникъ словъ: пламя, полымя. 6) Опредѣленіе глагола неточное и неясное (§ 36), наклоненій (стр. 27), залоговъ (стр. 28)—то же; 7) дѣленія глаголовъ на 2 спряжен.—старинное, неправильное (§ 38): по этому дѣленію учащіеся не опредѣлятъ себѣ ясно, какъ написать глаголы: держутъ или держатъ, значутъ или значатъ... Самъ авторъ спохватился: онъ въ § 32 самъ исправляетъ свою ошибку, но все же эта поправка изложена не особенно ясно, необдуманно: ешь, етъ, ете; оканчивается на ѣть, и слѣдуютъ другія премудрости старой грамматической теоріи. 8) Объясненіе дѣепричастій и причастій научное практичнѣе и понятнѣе, чѣмъ предлож. г. Смирновскимъ въ § 41. 9) Правило 23 (38 стр.) построено по старой теоріи: съ исключеніемъ. Въ данномъ случаѣ вполнѣ приложимо къ г. Смирновскому выраженіе одного ученаго: ,,Исключенія есть порожденіе неловкихъ составителей грамматикъ‘‘. 10) Правила 24 и 25 (38 стр.) неточны и необдуманны... Нами указаны промахи бѣгло: ихъ въ учебникѣ очень много: чуть

не на каждой страницѣ. Ужели такой учебникъ поможетъ горю ученика, если послѣднему придется когда-нибудь учить уроки безъ помощи учителя?

II.

Г. Смирновскій называетъ свой синтаксисъ элементарнымъ и въ то же время на стран. 1—5 пространно повѣствуетъ о частяхъ предложенія логическихъ и грамматическихъ (это для учениковъ I—III кл.!), задается вопросомъ, что значитъ судить, а не позаботился о томъ, чтобы точно опредѣлить предложеніе, вѣдь его опредѣленіе: „Сужденіе, выраженное словами, называется предложеніемъ", исключаетъ всѣ предложенія, выраженныя однимъ словомъ, какъ, напримѣръ, слѣд. безличныя: свѣтаетъ, желтѣетъ;,и вѣрится, и плачется, и др. Расположеніе матеріала въ синтаксисѣ нѣсколько новое, но однимъ расположеніемъ матеріала ничего не сдѣлаешь. Гоняясь за пространностью изложенія, авторъ исключаетъ совершенно главу синтаксиса объ управленіи словъ посредственномъ и непосредственномъ. Недостатковъ въ синтаксисѣ много. Для доказательства я приведу нѣсколько фактовъ. Ученіе о сліяніи предложеній (§§ 39—4) растянуто болѣе, чѣмъ на 3 страницы, и въ то же время въ опредѣленіи слитнаго предложенія не примирено логическое противорѣчіе: съ одной стороны, подлежащее и сказуемое составляютъ предложеніе, они только составляютъ предложеніе; съ другой—слитное предложеніе составляютъ второстепенные члены (§ 40); если такъ, то тогда ненадо дѣлать различіе между членами предложенія, называя одни главными, другіе второстепенными.

Ученіе о неопредѣленномъ наклоненіи, по нашему убѣжденію, должно быть выдѣлено въ особый отдѣлъ грамматики, потому что оно, какъ часть предложенія, имѣетъ весьма большое примѣненіе въ русскомъ языкѣ. Ученіе о сокращеніи придаточныхъ предложеній, какъ говоритъ намъ практика, выдѣляемое въ особую главу, заставляетъ теряться учениковъ низшихъ классовъ: важно ребенку знать форму придаточнаго предложенія въ полномъ и сокращенномъ видѣ

совмѣстно, а этого г. Смирновскій не дѣлаетъ. Не обращаетъ онъ вниманія на сокращеніе придаточныхъ предложеній обстоятельственныхъ времени и причины посредствомъ существительнаго, когда въ главномъ и придаточномъ разныя подлежащія, и когда въ сокращенномъ видѣ такія предложенія принято отдѣлять отъ частей главнаго предложенія запятой; не говоритъ о сокращеніи этихъ же предложеній причастіемъ, упускаетъ совершенно изъ виду случаи, когда придаточн. опредѣлительныя предложенія сокращаются причастіемъ а) формы дѣйствит. залога, б) съ мѣстоим. ся и в) причастіемъ страд. залога; не напоминаетъ учащемуся, что предложеніе придаточное опредѣлительное, подчиненное формою родительнаго падежа относительнаго мѣстоименія „который“ послѣ нѣкоторыхъ глаголовъ дѣйствительнаго залога, можетъ сокращаться. Нельзя обойти молчаніемъ и части синтаксиса, касающейся знаковъ препинанія. Неужели правила о точкѣ съ запятой и двоеточіи (§ § 117, 118, 112, 113) безъ помощи учителя (или точнѣе: безъ передѣлки ихъ учителемъ) въ состояніи дать ясное представленіе объ употребленіи этихъ знаковъ? А главы о періодахъ лучше бы и не было: 1) примѣры на періоды подобраны не по возрасту учащихся (I—III кл.); 2) опредѣленіе періода (§ 124) избитое, ничего не дающее (Слич. опредѣл. у Преображенскаго § 107) *); 3) ни одинъ видъ періода не опредѣленъ ясно, точно и понятно для учениковъ низшихъ классовъ (вѣдь синтаксисъ предназначенъ для учениковъ I—III кл!): развѣ пойметъ ученикъ что-нибудь изъ опредѣленія періода (§ 127) № I или № VI и VII, или VIII? 4) У г. Смирновскаго есть даже „періоды иной формы!“ 5) Не давъ вообще яснаго понятія о періодѣ, авторъ не даетъ яснаго понятія о періодѣ простомъ и сложномъ. Вотъ что говорится объ этомъ въ § 130: „Періодъ называется простымъ, если ни одна изъ частей его, т. е. ни повышеніе, ни пониженіе, не представляетъ собою, въ свою очередь, періода“. „Періодъ называется сложнымъ,

---

*) Учебникъ г. Преображенскаго практикуется въ кадетскихъ корпусахъ.

если хотя одна изъ частей его—повышеніе или пониженіе—уже сама по себѣ есть періодъ“. Это, по нашему убѣжденію, издѣвательство надъ ученикомъ, а не желаніе дать ему ясное представленіе о формѣ періода, его построеніи. 6) § 131 трактуетъ о знакахъ препинанія въ періодахъ, но ровно не даетъ ни одного точнаго правила!... Все это старина, напр., по учебнику г. Смирновскаго между повышеніемъ и пониженіемъ въ періодѣ, построенномъ по способу подчиненія, можно ставить точку съ запятой, т. е. между главн. и придат. предложеніемъ! Спрашивается, зачѣмъ же тогда говорить о близкой связи между главнымъ и придаточнымъ предложеніемъ, зачѣмъ говорить, что придаточное предложеніе отъ главнаго отдѣляется запятой!... Какъ же ученикъ разберется въ этомъ лабиринтѣ грамматическихъ тонкостей! А еще лучше—это точка между повышеніемъ и пониженіемъ въ періодахъ, построенныхъ по способу же подчиненія!....

Какъ этимологія, такъ и синтаксисъ г. Преображенскаго требуютъ въ немногихъ случаяхъ упрощенія, но не передѣлки, которой обязательно отъ преподавателя требуютъ учебники г. Смирновскаго. *)

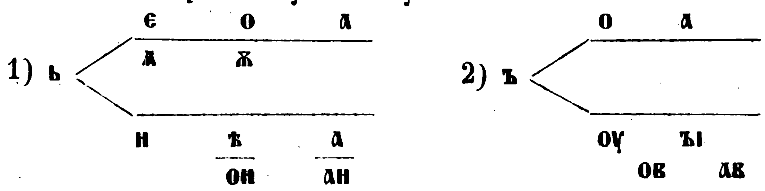
III.

Грамматика др.-ц.-слав. яз., излож. сравнительно съ русскою. Изд. 10-е М. 1894

Много недосмотровъ и промаховъ и въ этой грамматикѣ. 1) Въ др.-цер.-слав граммат. нѣтъ названія буквъ, (см. стр. 5), 2) въ замѣткахъ о русской грамматикѣ мною уже сказано, что совершенно напрасно составитель не держится терминовъ, которые понятны дѣтямъ болѣе, чѣмъ предлагаемые имъ старинные; 3) напрасно г. составитель учебника не внесъ русскихъ названій частей словъ, предложенныхъ покойнымъ Гротомъ въ „Русскомъ правописаніи“. Преподаватель рус. языка не заботится объ этомъ! Мы въ этомъ от-

*) Ссылки на учебники сдѣланы изъ I ч. по 2-му изд. М. 1895 г.,—изъ II ч.—по 6 изд. М. 1894 г.

ношеніи ниже стоимъ нашихъ братьевъ-славянъ, напр., сербовъ, чеховъ, которые имѣютъ термины на родномъ языкѣ (напр.: предсувак, всувак. и др.) Неужели варваризмы понятнѣе русскихъ словъ? или лучше звучатъ, чѣмъ послѣднія? Нѣтъ слова для названія, тогда другое дѣло, а если есть, то съ точки зрѣнія чистоты родного языка не могутъ быть оправданы варваризмы (Объ этомъ авторъ учебниковъ говоритъ въ теоріи словесности, имъ же написанной! Для кого?...): суффиксъ, префиксъ, флексія, конечно, звучнѣе и лучше русскихъ: представка, производственные звуки и др.!... 3) Слишкомъ растянуто и чрезъ это запутано ученіе объ усиленіи гласныхъ (стр. 15—15): вѣдь, вѣроятно, извѣстны г. Смирновскому схемы усиленія:

Почему бы не воспользоваться? Вѣдь, короче и понятнѣе. 4) О полногласіи и слогахъ ол, ор. сказано сбивчиво. 5) На стран. 35 говорится о какомъ-то колеблющемся склоненіи... Видимо, г. составитель не хочетъ понять того, что шипящіе въ древне-славян. и древне-русск. языкахъ произносились мягко, почему мягкость гласныхъ послѣ шипящихъ не обозначалась. Какое же тутъ колеблющееся склоненіе? Въ русск. граммат. сказать объ этомъ,—это дѣло другое. Да и терминъ-то р а з н о с к л о н я е м о е с у щ е с т в и т е л ь н о е гораздо понятнѣе. 6) а). Въ послѣднемъ изданіи слав. грам. авторомъ внесены окончанія творит. пад.: ъмь, ьмь. Почему же онъ не рѣшится внести въ двойств. числѣ формы: раб— ъма (у него ома—ема), сел—ъма? Вѣдь это ближе къ истинѣ!... б) Формы мѣстнаго пад. въ согласн. склон. у него указаны на и, во множ. числѣ на ехъ; но наукою точно установлены окончанія е, ьхъ. в) Можетъ-быть, на томъ же основаніи, на какомъ онъ повѣствуетъ о колеблющемся склоненіи, онъ находитъ въ славянск. яз. разноскло-

няемыя существительныя (о послѣднемъ на стр. 45)? г) На стр. 45—47 у него помѣщено склоненіе сущ. пѧть, которое названо также разносклоняемымъ! По этому образцу онъ склоняетъ дьнь и Господь, правда, съ особенностями (см. стр. 47)! Совершенно авторъ не хочетъ признать того, что форма гόспода образована вовсе не отъ Господь; что дьнь имѣетъ еще одну форму родительн. падежа мн. числа дьнъ (русск. пять дёнъ) родит. дв. числа дьноу. Неужели все это по образцу пѧть? Все это зависитъ отъ того, что мы не хотимъ отрѣшиться отъ традиціи составлять др.-ц.-сл. грамматику, опираясь исключительно на Остромирово евангеліе; забываемъ, что есть другіе памятники, которые въ чистотѣ сохранили древнѣйшія формы языка, и что, сравнивая русскія формы только съ идеальными славянскими, можно указать грань, гдѣ область слав. языка и гдѣ—древне-русскаго и современнаго русскаго. Такихъ заблужденій у г. Смирновскаго не мало; но, чтобы поскорѣе покончить съ его скорѣе др.-рус., чѣмъ древнеслав. грамматикою, мы постараемся быть краткими. 7) Немыслимая вещь—уподобленіе и сліяніе найти въ формахъ: а) новами+ими=новыими, новахъ+ихъ=новыихъ, новѣхъ+ихъ=новыихъ и др.; б) развѣ только желаніемъ быть оригинальнымъ можно объяснить происхожденіе формы русской новому стр. 65)... Лучше бы справиться автору у авторитетныхъ славистовъ. 8) а) Утъ, ютъ, атъ, ятъ; ущій, ющій—камень преткновенія нашихъ грамматикъ. Эти ѫть, ѭть .. неизбѣжны у г. Смирновскаго и въ слав. языкѣ (см. стр. 76, 77, 78, 88); б) не признаетъ онъ формъ ищатє, бишѧте повелит. наклон., формъ, которыя встрѣчаются и въ Остромир. евангеліи. (Не говорю уже о Зографскомъ и др.); в) непрактично и ненаучно объясненіе формъ сътворь, врѣждь (см. стр. 90); г) окончаніе 3 лица един. ч. аориста можетъ быть на „тъ, а не ть“ (стр. 80. Примѣч). А кысть, дасть? д) Объясненіе причаст. прош. времени страд. зал. неясно, неполно, ненаучно (см. стр. 93) и непрактично. е) Заявилъ авторъ о разносклоняемыхъ, ему нельзя не сказать и о разноспрягаемыхъ словахъ (стр. 90).

Sat!... Несравненно выше даннаго учебника старый учебникъ—Колосова, новѣйшій—профессора Карскаго, преподавателя Флёрова *) и др.,—по краткости и точности—Преображенскаго. „Въ многоглаголаніи нѣсть спасенія“.

IV.

Теорія словесности. (Изд. 8-е 1895 г.).

Учебниковъ по теоріи словесности, разумно составленныхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ науки и педагогики въ нашей учебной литературѣ почти нѣтъ: ихъ можно считать по пальцамъ. Хорошъ учебникъ Филонова по системѣ расположенія матеріала, точности языка, богатству образцовъ, разбору послѣднихъ, и въ VIII классѣ классическихъ гимназій, по нашему убѣжденію, онъ могъ бы разучиваться съ большею пользою, чѣмъ новѣйшіе скороспѣлые учебники по теоріи словесности, но этотъ учебникъ будетъ труденъ для учащихся тѣхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ этотъ предметъ изучаютъ въ V классѣ.

Еще труднѣе учебникъ г. Яковлева: онъ основательно составленъ: составитель учебника пользуется новѣйшими данными науки при расположеніи матеріала: приняты имъ во вниманіе законы психологіи и логики, но совершенно упущено изъ вниманія, что это учебникъ для V класса среднихъ учебныхъ заведеній, **) что учащіеся ни по своему возра-

---

*) Разборъ учебниковъ г. Флёрова для изученія древне-церковно-славянскаго языка будетъ напечатанъ въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Филологическихъ Записокъ».

**) Прохожденіе курса теоріи словесности въ VIII классѣ классическихъ гимназій составляетъ исключеніе. Желательно, чтобы это исключеніе было распространено скорѣе на всѣ среднія учебныя заведенія, и тогда учащимся, особенно въ женскихъ гимназіяхъ, теорія словесности будетъ не бременемъ вслѣдствіе трудности изученія ея въ V кл., а развивающимъ мышленіе предметомъ.

сту, ни по своему развитію не въ состояніи преодолѣть тѣхъ трудностей, съ которыми приходится встрѣчаться имъ при изученіи теоріи словесности по названному учебнику: слишкомъ много въ немъ отвлеченнаго, а ученики и ученицы V класса составляютъ только переходъ къ учащимся старшаго возраста.

Ничего не говоримъ объ учебникѣ г. Стефановскаго: онъ извѣстенъ тѣмъ, кто имѣлъ подъ руками „Филологическія Записки"... Вотъ они, наши учебники, по теоріи словесности! Правда, можно бы и еще назвать два-три изъ нихъ, но цѣль наша совершенно другая: эта статья наша имѣетъ въ виду исключительно названные выше учебники г. Смирновскаго, а въ данномъ случаѣ—одинъ изъ нихъ: теорію словесности, къ бѣглому разбору котораго мы и переходимъ.

1) Въ отдѣлѣ о стихосложеніи а) не сказано о размѣрѣ стиховъ, дѣлимыхъ цезурою на двѣ части, въ которыхъ каждая часть стиха построена иначе; б) о народномъ стихѣ изложено неполно: сжатость въ ущербъ истинѣ. 2) Ученіе о періодѣ (стр. 26—34 см. синт. §§ 124—131)—буквальное повтореніе главы изъ синтаксиса, слѣдов., съ тѣми промахами, о которыхъ замѣчено нами въ замѣткѣ о синтаксисѣ. Кромѣ того, этотъ отдѣлъ представляетъ слѣдующее неудобство: въ ученіи о періодѣ сдѣланы ссылки на синтаксисъ, т.-е. другими словами: если ты купилъ теорію словесности г. Смирновскаго, то покупай и синтаксисъ его (очень практично!). 3) §§ 26—29 (стр. 39—47) или представляютъ собою многословіе, или сжатость, не удобную въ учебникѣ. 4) §§ 30—41 даютъ бѣглый обзоръ о лиризмѣ, описаніи, повѣствованіи, разсужденіи; затѣмъ о томъ же говорится т о ж е б ѣ г л о на другихъ страницахъ учебника. Гораздо удобнѣе было бы объ элементахъ сочиненія сказать на первыхъ страницахъ, гдѣ идетъ рѣчь о сочиненіи, и сказать въ сжатой формѣ, не растягивая, какъ сдѣлалъ авторъ на 39—47 стр. 5) Вслѣдствіе внесенія отдѣла объ элементахъ сочиненія въ учебникѣ ученіе о разсужденіи разбито на два отрывка (стр. 53—55 и 65—67), что представляетъ неудобство въ практическомъ и теоретическомъ отношеніяхъ. 6) Разсужденіе, характеристика и ораторская рѣчь, какъ

виды прозаическихъ сочиненій, трудные для усвоенія учащимися, требуютъ подробнаго разбора образца (разсужденіе и характеристика—формы сочиненій: ученикъ тогда только напишетъ хорошо самостоятельное сочиненіе, когда онъ усвоилъ форму образца); устный разборъ преподавателя не всѣ ученики въ состояніи запомнить и усвоить, а учебникъ Смирновскаго въ этомъ отношеніи, кромѣ отвлеченныхъ свѣдѣній, ничего не даетъ. Что же это за учебникъ, когда онъ въ самомъ важномъ дѣлѣ не оказываетъ помощи учащимся!.. 6) При опредѣленіи родовъ и видовъ произведеній въ учебникѣ даны а) или неполныя понятія, или б) авторъ ограничивается бѣглымъ историческимъ очеркомъ, а опредѣленія вовсе не даетъ (См. а) §§ 41, 46, 48, 49, 50, 51, 58, 59, 60, 67, 68, 76, 80, 85, 87, 93 (опредѣленіе драмы) 97 (опредѣленіе трагедіи), 102 (опредѣленіе комедіи), 107 (стр. 131 опредѣленіе драмы въ тѣсномъ смыслѣ); б) §§ 69, 70, 71, 89).

Вотъ у г. Смирновскаго образцы опредѣленія а) драмы: „Всякое драматическое произведеніе, которое заключаетъ въ себѣ и черты комедіи, и черты трагедіи, но въ то же время отличается и отъ той и другой, называется драмой“,—б) путешествія: „Путешествіемъ называется сочиненіе, заключающее въ себѣ цѣлый рядъ описаній (въ какомъ порядкѣ?) всего того, что видалъ авторъ во время своего странствованія (по лунѣ?); в)—историческихъ пѣсенъ: „Историческими пѣснями называются пѣсни о дѣйствительныхъ, историческихъ лицахъ и событіяхъ“. Не сказано: въ какой формѣ? Насколько сохранена правда въ нихъ? Чѣмъ это объяснить? Или, можетъ-быть, составитель учебника предоставляетъ это самодѣятельности учениковъ или преподающему? Тогда для чего же учебникъ? 7) а) Учебникъ долженъ дать точный, ясный отвѣтъ на каждый вопросъ программы; но у г. Смирновскаго этого мы не находимъ; б) учебникъ долженъ заключать въ себѣ краткое содержаніе образца съ дѣленіемъ его на части, чтобы ученикъ видѣлъ форму образца; съ планомъ, чтобы по послѣднему ученикъ могъ судить о внутреннемъ содержаніи произведенія; но мы даже и намековъ не видимъ на это въ учебникѣ! Что же даетъ учеб-

никъ? Пріучаетъ къ многоглаголанію, но почти ничего не даетъ точнаго, яснаго.

Возьмемъ еще для уясненія истины странички, на которыхъ повѣствуется о поэмѣ: ученикъ, лишенный возможности слышать объясненіе уроковъ преподавателемъ въ классѣ о поэмѣ, будетъ поставленъ съ учебникомъ теоріи словесности г. Смирновскаго въ критическое положеніе: онъ не найдетъ ни яснаго представленія о безсмертныхъ произведеніяхъ Гомера: „Иліадѣ и Одиссеѣ", ни о поэмѣ новѣйшаго времени. Что же онъ будетъ дѣлать? Отвѣтъ простой: а) или онъ останется въ потемкахъ относительно того, что такое поэма, б) или долженъ брать уроки...

Въ заключеніе не могу не остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ: 1) всѣ просмотрѣнные нами учебники говорятъ о коммерческой цѣли составителя ихъ: постоянно мы встрѣчаемъ ссылки то на одинъ учебникъ („См. мой синтаксисъ", „см. мой систематическій сборникъ для диктанта, мою хрестоматію"), то на другой, т.-е. другими словами: по моимъ только учебникамъ можно научиться: въ нихъ источникъ всякихъ знаній!—Купилъ ты мою этимологію, покупай и синтаксисъ, славянскую грамматику и теорію словесности; покупай мои хрестоматіи...

Вотъ какое впечатлѣніе получается послъ бѣглаго просмотра учебниковъ г. Смирновскаго!

Не видимъ мы искренняго желанія у автора притти на помощь нашей учащейся молодежи, позаботиться о томъ, чтобы дать вполнѣ доступную для пониманія ученика книгу, кратко и ясно передающую ту или другую истину.

Возьмешь въ руки хрестоматію Филонова, Галахова, изъ новѣйшихъ—Мартыновскаго и видишь, что составитель употреблялъ всѣ свои силы на то, чтобы книги были помощникомъ ученика, другомъ; Мартыновскій, напримѣръ, въ своей хрестоматіи даетъ объясненіе непонятныхъ словъ, историческіе комментаріи; указываетъ размѣръ стиха, даетъ планы статьи, сообразуясь съ возрастомъ и развитіемъ учениковъ; внимательно слѣдитъ за правописаніемъ матеріала,

который предназначается для чтенія учащагося; провѣряетъ знаки препинанія въ избранномъ произведеніи или отрывкѣ правилами „Русскаго Правописанія“. Ничего подобнаго нѣтъ у г. Смирновскаго: можно предположить: вырѣзана составителемъ хрестоматіи статья, отдана въ руки наборщика, и печатаютъ ее, какъ она когда-то была напечатана!.. Все это мы говоримъ на основаніи фактовъ, которые каждый можетъ найти на любой страницѣ хрестоматій г. Смирновскаго... Да пора бы г. Смирновскому уменьшить цѣны и на учебники, и на хрестоматіи: вѣдь нѣкоторые учебники имѣютъ 6-е изданіе, 10-е; слѣдовательно, не представляютъ для автора особаго труда для переработки, а между тѣмъ для бѣдныхъ учащихся заплатить за книгу 50—60 коп. или 90 -большая разница. Dixi...

С. Прядкинъ.

Краткій учебникъ русской грамматики

для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ составилъ С. Бородинъ, преподаватель 1-й Московской гимназіи. Москва. 1896 г. Ц. 50 к.

Въ предисловіи своего учебника авторъ говоритъ: „При составленіи этого учебника я пользовался изслѣдованіями по исторіи родного языка и по грамматикѣ, а также и тѣми замѣчаніями ученыхъ рецензентовъ, которыя были высказаны за послѣднія пятнадцать лѣтъ на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія относительно учебниковъ по русскому языку.

На недостатки моего труда, надѣюсь, мнѣ укажетъ критика, за справедливыя замѣчанія которой я буду весьма благодаренъ и воспользуюсь ими, какъ дорогимъ матеріаломъ для послѣдующихъ изданій“.

Заголовокъ даннаго учебника не говоритъ о томъ, что въ немъ двѣ части: этимологія и синтаксисъ. Весь грамматическій матеріалъ напечатанъ на 150-ти страницахъ, на бѣлой довольно плотной бумагѣ, крупнымъ отчетливымъ шрифтомъ, что въ высшей степени важно: ибо наши учебники издаются обыкновенно небрежно: на тонкой грязной бумагѣ; печатаются чуть ни петитомъ; а всякаго рода небрежность въ данномъ случаѣ гибельно отзывается на зрѣніи дѣтей. Нельзя не обратить вниманія еще и на слѣдующее: за учебникъ, заключающій въ себѣ полный курсъ грамматики, назначена цѣна не высокая: только 50 к., и, если принять во вниманіе то обстоятельство, что наши патентованные учебники цѣнятся дорого (40, 50, 60 к. за одну часть), то учебникъ г. Бородина окажется совсѣмъ дешевымъ. Видимо, авторъ, издавая его, принималъ во вниманіе и карманы родителей, особенно бѣдныхъ изъ нихъ. Такимъ образомъ, съ внѣшней стороны отъ книжки г. Бородина большаго и требовать невозможно.

Посмотримъ теперь, каковъ учебникъ по изложенію и содержанію. Сначала укажемъ на тѣ промахи и недостат-

ки, которые было бы желательно не видѣть въ слѣдующихъ изданіяхъ.

Намъ кажется, что въ элементарномъ учебникѣ достаточно бы было вначалѣ ограничиться описаніемъ слова „грамматика“, какое и сдѣлано авторомъ послѣ опредѣленія: „Она (грамматика) раздѣляется на двѣ части: этимологія (словопроизведеніе) и синтаксисъ (словосочиненіе). Изъ этимологіи мы узнаемъ образованіе и измѣненіе отдѣльнаго слова, а изъ синтаксиса узнаемъ, какъ соединять отдѣльныя слова въ одну связную, понятную рѣчь“. Самое же опредѣленіе: „Грамматика научаетъ правильно говорить и писать по-русски“, и неточное, и устарѣлое.

1) Въ числѣ буквъ алфавита не названа буква ё или йо, которою передается въ печати звукъ, изображаемый латин. буквами jo (§ 1, стр. 3). 2) Неточно выраженіе: „Повышеніе голоса надъ однимъ слогомъ“... лучше бы сказать: надъ однимъ изъ слоговъ въ словѣ двухсложномъ, трехсложномъ и многосложномъ (конецъ § 3, стр. 5). 3) Въ ученіи о частяхъ словъ, вм. приставка, суффиксъ, флексія, лучше бы было, если бы авторъ воспользовался терминами, предложенными академикомъ Я. К. Гротомъ и другими учеными, т. е. — 1) представка, 2) корень, 3) а) производственные или б) словообразовательные звуки, в) неизмѣняемое окончаніе, г) вставка; 4) измѣняемое окончаніе; можетъ быть, это для слуха непривычно, но зато по-русски и лучше, чѣмъ соединеніе французскаго съ нижегородскимъ (§ 4, стр. 5 и 6). 4) Въ § 6 „смирной“ производится отъ корня *мир*, но, по нашему мнѣнію, оно образовано отъ корня мѣр: съмѣр-и-ти,—съ-мѣр-ѥ-н-ъ срьдьцьмь.

5) Въ практическомъ, да, впрочемъ, и теоретическомъ учебникѣ, намъ кажется, должно быть больше образцовъ склоненій и спряженій типичнѣйшихъ словъ: дѣтскій глазъ воспріимчивъ, и всякій образецъ, раза два переписанный, съ практикою склоненія словъ по образцу устно и письменно, даетъ возможность несравненно легче запоминать выводъ правилъ о томъ или другомъ типическомъ рядѣ склоняемыхъ словъ, а учебникъ г. Бородина даетъ образцовъ для склоненія мало (см. §§ 13, 15, 17, 19). 6) Въ § 14 правило

подъ 3) не точно: къ именамъ существительнымъ средняго рода оно не примѣнимо. 7) Пора бы сказать правду и относительно слѣдующаго: „внуки“ и „внучата“, „щенки“ и „щенята“. „звено“ и „звенья“, „полѣно“ и „полѣнья“, „дно“ и „донья“ и др., что эти формы образованы отъ разныхъ основъ; нельзя ставить въ связь и „яблоко—яблоки, яблоковъ“: послѣдняя форма предполагаетъ слово въ именительномъ падежѣ ед. ч. яблокъ, каковая форма принята въ нѣкоторыхъ ариѳметическихъ задачникахъ, напр., у г. Евтушевскаго. 8) Пора въ грамматикахъ дать равноправность формамъ „рыбою“ и „рыбой“, „линіею“ и „линіей“: въ учебникѣ, разбираемомъ нами, окончанія *ой*, *ей* поставлены въ скобахъ (см. § 15) и въ то же время признаны равноправными формы „мысл-ію“ и „мысл-ью“ (см. § 16). Не понятно, почему склоняемому слову „межа“ отказано въ формѣ род. п. мн. числа „межъ“ (§ 16, прав. подъ 5). 9) По нашему мнѣнію, къ 4-му склоненію должно отнести не только существительныя на *мя*, но и всѣ разно-тейныя, какъ, напр.: мать, дочь и др. Да пора бы въ нашу грамматику внести и склоненіе словъ време, полыме, дите: вѣдь дѣти заучиваютъ же формы ихъ въ стихахъ: „Краснымъ полымемъ“... „...возили дитёю на поклонъ“ и у др. образцовыхъ писателей. 10) Въ словѣ „дрова“ в отнесено къ кореннымъ звукамъ (см. кон. § 20), но не отъ одного ли корня d r a— расти произошли и дерево, и дрова, и трава? 11) Лучше бы принять грамматическіе термины: именныя окончанія прилагательныхъ и мѣстоименныя: они точнѣе и неизбѣжны при изученіи др.-црк. славянской грамматики, чѣмъ употребленныя авторомъ учебника: „полныя, или опредѣленныя, и „краткія, или неопредѣленныя (см. § 25); а тѣмъ болѣе не удаченъ терминъ: „форма усѣченная“ причастій „любимъ, читанъ, убитъ“ (см. кон. § 44): какая можетъ быть рѣчь объ усѣченіи: вѣдь прежде форма оубитъ, а затѣмъ уже оубитъи, оубитыи. 12) Не особенно точно сказано о склоненіи прилагательныхъ, употребляемыхъ въ языкѣ для названія городовъ, напр.: Архангельскъ, Кіевъ и др. Слово „Божій“ можетъ измѣнять *і* въ ь: „Тишь да гладь—Божья благодать“.

13) Какъ примирить правило: мѣстоименіе „нечего“ не имѣетъ формы именител. падежа и выраженіе (на 45 стр.) въ учебникѣ: „которая (частица ся) есть нечто иное?“...

14) Въ главѣ о глаголѣ, по нашему мнѣнію, будетъ не точно сказать, что при глаголахъ дѣйствительнаго залога ставится дополненіе по вопросамъ: кого? что? необходимо присутствіе его (какъ и при страдател. залогѣ по вопросу: кѣмъ?) налицо, иначе глаголъ будетъ обозначать только состояніе, напр., въ выраженіи: я говорю, указывается только на то, что я не молчу; иное дѣло, если я скажу: я говорю рѣчь. Поэтому нельзя согласиться (см. § 37, стр. 46), чтобы въ предложеніи: „Пушки льются изъ особаго сплава“, глаголъ „льются“ былъ страдател. залога. 15) Неточность есть и въ слѣдующемъ правилѣ (§ 39): „Формы глаголовъ, которыми мы опредѣляемъ точно время дѣйствія или состоянія предмета, называются временами глаголовъ“ (Совѣтуемъ автору учебника прочесть соч. проф. Н. П. Некрасова: „О значеніи формъ русскаго глагола“). Къ числу подобныхъ же неточностей мы относимъ: „Три времени глаголъ имѣетъ“... (§ 39, стр. 48) „Глаголы измѣняются по видамъ“... (§ 40, стр. 49) и др.

15) Въ ученіи о спряженіи глаголовъ авторъ сначала вполнѣ дѣльно говоритъ объ основахъ; нѣсколько бы распространиться объ этомъ, и было бы хорошо: тогда бы не пришлось говорить по старинѣ объ „ешь, етъ, ишь, итъ; утъ, ютъ, атъ, ятъ“, а также о перемѣнѣ послѣднихъ, при образованіи причастій, на щій (§ 43) и вносить правило въ § 46 подъ 3). Практика наша въ теченіе 16-ти лѣтъ убѣдила насъ, что дѣти даже 1-го и 2 классовъ прекрасно усваиваютъ глагольныя основы и безъ затрудненія въ состояніи отъ нихъ образовать ту или другую форму. Мы имѣемъ въ виду подѣлиться съ читателями „Филолог. Зап.“ результатами, добытыми нами въ теченіе шестнадцатилѣтней педагогической практики при преподаваніи родного языка, въ самомъ непродолжительномъ времени. Теперь скажемъ только о томъ, какъ мы знакомимъ дѣтей съ понятіемъ: дѣленіе глаголовъ на два спряженія.

Составителей нашихъ учебниковъ по русской граммати-

къ почему-то пугаетъ мысль знакомить дѣтей въ младшихъ классахъ съ научнымъ словообразованіемъ, но въ то же время они, составители учебниковъ, не боятся обременять память „малыхъ сихъ" устарѣлыми правилами, разнаго рода исключеніями, какъ, напр.: „мелъ, велъ, брелъ", или съ нелѣпымъ правиломъ въ родѣ слѣдующаго: глаголы, оканчивающіеся въ неопредѣленномъ наклоненіи на ѣть, въ прошедшемъ времени на ѣлъ пишутся чрезъ ѣ и т. п. Мы въ теченіе шестнадцатилѣтней своей педагогической практики не замѣтили, чтобы память дѣтей обременялась подробнымъ усвоеніемъ ученія объ основахъ глаголовъ; не замѣчаютъ этого и наши ученики и ученицы, примѣняющіе это ученіе объ основахъ въ разныхъ школахъ и при даваніи ими частныхъ уроковъ. Все дѣло заключается въ томъ, что ненужно, чтобы дѣти зубрили. Не спѣша, между другимъ дѣломъ, при обученіи родному языку, напр., во время уроковъ по объяснительному чтенію, предъ объяснительнымъ диктантомъ дѣти разучиваютъ на доскѣ сначала основы коренныхъ глаголовъ, а затѣмъ производныхъ; списываютъ въ свои тетради, подбираютъ по образцамъ сами глаголы съ тѣми или другими звуками въ концѣ основы; постоянно, при всякомъ удобномъ случаѣ, повторяютъ вмѣстѣ съ преподавателемъ объ образованіи глагольныхъ основъ, и понятіе о послѣднихъ у нихъ безъ зубренія составляется правильное и запоминается на цѣлую жизнь. А разъ они усвоили ученіе объ основахъ глаголовъ, то смѣло можно сказать, что для правописанія глагольныхъ формъ сдѣлано много: вѣдь, по усвоеніи спрягаемыхъ формъ, они правильно напишутъ послѣднія, а также будутъ знать и образованіе всякаго слова, произведеннаго отъ глагольной основы, и, слѣдовательно, правильно напишутъ его. Имѣя въ виду сознательное умѣнье написать правильно всякую форму, произведенную отъ глагольной основы, а также и изученіе древне-церковно-славянской грамматики (въ IV классѣ среднихъ учебныхъ заведеній), система которой опирается на научныя данныя языковѣдѣнія, мы при изученіи глагола самое серьёзное вниманіе обращаемъ на усвоеніе учащимися глагольныхъ основъ и производство отъ нихъ какъ глаголь-

ныхъ формъ, такъ и другихъ разрядовъ словъ. При ознакомленіи съ основой неопредѣленнаго наклоненія мы держимся ученія о ней Миклошича, который предложилъ въ своей „Vergl. Gram". дѣленіе глаголовъ на классы, или разряды, по примѣтамъ глагольнымъ. При этомъ, имѣя въ виду, во-первыхъ, разъяснить понятіе: дѣленіе глаголовъ на два спряженія, во-вторыхъ, вообще правописаніе глагольныхъ формъ, мы сопоставляемъ А) основы неопредѣленнаго наклоненія и Б) настоящаго (или будущаго—у глаголовъ вида совершеннаго) времени, производныя отъ нихъ формы неопредѣленнаго наклоненія и 2-го лица настоящаго (или будущаго—у глаголовъ соверш. вида) *),—послѣднюю форму, а не 1-го лица—потому, что форма 1-го лица наглядно не даетъ представленія учащимся объ основѣ. (Ниже, стр. 20, цыфрами римскими обозначены разряды глаголовъ, арабскими и буквами основы глаголовъ на гласный звукъ, согласный и т. д. и различіе основъ литерами А. и Б)

На стр. 20—22 глаголы раздѣленны на VII классовъ, или разрядовъ, съ указаніемъ основъ неопредѣленнаго наклоненія и настоящаго времени (или будущаго—у глаголовъ соверш. вида), а также формъ неопредѣлен. наклон. и 2-го лица настоящаго (у глаголовъ соверш. вида—будущаго) времени. Классъ I составляютъ глаголы коренные, а классы отъ II до VII включительно—глаголы производные. Послѣдніе образованы присоединеніемъ окончанія неопредѣ-

*) Говорить въ учебникѣ русской грамматики объ основѣ настоящаго времени на є: кеꙁ-є, неумѣстно: 1) тогда потребуется возстановленіе основы 1-го ед. ч. и 3-го лица мн. ч., а также 2) нельзя уже обойти молчаніемъ и основы, напр.: мол-н+ıє=мол-н-и=мол-н. Другое дѣло образованіе основы, при изученіи др.-црк.-сл. грамматики въ IV кл., сравнить съ образованіемъ же основъ въ латинскомъ и греческомъ языкахъ, и поэтому ученіе объ образованіи основъ склоняемыхъ и спрягаемыхъ въ учебникѣ русской грамматики, напр., у г. Преображенскаго, по нашему убѣжденію, только бремя для учащихся въ низшихъ классахъ,—бремя, котораго они не въ состояніи нести на своихъ неокрѣпшихъ «раменахъ».

лённаго наклоненія при помощи производственныхъ (словообразовательныхъ) звуковъ, называемыхъ примѣтами глаголовъ, такъ какъ послѣднія рѣзко отличаются отъ производственныхъ (словообразовательныхъ) звуковъ—при образованіи основъ склоняемыхъ. Между основами особенное вниманіе учащихся должно быть обращено на основы глаголовъ III. 1) б); III. 2) б) и в) и IV-го классовъ, такъ какъ по этимъ основамъ глаголы II спряженія рѣзко отличаются отъ глаголовъ I спряженія. Далѣе, приведенные образцы на тотъ или другой классъ глаголовъ могутъ не всѣ разучиваться, если ученики слабо подготовлены по какой-либо причинѣ или мало уроковъ на прохожденіе курса (при такихъ условіяхъ достаточно на нѣсколькихъ примѣрахъ познакомить дѣтей 1) съ глагольной основой, 2) съ глаголами коренными и 3) глаголами производными, при чемъ при ознакомленіи съ понятіемъ производные глаголы можно выяснять послѣдній грамматическій терминъ исключительно на основахъ III, 1) б); III-го 2) б) и в) и IV-го, какъ самыхъ важныхъ для выясненія дѣленія глаголовъ на два спряженія), но неизбѣжно ознакомленіе со всѣми, по разрядамъ, глагольными основами: важно это хотя, напр., для правописанія такихъ глагольныхъ формъ, какъ умереть, тереть, подпереть, растереть, затѣмъ—умру, тру, подопру, разотру и др., чтобы ученики постигли, что въ корняхъ этихъ глаголовъ 1) ѣ не пишется, 2) и не можетъ быть написано, потому что въ нихъ е бѣглое, что видно изъ формъ, напр.: простереть, простру и др.,—неизбѣжно (съ увѣренностью повторяемъ мы), потому что и наши патентованные учебники не обходятся безъ упоминанія объ этихъ глаголахъ, но не для сознательнаго усвоенія правописанія подобныхъ формъ, а исключительно для того, чтобы дѣти зубрили, напр., такое хотя правило: глаголы оканчиваются на еть, но въ нихъ ѣ не пишется, или такое: въ прошедшемъ времени глагольныя формы оканчиваются на елъ, но ѣ не пишется (мелъ, велъ...), или такое: если слышится елъ, но нужно писать ѣ (цвѣлъ, пріобрѣлъ)... мало ли другихъ подобныхъ правилъ есть въ нашихъ учебникахъ россійской грамматики, которыя зубрятъ дѣти, но

безъ всякой пользы для себя. Наше убѣжденіе—и въ практическій учебникъ вносить данныя науки, но въ такой формѣ, чтобы эти данныя были переданы въ доступной пониманію дѣтей формѣ, надъ чѣмъ прежде всего и слѣдовало бы подумать господамъ составителямъ учебниковъ. Итакъ, повторяемъ, гораздо легче, разумнѣе, если дѣти усвоятъ ниже приводимыя глагольныя основы, чѣмъ имъ механически заучивать всевозможныя исключенія, которыми переполнены наши грамматики...

Коренные глаголы.

	Основа:		Основа:	
I. 1) а)	тере:	тере- — ть,	пере-:	пере- — ть,
	тр:	тр-— —е-шь,	пр-:	пр — — е-шь,
	у-мере-:	у-мер-е-— ть,	про стере-:	про-стере- ть,
	у-мр-:	у-мр- — е-шь,	про-стр-:	про-стр—е-шь,
б)	би-:	би-—— ть,	ши:	ши-—— ть,
	бь-:	бь-— — е-шь,	шь-:	шь-—— е-шь,
	пи-:	пи-—— ть,	бри-:	бри-—— ть,
	пь-:	пь-—— е-шь,	бре-:	бре-—— е-шь;
в)	моло-:	моло- — ть,	коло-:	коло- — ть,
	мел-:	мел- — е-шь,	кол-:	кол — — е-шь,
	поло-:	поло- — ть,	по-боро-:	по-боро- —ть,
	пол-:	пол- — е-шь,	по-бор-:	по-бор-—е-шь;
г)	об-у-:	об-у- — ть,	ду-:	ду-— — ть,
	об-у-:	обу- — е-шь,	ду-:	ду-— — е-шь;
д)	кры-:	кры- — ть,	вы-:	вы-— — ть,
	кро-:	кро- — е-шь,	во-:	во-— —е-шь;
е)	пѣ-:	пѣ-—— ть,	спѣ-:	спѣ- — ть,
	по-:	по-— — е-шь,	спѣ-:	спѣ- —е-шь;
ж)	жа-:	жа-— — ть,	жа-:	жа-— — ть,
	жм-:	жн-— — е-шь,	жм-:	жм-—— е-шь,
	мя-:	мя-— — ть,	рас-пя-:	рас-пя-— ть,
	мн-:	мн-— — е-шь,	рас пн-:	рас-пн— е-шь;
2) а)	греб-:	гре(б) с-— ть,	жив:	жи(в)-— ть,
	греб-:	греб- — е-шь,	жив-:	жив- — е-шь;
		ч		ч
б)	стерег-:	стере(г-— т)ь,	влек-:	вле(к- — т)ь,
	стерег-:	стереж-—е-шь,	влек-:	влеч- — е-шь;
		(д)		(т)
в)	вед-:	вес-—— ть,	об-рѣт-:	об-рѣс- — ть,
	вед-:	вед-—— е-шь,	об-рѣт-:	об-рѣт —е-шь;

г)	лѣз-:	лѣз- — ть,	вез-:	вез- — ть,
	лѣз-:	лѣз- — е-шь,	вез-:	вез- — е-шь;
д)	нес-:	нес- — ть,	тряс-:	тряс- — ти,
	нес-:	нес- — е-шь,	тряс-:	тряс- — е-шь.

Производные глаголы.

	Примѣты.	Основа:		Основа:	
II.	ну-:	крик-ну-:	крик-н-у—ть,	звяк-ну-:	звяк-ну- — ть,
	н-:	крик-н-:	кри-к—е-шь,	звяк-н-:	звяк-н—е-шь,
III. 1) а)	ѣ-:	им-ѣ-:	им-ѣ- — ть,	бѣл-ѣ-:	бѣл-ѣ- — ть,
	ѣ-:	им-ѣ-:	им-ѣ- —е-шь,	бѣл-ѣ-:	бѣл-ѣ-— е-шь,
б)	ѣ-:	терп-ѣ-:	терп-ѣ- —ть,	гляд-ѣ:	гляд-ѣ- — ть,
	и-:	терп-и-:	терп-и- —шь,	гляд-и:	гляд-и- — шь,
2) а)	а-:	слу-ш-а-	слу-ш-а-—ть,	куш-а-:	куш-а- — ть,
	а-:	слу-ш-а	слу-ш-а-е-шь,	куш-а-:	куш-а-— е-шь,
б)	а-:	стуч-а-:	стуч-а — ть,	крич-а-:	крич-а- — ть,
	и-:	стуч-и-:	стуч-и- — шь,	крич-и-:	крич-и- — шь,
в)	я-:	бо-я-:	бо-я- — ть-ся,		
	и-:	бо-и-:	бо-и- — шь-ся,		
IV.	и-:	прос-и-:	прос-и- — ть,	кос-и-:	кос-и- — ть,
	и-:	прос-и-:	прос-и- — шь,	кос-и-:	кос-и- — шь,
V.	а-:	зн-а-:	зн-а- — ть,	чит-а-:	чит-а- — ть,
	а-:	зн-а-:	зн-а- — е-шь,	чит-а-:	чит-а-— е-шь;
	а-:	мет-а-:	мет-а- — ть,	щип-а-:	щип-а- — ть,
		мет-:	меч- — е-шь,	щип-:	щип-л-— е-шь,
3)	я-:	сѣ-я-:	сѣ-я- — ть,	вѣ-я-:	вѣ-я- — ть.
	(я)-:	сѣ-:	сѣ- — е-шь,	вѣ-:	вѣ- — е-шь,
VI. 1)	*) ова-:	рад-ова-:	рад-ова—ть,	жал-ова-:	жал-ова-—ть,
	у-:	рад-у-:	рад-у-е—шь,	жал-у-:	жал-у-— е-шь;

*) Когда дѣти образуютъ отъ основъ глагольныя формы, необходимо обратить ихъ вниманіе особенно на образованіе отъ основъ VI) 1) и VII) 2) формъ прошедшаго времени: имъ только слѣдуетъ сказать, что, 1) если примѣта глаголовъ **ОВА** въ настоящемъ времени замѣняется примѣтою **У**, то въ формѣ прошедшаго времени предъ **ВА** должно писать **О**: именовать, именую, именовалъ; 2) а, если **ВА** и предшествующій сонмительный гласный звукъ удерживает-

2) ева-: гор-ева-: гор-ева-—ть, мал-ева-: мал-ева-—ть,
ю-: гор-ю-: гор-ю—е-шь, мал-ю-: мал-ю-—е-шь;
VII. 1) ива: раз-говар-ива: раз-говар-ива—ть,
ива-: раз-говар-ива-: раз-говар-ива-—е шь,
замал-ива-: за-мал-ива-—ть,
замал-ива-: за-мал-ива-—е шь,
2) ыва-: при-каз-ыва-: при-каз-ыва—ть,
ыва-: при-каз-ыва-: при-каз-ыва—е-шь,
по-кал-ыва-: по-кал-ыва-—ть,
по-кал-ыва-: по-кал-ыва-—е-шь,

Послѣ ознакомленія дѣтей съ основою глагольною отъ основъ, положимъ, мол-и, вид-и, слы-ш-и, спрягаются на доскѣ глаголы по всѣмъ формамъ наст. времени:

1) Основа: мол-и:
мол—и+у=мол-ю (ю=и+у)
мол—и+шь
мол—и+ть
мол—и+мъ
мол—и+те
мол—и+а+тъ=мол-я-тъ (я=и+а) *)

2) Основа: вид-и *):
вид—и+у=вид-ю=виж-у
вид—и+шь
вид—и+ть
вид—и+мъ
вид—и+те
вид—и+а+тъ=вид-я тъ

3) Основа: слы-ш-и: **):
слы-ш-и+у=слы-ш-ю=слыш-у
слы-ш-и+шь
слы.ш-и+ть

ся въ настоящемъ времени, то въ формѣ прошедшаго времени предъ ВА пишется Ы: оправдывать, оправдываю, оправдывалъ.

*) Насъ могутъ упрекнуть въ томъ, что и+а не то, что и+о+и въ др.-цр.-сл. языкѣ; но о послѣднемъ если возможно говорить ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній, то только при изученіи др.-црк.-сл. грамматики.

**) Въ 4 кл. при изученіи др.-црк.-сл. яз. образованіе основы настоящаго времени изъ вид-ѣ, слы-ш-а—вид-и, слы-ш-и для дѣтей будетъ вполнѣ понятно: А послѣ Ш видоиз-

слы-ш-и+мъ
слы-ш-и+те
слы-ш-и+а+тъ=слы-ш-я-тъ=слы-ш-а-тъ.

Отсюда правила: а) всѣ глаголы производные съ основою на и присоединяютъ личныя окончанія (за исключеніемъ 3 л. мн. ч.) къ основѣ непосредственно; б) также образуются формы для настоящаго времени отъ основъ производныхъ глаголовъ въ неопредѣл. накл. на ѣ и (послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*) на а, при чемъ при образованіи этихъ формъ вм. ѣ и а основа въ настоящемъ времени оканчивается на И; в) у всѣхъ остальныхъ глаголовъ образуются формы для настоящаго времени присоединеніемъ личныхъ окончаній къ основѣ при помощи соединительныхъ гласныхъ, что мы наглядно и видимъ при спряженіи слѣд. глаголовъ:

1) Основа: вез:	вез-	—	у
	вез-	—	е-шь
	вез-	—	е-тъ
	вез-	—	е-мъ
	вез-	—	е-те
	вез-	—	у-тъ

2) Основа: бь (изъ би—) (для неопр. н. —би—)	бь-	—	ю
	бь-	—	е-шь
	бь-	—	е-тъ
	бь-	—	е-мъ
	бь-	—	е-те
	бь-	—	ю-тъ

3) Основа: для наст. вр.: стук-н: для неопр. н.: стук-ну:	стук-н-	—	у
	стук-н-	—	е-шь
	стук-н-	—	е-тъ
	стук-н-	—	е-мъ
	стук-н-	—	е-те
	стук-н-	—	у-тъ

4) Основа: им-ѣ:	им-ѣ-	—	ю
	им-ѣ-	—	е-шь
	им-ѣ-	—	е-тъ

мѣненіе буквы ѣ, а ѣ=И+А; А отпадаетъ, и остается для основы И, т.-е. вид-и, слы-ш-и.

им-ѣ- — — е-мъ
им-ѣ- — — е-те
им-ѣ- — — ю-ть

5) Основа: слу-ш-а:

слу-ш-а- — ю
слу-ш-а- — е-шь
слу-ш-а- — е-тъ
слу-ш-а- — е-мъ
слу-ш-а- — е-те
слу-ш-а- — ю-тъ

6) Основа: зн-а:

зн-а- — ю
зн-а- — е-шь
зн-а- — е-тъ
зн-а- — е-мъ
зн-а- — е-те
зн-а- — ю-тъ

7) Основа для наст. вр. сѣ: (для неопр. н. сѣ-я)

сѣ- — — ю
сѣ- — — е-шь
сѣ- — — е-тъ
сѣ- — — е-мъ
сѣ- — — е-те
сѣ- — — ю-тъ

8) Основа для наст. врем.: рад-у: (для неопр. накл.: рад-ова)

рад-у- — ю
рад-у- — е-шь
рад-у- — е-тъ
рад-у- — е-мъ
рад-у- — е-те
рад-у- — ю-тъ

9) Основа: раз-с-каз-ыва:

раз-с-каз-ыва- — ю
раз-с-каз-ыва- — е-шь
раз-с-каз-ыва- — е-тъ
раз-с-каз-ыва- — е-мъ
раз-с-каз-ыва — е-те
раз-с-каз-ыва- — ю-тъ (*).

---

*) Всѣ эти глаголы спрягаются или на доскѣ, или часть ихъ устно, смотря по времени при прохожденіи курса этимологіи въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Отсюда слѣдуетъ понятный для дѣтей выводъ: всѣ глаголы, спрягающіеся съ соединительными гласными а) **е**, **у**; б) **е**, **ю**, I-го спряженія, а глаголы производные, оканчивающіеся въ основѣ неопредѣленнаго наклоненія 1) на **и**, 2) на **ѣ**, перемѣняющимся въ основѣ настоящаго времени въ **и**, и 3) послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* на **а**, также перемѣняющимся въ основѣ настоящаго времени въ **и**, спрягаются по II спряженію. Руководясь этими правилами дѣленія глаголъ на два спряженія, учащіеся легко опредѣляютъ, какого спряженія тотъ или другой глаголъ. Встрѣтилась, положимъ, въ письменной работѣ у ученика форма „ѣздіютъ", и онъ легко ее исправитъ самъ: неопредѣлен. наклоненіе этого глагола „ѣздить", основа *ѣзди*, т. е. на *и*; слѣд., глаголъ спрягается по II спр.; къ основѣ *ѣзди* прибавляется соединит. гласный **а**, а **и+а=я**; оконч. 3 л. мн. ч. *тъ*; слѣдов., форма 3 л. мн. ч. ѣ з д я т ъ. Легко также исправить свою ошибку ученикъ въ словахъ значутъ, держутъ, борятся: первые два глагола II спряженія, потому что въ основѣ неопр. накл. оканчиваются на *и*, а послѣдній—б о р о по I-му, потому что глаголы II спряж. въ основѣ неопредѣленнаго наклоненія оканчиваются на *ѣ*, *а* (съ предшествующими ж, ч, ш, щ), если эти примѣты замѣняются въ настоящемъ (будущемъ—у глаголовъ вида совершеннаго) времен. изъявительнаго наклоненія примѣтою **и**, а также и глаголы съ основою неопредѣленнаго наклоненія и настоящаго (будущаго) времени на **и**, не принадлежащимъ корню.

Легко также усваиваются учащимися правила производства глагольныхъ формъ отъ основъ. Послѣ того, какъ разучены образцы спряженій, ученики образуютъ глагольныя формы по приводимымъ ниже образцамъ. Въ этихъ образцахъ названы только простыя формы. Если преподаватель внимательно отнесется къ дѣлу при объясненіи частей глагольныхъ формъ при образованіи ихъ отъ основъ, то дастъ возможность учащимся на цѣлую жизнь запомнить правописаніе массы словъ, образованныхъ отъ глагольныхъ основъ:

смотрѣ: смотр-Ѣ—ть——смотр-И—шь;
дыш-А: дыш-А—ть——дыш-И—шь;
прос-И: прос-И—ть——прос-И—шь.

А. Основы настоящаго времени:

	А. вез-	А. чит-а
I. *)	вез-у	чит-а-ю
	вез-е-шь	чит-а-е-шь
	вез-у-тъ	чит-а-ю-тъ
II.	вез-и	чит-а-й
	вез-и-те	чит-а-й-те
III. а)	вез-я	чит-а-я
б)	вез-у-ч-и	чит-а-ю-ч-и
IV.	вез-у-щ-ій	чит-а-ю-щ-ій
V. а)	вез-о-м-ъ,—а,—о	чит-а-е-м-ъ,—а,—о
б)	вез-о-м-ы-й	чит-а-е-м-ый

	А. вид-и	А. мол-и
I.	вид-и+у=виж-у	мол-и-у=мол-ю
	вид-и-шь	мол-и-шь
	вид-и-а-тъ=вид-я-тъ	мол-и-а-тъ=мол-я-тъ
II.	(вид-ь)	мол-(и+и)-и
	(вид-ь-те)	мол-(и+и)-те
III. а)	вид-(и+а)=вид-я	мол-(и+а)=мол-я
б)	(вид-ю-ч-и)	(мол-ю-ч-и)
IV.	вид(и+а)я-щ-ій	мол-(и+а) я+щ-ій
V. а)	вид-и-м-ъ,—а,—о	мол-и-м-ъ,—а,—о
б)	вид-и-м-ы-й	мол-и-м-ы-й

Б. Основы неопредѣленнаго наклоненія:

	Б. вез-	Б. чит-а
I.	вез-ть	чит-а-ть

*) 1) Римск. цифры употреблены вмѣсто названій глагольныхъ формъ для избѣжанія писанія терминовъ: формы настоящаго времени дѣйствит. залога и др.

2) При спряженіи настоящаго времени названы только три формы: 1-го и 2-го лицъ един. числа и 3-го лица множествен. числа, какъ типичныя по своему образованію.

II.	вез-(л)-ъ	чит-а-л-ъ
	вез-л-а	чит-а-л-а
	вез-л-о	чит-а-л-о
	вез-л-и	чит-а-л-и
III. а)	вез-ъ	чит-а-в-ъ
б)	вез-ш-и	чит-а-в-ш-и
IV.	вез-ш-і-й	чит-а-в-ш-і-й
V. а)	вез-е-н-ъ,—а,—о	чит-а-н-ъ,—а,—о
б)	вез-е-нн-ы-й	чит-а-нн-ы-й

	Б. вид-ѣ	Б. мол-и
I.	вид-ѣ-ть	мол-и-ть
II.	вид-ѣ-л-ъ	мол-и-л-ъ
	вид-ѣ-л-а	мол-и-л-а
	вид-ѣ-л-о	мол-и-л-о
	вид-ѣ-л-и	мол-и-л-и
III. а)	вид-ѣ-в-ъ	мол-и-в-ъ
б)	вид-ѣ-в-ш-и	мол-и-в-ш-и
IV.	вид-ѣ-в-ш-і-й	мол-и-в-ш-і-й
V. а)	(вид-ѣ-н-ъ,—а,—о)	мол-(и+е)е-н-ъ,—а,—о *)
б)	вид-ѣ-нн-ы-й	мол-(и+е)е-нн-ы-й

При сознательномъ умѣньи различать составныя части той или другой глагольной формы само собою является сознательное отношеніе къ правописанію глагольныхъ формъ. Къ этому должно прибавить въ дополненіе только три правила: 1) если въ глагольной основѣ неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ производныхъ на концѣ слышится звукъ, обозначаемый буквами е и ѣ, то въ названной основѣ должно писать только *ѣ*, а также и во всѣхъ словахъ, произведенныхъ отъ этой основы, напр., отъ

*) Явленіе, вполнѣ естественное въ русскомъ языкѣ (какъ и въ древне-церковно-славянскомъ: мол—и+є—н-ъ=мол—ѥ—н—ъ), но не поддающееся наглядному объясненію вслѣдствіе того, что въ русскомъ языкѣ буквою е передается и звукъ, обозначаемый буквами је, и звукъ, который можно обозначить буквами ь-э: ель(=јель) и мель (=мьэл-ь).

основы *влад ѣ* и производныя глагол. формы, и другія слова удерживаютъ букву ѣ: *влад ѣ*-ть, *влад-ѣ*-л ъ, *влад ѣ* в-ъ, *влад-ѣ*-в-ш-і-й, *влад ѣ*-н-і-е, *влад-ѣ* л-е ц-ъ, *владѣ*-л-ьч-е-ск-і-й и др.; 2) если въ глагольной формѣ на концѣ пишется ь, то этотъ знакъ удерживается и въ томъ случаѣ, если къ данной глагольной формѣ прибавляются еще какіе-нибудь звуки, напр.: нес-е-*шь*—нес-е-*шь*-ся; брос-*ь*—брос-ь-ся—брос-ь-те-сь; брос-и-*ть*—броси-*ть*-ся; 3) (правило это см. выше: примѣч. на стр. 21-й...).

Этими правилами, позволяемъ себѣ повторить сказанное, уничтожаются 1) такъ называемыя исключенія, напр., относительно глагола тере ть: въ этомъ словѣ ученикъ, имѣющій понятіе о коренныхъ глаголахъ, не напишетъ во второмъ случаѣ ѣ потому, что а) въ корнѣ этого слова ѣ не пишется, б) потому, что это е бѣглое: *тр—у*; 2) не придется зазубривать и „брелъ, велъ“ и т. п.

Мы указали на тѣ неточности, недосмотры, какіе есть въ учебникѣ г. Бородина о глаголѣ, а еще больше (и значительно больше) въ самыхъ распространенныхъ учебникахъ, напр.: г.г. Смирновскаго (см. нашъ разборъ учебниковъ его въ этой же книжкѣ „Филологическихъ Записокъ“), Говорова, Кирпичникова, Преображенскаго и др. составителей многочисленныхъ нашихъ учебниковъ по русской грамматикѣ,—многочисленныхъ, но мало приносящихъ пользы нашимъ школьникамъ.

16) Въ учебникѣ г. Бородина мы обратимъ еще вниманіе на слѣдующее: а) при спряженіи глагола вспомогательнаго не оговорено, что формы: „есмь и еси, есмы, есте“, не употребляются, о чемъ, впрочемъ, самъ авторъ учебника говоритъ въ синтаксисѣ (см. стр. 103, § 11); б) спряженіе глагольныхъ формъ распредѣлено постарому, а не въ томъ порядкѣ, какъ онѣ образуются отъ основъ; в) спрягаются два совершенно разныхъ глагола: мѣшать и смѣшать, служить и отслужить, и считаются авторомъ за одинъ глаголъ (это вошло почему-то въ обычай, и подобное явленіе мы видимъ во всѣхъ учебникахъ по родному языку),—точно также, напр., и г. Кирпичниковымъ: у него понимать

и понять одинъ и тотъ же глаголъ. Тогда отчего же бы не проспрягать рядомъ съ глаголами: мѣшать, понимать, и глаголовъ: помѣшать, вымѣшать, умѣшать, и глаголовъ: внять, воспринять и др.?

17) Мы указали почти все то, на что авторъ долженъ обратить вниманіе при новомъ изданіи своей грамматики. Не можемъ еще не сказать своего замѣчанія относительно нѣкоторой неполноты въ нѣкоторыхъ частяхъ синтаксиса: такъ, напр., слишкомъ сжато, а вслѣдствіе этого и неясно у него изложены правила относительно сокращенія придаточныхъ предложеній, а также и употребленія знаковъ препинанія.

Въ общемъ же учебникъ производитъ отрадное впечатлѣніе: многое въ немъ опирается на научныя данныя, вообще языкъ учебника отличается краткостью, точностью; многія мѣста обработаны и изложены образцово, напр., глава о нарѣчіи: если ученикъ усвоитъ эту главу, то будетъ писать встрѣчающіяся въ его письменныхъ работахъ нарѣчія вполнѣ сознательно. Прекрасно г. Бородинъ сдѣлалъ, что не допустилъ въ свою грамматику стиховъ, въ которыхъ подобраны нарѣчія съ буквою *ѣ*, чѣмъ избавилъ нашихъ школьниковъ отъ безполезной зубристики. Надѣемся, что авторъ обратитъ вниманіе на наши замѣчанія въ послѣдующихъ изданіяхъ, а мы съ своей стороны пожелаемъ ему, чтобы учебникъ его, стоящій (какъ въ началѣ нашего разбора мы замѣтили) по внѣшней сторонѣ изданія, а также и по изложенію, и по содержанію гораздо выше многихъ нашихъ патентованныхъ учебниковъ,—получилъ большое распространеніе и тѣмъ доказалъ, что часто г.г. рецензенты, не внимательно отнесшіеся къ своему дѣлу, стараются уничтожить, сокрушить ту или другую книгу, а также и автора, который написалъ ту или другую книгу. Въ частности мы имѣемъ въ виду подобную критику на разобранный нами учебникъ, напечатанную однимъ г. рецензентомъ въ „Ж. М. Нар. Пр.“, почему и позволяемъ себѣ печатать въ этой же книгѣ „Филол. Записокъ“ противъ нея „антикритику“ автора учебника, г. Бородина (См. ниже стр. 37).

„Пушкинъ (Александръ Сергѣевичъ)“.

Подъ такимъ заглавіемъ напечатана статья о немъ (на стран. отъ 826 по 851 включительно) въ XXVа томѣ „Энциклопедическаго словаря“ г.г. Брокгауза и Ефрона.

Статья о нашемъ великомъ поэтѣ принадлежитъ г. проф. Кирпичникову. Въ сжатомъ видѣ она обнимаетъ всю жизнь поэта и оцѣнку литературной дѣятельности его. Біографіи Пушкина авторъ предпосылаетъ нѣсколько данныхъ, касающихся предковъ поэта. Въ изображеніи жизни поэта, литературно-общественной дѣятельности его г. Кирпичниковъ опирается главнымъ образомъ на работы свои о Пушкинѣ, извѣстныя просвѣщеннымъ русскимъ людямъ. Взглядъ автора на поэта вполнѣ вѣрно характеризуется, напр., слѣдующимъ (см. въ XXVа т. 1-й столб. 847 стр. „Энцикл. слов.“): „Горячее національное чувство, всегда таившееся въ душѣ П. и укрѣпленное возрожденіемъ идеи народности въ западной Европѣ, привело его не къ квасному патріотизму, не къ китайскому самодовольству, а къ изученію родной старины и народной поэзіи, къ созданію „Полтавы“, сказокъ и пр. П. сталъ вполнѣ европейскимъ писателемъ именно съ той поры, какъ сдѣлался русскимъ народнымъ поэтомъ, такъ какъ только съ этихъ поръ онъ могъ сказать Европѣ свое слово“.

Страница 848-я посвящена библіографическому указанію изданій сочиненій Пушкина, почти вся 849-я—указаніямъ перевода главнѣйшихъ сочиненій его на иностранные языки, часть той же страницы, а затѣмъ 850-я и почти вся 851-я —литературѣ о Пушкинѣ.

Упрекнуть можно г.г. издателей словаря, во-первыхъ, за то, что они дали мало страницъ въ своемъ словарѣ о великомъ поэтѣ (не думаемъ, чтобы это зависѣло отъ почтеннаго автора статьи о П.), но въ то же время не скупились въ этомъ отношеніи, помѣщая большія статьи объ Альфредахъ, Генрихахъ и др.; во-вторыхъ, за то, что г.г. издатели поскупились дать своимъ подписчикамъ (уплатившимъ уже по 150 р. за 50 выпусковъ „словаря“) портрета нашего великаго поэта. Да и вообще странно какъ-то въ

„словарѣ“ встрѣчать постоянно много рисунковъ, на которыхъ изображены рыбы, птицы, насѣкомыя и т. п., но не видѣть въ немъ портретовъ великихъ людей, какъ, напр.: Гёте, Канта, Гончарова, Пушкина А. и др.

С. Прядкинъ.

Воронежъ.
14 сент. 1889 г.

„Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“.

Такъ озаглавилъ книгу свою покойный Я. К. Гротъ въ 1887 году. Съ той поры маститый академикъ, не разъ возвращаясь къ этой столь любимой имъ темѣ, успѣлъ помѣстить въ русскихъ журналахъ еще нѣсколько ея касающихся замѣтокъ, а также переиздалъ съ дополненіями С. П. Пономарева „Хронологическую канву для біографіи Пушкина“. Сынъ Я. К-ча, профессоръ К. Я. Гротъ, выпустилъ недавно въ свѣтъ эту уже давно ставшую рѣдкою книжку въ новомъ изданіи, сдѣлавъ въ ней кое-какія дополненія, т.-е. включивъ въ нее еще не вошедшіе въ первое изданіе статьи и присоединивъ отъ себя нѣсколько дополнительныхъ замѣтокъ какъ къ тексту книги, такъ и къ „Примѣчаніямъ“. Кромѣ того, явилась возможность украсить это изданіе однимъ еще неизданнымъ письмомъ Пушкина къ его лицейскому товарищу В. Д. Вальховскому (1835-го г.). Оно помѣщено рядомъ съ его же лицейскимъ письмомъ къ И. И. Мартынову (самымъ раннимъ изъ извѣстныхъ его писемъ), которое было обнародовано Я. К. уже послѣ выхода его книжки о Пушкинѣ. Именной справочный указатель составляетъ также новое приложеніе къ настоящему изданію. Цѣна книги 1 р. 25 к.

Н. Н. Вакуловскій.

ОДНОРОДНЫЯ ОПРЕДѢЛЕНІЯ.

1) Неточность ихъ опредѣленія въ нашихъ учебникахъ, 2) понятіе объ однородныхъ опредѣленіяхъ.

Ближайшая практическая цѣль изученія синтаксиса простого и сложнаго предложенія состоитъ въ томъ, чтобы привить ученикамъ умѣнье легко и свободно пользоваться различными формами родной рѣчи, какъ орудіемъ для устнаго и письменнаго выраженія мысли. Только при условіи вполнѣ сознательнаго отношенія къ этимъ формамъ возможно отчетливое пониманіе смысла предложенія и правильная разстановка знаковъ препинанія. Къ сожалѣнію, въ существующихъ учебникахъ русской грамматики нѣкоторые отдѣлы синтаксиса изложены съ недостаточною ясностью, а въ иныхъ случаяхъ и противорѣчиво. Одни учебники различаютъ, напримѣръ, придаточныя подлежащія и придаточныя сказуемыя предложенія, другіе ихъ не признаютъ; въ однихъ руководствахъ признакомъ слитнаго предложенія считается присутствіе въ немъ нѣсколькихъ подлежащихъ или нѣсколькихъ сказуемыхъ, въ другихъ и наличность нѣсколькихъ однородныхъ второстепенныхъ членовъ признается результатомъ сліянія и проч. Но особенно обращаетъ на себя вниманіе разногласіе взглядовъ составителей учебниковъ на вопросъ объ однородности опредѣленій въ слитномъ предложеніи. Нѣкоторые изъ нихъ боязливо обходятъ этотъ вопросъ, иные даютъ невѣрное опредѣленіе данному понятію. Такъ, г. Петровъ въ своемъ весьма недурномъ пособіи высказываетъ такой взглядъ на однородныя опредѣленія:

„Однородными опредѣленіями называются такія, которыя представляютъ, такъ сказать, рисуютъ предметъ только съ одной стороны: или со стороны цвѣта, или со стороны матеріала, или со стороны принадлежности“ („Синтаксисъ въ образцахъ“, изд. 7-е, стр. 48).

Чтобы показать неточность этого опредѣленія, возьмемъ примѣръ:

„Его благородіе жалуетъ мнѣ шубу съ своего плеча: на то его барская воля, а твое холопье дѣло не спорить и слушаться“, или: Чай—не наше казацкое питье“.

Подчеркнутыя опредѣленія рисуютъ предметъ со стороны принадлежности, но никто не назоветъ ихъ однородными.

Почти такъ же смотритъ на дѣло и г. Богдановъ: „Два опредѣленія (прилагательныя), которыя по смыслу означаютъ какъ бы одинъ и тотъ же признакъ или разсматриваютъ предметъ съ тождественныхъ сторонъ, называются одинаковыми. На этомъ основаніи въ иномъ случаѣ нельзя ставить запятой между двумя опредѣленіями, хотя бы они были качественныя прилагательныя: если мы видимъ, наприм., что одно опредѣленіе указываетъ на величину предмета, а другое на цвѣтъ“ („Употребленіе знаковъ препинанія въ русскомъ письмѣ“, изд. I, стр. 75).

Это опредѣленіе отличается тою же односторонностью, что и объясненіе г. Петрова. Но г. Богдановъ счелъ еще необходимымъ сдѣлать примѣчаніе къ своему толкованію:

„Исключеніе дѣлается въ томъ случаѣ, если пишущій желаетъ придать каждому опредѣленію особенный вѣсъ, или желаетъ на каждое изъ нихъ обратить особенное вниманіе читателя; въ этомъ случаѣ допускается запятая даже между качественнымъ и относительнымъ прилагательнымъ“ (тамъ-же).

По нашему мнѣнію, исключеніе это ничего, кромѣ путаницы, не вноситъ въ дѣло, потому что пишущему предоставляется полная возможность каждый разъ ссылаться на него и такимъ образомъ оправдывать неправильную постановку запятыхъ.

Не лучше обстоитъ дѣло въ руководствахъ г.г. Говорова и Смирновскаго. Оба они не рѣшаются прибѣгнуть къ опредѣленію понятія, и потому имъ по неволѣ приходится дѣлать оговорки, когда они разсуждаютъ о слитномъ предложеніи. Оговорки эти весьма характерны.

„Всякое слитное предложеніе“, говоритъ г. Смирновскій: „можно разложить на отдѣльныя предложенія; но требуется большая осторожность, когда имѣемъ дѣло съ предложені-

емъ, въ которомъ нѣсколько опредѣленій. „Такъ, напр., предложеніе: „Въ букетѣ были бѣлыя и алыя розы“— слитное, ибо его можно разложить на два предложенія: 1) „въ букетѣ были бѣлыя розы“, 2) „въ букетѣ были алыя розы“. Но предложеніе: „Въ букетѣ были прекрасныя бѣлыя розы“, не слитное, ибо его нельзя разложить на два, такъ какъ прекрасными тутъ названы не какія-нибудь другія розы, а именно тѣ самыя бѣлыя розы, которыя были въ букетѣ“ („Учебникъ русской грамматики“, ч. II, изд. 7, стр. 27).

И неясно, и неубѣдительно. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ какое-нибудь предложеніе и попробуемъ, пользуясь аргументами г. Смирновскаго, доказать ихъ несостоятельность.

„Въ букетѣ были прекрасныя, пышныя розы“.

Это предложеніе не слитное, ибо его нельзя разложить на два, такъ какъ прекрасными тутъ названы не какія-нибудь другія розы, а именно тѣ самыя пышныя розы, которыя были въ букетѣ“.

Но кто же согласится съ такимъ разсужденіемъ?

Возьмемъ еще предложеніе:

Этотъ ученикъ отличается кроткимъ, тихимъ характеромъ. Безъ сомнѣнія, оно слитное. Разложимъ его на простыя:

1) этотъ ученикъ отличается кроткимъ характеромъ,

2) этотъ ученикъ отличается тихимъ характеромъ.

Здѣсь рѣчь объ одномъ и томъ же ученикѣ.

А въ предложеніи, приводимомъ г. Смирновскимъ въ примѣръ слитнаго, говорится о двухъ различныхъ предметахъ: въ букетѣ были во 1) бѣлыя розы, во 2) алыя розы. Вотъ различіе. Между тѣмъ, на основаніи доводовъ г. Смирновскаго, предложеніе: „Этотъ ученикъ отличается кроткимъ, тихимъ характеромъ“, нельзя признать слитнымъ, потому что кроткимъ здѣсь названъ не какой-нибудь другой ученикъ, а именно тотъ, который отличается тихимъ характеромъ. Собственно говоря, въ предложеніи: „Въ букетѣ были бѣлыя и алыя розы“—„бѣлыя и алыя“—члены дѣленія. Если мы скажемъ: „существительныя бываютъ собственныя, нарица-

тельныя, собирательныя и вещественныя", то въ этомъ случаѣ раздѣляемъ запятой въ сущности не однородные члены, а перечисляемыя понятія.

Въ такой же степени туманно и неясно объясненіе г. Говорова:

„Необъятный небесный сводъ раздался"—это предложеніе простое, хотя въ немъ и два опредѣленія при одномъ подлежащемъ: „небесный сводъ раздался"—будетъ еще имѣть свой опредѣленный смыслъ; а „необъятный сводъ раздался" безъ перваго опредѣленія потеряетъ смыслъ свой. Подобныя предложенія надобно принимать за простыя" („Элементарная грамматика", курсъ I и II, изд. 19, стр. 17, выноска).

Здѣсь указанъ такой признакъ, которымъ трудно руководиться при распознаваніи слитныхъ предложеній. „Кривая, горбатая старушка вышла къ намъ навстрѣчу". Предложеніе: „горбатая старушка вышла къ намъ навстрѣчу", имѣетъ опредѣленный смыслъ, но, если мы скажемъ: „кривая старушка вышла къ намъ навстрѣчу", то еще вопросъ, всякій ли пойметъ это предложеніе въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ.

Указанныхъ примѣровъ шаткости объясненій интересующаго насъ вопроса достаточно, чтобы видѣть, насколько неудовлетворительно онъ освѣщенъ въ наиболѣе употребительныхъ учебникахъ грамматики. Въ какое же положеніе долженъ быть поставленъ, не говоримъ ученикъ, но молодой, начинающій учитель, который пожелаетъ разобраться въ этомъ вопросѣ?

Ошибка составителей учебниковъ, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что они или игнорируютъ вопросъ, отдѣлываясь случайными замѣчаніями; или не доводятъ свое опредѣленіе понятія до конца. Такъ, г. Петровъ вѣрно указалъ на одинъ признакъ однородныхъ опредѣленій, но упустилъ изъ виду другой.

Каково же полное опредѣленіе этого понятія?

Мы думаемъ, что его можно формулировать такъ:

Однородными опредѣленіями называются такія, которыя сходны по значенію и по формѣ. Сходство по значенію

между однородными опредѣленіями заключается въ томъ, что всѣ они выражаютъ оттѣнки одного и того же понятія: сходство по формѣ состоитъ въ томъ, что всѣ они выражены прилагательными, принадлежащими къ одному и тому же разряду.

Такимъ образомъ, нѣсколько опредѣленій, выраженныхъ прилагательными качественными, однородны только въ томъ случаѣ, когда являются понятіями синонимическими; нѣсколько опредѣленій, выраженныхъ прилагательными относительными, однородны, если они также сходны по значенію.

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

1) „Внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ" (прилагательныя качественныя, указывающія на привлекательность городка).

2) Песчаная, пыльная дорога поднимается на гору (прилагательныя относительныя, характеризующія отсутствіе влажности въ дорогѣ).

3) „Была влажная туманная осень" (прилагательныя качественныя, рисующія присутствіе сырости въ осени).

Изъ всего этого нетрудно заключить, въ какихъ случаяхъ два рядомъ стоящихъ опредѣленія не могутъ быть признаны однородными. Случаи эти таковы:

1) когда одно изъ нихъ выражено мѣстоименіемъ или причастіемъ, а другое прилагательнымъ:

твое любезное письмо я получилъ;

прошедшая холодная зима наскучила всѣмъ;

2) когда одно выражено прилагательнымъ качественнымъ, а другое относительнымъ:

передъ нами тянулись длинные деревянные заборы; былъ жаркій іюльскій день;

3) когда оба выражены прилагательными качественными, означающими различныя понятія:

огромная черная собака лежала на дворѣ; прямая широкая улица тянется черезъ весь городъ;

4) когда оба выражены прилагательными относительными, рисующими различныя черты предмета:

посреди городской площади стоялъ огромный к а м е н н ы й п я т и э т а ж н ы й домъ.

Руководствуясь изложенными признаками, возможно безъ труда отличить однородныя и неоднородныя опредѣленія.

Никакія оговорки при этомъ неумѣстны, и потому въ предложеніи: „позади долинъ подымаются л ѣ с и с т ы я н е в ы с о к і я горы“ два опредѣленія, относящіяся къ подлежащему „горы“, слѣдуетъ считать разнородными, обращаетъ или нѣтъ пишущій на каждое изъ нихъ особенное вниманіе.

Д. Ѳоминъ.

2 августа 1899 г.

По поводу одной рецензіи въ «Жур. Мин. Нар. Пр.» *).

Г. рецензентъ въ своемъ отзывѣ дѣлаетъ прежде всего замѣчаніе относительно опредѣленія грамматики, какъ науки, научающей „правильно говорить и писать по-русски“, называя такое опредѣленіе крайне „устарѣлымъ“ и „дающимъ совершенно превратное понятіе о грамматикѣ“. Это опредѣленіе, правда, не новое, но слѣдуетъ ли изъ этого, что оно заключаетъ въ себѣ совершенно превратное понятіе о грамматикѣ? Неужели грамматика не научаетъ даже правильно писать? „По поводу такого взгляда на грамматику“, говоритъ г. рецензентъ: „невольно вспоминается Пушкинъ, который въ своихъ критическихъ замѣткахъ, писанныхъ въ 1830—1831 г., говоритъ слѣдующее: „Не худо намъ прислушиваться къ Московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ

---

*) 1) «Приступая къ третьему изданію своего учебника русской грамматики, я считаю своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ по поводу рецензіи, помѣщенной въ іюньской книжкѣ «Жур. М. Н. Пр.». за 1897 годъ. Недостатокъ свободнаго времени въ теченіе учебнаго года и хлопоты по изданію моего новаго труда: «Повѣрочные диктанты», были главными причинами такого поздняго появленія отвѣта.

[2]) Рец. находитъ возраженія г. Бородина справедливыми.

удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ". Эти поучительныя для насъ слова высказаны нашимъ геніальнымъ поэтомъ болѣе, чѣмъ за шестьдесятъ лѣтъ до настоящаго времени, а мы все твердимъ еще, что грамматика научаетъ говорить правильно и соединять какія-то отдѣльныя слова въ одну связную, понятную рѣчь". И будемъ твердить, прибавлю я, какъ твердимъ Пиѳагорову таблицу, составленную болѣе двухъ тысячъ лѣтъ назадъ. Это, во-первыхъ, а во-вторыхъ: зачѣмъ г. рецензенту понадобилось исказить текстъ учебника? Послѣднія строки только что приведенной выписки отмѣчены въ рецензіи вносными знаками, и, такимъ образомъ, г. рецензентъ приписываетъ ихъ мнѣ; но такого опредѣленія грамматики у меня въ учебникѣ нѣтъ. Едва ли такой пріемъ, какой позволяетъ себѣ г. рецензентъ, умѣстенъ въ научной критикѣ?

Оставляя въ сторонѣ приводимыя въ рецензіи слова Пушкина, о которыхъ, по всей вѣроятности, не вспомнилъ бы г. рецензентъ, если бы онъ зналъ, почему именно московскія просвирни, а не кто другой, „говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ",—мы остановимся на томъ опредѣленіи грамматики, какъ науки, какое, въ видахъ поученія, даетъ самъ рецензентъ. Свое опредѣленіе онъ называетъ болѣе близкимъ къ правильному и доступнымъ пониманію учащихся. Вотъ оно: „Грамматика есть наука, въ которой излагается ученіе о составѣ и формахъ словъ и предложеній въ рѣчи". Опредѣленіе какого-нибудь понятія, нужно замѣтить, дать не трудно; но дать доступное пониманію учащихся опредѣленіе не всегда бываетъ легко. Ученику, начинающему изученіе грамматики и поэтому еще не знающему, что такое форма, что такое предложеніе, не будетъ понятно опредѣленіе грамматики, рекомендуемое г. рецензентомъ. Вѣдь это все равно, если бы ученику, который только знаетъ сложеніе, сказать, что сложеніе равныхъ слагаемыхъ можетъ быть замѣнено умноженіемъ.

Далѣе г. рецензентъ въ своемъ разборѣ говоритъ, что, на основаніи опредѣленія грамматики, какое помѣщено въ моемъ учебникѣ, „слѣдовало бы ожидать, что учебникъ будетъ дѣлиться на двѣ части: этимологію и синтаксисъ; одна-

ко на дѣлѣ это ожиданіе не оправдывается, и въ оглавленіи и въ самомъ изложеніи дѣлится на три части: этимологію, фонетику и синтаксисъ“. По его словамъ, содержаніе этимологіи и фонетики излагается у меня какъ-то такъ, что „каждая изъ нихъ должна быть признана отдѣльною“. Что ученіе о словообразованіи у меня не составляетъ отдѣльной самостоятельной части, какую угодно видѣть г. рецензенту, видно, во-первыхъ, изъ числового обозначенія параграфовъ и, во вторыхъ,—изъ того, что содержаніе этой части въ моемъ учебникѣ, за небольшими измѣненіями, о которыхъ я скажу ниже, таково же, какъ и въ другихъ руководствахъ, одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ. Особенно страннымъ кажется г. рецензенту то, что фонетику я помѣстилъ между этимологіей и синтаксисомъ, другими словами: не на той страницѣ. „Одно это обстоятельство“, говоритъ г. рецензентъ: „даетъ поводъ дѣлать предположенія, невыгодныя относительно содержанія того отдѣла въ учебникѣ г. Бородина, который называется фонетикой“. Мы полагаемъ, что въ учебникахъ прежде всего нужно обращать вниманіе на свѣдѣнія, заключающіяся въ томъ или другомъ отдѣлѣ, а не на то, на какой страницѣ расположенъ тотъ или другой отдѣлъ. Весьма жаль, что г. рецензентъ не даетъ никакихъ указаній относительно наилучшаго въ этимологіи мѣста для фонетики, лишая тѣмъ самымъ возможности воспользоваться этими указаніями при слѣдующихъ изданіяхъ. Далѣе г. рецензентъ выписываетъ заглавія параграфовъ и, указывая на немногіе изъ нихъ, помѣщенные въ этимологіи и относящіеся къ фонетикѣ, восклицаетъ: „такова система въ учебникѣ г. Бородина!“ Система въ моемъ учебникѣ должна, по моему мнѣнію, всего менѣе удивлять г. рецензента: въ моемъ учебникѣ, какъ и въ руководствахъ, одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ, учебный матеріалъ расположенъ по классамъ, какъ въ программѣ. Если г. рецензентъ находитъ, хотя это и трудно предположить, что программа по русскому языку, помѣщенная въ Планахъ, составлена безъ всякой системы, тогда я соглашусь, что и въ моемъ учебникѣ нѣтъ системы, потому что рубрики программы по русской грамматикѣ выполнены въ моемъ учебни-

кѣ всѣ и въ той же послѣдовательности, какъ и въ Планахъ, въ чемъ г. рецензентъ можетъ убѣдиться, взявъ въ руки Учебные Планы, утвержденные г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 20-го іюля 1890 г. Отдѣлъ фонетики у меня, по словамъ рецензіи, представляетъ полную путаницу съ содержаніемъ этимологіи. На это я могу сказать, что въ моемъ учебникѣ всякій найдетъ меньше путаницы, чѣмъ, напримѣръ, въ учебникѣ г. Кирпичникова, не только одобренномъ, но и рекомендованномъ Ученымъ Комитетомъ и ни разу не вызвавшемъ подобнаго замѣчанія за такое расположеніе учебнаго матеріала. Не нужно также забывать, что въ руководствахъ учебный матеріалъ располагается примѣнительно къ программѣ, а не наоборотъ, чѣмъ и объясняется кажущаяся „путаница“ въ расположеніи учебнаго матеріала.

Г. рецензентъ упрекаетъ меня въ томъ, что въ моемъ учебникѣ есть такіе параграфы, въ которыхъ заглавіе не соотвѣтствуетъ содержанію, и приводитъ два примѣра: § 6 (стр. 7) изъ этимологіи и § 12 (стр. 104) изъ синтаксиса. Въ § 6, имѣющемъ заглавіе: „Общія замѣчанія о гласныхъ, полугласныхъ и согласныхъ. Сочетаніе согласныхъ съ гласными,“ заключаютъ такія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ гласныхъ, согласныхъ и полугласныхъ, какія необходимы для учениковъ приготовительнаго и перваго классовъ. Если бы я писалъ учебникъ сравнительной грамматики, то, конечно, содержаніе параграфа, имѣющаго выше приведенное заглавіе, было бы иное: тамъ можно было бы сказать и объ основныхъ гласныхъ звукахъ, о динамическомъ движеніи ихъ при производствѣ словъ и многомъ другомъ, что было бы непонятно для дѣтей младшихъ классовъ, и что знать не требуется отъ учениковъ этихъ классовъ. Относительно § 12-го синтаксиса можно сказать только одно, что если бы рецензентъ дочиталъ до конца 104-ю страницу, то, внѣ всякаго сомнѣнія, не сказалъ бы, что заглавіе этого параграфа (согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ) не соотвѣтствуетъ содержанію. Глава о согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ въ моемъ учебникѣ заключаетъ три параграфа: въ первомъ (12-мъ по счету въ книгѣ) сначала говорит-

ся вообще о зависимости между членами предложенія, которая выражается въ согласованіи и управленіи; потомъ говорится, что разумѣется вообще подъ именемъ согласованія, а въ концѣ говорится о согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ, и приведенъ примѣръ. Во второмъ параграфѣ (§ 13) говорится о согласованіи составного сказуемаго и въ третьемъ (§ 14) о согласованіи простого сказуемаго съ подлежащимъ. Таково содержаніе отдѣла, имѣющаго заглавіе: „Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ“. Я увѣренъ, что никто, кромѣ рецензента, не скажетъ, что это заглавіе не соотвѣтствуетъ содержанію означенныхъ параграфовъ.

„Что касается до языка“, читаемъ дальше въ рецензіи: „то онъ изобилуетъ неточностями“. Г. рецензентъ, безъ сомнѣнія, выбираетъ „перлы“ неточностей и приводитъ ихъ числомъ шесть. Въ § 12 этимологіи, гдѣ говорится о раздѣленіи именъ существительныхъ на склоненія, сказано, что существительныя бываютъ четырехъ склоненій, и затѣмъ говорится, какія существительныя относятся къ 1-му, ко 2-му, къ 3-му и 4-му склоненіямъ. Г. рецензентъ находитъ это мѣсто неяснымъ: по его словамъ, изъ этого параграфа можно вывести заключеніе, что въ русскомъ языкѣ есть такія имена существительныя, которыя могутъ измѣняться по четыремъ различнымъ склоненіямъ. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что нужно имѣть какой-то особый даръ пониманія, чтобы прійти къ заключенію, къ какому пришелъ г. рецензентъ. Что касается замѣчаній относительно тѣхъ немногихъ мѣстъ въ учебникѣ, гдѣ употреблено слово „буква“ вмѣсто слова „звукъ“, то можно сказать, что въ общепринятомъ какъ разговорѣ, такъ и письмѣ употребляется обыкновенно одно слово вмѣсто другого. Не только въ любомъ изъ одобренныхъ учебниковъ, но и у академика Я. К. Грота можно найти выраженія: гласная, согласная буква, а буквъ ни гласныхъ, ни согласныхъ, какъ извѣстно, нѣтъ: таковыми могутъ быть только звуки. Находить, какъ это дѣлаетъ г. рецензентъ, въ подобныхъ выраженіяхъ что-то необыкновенное, граничащее съ абсурдомъ, чему служитъ доказательствомъ обиліе восклицательныхъ знаковъ въ этомъ мѣстѣ рецензіи, по моему мнѣнію, несправ-

ведливо. Перечисленіе г. рецензентомъ неточностей языка кончается замѣчаніемъ, относящимся къ употребленію предлоговъ. На страницѣ 76-й у меня сказано: „предлоги, управляя падежомъ, мѣняютъ иногда для благозвучія *ъ* на *о*: пр.: „передо мною, во мнѣ, надо мною". Рецензентъ считаетъ неправильнымъ это объясненіе: по его мнѣнію, никакой замѣны въ этомъ случаѣ нѣтъ, а есть только „употребленіе предлога въ его полной (,) ясной формѣ". Рецензентъ забываетъ, что глухіе звуки во многихъ случаяхъ, а въ концѣ словъ вездѣ перестали слышаться въ живомъ говорѣ уже во второй половинѣ XI-го вѣка [1]. Слѣдовательно, объ употребленіи предлога въ какой-то полной (,) ясной формѣ передъ стеченіемъ согласныхъ не можетъ быть и рѣчи: *о* является здѣсь чисто евфоническимъ. Такое же объясненіе, замѣчу кстати, приводитъ г. Флёровъ въ своемъ прекрасномъ учебникѣ, который не только одобренъ, но рекомендованъ и удостоенъ большой преміи [2].

Далѣе г. рецензентъ указываетъ, что я въ своемъ учебникѣ при изложеніи этимологическихъ правилъ нерѣдко прибѣгаю къ синтактическимъ терминамъ, и приводитъ изъ всей этимологіи четыре примѣра. Неудивительно было бы, если эти замѣчанія шли отъ лица, совершенно не знающаго, какъ ведется у насъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе грамматики; но тутъ дѣлаетъ замѣчаніе оффиціальный рецензентъ, смѣемъ думать, лицо, вполнѣ знакомое съ ходомъ преподаванія не только русскаго языка, но и всѣхъ предметовъ въ нашихъ гимназіяхъ. Изученію этимологіи предшествуетъ у насъ ученіе о составѣ простого предложенія, поэтому терминъ „согласуется", о которомъ говоритъ рецензентъ, и который встрѣтятъ ученики въ этимологіи при изученіи имени прилагательнаго, будетъ вполнѣ понятенъ. То же можно сказать и относительно другого замѣчанія г. рецензента о краткихъ формахъ имени прила-

---

[1]) См. Соболевскій, стр. 45. Некрасовъ. Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ др.-ц. сл. яз., стр. 43.

[2]) См. Грамматику Флерова, изд. 2-е 1897, стр. 6.

гательнаго, которыя употребляются, какъ опредѣленія, въ стихахъ для размѣра, вмѣсто полныхъ. И здѣсь г. рецензентъ находитъ терминъ „опредѣленіе“ неумѣстнымъ. Что касается до третьяго замѣчанія о прямомъ дополненіи въ родительномъ падежѣ послѣ глаголовъ дѣйствительнаго залога съ отрицаніемъ *не*, то я счелъ необходимымъ сказать объ этой особенности русскаго языка въ виду того, что ученики перваго класса въ первую же четверть года, переводя съ русскаго языка на латинскій, встрѣчаютъ весьма часто фразы въ родѣ такихъ: „Служанки не любятъ строптивой госпожи“, „Кто не любитъ розъ?“ а между тѣмъ статья о прямомъ дополненіи по русской грамматикѣ отнесена ко второму классу. Родительный падежъ прямого дополненія послѣ глаголовъ дѣйствительнаго залога съ отрицаніемъ я назвалъ особенностью русскаго языка, съ чѣмъ г. рецензентъ не соглашается, говоря, что въ этой фразѣ заключается совершенно невѣрная мысль, потому что такое же употребленіе родительнаго падежа свойственно и языку древнему церковно-славянскому. Съ г. рецензентомъ можно было бы согласиться, если бы у меня было сказано, что употребленіе родительнаго падежа послѣ глаголовъ дѣйствительнаго залога съ отрицаніемъ *не* составляетъ особенность **только** русскаго языка, но такъ какъ этого не сказано, то замѣчаніе г. рецензента, что въ этой фразѣ заключается совершенно невѣрная мысль, несправедливо. Обойти молчаніемъ эту особенность, въ виду изученія латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и греческаго языковъ въ младшихъ классахъ гимназіи, я считалъ невозможнымъ; а говорить въ первомъ классѣ, что такая особенность встрѣчается въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, съ грамматикой котораго ученики познакомятся только въ четвертомъ классѣ, я считалъ преждевременнымъ и потому неумѣстнымъ. Принимая во вниманіе при составленіи грамматики и програму по латинскому языку, я позволилъ себѣ сдѣлать замѣчаніе также о страдательномъ залогѣ. На основаніи этихъ четырехъ мѣстъ, отысканныхъ во всей этимологіи, г. рецензентъ выводитъ заключеніе, что я **нерѣдко**

при изложеніи этимологическихъ правилъ прибѣгаю къ синтактическимъ терминамъ.

Далѣе, г. рецензентъ говоритъ, что въ моемъ учебникѣ встрѣчается немало и невѣрныхъ грамматическихъ правилъ, или положеній. Онъ не дѣлаетъ ни одного замѣчанія относительно фонетики, которая, по словамъ его, изложена въ моемъ учебникѣ крайне неудовлетворительно. По поводу этого послѣдняго замѣчанія я позволю сдѣлать небольшое отступленіе. При составленіи той части учебника, въ которой говорится о словообразованіи, я пользовался, кромѣ сочиненій, относящихся къ этому предмету, также и указаніями теперь уже покойнаго профессора Колосова и, кромѣ этого, имѣлъ въ виду два учебника: грамматику Смирновскаго и грамматику церковно славянскаго языка профессора Карскаго. По указаніямъ Колосова, я прежде, чѣмъ говорить объ измѣненіяхъ звукового состава словъ, сказалъ о внѣшнихъ и внутреннихъ измѣненіяхъ въ языкѣ и помѣстилъ образецъ этимологическаго разбора слова, въ которомъ гласные и согласные вторичнаго образованія. Относительно же расположенія учебнаго матеріала въ этой части я слѣдовалъ выше упомянутымъ учебникамъ, такъ какъ, по отзывамъ г. рецензента въ „Журналѣ Мин. Народнаго Про свѣщенія“ и на самомъ дѣлѣ, статьи о словообразованіи въ обоихъ учебникахъ изложены хорошо. Объ учебникѣ Карскаго г. рецензентъ (быть-можетъ, одинъ и тотъ же) говоритъ: „Образованіе словъ. Эта статья прекрасно составлена„; объ учебникѣ Смирновскаго: „ученіе о словообразованіи изложено очень удачно“ [3]). Въ моемъ учебникѣ эта статья изложена такъ же, какъ и въ выше упомянутыхъ двухъ.

„Предложенная г. Бородинымъ теорія объ окончаніяхъ, суффиксахъ и флексіяхъ“, говоритъ г. рецензентъ: „должна быть признана невѣрною“. На это можно сказать, что я своей какой-либо особой теоріи не предлагалъ: эта теорія издавна принята въ школѣ и значится въ министерской про-

---

[3]) См. «Жур. М. Н. Просвѣщ.» 1884 г., май; ibid. 1889, май

граммѣ. Если бы эта теорія, дѣйствительно, была невѣрна, то зачѣмъ же было Ученому Комитету не только одобрять, но даже и рекомендовать въ качествѣ руководства учебники, въ которыхъ излагается „невѣрная“ теорія? Вѣдь по этимъ учебникамъ учатся сотни тысячъ дѣтей! Въ учебникѣ г. Кирпичникова изложена та же „невѣрная“ теорія, и, не смотря на это, учебникъ рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ, какъ руководство. По словамъ г. рецензента, у меня невѣрно все то, гдѣ говорится объ основахъ, или темахъ, въ другихъ мѣстахъ учебника. Напримѣръ: въ учебникѣ у меня сказано, что имена прилагательныя съ основою на *г, к, х, ж, ч, ш, щ* измѣняютъ въ окончаніяхъ буквы *я, ю, ы* на *а, у, и*. Это г. рецензентъ считаетъ невѣрнымъ, такъ какъ нѣтъ въ русскомъ языкѣ прилагательныхъ съ такими основами. Правило это есть въ любомъ одобренномъ учебникѣ и до сихъ поръ не вызывало никакихъ замѣчаній. Чтобы не быть голословнымъ, возьмемъ для примѣра любой изъ таковыхъ,—напр., у г. Смирновскаго мы читаемъ (Этимологія, стр. 23-я): „имена прилагательныя съ основами на *г, к, х, ж, ч, ш, щ*“ и пр.

Говоря о невозможности теоріи объ окончаніяхъ и суффиксахъ, г. рецензентъ предполагаетъ, что мнѣ неизвѣстны новѣйшіе труды по этому вопросу. Онъ называетъ „очевидною несообразностью“ не находить въ словѣ рыба суффикса. Очевидно, г. рецензентъ желаетъ, чтобы въ элементарномъ учебникѣ русской грамматики ученіе о составѣ словъ было изложено такъ, какъ въ сочиненіяхъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ сравнительное изученіе звуковъ и формъ языка. Я долженъ былъ назвать всю морфологическую часть слова, слѣдующую за корнемъ, суффиксомъ, а потомъ говорить о дѣленіи этой части на двѣ: на собственно суффиксъ и суффиксъ-флексію. Эту послѣднюю я въ своемъ учебникѣ назвалъ для облегченія учащихся просто флексіею, а не суффиксомъ-флексіею, и это и есть несообразность, по мнѣнію г. рецензента.

Трактуя объ основахъ прилагательныхъ, рецензентъ, должно быть, въ видахъ моего поученія, говоритъ, что всѣ основы прилагательныхъ въ русскомъ языкѣ оканчиваются

на *о* въ твердомъ склоненіи и на *е* въ мягкомъ. Г. рецензентъ опять забываетъ, что все то, что умѣстно на страницахъ сравнительно—исторической грамматики, можетъ быть неумѣстнымъ на страницахъ краткаго элементарнаго учебника русской грамматики. Въ самомъ дѣлѣ, что первоклассникъ пойметъ, когда ему скажутъ, что „всѣ основы именъ прилагательныхъ въ русскомъ языкѣ оканчиваются на *о* въ твердомъ склоненіи (бѣгло) и на *е* (сине) въ мягкомъ?“ Да и самъ г. рецензентъ, говоря объ основахъ этой части рѣчи, смѣшиваетъ основу слова и основу грамматической категоріи; а образованіе склоненія именъ прилагательныхъ полной формы представляетъ себѣ въ иномъ, чѣмъ слѣдовало, видѣ: послѣднее въ русскомъ языкѣ образовалось через присоединеніе падежей анафорическаго мѣстоименія јь къ соотвѣтствующимъ падежамъ именъ прилагательныхъ краткаго окончанія, образованнымъ по склоненію существительныхъ, при чемъ мѣстоименіе, представляя собою постпозитивный членъ, является или въ сокращенномъ видѣ, или въ измѣненномъ на основаніи законовъ евфоніи. Давать подобныя объясненія на страницахъ краткаго учебника, предназначеннаго для учениковъ первыхъ трехъ классовъ гимназіи и городскихъ училищъ, неумѣстно; а г. рецензентъ, повидимому, желалъ бы видѣть таковыя и въ элементарномъ учебникѣ.

Въ ученіи объ основахъ глагольныхъ я слѣдовалъ ученію о томъ же академика Ѳ. И. Буслаева, который говоритъ: „Первое (спряженіе) присовокупляетъ личныя окончанія къ основѣ настоящаго времени помощію звука *е*, а второе спряженіе присовокупляетъ личныя окончанія непосредственно къ основѣ настоящаго времени, оканчивающейся на *и*“ [4]). Въ своемъ учебникѣ я беру для образца два глагола: з о в у и с м о т р ю, изъ которыхъ въ первомъ основа *зов.*, а во второмъ с м о т р и. Г. рецензентъ говоритъ, что мною невѣрно опредѣляются основы настоящаго времени: что основы этихъ глаголовъ *зове* и с м о т р и, а не *зов* и

[4]) См. «Учебникъ русской грамматики» Буслаева. стр. 46.

смотр. Для какой цѣли г. рецензентъ прибѣгаетъ здѣсь къ искаженію текста, не знаю. Можетъ быть, для вящшей убѣдительности читателя въ непригодности моего учебника? У меня въ учебникѣ сказано, что основа настоящаго времени отъ этихъ глаголовъ: *зов* и смотри, а не *зов* и смотр., какъ утверждаетъ г. рецензентъ. Можетъ-быть, онъ объяснитъ это опечатками, но таковыхъ въ рецензіяхъ, которыя Ученый Комитетъ имѣетъ въ виду для произнесенія своего veto, не должно быть. Зная, что ученику перваго класса будетъ не только непонятно, но и не возможно объяснить, не прибѣгая къ сравнительной грамматикѣ, я изложилъ ученіе объ основахъ настоящаго времени такъ, какъ это сдѣлалъ академикъ Буслаевъ, находя подобное изложеніе доступнымъ пониманію первоклассника. Точно также я счелъ неумѣстнымъ на страницахъ элементарнаго учебника изложить ученіе объ основѣ настоящаго времени въ томъ видѣ, какъ оно изложено у Миклошича, т. е. сказать, имѣя въ виду отсутствіе тематическаго о въ первомъ лицѣ единственнаго и 3-мъ множественнаго числа, о частной и общей темѣ настоящаго времени.

Заканчивая свой разборъ моего учебника, г. рецензентъ дѣлаетъ послѣднее замѣчаніе относительно того мѣста въ учебникѣ, въ которомъ говорится, что предлоги, сливаясь съ глаголами, обозначаютъ повторяемость дѣйствія: покалывать, посвистывать. „Какъ будто", восклицаетъ г. рецензентъ: „безъ предлога *по* форма калывать отъ колоть и свистывать отъ свистать не обозначаетъ повторяемости дѣйствія!" О значеніи приставокъ въ образованіи видовъ у меня подробно говорится въ § 40; въ § 56 лишь напоминается, во избѣжаніе повтореній, о томъ, что сказано было выше; но, такъ какъ г. рецензентъ только листовалъ мой учебникъ, то и пропустилъ это; иначе, повторяемъ, онъ бы и не сдѣлалъ такого замѣчанія.

Подведемъ итоги рецензіи. Всѣ замѣчанія г. рецензента являются результатомъ не внимательнаго разсмотрѣнія учебника, а лишь самаго поверхностнаго просмотра и непонятнаго желанія, во что бы то ни стало, произнести надъ нимъ слово осужденія, а между тѣмъ для человѣка, желавшаго

своимъ трудомъ принести посильную пользу учащимся, желательно было иное отношеніе къ этому труду. Въ вопросахъ поважнѣе, въ которыхъ, дѣйствительно, интересно слышать мнѣніе серьёзнаго ученаго, нельзя не замѣтить пробѣла въ знаніяхъ самого г. рецензента, и только. Совершенно голословное признаніе несостоятельнымъ отдѣла фонетики въ учебникѣ и указанныя мною искаженія текста, которыя позволилъ себѣ г. рецензентъ, едва ли могутъ говорить также въ пользу доводовъ, приводимыхъ имъ. Несмотря на это, г. рецензентъ все-таки полагаетъ, что имъ „приведено достаточно примѣровъ для того, чтобы убѣдиться въ необходимости полной переработки, а также и сокращенія учебника". Мы полагаемъ, что всякій, прочитавшій внимательно рецензію, убѣдится лишь въ одномъ, что приводимые г. рецензентомъ примѣры не могутъ ни въ какомъ случаѣ служить достаточнымъ основаніемъ для такого вывода. Относительно сокращенія книжки можно сказать, что составленный мною учебникъ, обнимая курсъ первыхъ трехъ классовъ гимназіи, имѣетъ вмѣстѣ со сводомъ всѣхъ правилъ о знакахъ препинаніи всего 150 страницъ крупной печати, такъ что на классъ приходится круглымъ числомъ 50 страницъ, а учебникъ въ 50 страницъ для класса едва ли можно подвести подъ категорію такихъ, которые необходимо сократить. Если бы г. рецензентъ пожелалъ указать мнѣ болѣе краткій учебникъ, то онъ, мы увѣрены, остался бы только при одномъ желаніи.

За послѣднее время, скажемъ въ заключеніе, все чаще и чаще проникаютъ въ печать жалобы, что ученики, прошедшіе курсъ средней школы и получившіе аттестатъ зрѣлости, не умѣютъ писать грамотно (употребляю слово „грамотно" въ самомъ тѣсномъ его значеніи). Какъ на одну изъ главныхъ причинъ этого грустнаго явленія, можно указать на то, что въ рукахъ учениковъ находятся сплошь и рядомъ учебники, которые, обходя молчаніемъ важнѣйшія орѳографическія правила, нерѣдко заключаютъ въ себѣ странныя и невѣрныя правила, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго, что *ѣ* пишется въ 39-ти нарѣчіяхъ: возлѣ, нынѣ, подлѣ и др. (см. 1 ч. грам. Кирпичникова). Кто хоть не-

много знакомъ съ постановкою школьнаго дѣла, тотъ не откажетъ въ справедливости этому замѣчанію. Если въ нашей педагогической литературѣ время отъ времени и появляются учебники по русской грамматикѣ, то появленіе ихъ обусловливается *не* чѣмъ инымъ, какъ только желаніемъ дать въ руки дѣтямъ учебникъ, въ которомъ они, дѣйствительно, могли бы найти объясненіе, доступное ихъ пониманію, тѣхъ или другихъ явленій родного языка, а не заучивать массы правилъ въ родѣ выше приведеннаго, назначеннаго для зубристики.

С. Бородинъ.

Къ ученію о періодахъ съ приложеніемъ Сборника періодовъ—составилъ З. О—въ. Кіевъ. 1896 г. (4 печатныхъ листа). Цѣна 40 к.

Авторъ подвергъ критикѣ разныя руководства, въ которыхъ есть ученіе о періодахъ: учебники по русской грамматикѣ и теоріи словесности и др., и пришелъ къ выводу: „Общій очеркъ ученія о періодахъ въ грамматикѣ долженъ представляться въ такомъ видѣ. Понятіе о періодѣ, его части и члены, его виды.—Періоды виносложные:

1) Причинный.
2) Заключительный.
3) Условный.
4) Изъяснительный.

Періоды соединительные:

5) Сравнительный.
6) Соединительные, куда относятся
   a) собств. соединительный типа не только, но и.
   b) Соединительный съ рядомъ подлежащихъ.
   c) Соединительный съ рядомъ сказуемыхъ.
   d) Соединительный съ рядомъ придаточныхъ дополнительныхъ,
   e) Соединительный съ рядомъ опредѣлительныхъ.
7) Относительные, куда относятся

a) собственно относительный,
b) Послѣдовательный,
c) Обстоятельственный.
Періоды противительные:
8) Противоположный,
9) Раздѣлительный,
10) Уступительный.

Отнеся дѣленіе періодовъ на виды къ грамматикѣ, остальную часть ученія о періодахъ,—собственно построеніе періода, насколько оно послужитъ для уясненія свойствъ періодической рѣчи, безспорно должно отнести къ теоріи слога". Автору руководства о періодахъ дѣлаетъ честь, что онъ отнесся критически къ устарѣлой рутинѣ ученія о періодахъ, указалъ на этотъ отдѣлъ въ учебникахъ грамматики, теоріи словесности въ спеціальныхъ книгахъ о періодахъ, какъ, наприм., г. Баталина. Замѣчанія его дѣльны, стремленіе облегчить трудъ изученія періодовъ преподающими и учащимися весьма симпатично; „Сборникъ періодовъ", приложенный въ концѣ книги, интересенъ: авторъ сознательно отнесся къ своей задачѣ. Вотъ что онъ говоритъ въ началѣ „Сборника": „До сихъ поръ педагоги выбирали примѣры періодовъ главнымъ образомъ изъ сочиненій Карамзина... Но у меня явилось желаніе разнообразить этотъ матеріалъ. Мнѣ хотѣлось заимствовать примѣры періодовъ изъ сочиненій болѣе позднихъ писателей, которые по складу рѣчи ближе къ намъ и роднѣе намъ". И, дѣйствительно, въ „Сборникѣ періодовъ" (92 №№) мы видимъ образцы послѣднихъ, заимствонные изъ разныхъ источниковъ: изъ журналовъ („В. Европы", „Р. Мысль" и др.) и сочиненій самого разнообразнаго содержанія, напр., изъ сочиненій г. Пыпина, Лавровскаго, Острогорскаго, Тургенева и др.

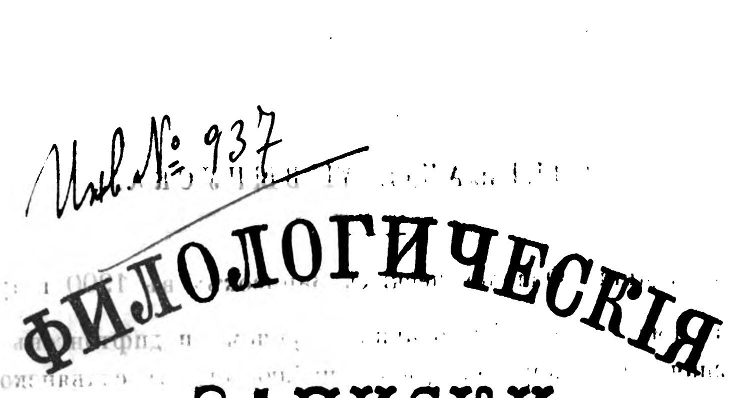
Но жаль, что г. О—въ, подвергши критикѣ теорію построенія періодовъ, не сдѣлалъ того же самаго относительно постановки знаковъ препинанія въ періодахъ: а) между членами періодовъ, б) между повышеніемъ и пониженіемъ. Трудно, напр., согласиться съ тѣми господами, которые ставятъ точку съ запятой между повышеніемъ и пониженіемъ

въ періодѣ, построенномъ по способу подчиненія: вѣдь этимъ убивается основное правило: придаточныя предложенія отъ главныхъ отдѣляются запятой. Нѣтъ основанія ставить знакъ(;—)между повышеніемъ и пониженіемъ въ томъ случаѣ, когда нѣтъ пропуска, почему мы считаемъ неправильно поставленнымъ этотъ знакъ предъ второю частью періода, начинающагося союзомъ „тогда“, въ знаменитомъ стихотвореніи Лермонтова: „Когда волнуется желтѣющая нива“..., что мы постоянно встрѣчаемъ въ учебникахъ русской грамматики и въ теоріяхъ словесности. Авторъ разбираемой нами книги очень грѣшитъ противъ правилъ употребленія знаковъ препинанія, въ чемъ желающіе легко могутъ убѣдиться, просмотрѣвъ выдержки, приведенныя нами выше изъ данной книги г. З. О—ва. Въ общемъ книга г. О—ва изъ ряда другихъ выдѣляется новостью мысли и, несомнѣнно, принесетъ пользу тому, кто поинтересуется прочесть её. Мы сказали о книгѣ господина О—ва бѣгло, имѣя въ виду въ непродолжительномъ времени болѣе подробно остановиться на нѣкоторыхъ руководствахъ, въ которыхъ затрагивается вопросъ какъ о построеніи періодовъ, такъ и о знакахъ препинанія для отдѣленія: 1) членовъ періода другъ отъ друга, 2) повышенія отъ пониженія, такъ какъ ученіе о періодахъ имѣетъ большое значеніе: съ одной стороны, умѣнье составлять періоды: а) даетъ возможность учащимся на мѣстѣ употреблять союзы, б) пріучаетъ ихъ выражаться сжато, точно; съ другой—употреблять безошибочно знаки препинанія въ періодической рѣчи.

Насколько обдуманно излагается въ разныхъ руководствахъ ученіе о знакахъ препинанія, мы приводимъ для образца слѣдующее разсужденіе изъ одной книжечки о періодахъ: „Для яснаго пониманія отношенія между мыслями и для указанія, гдѣ нужно повышать голосъ при чтеніи и гдѣ понижать, между половинами періода ставятся слѣдующіе знаки препинанія: запятая, точка съ запятой, двоеточіе, запятая и тире. Употребленіе того или другого знака зависитъ отъ того, насколько развиты половины періоды и ихъ члены, есть ли между половинами грамматическая связь (союзы, нарѣчія (??) и мѣстоименія), и какіе знаки уже

есть между членами половинъ". Для уясненія этихъ общихъ положеній относительно употребленія знаковъ препинанія въ періодахъ между прочими правилами мы читаемъ слѣдующее: „Запятая и тире (,—) между половинами періода ставится тогда, когда въ той или другой половинѣ стоять точки съ запятой, двоеточіе или нѣсколько запятыхъ". По прочтеніи этого правила, невольно приходишь въ заключенію: значитъ, запятая и тире ставится для разнообразія, потому что въ половинахъ періодовъ есть уже точки съ запятой или двоеточіе, или нѣсколько запятыхъ?! Что именно для разнообразія ставится тотъ или другой знакъ между повышеніемъ и пониженіемъ, объ этомъ говоритъ слѣдующее въ томъ же учебникѣ правило, составляющее поправку предыдущаго: „Впрочемъ, при двоеточіи между членами половинъ, самыя половины могутъ отдѣляться и точкой съ запятой или запятой, если таковыхъ нѣтъ между членами", т. е. можно, слѣдовательно, въ періодахъ ставить одинъ знакъ вм. другого: лишь бы не было однообразія: некрасиво вѣдь будетъ, если другъ за другомъ пойдетъ нѣсколько разъ одинъ и тотъ же знакъ!.. Какъ же послѣ этого научатся ставить разумно знаки препинанія дѣти, когда въ нашихъ учебникахъ нѣтъ точно обоснованныхъ правилъ? Въ періодѣ обязательно есть связь между повышеніемъ и пониженіемъ: послѣднія поясняютъ другъ друга; знакъ разъясненія—двѣ точки (:); слѣдовательно, не лучше ли бы было, если бы между повышеніемъ и пониженіемъ въ періодѣ ставить этотъ знакъ, двѣ точки,—знакъ разъясненія? По крайней мѣрѣ въ періодахъ, построенныхъ по способу подчиненія, когда связь налицо, слѣдовало бы положить за правило ставить двѣ точки. Было бы и коротко, и ясно, и понятно для дѣтей. Впрочемъ, объ этомъ, какъ сказано выше, мы поговоримъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Филологическихъ Записокъ".

С. Прядкинъ.

ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,
ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ Семинарій и Училищъ. На Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Коммиссіей присужденъ журналу похвальный отзывъ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

ВЫПУСКЪ VI.

Печатается безъ предварительной цензуры.

Воронежъ.
Типографія В. И. Исаева.
1899.

СОДЕРЖАНІЕ VI ВЫПУСКА.

ОБЪ ИЗДАНІИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

40-й годъ изд. въ 1900 году. 40-й годъ изд.

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ,—также главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ одобренъ къ пріобрѣтенію за прежніе годы въ фундаментальныя библіотеки Духовныхъ семинарій и училищъ. За представленное изданіе «Филологическія Записки» на Всероссійскую Выставку печатнаго дѣла въ 1895 г. Коммиссіей присужденъ похвальный отзывъ.

Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати разрѣшено издавать „Филол. Зап." безъ предварительной цензуры.

Журналъ: «Филолог. Записки», издавался въ Воронежѣ съ 1860 года подъ одной и той же редакціей въ теченіе 38 лѣтъ. Неуклонно, шагъ за шагомъ, пройденъ нелегкій длинный періодъ изданія покойнымъ, почтеннымъ безкорыстнымъ труженикомъ науки, редакторомъ издателемъ «Ф. З». А. А. Хованскимъ, съ честью сошедшимъ въ могилу на 86-мъ году своей примѣрной жизни. Имя его, какъ основателя перваго въ Россіи филологическаго журнала, займетъ почетное мѣсто на страницахъ исторіи русскаго просвѣщенія.

Съ 1899 года «Фил. Зап». издаются его наслѣдницами—дочерьми, подъ редакціей Сергѣя Никаноровича Прядкина и Бертрама Оскаровича Гаазе.

Программа, направленіе и задачи журнала остаются тѣ же: новая редакція не отступитъ ни на шагъ ни отъ программы, ни отъ строго намѣченной покойнымъ иниціаторомъ цѣли—доставлять въ органѣ, посвященномъ наукѣ и учебно-воспитательному дѣлу, полезныя свѣдѣнія для читателей и особенно для учебныхъ заведеній и преподавателей. Она будетъ внимательно слѣдить за каждымъ новымъ проявленіемъ въ дѣлѣ педагогики и школы, насколько это возможно въ провинціальномъ городѣ, чтобы на каждое новое требованіе, на каждый запросъ отвѣтить своевременно статьей.

Въ программу журнала входятъ—сравнительное языкознаніе, классицизмъ, лингвистика, изслѣдованія по славянскимъ нарѣчіямъ и литературѣ, русскій языкъ, теорія словесности, исторія литературы; статьи и замѣтки по воспитанію и методѣ преподаванія родного языка и другихъ учебныхъ предметовъ; миѳологія, народная психологія, этнографія, біографія, критика, учебники, руководства и пр. пособія; однимъ словомъ, научныя изслѣдованія въ области филологіи. Программа по возможности будетъ расширяться въ предѣлахъ, указанныхъ выше; въ изданіе будутъ время отъ времени вноситься нѣкоторыя улучшенія.

III

Первые четыре выпуска «Ф. З». за 1899 г. (въ двухъ соединенныхъ книгахъ) дали читателямъ 85 печатныхъ листовъ, т.-е. три листа сверхъ обѣщанной нормы (8 листовъ въ книгѣ) въ V вып. 10 листовъ.

Почтенные и безкорыстные сотрудники «Ф. З»., относившіеся всегда такъ задушевно къ покойному редактору, сочувственно откликнулись и на приглашеніе новой редакціи работать на пользу науки, воспитанія и обученія; къ числу ихъ присоединились и вновь желающіе участвовать въ трудахъ редакціи журнала. Сотрудники во главѣ съ редакціей составляютъ какъ бы одну дружную семью, энергично работающую на родной нивѣ просвѣщенія дорогой нашей родины. Печатный обмѣнъ мыслей, взглядовъ, завѣтныхъ думъ вызываютъ новыя идеи, вопросы, соображенія, проекты, планы, и вырабатывается такимъ образомъ нѣчто цѣлое; создаются новые методы преподаванія, руководства, учебники, пособія для преподавателей и учащихся и пр. Не даромъ же въ первые годы существованія журнала на обложкѣ «Ф. З». красовалась пословица: «Сто головъ—сто умовъ». Общими силами рѣшаются назрѣвшіе вопросы, а ихъ много. Задачъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія еще такъ много впереди.

Въ прошломъ читатели журнала «Ф. З». получили, кромѣ научныхъ, серьезныхъ статей за вѣсной подписью академиковъ и профессоровъ, напр.: Ѳ. И. Буслаева, Я. К. Грота, А. Д. Галахова, И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, А. А. Котляревскаго, П. А. Лавровскаго, Н. А. Лавровскаго, А. А. Потебни, И. И. Срезневскаго, А. А. Шлейхера, А. Н. Веселовскаго, В. И. Шерцля, О. Ѳ. Миллера, В. В. Макушева, И. В. Ягича, П. А. Сырку, Д. И. Нагуевскаго, А. И. Кирпичникова, А. С. Архангельскаго, Н. И. Карѣева, Д. В. Цвѣтаева, М. А. Колосова, А. И. Смирнова, Е. Ѳ. Будде, А. И. Маркевича, А. В. Богородицкаго, И. С. Некрасова, В. Ѳ. Пѣвницкаго, А. В. Говорова и др.; учебники и разныя пособія, напр.: «Опытъ элементарнаго

руководства при изученіи рус. языка К. Г. Говорова, «Начальныя свѣдѣнія изъ русской грамматики» И. Д. Четыркина (скоро выйдетъ 3-е изданіе, одобренное Ученымъ Комитетомъ Нар. Просв). «Синтаксисъ и христоматія въ литературныхъ образцахъ и пословицахъ» Ѳ. Г. Савенко, 4 курса «Методики Живое Слово для изученія родного языка» — А. В. Барсова, его же хрестоматія къ 1-му курсу; «Объяснительное чтеніе образцовыхъ произведеній» Г. А. Миловидова, «Теорія словесности» И. Н. Стефановскаго, «Къ изученію о славянскомъ глаголѣ» В. М. Добровскаго, «Разборъ образцовыхъ произведеній нашихъ писателей»: М. В. Куклина, С. Н. Брайловскаго, А. П. Флёрова и др.

Вотъ имена сотрудниковъ, участвовавшихъ въ послѣдніе годы въ «Ф. З».: П. А. Адамовъ, А. И. Анастасіевъ, В. Ѳ. Андреевъ, А. В. Барсовъ, С. Н. Брайловскій, проф. Е. Ѳ. Будде, Н. Ѳ. Бунаковъ, Ѳ. Г. Болотниковъ, С. М. Бородинъ, М. Ѳ. Быстровъ, И. М. Бѣлоруссовъ, Н. Н. Вакуловскій, А. А. Васильевъ, Ю. Н. Верещагинъ, М. И. Великановъ, Н. М. Гальковскій, П. К. Горницкій, А. Е. Гороховъ, М. Б. Гуревичъ, В. М. Добровскій, М. А. Дроздовъ, К. В. Ельницкій, И. И. Замотинъ, В. И. Ивановскій, Е. А. Кале, П. С. Козловскій, І. К. Линдеманъ, проф. А. И. Маркевичъ, Г. И. Можаровъ, Д. А. Никольскій, Г. И. Недѣтовскій, Н. А. Подаринъ, И. А. Поликарповъ, Н. Н. Поповъ, С. Н. Прядкинъ, Н. К. Рамзевичъ, А. С. Рождествинъ, В. С. Рыбинскій, В. И. Рѣзановъ, В. Н. Сирочинскій, А. И. Соловьевъ, М. И. Соколовъ, А. И. Солоникіо, Б. Е. Сольчавскій, И. Н. Стефановскій, А. І. Степовичъ, И. Н. Смѣльницкій, Н. П. Тихомировъ, М. В. Тростниковъ, А. П. Флёровъ, А. А. Херувимовъ, А. А. Хованскій, М. А. Харламовъ, В. Ѳ. Шишмаревъ, Н. В. Шеметова, И. Д. Четыркинъ, Д. Н. Ѳоминъ.

Журналъ «Филол. Записки», выходитъ безсрочными выпусками, шесть разъ въ годъ, не менѣе 8 пе-

чатныхъ листовъ въ каждой книгѣ. При благопріятныхъ условіяхъ редакція надѣется еще больше увеличить объемъ журнала.

ЦѢНА годовому изданію 6 р. безъ пересылки, 7 р. съ перес., за границу 8 р. съ пер.

Контора журнала: «Филолог. Зап.», честь имѣеть убѣдительнѣйше просить г.г. подписчиковъ своихъ дослать причитающіяся съ нихъ за предыдущіе годы деньги до 7 р. (цѣны журнала съ пересылкою).

ПОДПИСКА принимается въ Воронежѣ, въ конторѣ редакціи журнала: «Фил. Зап.», Старо-Москов. ул., д. № 20 (близъ Каменнаго моста).

Тамъ же можно получать изданіе «Ф. З.» за прежніе годы по 6 р. 50 к. съ перес. за шесть выпусковъ, а за каждый выпускъ отдѣльный по 1 р. 20 к. съ перес.; тамъ же продаются и отдѣльные оттиски статей, помѣщенныхъ въ журналѣ. Высылаются редакціей по требованію «Каталогъ брошюръ» безплатно, а «Указатель» статей за 39 лѣтъ за 40 к. съ перес. за 25 лѣтъ 30 к. съ пер., за 13 лѣтъ 25 к. съ пер. Всѣмъ подписчикамъ журнала на 1900 г. «Указатель» за послѣднія 13 лѣтъ будетъ высланъ безплатно.

Г.г. книгопродавцы могутъ получить журналъ: «Филологическія Записки», на слѣдующихъ условіяхъ:

журналъ за прежніе годы (6 вып.) вмѣсто **6** р. **50** к. за **6** р. **20** к. съ пересылкою;

за 1899 и 1900 года вмѣсто **7** р. **6** р. **65** к. съ перес. за границу вмѣсто **8** р. **7** р. **60** к. съ пер.

отдѣльно за каждый выпускъ **1** р. **10** к. съ перес., за соединенные 2 выпуска **2** р. **20** к. съ пер.

Брошюры со скидкою съ рубля по **15** к.

связи между плавными фонемами (въ положеніи передъ согласнымъ рь,—ль,—ръ,—лъ,—рѣ—лѣ,—ра,—ла—и передъ гласнымъ ьр,—ьл,—єр,—єл,—ѣр,—ѣл,—ор,—ол,—ар,—ал,—ыр,—ыл—), *съ одной стороны, а, съ другой—между всѣми упомянутыми дифтонгами и вышедшими изъ нихъ фонемами* (ъв,—ва,—вє,—во,—ыв;—ън,—ъм,—он,—ом,—ын,—ым;—ьн,—ьм,—єн,—єм,—ѣн,—ѣм,—нн,—нм—).

Между тѣмъ послѣднее явленіе, въ процессѣ развѣтвленія корней, имѣло очень широкое распространеніе въ предѣлахъ славянщины; оно отличалось очевидною закономѣрностію и тѣмъ самымъ доказываетъ не только гласную природу плавныхъ звуковъ славян. праязыка, изображаемыхъ въ старо-слав. памятникахъ чрезъ ръ,—лъ,—рь,—ль, но и родство ихъ съ дифтонгами. Явленіе это при томъ такъ любопытно для языковѣдовъ, что на первыхъ же порахъ проливаетъ нежданный и нерѣдко очень яркій свѣтъ на цѣлый рядъ доселѣ темныхъ этимологій.

Надѣемся, ниже слѣдующія сопоставленія родственныхъ по значенію корней и отъ нихъ происшедшихъ словъ докажутъ то, что мы сейчасъ сказали.

1) **КЛЪД—|| КОУД**—(vaticinari, incantare):

русск: колдунъ incantator, колдунья и колдовать incantare.

древне-русск. коудєсьникъ [2]) vates и incantator.—

---

[1]) Всѣ слова, напечатанныя кириллицей, но безъ цитатъ, читатель при справкахъ найдетъ у Миклошича (или въ заглавной строкѣ, или въ текстѣ, прибавленномъ въ объясненіе слова), въ его «Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum». При этомъ надо имѣть въ виду, что въ заглавномъ словѣ Миклошичъ не отличаетъ ръ,—лъ—отъ рь—ль,—такъ что напр. у него пишется чрънъ, жлътъ пръвъ, пръстъ вм. ожидаемыхъ чрьнъ, жльтъ и т. д. Мы тоже думаемъ, что въ древнѣйшую эпоху праславянскій языкъ не отличалъ твердыхъ плавныхъ гласныхъ отъ мягкихъ, потому что явленіе небности вообще (палятація) шло въ славянскихъ языкахъ crescendo отъ древнѣйшихъ до историческихъ временъ по направленію къ

Основной корень несомнѣнно находится въ чар-ъ incantatio, чародѣи incantator (Смотри подъ цыфрою 18).

2) ГЛЪ(Д),—ГРЪ— || ГѪ(Д)—(resonare):

русск.: голдѣть tumultuari.

гѫдѫ, гѫсти κιθαρίζειν, гѫсли κιθάρα, русск.—гудѣть resonare.

Основной корень находится въ глаголати dicere. Но что корню глъ—и въ старо-слав. нечуждо было значеніе resonandi vel tumultuandi, тому доказательствомъ могутъ служить слова глъка, глъкъ tumultus, русск. гулъ. Носовой же основной дивергентъ (безъ нароста д, столь часто употребляемаго для производства вторичныхъ корней) мы усматриваемъ въ словахъ гомонъ tumultus, угомонить, гамъ.

Другая плавная вѣтвь гръ—находится въ словахъ: малрусс. горобецъ (воробей); гурковать, грѣло, горланить, гаркнуть, бологуръ и *горокити = говорити (съ перестановкой) loqui. Слово говоръ очень древнее: оно нѣсколько разъ встрѣчается въ „Глаг." Клоца въ смыслѣ tumultus (какъ и въ „Словѣ о полку Игоревѣ": говоръ галичь оубоуди). Далѣе: грьмъ, гроза, грамѣти, грьмѣти и т. п.

3) ГРЪБ— || ГѪБ—(flectere):

гръбъ gibbus и гѫба σπόγγος. Оба слова означаютъ изгибъ (на тѣлѣ, морскомъ берегу).

4) ЖЛЪД— || ЖѦД—(cupere):

эпохѣ исторической; этимъ и объясняется безразличное изображеніе плавныхъ гласныхъ въ старо-слав. памятникахъ всѣхъ редакцій, кромѣ русской, гдѣ напр. въ Остр. ев. довольно систематично проводится различіе между ръ,—лъ и рь,—ль—(Изъ паннонскихъ же памятниковъ въ этомъ отношеніи составляетъ исключеніе лишь еван. Зографское). Придерживаясь ореографіи Миклошича при написаніи корней, мы въ то же время беремъ ихъ всегда въ слабой степени и въ положеніи передъ согласнымъ.

жлъдѣти, жлъдати cupere, **жлъдьнъ** cupidus, **жлъдь, жлъди** desiderata.—**гладъ** fames (жльд,—жлѣд,—глад,—все равно какъ жрьды: градъ; врьгж, врѣшти: врагъ; стрьгж, стрѣшти: стражь и т. п.). **жадати** sitire, esurire, **жадьнъ** sitiens, **жажда** sitis.—Что основной варьянтъ корня находится въ **желати** cupere, это ясно.

5) **СКРЪ— || СКЫ— || СКЖ**—(foedum, avarum esse):

скарадъ ἀηδής, αἰσχρός foedus; русск. скаредъ homo avarissimus, скряга; **скараднє** foeditas.

русск.: скваляга homo foedus, **скваръ** inquinamentum (срав. **кысняти—квасъ**), русск. скверный (**устыре—устаеро**) foedus.

скжпъ avarus, русск. паскуда femina foeda.

Для историка первобытныхъ древностей славянскихъ это объединеніе въ языкѣ черты скупости съ непотребнымъ и постыднымъ поведеніемъ знать отнюдь небезразлично: широта славянской натуры проявлялась уже въ далекихъ сумеркахъ доисторической жизни славянъ, и неудивительно, что былинный князь Владиміръ съ своей стороны продолжаетъ то и дѣло задавать пиры... Впрочемъ, корень **скжд**—мы встрѣчаемъ и съ другимъ значеніемъ: **скждъ** inops, **щадити** φείδεσθαι parcere.

6) **СРЪ,—СЛЪ— || СА— || СѢ**—(loqui):

русск.: сорока—птица говорунья; с(т)рекоза такое же насѣкомое, с(т)рекотать. Срав. въ лат. sermo рѣчь, въ греч. εἴρηκα dixi и εἴρημαι [3]) dictus sum. Вѣроятно, сюда же относится и **срамъ**—худая слава (fama mala).

---

[3]) Фикъ (Fick) въ своемъ «Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen» относитъ данныя греч. формы къ другому индо-европейскому корню, и причину этого мы понимаемъ конечно. Но, если принять во вниманіе, что spiritus asper въ греческихъ словахъ иногда отсутствуетъ тамъ, гдѣ бы по общему положенію ему быть надлежало обязательно, какъ напр. въ ἔχω habeo, то мы при объясненіи упомянутыхъ греч. формъ несомнѣнно въ правѣ придерживаться и своей этимологіи.

сать dixit, inquit—форма недостаточнаго глагола, которая въ одной лишь „Глаголитѣ“ Клоца встрѣчается около 30 разъ; сѫдъ judicium, сѫдити judicare. Въ латин. языкѣ носовой варьянтъ можно усматривать въ sonare, sonus.

сѣмъ inquam, одеревенѣлая форма московскаго просторѣчія, превратившаяся въ простую частицу съ неяснымъ смысломъ. Въ дѣтствѣ, живя въ Серпуховѣ, мы ее часто употребляли сами, и въ своемъ изслѣдованіи: „Къ ученію о славянскомъ глаголѣ“, мы впервые выразили мнѣніе, что это сѣмъ есть не иное что, какъ 1 лицо архаическаго спряженія (дамъ, ѣмъ) и равняется самь inquam [1]). Это же мнѣніе впослѣдствіи высказалъ и проф. Соболевскій. Къ варьянту сѣ—мы относимъ и слово бесѣда colloquium съ феноменальной „приставкой“ бе—(о ней см. далѣе, подстроч. прим. на стр. 21), равно какъ и сѣтовати lugere, посѣтити invisere (собственно утѣшать кого сочувствіемъ своимъ во время визита, напр. больныхъ и вообще людей, впавшихъ въ горестное положеніе *).

Наконецъ, другой плавный видъ разсматриваемаго корня имѣется въ реченіяхъ: слоути nominari, слово verbum, слава gloria, fama, словѣне slavi.

Послѣ сказаннаго становится очевидною истиною, что національное названіе сръбъ, сръби этимологически совершенно то же, что и словѣне. Когда славяне называли себя такъ, то хотѣли обозначить только то, что всѣ они могутъ говорить вразумительною, понятною другъ для друга рѣчью, между тѣмъ какъ иноземцы („нѣмцы“, „чудь“, т.-е. народъ чужой земли и иного языка) вынуждены быть нѣмыми свидѣтелями при бесѣдѣ или разговорѣ славянъ между собою.

---

[1]) См. наше изслѣдованіе: «Къ уч. о слав. глаголѣ», въ «Фил. Зап.» 1886 г., IV вып., стрн. 501 (въ текстѣ и подстрочномъ примѣчаніи).

*) Прим. редак. Форму сѣмъ въ дѣтствѣ и намъ приходилось слышать въ одномъ селѣ Воронежскаго уѣзда, напр., въ выраженіяхъ: «сѣмъ-ка я пайду, сѣмъ-ка папрашу», въ пѣснѣ: «Сѣмъ-ка я тряхнусь, сѣмъ-ка варахнусь»... Несомнѣнно, въ этомъ словѣ ѣ такого же происхожденія, какъ въ словахъ: обърѣсти при обърѧщѫ, сѣсти при сѧдѫ.

Вѣдь точно такая же точка зрѣнія была въ свою очередь и у германцевъ, или нѣмцевъ, которые въ противоположность иноплеменникамъ называли и называютъ себя deutsche отъ гл. deuten—говорить ясно. Поэтому мы полагаемъ, что національное имя сербовъ столь же исконно, какъ и вообще славянъ; что съ этимъ именемъ сербы въ незапамятныя времена поселились на Балканскомъ полуостровѣ *), и намъ думается, что слово „срьбъ" есть лишь слегка видоизмѣнившееся имя с р ъ м а т ъ (=с а р м а т ъ), каковая догадка [5]) находитъ себѣ поддержку и у нѣкоторыхъ славянскихъ историковъ.

7) **ХРЪ,—ХЛЪ—|| ШЛЪ—|| ХЪI(Т)— || ХѪТ — || * ХѢТ → ШАТ,—ХАТ** —(prehendere, servare): **храмъ** (х р ъ,—х р ѣ,—х р а—), какъ и русск. —х о р о м ы, въ древности означалъ по большей части οἰκία domus, а потомъ и templum; **хранити** φυλάττειν servare.

---

*) Родство словъ: **словѣне и сръби**, если оно, дѣйствительно, несомнѣнно, служитъ подтвержденіемъ исторической теоріи, что общее имя народа сохраняется на крайнихъ пунктахъ поселенія: славяне ильменьскіе и сербы.
Ред.

[5]) Указанной этимологіей отстраняется само собою явно тенденціозное сближеніе нѣмецкихъ патріотовъ названія с е р б ъ съ лат. s e r v u s... Но и славянскіе лингвисты теряютъ голову въ поискахъ за этимологіей какъ слова с е р б ъ, такъ и б е с ѣ д а. Вотъ что, напр., говоритъ Миклошичъ въ своемъ «Лексиконѣ» при словѣ **сръбинъ**: «Cum **сръбинъ** confert Safaricus russ. пасербъ derivans a сяръ, cujus radix sanscr. su—ei esse videtur: quae omnia nos non putamus posse demonstrari; ethymon thematis **сръб** Dobrovius (Іосифъ Добровскій) paludem arbitrabatur significare, hodiedum obscurum est». При словѣ же **бесѣда**, приведя варьянтъ написанія **бесада**, встрѣчающійся два раза въ «Супр. рукописи», въ заключеніе добавляетъ: «radix sanscr. bhas—splendere» (!). Num Miclošević—скажемъ мы въ свою очередь—ethymon hec clarum esse videbatur? Что касается варьянта **бесада**, то онъ объясняется, какъ **члань** articulus при **членъ**, **плѣнъ** praeda при **планъ**, **трава** herba при **трѣва** и т. п.

Холить curare, servare, холуй servus; хластъ, холостой caelebs (qui servat caelibatum); холстъ—ткань, хранящая тѣло; хламъ—вещи залежавшіяся или износившіяся; захолусть е—дальнее, „заховавшееся" мѣсто; шалль pannus, pallium; шалашъ—tentorium, tabernaculum; шляпа (=*шлап—), шляпка—cucullus; хлъмъ—collis (собств. насыпь надъ могилой); шлѣмъ galea, cassis, др.-рус. шеломъ, шеломя. Далѣе: хлѣвъ, хлѣвина domus, domicilium, въ русс. stabulum.

хытити—prehendere, давать пріютъ, принимать; хыzъ, хыzина (срав. русск. хозяинъ) и хыжда, хыжа οἰκίον, κέλλιον; хытръ artificialis, callidus, хытрьць artifex; domicilium—хибарка.

хуторъ (*хѫтъръ), что и хижина,—οἰκίον domicilium; хѫдогъ peritus, хѫдожьникъ artifex.

шатьръ tabernaculum; шанка vas quoddam, navigium; шапъка cucullus,—хата domus,—охабень genus vestis veteris (древне-русс. княжескій плащъ); охапати amplecti, срав. русс. охапка, схапать prehendere; охабити са abstinere.—хабара (=холтура) λῆψις.

Всѣ выше приведенныя реченія имѣютъ смыслъ активный, обозначая то, что схватываетъ или принимаетъ подъ свой кровъ кого-либо и укрываетъ отъ непогоды и другихъ неблагопріятныхъ условій. Но есть слово того же корня servandi съ значеніемъ пассивнымъ: мы видимъ его именно въ названіи извѣстнѣйшаго въ славянскомъ хозяйствѣ корнеплода хрѣнъ (cochlearia armoracia); отличительною чертою его является то, между прочимъ, обстоятельство, что онъ выростаетъ въ землѣ незамѣтно, иногда безъ ботвы, до почтенныхъ размѣровъ, отыскивается хозяевами раннею весной (обыкновенно Великимъ постомъ) на извѣстныхъ имъ мѣстахъ подъ нестаявшимъ еще снѣгомъ. Пассивный смыслъ имѣетъ и слово хлѣбъ panis: кормовые запасы, cibus. Срав. ниже кръмъ—18.

8) ВЛЪ— ‖ ВА—(magnitudo):

велии, великъ magnus и вацѣи major. Эта послѣдняя форма получилась изъ *вачьшии, какъ видно, между

прочимъ, изъ собственнаго имени кахесавъ и особенно изъ формы векше, встрѣчающейся въ глагольскихъ памятникахъ Шафарика. Тотъ же самый звукъ находится и въ суффиксѣ положительной степени (великъ).

9) **СЛЪ—||СѢ—||СѦ—**(serere):

село ager, **сѣꙗти** serere, **семиꙗ** familia, mancipia и **семь** persona (лицо, принадлежащее къ „домочадцамъ“ въ смыслѣ „Домостроя“ Сильвестра [6]).—Село въ старо-сл. употребляется, какъ извѣстно, почти всегда въ значеніи поля для посѣва и никогда въ значеніи vicus (**вьсь**), т.-е. деревни или села въ современномъ смыслѣ; значитъ, въ старо-сл. связь по значенію между село и сѣꙗти непосредственная. Теперь обнаруживается между этими словами такая же прямая связь и по этимологіи, такъ какъ вся разница между ними состоитъ въ томъ, что плавная фонема перваго слова замѣнилась небнымъ дифтонгомъ во второмъ (лъ=ѣ), при чемъ обѣ фонемы приняли свойственный имъ видъ слабой степени въ положеніи передъ слѣдующимъ гласнымъ. Наконецъ, въ третьемъ словѣ на мѣстѣ плавной фонемы и небнаго дифтонга мы встрѣчаемъ дифтонгъ носовой (ѧ). Отношеніе между **сѣꙗти** и **семиꙗ** такое же, какъ между **тѣнь** и **тьма**, **тьмьнъ** или между **стрѣла** и **стремитисѧ**.

10) **БРЪЗ—||БЫЗ—**(celerem esse):

бръзъ и **быстръ** (***быזтръ**) ταχύς celer.

11) **ЗРЪ—||ЗѢ(Т)—**(spectare):

зьрѣти sive **зрѣти** spectare, **зрьцало** speculum; **зѣница** oculus, русск. зѣнки oculi; зѣтить—внимательно присматриваться къ чему, цѣлить во что.

12) **ЗРЪ—ЗЛЪ—||ЗѦ(Б)—**(germinare):

зрѣти maturescere, **зрьно** granum.

---

[6]) Иная, хотя и родственная, точка зрѣнія находится въ названіи жены мужемъ своею «милой семеюшкой», въ похоронныхъ пѣсняхъ русскаго сѣвера.

зелень viridis, зълакъ sive злакъ gramen, herba; прозябнѫти, прозябати βλαστάνειν germinare.

13) ВЛЪ(Х),—ВРЪ—||ВѢ(Т)—(vaticinari):

влъхвъ vates и вѣщь, русс. вѣщій, вѣщунъ vates.

Хотя слово вѣщій по основному корню и значенію „вѣдѣнія" находится въ несомнѣнной связи съ гл. вѣдѣти scire, однако оно произошло отъ иного дивергента, который именно находится въ словахъ отвѣтъ responsio, привѣтъ propositum, adhortatio, съвѣтъ consilium, а еще лучше отъ того, который видимъ въ глаголѣ вѣштати (изъ *вѣскѣти [7]), такъ какъ послѣднему, между прочимъ, свойственно и значеніе vaticinandi, praedicandi. Основной видъ этого дивергента безъ всякаго нароста встрѣчаемъ въ аористовыхъ формахъ древнѣйшихъ памятниковъ: отвѣ, отвѣша („Ассем. ев"., „Болон. пс."). Прежде, замѣтимъ кстати, никому и въ голову не пришло бы ставить въ этимологическую связь слова влъхвъ и вѣщоунъ; теперь же, съ раскрытіемъ отношеній между плавными фонемами и дифтонгами, сближеніе того и другого слова по корню становится вполнѣ естественнымъ дѣломъ, какъ село и сѣяти, зрѣти и зѣтить и мн. др., о которыхъ рѣчь еще впереди. Равнымъ образомъ, само собою навязывается сближеніе по корню и по значенію съ предыдущими вокабулами и слова: врачь отъ корня връ, заключающагося, между прочимъ, въ русск. вру (*връж) [8]) mentior, врана птица—вѣщунья cornix. Срав. въ лат. medicus врачъ и mendax лживый, mentiri измышлять.

---

[7]) См. «Къ уч. о слав. глаголѣ».

[8]) Т.-е. первоначально врачевать означало дѣлать заговоры и наговоры: срав. ворковать, ворчать, воробей (врабии) верещати («Путеш. Даніила во Св. землю»)—слова того же корня, но безъ значенія vaticinandi, какъ и глаголъ говорить, отъ котораго происходятъ слова: заговоръ и наговоръ. Поскольку дѣйствіе «заговора» оправдывалось, корень получалъ значеніе «вѣщій»; но, такъ какъ дѣйствіе «заговоровъ» часто не оправдывалось, то тотъ же корень получалъ значеніе «врать» или «измышлять» небывалое.

Кстати замѣтимъ, что слово невѣгласъ imperitus въ первой своей части заключаетъ тотъ же корень вѣ, о которомъ мы говоримъ: невѣгласъ—тотъ, кто не можетъ сказать насчетъ даннаго дѣла ни звука, ни слова. Это соединеніе двухъ однозначащихъ корней, безъ соблюденія обычныхъ правилъ, мы встрѣчаемъ также въ русс. словахъ дѣтвора, бутузъ, боробанъ, бологуръ, крохмалъ, малорусс. боломутъ и др.

14) ТЛЪ(СТ)—‖ТЫ—‖ТОѴ—(pinguescere)

тлъстъ pinguis.
тыти, тыѭ pinguesco.
тоѵкъ adeps, pinguedo.

15) МЛЪ—‖МА—(molere):

млѣти, мелѭ moleo, мѣлъкъ parvus, мѣлъ creta.
мяти, мьнѫ comprimo, мякъкъ mollis, мѫка farina,

Къ этому же корню явно относится и глаголъ молити orare, praecari, т.-е. mollem facere aliquem, дѣлать кого „мягкимъ", снисходительнымъ.

16) МЛЪ—‖МА—‖МѢ—(minuere):

Тотъ же самый корень, что и предыдущій: мелѭ, мѣлъ и т. д. малъ parvus. Послѣдній видъ корня представляетъ крайнее усиленіе плавной фонемы въ положеніи передъ гласнымъ [9]). Такимъ образомъ становится понятной этимологическая связь между положительной и сравнительной степенью мьнии minor: млъ—(=мел—)=ма.—Третій дивергентъ мѣ—усматриваемъ въ словѣ мѣсяць mensis. Послѣднее слово по своей этимологіи выражаетъ самое простое и потому естественное для первобытнаго ума представленіе: „мѣсяць"—это меньшее свѣтило на небѣ сравнительно съ солнцемъ,—меньшее и по внѣшнему виду, и по значенію своему для земли во всемъ прочемъ, начиная съ

---

[9]) Такое крайнее усиленіе въ положеніи передъ согласнымъ представляетъ младъ junior, а равно и млатъ málleus.

освѣщенія; это младшій братъ солнца [10]). Что такое воззрѣніе на луну дѣйствительно есть въ простомъ народѣ, въ томъ можно убѣдиться всякому, кто желаетъ, прочтя стихотвореніе Я. Полонскаго: „Солнце и мѣсяцъ“, гдѣ это воззрѣніе выражено при томъ со всею прелестью поэзіи [11]): настолько консервативенъ простолюдинъ въ своемъ взглядѣ на окружающую природу, и настолько естественно для его ума упомянутое воззрѣніе на луну. Поэтому сближать, какъ это дѣлаетъ напр. Фикъ, лат. слово mensis съ mensura (мѣра) и глаголомъ metire (мѣрять)—не резонъ. Мы рекомендуемъ не только mensis сопоставлять съ minor, но и нѣм. Mond съ minder, и греч. μήνη съ μείων и μικρός. Въ санскр. глаголы minati, minôti тоже имѣютъ значеніе minuere уменьшать, и вторая часть санскритскаго названія луны candra-mas несомнѣнно принадлежитъ тому же корню.

17) **МЛЪД— || МОУД,— || МѢ(Х)—(cunctari):**

*мълдити, съ перестановкой—млъдити и моудити cunctari. Основной корень тотъ же, о которомъ мы сейчасъ вели рѣчь. Оба глагола буквально значатъ: употреблять

---

[10]) Срав. «Къ уч. о слав. глаголѣ» въ отдѣльномъ выпускѣ (Воронежъ, 1882 г.) стрн. 35—36. Вообще явленіе чередованій ѣ и ѧ впервые было замѣчено нами, а затѣмъ вновь открыто г. Соболевскимъ. См. объ этомъ подстрочное примѣчаніе къ стрн. 162 нашего изслѣдованія.

[11]) И взмолилось Солнце брату:
Братъ мой, Мѣсяцъ дорогой!
Ты зажги фонарь и ночью
Обойди ты край земной!»...
Солнце спитъ, а Мѣсяцъ ходитъ,
Сторожитъ земли покой...
Завтра жъ рано-рано къ брату
Постучится братъ меньшой...

Впрочемъ, кромѣ слова «мѣсяцъ», развѣтвленіе мѣ— встрѣчаемъ еще въ двухъ словахъ: мѣзинъ minor и мѣзиньць filius natu minimus; въ русс. «мѣзинецъ»—pollex minimus.

малость или незначительность дѣйствія въ чемъ-нибудь. Далѣе, мѣшкать cunctari и помѣха cunctatio.

18) кръ, — клъ, — цръ, — чръ, — чль — || кж, — чл — || *кѣ, — цѣ, — чл, — кои — ко — || кы, — кві, — цві — || коу, — чоу — (tegere, prehendere, occulere).

Корень чрезвычайно богатый. По значенію словъ и звуковымъ измѣненіямъ очень напоминаетъ нами разсмотрѣнный хръ, — хлъ — и т. д.

а. крыти sive крити tegere; кровъ, крыша tectum, съкровище latibulum, thesaurus. скрина [12]), крина, крынка vas quoddam; криница hydria (кувшинъ), — кръзно, крозно, корозно vestis pellicea (древне-русс. княжескій плащъ); кросно textura quaedam; кортузъ pileus, — коробъ, коробка Korb χάψα, корзина κόφινος; корабль navis. — Крило ala, крыло; кора cortex (что покрываетъ древесное тѣло); скора scortum, шкура. — кора, корень radix (та часть дерева и вообще растенія, которая скрыта подъ землей). — Мл.-русс. крыныця puteus (источникъ подземной, скрытно текущей воды). — Кръчьма caupona, taberna; кръчагъ, корчага vas quoddam.

крж — (кръм — [13]): закромъ σιτοφυλακεῖον, укромный abditus, occultus, скромный modestus; корманъ marsupium. — кръмъ τροφή cibus, собств. „запасы" пищи: срав. хлѣбъ.

кра: короудъ custodia, собств. сторожевое „прикрытіе улы" — люднаго мѣста. — краль rex, т. е. верховный покровитель и защитникъ народа [14]).

---

[12]) Сюда же относится и скрада, сковорода sartago.

[13]) Слово кремль можно съ такимъ же удобствомъ относить сюда, какъ и къ корню крѣп — (см. подъ цыфрой 26): тогда оно означало бы мѣсто, гдѣ укрываются горожане во время осады.

[14]) Тѣ, которые сближаютъ Карла и краля, указываютъ на слово царь, которое произошло отъ Caesar, Καῖσαρ. Но вѣдь надо не упускать изъ виду, что цѣсарь, це-

крадж furor (скрытно, тайкомъ присваиваю вещь).

к. клѣть, клѣта, клѣтка, клѣтьца domus, domicilium; колиба, колибница tugurium (шалашъ); колыбѣль cunae, дѣтская кроватка.—Колпакъ, клобоукъ pileus; колоши genus calceorum (укрываютъ или оберегаютъ сапоги).— Колитка θύρα, приспособленіе для закрыванія и открыванія входа во дворъ; ключь clavis; колчанъ βελοθήκη.— Колдунъ, человѣкъ открывающій или отгадывающій тайны; коляда hiemis dies festi, праздникъ гаданій и ряженья по преимуществу, сопровождавшійся переряживаньемъ людей и установленный въ знакъ покрытой снѣжнымъ покровомъ и какъ бы тоже переряженной природы (въ римскихъ calendae не имѣлъ никакого отношенія [15]).—Кладазь, ключь, колодецъ puteus: срав. млрусс. криниця.—Клъбаса (рубленое мясо, скрытое въ кишки) ὁ ἀλλᾶς.—Калита (код—?) marsupium.—Куль, кулёкъ marsupium; кулебяка—пирогъ, скрывающій въ себѣ начинку.

Значеніе servandi, съ которымъ въ самой тѣсной связи находится tegere и occulere, мы видѣли, имѣетъ очень близкое отношеніе также и къ prehendere: хуторъ, хыжда || хытити, схватить. То же явленіе замѣчаемъ и здѣсь: клѣть || клѣшта λαβίς forceps, клѣи κόλλα.

Кладу pono, кладбище κοιμητήριον, кладовая ταμεῖον, кладъ=съкровище.

г. Цръкы нѣм. Kirche templum: срав. храмъ; црѣпъ sartago.

сарь, кѣсарь—слова, встрѣчающіяся въ священной книгѣ евангелія, которую славяне въ теченіе вѣковъ съ благоговѣніемъ слушали и слушаютъ постоянно въ храмѣ; но какимъ образомъ такую же популярность въ славянскомъ мірѣ могъ бы получить Карлъ, этотъ средне-вѣковый дикарь тогда еще дикихъ нѣмцевъ?

[15]) Такимъ образомъ «кутались» и переряживались въ странные костюмы люди во время коляды; была «окутанною» природа. Все носило черты не свои собственныя, обычныя: отсюда гаданья, когда въ свою очередь приходилось «открывать» настоящій смыслъ тѣхъ перипетій, которыми гаданья эти сопровождались, т. е. «колдовать».

д. Урълати haurire, aquam capere. урка poculum; урмнга dolium (чанъ); урьмъ σκηνή tentorium; урькъ manubrium (рукоятка) λαβή; кереща, урешта, уереща tentorium; урепъ, урепица—что употребляется на покрышку зданій, и изъ чего дѣлаются сосуды, хранящіе въ себѣ извѣстное содержимое,—testa (отъ tegere въ свою очередь); уерепи testudo (подъ чѣмъ разумѣется и животное, и черепашина); черепъ (урепъ) κράνιον—то, что покрываетъ головной мозгъ.—Уаръ, уаровати: означаютъ загадочное, таинственное дѣйствіе одного человѣка на другого, а также открываніе тайнъ при помощи чаръ: срав. колдунъ.

е. Уλънъ πλοιάριον, σκάφος: срав. корабль,—уело frons, часть черепа (см. ниже).—Чуланъ ταμεῖον latebra.—Чулокъ κνημίς πλεκτή.

ѕ. Кжтъ, кжтьць, кутокъ, ζакжтние angulus, latebra; кутать, окутаться, закутаться: срав. нѣм. Kleid, bekleiden; кжшта tentorium; кукла.—Комната, коморка καμάρα, Kammer, Zimmer. Сюда же, вѣроятно, относится и конура=кжтьць.

ζ. Уа—(уьм → уоум—): чемоданъ πήρα; чумичка τρυήλης; уоума pestis λοιμός (отъ λαμβάνω).—Срав. уλъ=уел,—уьл → уоул—.

н. Цѣвь colum, цѣдити colare: срав. урълати; кадь, кадьца κάδος, cadus; цѣпь δεσμός, σειρά, прицѣпити inserere, цапнуть λαβεῖν.

ѳ. Чанъ dolium: срав. кадь; уаша calyx, poculum.

і. Койка lectus: срав. кровать; plur. покои: срав. хоромы; sing. покои requies, покоитися=поуити (уи ← ки—) requiescere.

ій. Млрусс. кишень (кы)—marsupium: срав. корманъ; киса, кисетъ marsupium; кишка—мѣсто, гдѣ скрывается съѣденная пища, тоже своего рода marsupium для пищи съѣденной: срав. кльбаса.—Кибитка tabernaculum.—Кубышка vas (для храненія денегъ). Къ понятію же ponere примыкаютъ слова: кипа и куча σωρός.

іб. Польск. kwiat flos; цвьсти (цвьтж, цвьлъ = цвёлъ) florere, germinare, собств. покрываться зе-

ленью, напр. вода въ прудѣ зацвела [16]); цвѣтъ flos = покровъ на зелени.

іг. чоути αἰσθάνεσθαι, γινώσκειν, intelligere, proprie: prehendere, capere (воспринимать); чоувати audire; чоунство, чоувьство αἴσθησις, sensus. Такъ какъ ю разлагается въ ек, ьк, то понятны слѣдующія этимологіи: по ч(ь)ва humus (земля. хранящая посѣянныя сѣмена; или гдѣ лежатъ сѣмена—отъ поунти); поуьвение χοῦμησις. Въ связи съ значеніемъ чувствовать: ч(ь)ваниться ἀλαζονεύεσθαι, чванство и под-чев-ать, под-чу-ю ξενίζω: собств. угождаю кому-либо [17]) угощая, блюду его чувство чести, оказываю почетъ.—уьванъ

---

[16]) Случаевъ отступленія отъ этимологическаго начала въ русскомъ правописаніи накопилось такое множество, что въ интересахъ школы надо было бы просто назначить премію, чтобы кто-нибудь взялся ихъ всѣ указать и разъяснить: напр. plur. masc. имѣетъ противо-историческое окончаніе *е*, введенное, кажется, Ломоносовымъ (славные люди вм. славныи люди); imperat. ѣшъ, вишъ (ишъ) вм. ѣжъ, вижъ (ижъ)=ѣждь, виждь; караулъ, карманъ, халатъ, галдѣть, картузъ, калитка, барабанъ, балагуръ, крахмалъ и проч. и проч. Какъ не вспомнить при такомъ небрежномъ отношеніи къ литературной рѣчи о наставленіи Тургенева: «Берегите нашъ русскій великій, могучій языкъ» и пр. Наша этимологія въ правописаніи далеко не дошла до трудностей ороографіи языка французскаго и до настоящихъ абсурдовъ правописанія англійскаго: но будь мы такъ небрежны, какъ теперь, мы очень скоро сравняемся съ англичанами.

[17]) Сближеніе почьвы съ подошвой, хотя и принадлежитъ русскимъ компетентнымъ филологамъ, явно искусственное и смысла большого не заключаетъ, потому что мы можемъ ходить и по деревянному полу, по камнямъ, желѣзу и пр. Что касается гл. «подчевать», то наша этимологія устраняетъ всякую надобность въ перестановкѣ звуковъ въ глаголѣ поутовати или * почетовать. Это большая выгода, если принять во вниманіе, что въ перемѣщеніи согласныхъ всякій языкъ прибѣгаетъ сравнительно чрезвычайно рѣдко.

sextarius, vas quoddam (чбанъ quoque: русс. жбанъ= *шбанъ, чбанъ).—Чуйка, чюга (древне-русс.), чука genera vestis; чуни genus calceorum.—Чубъ λόφος (хохолъ на остриженной головѣ прежняго малоросса), чубукъ— ручка у трубки=λάφος (отъ λαμβάνω [18]): срав. чрѣнъ λαβή.

чоудо (коуд—) miraculum, нѣчто непонятное, скрытое, загадочное; чоудьнъ, чоудесьнъ mirabilis; коудесьникъ=колдунъ; чоудь—инородцы въ Россіи, говорящіе странною, загадочною рѣчью („нѣмцы" съ другой лишь точки зрѣнія); чоуждь alienus.

---

[18]) Мы поинтересовались бѣглымъ просмотромъ одного изъ «толковыхъ словарей» иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ изъ другихъ языковъ. Намъ крайне не нравится эта привычка русскихъ ссылаться на иностранное происхожденіе словъ своего языка, какъ только встрѣтится затрудненіе въ славянской этимологіи, а въ чужомъ языкѣ при томъ же отыскивается мало-мальски созвучное слово. Такъ слово чубукъ безъ всякой церемоніи отнесено къ турецкимъ, хотя у турокъ этимъ словомъ называется мальчикъ въ кофейнѣ, на обязанности котораго, между прочимъ, лежитъ подавать трубки; коляда къ латинскому; халва уже у Фика приводится, какъ славянское слово, но въ толковникѣ отнесено къ языку турецкому... Съ другой стороны, могутъ быть реченія изъ инородческаго источника, но языкъ ихъ такъ прилаживаетъ къ своимъ корнямъ, что они являются какъ будто искони родными. Напр. слово холатъ, отнесенное къ араб. (?) корню khil'ta, напоминаетъ однако сразу нашему уху о глаголѣ холить (одного корня съ хранить и холуй). Даже Миклошичъ, говоря напр. о словѣ калита (сумка), каковое прозвище носилъ одинъ изъ первыхъ князей Москвы, сближаетъ въ словарѣ это слово съ араб. kheritha... Главная причина такой странной склонности славянскихъ языковѣдовъ заключается, конечно, прежде всего въ плохомъ состояніи славянско-русской этимологіи, но отчасти должна быть отнесена на счетъ извѣстной черты славянъ, особенно русскихъ—при встрѣчѣ съ головоломнымъ какимъ-либо вопросомъ легко подчиняться чужому авторитету... въ данномъ случаѣ—чужого языка.

кувшинъ, коньць hydria срав. крининца; ковшъ haustrum = черпакъ; ковъчегъ navis: срав. корабль.— Коверъ tapes ταπίς (чѣмъ покрываютъ полы, диваны).

ıд. Соотвѣтствія вторичныя: корзина || кузовъ Korb, κάψα; колпакъ pileus || куполъ θόλος.

ıє. Чловѣкъ homo, ἄνθρωπος..

Цѣлый рядъ статей и замѣтокъ, составляющій вмѣстѣ нѣчто въ родѣ особой литературы, посвященъ былъ этимологіи этого слова. Но усилія авторовъ—увы!—обречены были самимъ „Рокомъ" остаться тщетными... „Рокъ" этотъ есть не иное что, а сама „сравнительная грамматика индоевропейскихъ языковъ", заключающая въ себѣ пробѣлъ первостепеннаго значенія: въ ней читатель не найдетъ ни единой даже обмолвки о переходныхъ связяхъ между плавными фонемами и гласными звуками въ области индо-европейскихъ языковъ [19]). Между тѣмъ, какъ всякому очевидно, этимологія слова чловѣкъ никакъ не можетъ обойтись безъ знакомства съ этого рода явленіями со стороны языковѣда, такъ какъ корень даннаго слова относится именно къ числу плавныхъ.

Мы уже видѣли, что корни чрѣп— и чел—, находясь въ тѣснѣйшей связи съ кръ—, имѣютъ значеніе tegere, prehendere, такъ что, значитъ, „черепъ" есть не болѣе, какъ твердая оболочка, охватывающая головной мозгъ; чело—часть этой оболочки. До сихъ поръ въ чело и чрѣпъ мы видимъ совершенно то же представленіе, какъ и въ лат. caput, которое происходитъ отъ capere (схватывать, обнимать), равно какъ въ греч. κεφαλή, санскр. capala и нѣм. Kopf. При этомъ надобно имѣть въ виду, что санскр. capala значитъ не „голова", а именно „черепъ".

Но корень чел,—(члъ) есть лишь видоизмѣненіе того, который заключается въ чоути. Этотъ же послѣдній означаетъ не только „обхватывать, обнимать" (чькапъ, чуйка,

[19]) Нѣкоторые изъ этихъ фактовъ читатель найдетъ подобранными въ концѣ нашей статьи и особенно въ послѣднемъ подстрочномъ примѣчаніи.

чюга, чуха), но и актъ духовный: γινώσκειν, αἰσθάνεσθαι, intelligere. Въ свою очередь и корень чел—рядомъ съ значеніемъ „обхватывать" и „вмѣщать" (чулокъ, чуланъ; члънъ) могъ означать прежде тотъ самый духовный актъ, prehendere, который называется γινώσκειν, αἰσθάνεσθαι и intelligere. Слѣд., члов-ѣкъ (*члоу-ѣкъ) этимологически означаетъ существо познающее (intelligens, γινώσκων)—то же, что нѣм. Mann, Mensch [20]).

19) ВРЪТ—||ВѢТ—(vertere):

врътѣти vertere и вѣтръ ventus. Мы, разумѣется, знаемъ, что послѣднее слово принято сближать прямо съ глаголомъ вѣяти [21]) flare (leviter, lente) и санскр. vâtara ventus. Но одно уже то обстоятельство, что въ стрсл. древнѣйшихъ памятникахъ мы постоянно встрѣчаемъ написаніе вѣтръ (литов. тоже vëtra), а не вѣтеръ или вѣтьръ, служитъ уже достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы отрицать точность соотвѣтствія санскр. слова старо-славянскому. Вѣтръ, какъ и вихръ (отъ вити) turbo—имѣютъ своимъ суффиксомъ только звукъ р. Самое значеніе „вѣянія" (leviter flare) какъ-то не подходитъ къ „вѣтру", который чаще всего крутитъ и вертитъ или дуетъ съ болѣе или менѣе значительной силой (срав. ниже врѣти). Къ тому же мы видимъ точное соотвѣтствіе корню врът—въ другихъ языкахъ и въ тѣхъ же словахъ: въ лат. ventus при vertere и въ нѣм. Wind при winden (vertere)—съ замѣною небной и плавной фонемы носовою.

Несомнѣнно однако, что гл. вѣяти и вѣтръ родствен-

---

[20]) Духовное воспріятіе и схватываніе (рукою напр.) обозначаетъ также и корень хыт—(какъ мы уже видѣли): схватить, хватати || хытръ, хѫдожьникъ. Особенно подходитъ значеніе мышленія челоу, на которомъ дѣйствія этого духовнаго процесса у многихъ людей отражаются очень отчетливо.

[21]) Отъ этого дивергента происходитъ вѣко palbebra, производящее тихое, совсѣмъ неслышное движеніе воздуха надъ глазомъ.

ны между собой этимологически, какъ это мы сейчасъ и увидимъ.

20) **КРЪ, КЛЪ—||КѢ—||КЫ—**(vertere):

врѣмя tempus и **вѣкъ** aevum αἰών. Оба слова по корню означаютъ нѣчто постоянно движущееся впередъ и въ то же время возвращающееся назадъ съ новымъ днемъ, съ новымъ годомъ и, наконецъ, съ новымъ поколѣніемъ (вѣкъ). Глаголъ **врѣти** bullire, fervere, заключающій въ себѣ корень тотъ же, что и **врѣмя**, означаетъ или кипѣніе, когда вода кружится и бурлитъ, или морское волненіе, когда во время шторма волны, вздымаясь, пѣнясь и тѣсня другъ друга, какъ бы стараются обогнать одна другую (т. е. **варити** antevertere, praecurrere). Съ другой стороны, слово **вѣкъ** обозначаетъ время, каждый разъ возвращающееся вновь съ новымъ поколѣніемъ: вѣкъ—это время жизни человѣка. Въ этомъ именно смыслѣ говорится въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, что при Олегѣ Гориславичѣ „вѣци человѣкомъ сократишася“... Это самое значеніе движенія, но, повидимому, безъ оттѣнка „вращенія“ или „оборота“, по своей этимологіи означаютъ и лат. aevum, и греч. αἰών, и гот. aivas, которыя всѣ Фикъ пріурочиваетъ къ корню i,—находящемуся, между прочимъ, въ старосл. гл. **ити**, лат. ire и греч. εἶμι [22]).

---

[22]) Сюда же мы относимъ **оулии** κυψέλη alveus и **оулица** πλατεῖα: оба слова означаютъ тѣ мѣста, гдѣ происходитъ движеніе толпы: при ульѣ роя пчелъ, на улицахъ—прохожихъ. Послѣднее слово, быть-можетъ, означало всякое людное мѣсто. Но куда же въ этихъ словахъ дѣвался звукъ в? На этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ быть двоякій: или онъ исчезъ подобно тому, какъ напр. то исчезаетъ, то появляется въ русс. (острый—вострый, усъ—вусъ, вишъ—ишъ, восьмой—осьмой, а также въ суффиксѣ причастія—ъш— || —vans несъш), такъ что **оулии** вм. ***воулии** (**въл—воул—**), или слогъ **въ**—прямо перешелъ въ **оу**, какъ это наблюдаемъ въ мл.-русс. унукъ вм. въноукъ, удова вм. **вьдова** (vidua). Но явленіе во всякомъ случаѣ требуетъ и заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія, какъ очень любопытный, но пока еще сомнительный фактъ старо-сл. этимологіи, для русскаго же языка безспорный.

влъна fluctus, unda, влаити fluctibus agitari, влага humor.

выя collum. Какъ верея (косякъ) есть столбъ, около котораго вертится дверь, такъ и выя, на которой можетъ вращаться наша голова, несомнѣнно происходятъ отъ одного и того же корня връ.

21) МРЪ(К)—‖МѢ(К),—МѢ(Т)—‖МА—‖МЫ—:

русс. мороковать, мерекать cogitare, contemplari, смѣкать intelligere, смѣтка и смѣкалка intellectus; замѣтить, замѣчать notare. Срав. нѣм. merken.

мьнѣти putare, помьнѣти meminisse, память и помѣнъ memoria, мѣнити putare, memorare, мѫдръ sapiens, prudens. Въ лат. срав. mens, mendax, mentiri; въ нѣм. meinen.

мысль cogitatio.

22) ПЛЪ(Х)—‖ПЫ(Х)—‖ПѪ(Х)—(flammare, ardere):

плъхъ glis, ardor; пламы (плъ=плѣ,—>пла—) flamma; въсполѣти sive въспламѧти exardere, полѣно lignum (quod ardorem efficit) sive плаха; опалатися (пъл.—пол,—пал—) ardere furore, graviter irasci; палити urere; русс. пылъ ardor, пылать ardere.

пыхати ardere, graviter irasci; русс. вспыхнуть flagrare.

пушка (*пѫшька).

23) ПЛЪ—‖ПѪ—(fluere):

плоути fluere, пловьць nauta; пѫчина mare. Замѣчательно, что въ греч. находимъ такое же чередованіе между плавнымъ и носовымъ корнемъ въ словахъ πέλαγος и πόντος: πλεῖν. Сюда же относится и прилагат. полый въ выраженіи „полая вода“, а также и слово плесо русло рѣки, удобное для плаванія и стоянки судовъ.

24) ЧРѢД—‖ЧѦД—(facere, creare):

оучрѣдити ordinare τάσσειν, чрѣда ordo vices diariae, русс. чередъ, очередь; русс. чередить facere ali-

quid absurdi vel famosi; чердакъ — надстройка надъ корпусомъ дома;

чрътогъ thalamus.

чадо kind, παιδίον infans.

Первоначальный корень есть кръ, — чръ — || кж, — *ка — initium facere (положить начало чему), такъ что чадо происходитъ отъ того же корня, который находится въ словѣ начати и кънлзь начальникъ (отряда, напр., которыхъ было такъ много у половцевъ и которыхъ столькó умертвилъ и взялъ въ плѣнъ нѣкогда Владиміръ Мономахъ), нѣм. könig, konung. Въ лат. языкѣ точный корреспондентъ плавнаго дивергента мы встрѣчаемъ въ гл. creare, въ санскр. въ образовательной частицѣ формъ—kara: дѣлающій (machend; см. у Фика). Такимъ образомъ, по нашей этимологіи выходитъ, что чадо совершенно то же, что и дѣта, ребенокъ или робя (срав. мало-рус. робить) дѣва, тварь (творити) или робъ (созданіе, твореніе [23]). Фикъ ошибочно отнесъ слово Kind къ позднѣйшему періоду развитія нѣмецкаго языка, именно къ праязыку общенѣмецкому, тогда какъ его слѣдуетъ отнести къ эпохѣ славяно-нѣмецкаго единенія (если de facto таковая была когда-нибудь). Замѣчательно соединеніе двухъ однозначащихъ, корней въ русс. словѣ дѣтвора [24]) liberi παῖδες.

---

[23]) Въ этомъ лишь смыслѣ, когда Русь еще вовсе не знала рабовъ, Өеодосій Печерскій въ словѣ о вѣрѣ варяжской могъ сказать о себѣ: «Азъ Өедосъ, худый робъ пресвятыя Тройца, Отца и Сына и Святаго Духа» и проч.

[24]) Такое же соединеніе однозначащихъ двухъ корней, сверхъ упомянутыхъ нами выше, мы видимъ и въ бесѣда. Бе—это тотъ самый корень, который находится въ реченіяхъ: баюти fabulari, баснь fabula. Слабѣе на степень корень̄ былъ бы *бъ,—но мы его не встрѣчаемъ въ языкѣ. Послѣднему дивергенту вполнѣ соотвѣтствуетъ корень лат. глагола fari говорить и греч. φημί Бе—есть такое же ослабленіе корня бѣ, какое видимъ въ одежда при одѣвати или въ первой части глагола лелѣять.

25) ЧРЪ(Т), – КРЪ(Т), – ЧЛЪ, – КЛЪ – || ЧѦ(Т) – || ЧА – изъ *кѢ – (secare, scindere):

чрѣсти, чрътѫ τέμνω seco; чрътати χαράττειν scindere (напр., ралъмь землю), чрьта linea; кръстъ crux; кратъкъ brevis; кратъ momentum: дъва краты bis, три краты τρίς, мъногы краты saepe; крънъ (изъ крѫ—) cui aures amputati, кръноносъ (русс. курносый) cui nasus amputatus, русс. окорнать desecare.

чѧсть (изъ *чѧтть) pars.

часъ изъ *кѣсъ (съ суфф. с, какъ въ гласъ, класъ, власъ) hora, pars temporis [25]).

члѣнъ, членъ articulus.

Далѣе: колѭ, клати pungere, secare, колъ palus, клинъ cuneus; колѣно genu, колѣно tribus, genus φυλή; кладиво malleus и въ русс. народныхъ сказкахъ мечъ-кладенецъ ensis; кронти (изъ крѣ—) scindere, кронло ensis; кръшити frangere, кръха mica, кроухъ и оукроухъ frustum;... русс. крохмалъ ἄμυλον (малъ отъ мелю).

Заключимъ наши сближенія любопытнымъ развѣтвленіемъ на славянской почвѣ корня, одноззвучнаго съ предыдущимъ.

26) КРЪ, – КРѢ(П), – КРѢ(С) – КРѦ – (firmum, validum fieri):

крѣпъ, крѣпъкъ firmus, validus; крѣсити sanum, validum facere; русс. кряжъ—цѣпь каменныхъ горъ (на Уралѣ доселѣ жители называютъ свои горы просто словомъ камень: „итти на камень“ значитъ „итти въ горы“); кремы, кремень silex; кремль τὰ ἄκρα русскихъ городовъ, акрополь; можетъ быть, сюда же относится и кирпичъ

---

25) часъ и чинъ въ свою очередь, рядомъ съ русс. словомъ очередь являются синонимами. Срав. у Вл. Мономаха въ «Поученіи»: спасенье есть отъ Бога присоуждено полоудьне; во тъ чинъ бо почиваютъ и звѣрь и пътица и человѣци.

(*кръпнуь)—камень, полученный изъ глины. Не относится ли сюда и самое слово камы, какъ видоизмѣненіе кръ—въ *кѣ,—ка?—Срав. хръ,—хлъ,—(хрѣнъ,—хлѣвъ),—хѣ—(шатьръ),—ха—(хата); сръ,—слъ—(сръбъ, словѣне), сѣ—(сѣмъ, бесѣда), са—(бесада) и т. п.? [26])

Намъ кажется, уже выше приведенныхъ сопоставленій (которыя мы увеличимъ и еще новыми) вполнѣ достаточно, чтобы установить новый фактъ славянской этимологіи, **какъ фонетическій законъ**. Что разсмотрѣнное нами явленіе не ограничивается предѣлами однихъ славянскихъ языковъ, а обще всей индо европейской семьѣ,—это можно видѣть напр. изъ такихъ сопоставленій: въ лат. sermo || sēvi, sēmen, sătum; mensura и mētire; въ греч. πλεῖν, πέλαγος || πόντος; въ нѣм. merken и meinen и под. При сравненіи же славянскихъ словъ съ иноязычными открываются любопытнѣйшія этимологическія связи въ родѣ, напр.: об(в)лаченіе, влѣкж и нѣм. Gewand одежда; вѣтръ и Wind; свѣтъ и Welt, между мякъкъ и лат. mollis, между мъногъ и multus; вѣтръ и ventus; пжчина и πέλαγος; посълъ, сълъ, сълати и нѣм. senden, Gesandter и т. д. Новая точка зрѣнія, будь она примѣнена къ области индо-европейской фонетики, принесла бы обильные плоды, и напр: „Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen" Фика измѣнилъ бы въ значительной степени свою физіономію уже отъ одной только этой реформы въ сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ [27]).

Какъ мы уже сказали, общеніе это между плавными фонемами и дифтонгами указываетъ *на гласную природу*

---

[26]) Картину видоизмѣненій плавныхъ корней и ихъ связей съ различными гласными звуками мы надѣемся дать въ слѣдующей статьѣ.

[27]) Кстати скажемъ, что упомянутый словарь, оставаясь высоко-полезною вещью для лингвистическихъ изслѣдованій, тѣмъ не менѣе требуетъ очень осторожнаго къ се-

плавныхъ звуковъ въ праязыкѣ славянъ, какъ на фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію. И столь же несомнѣнно, что эти гласные могли дѣлаться *долгими*, что собственно и роднило ихъ такъ близко съ дифтонгами. Въ долготѣ и краткости плавныхъ гласныхъ славянскаго праязыка и слѣдуетъ видѣть главную причину того разнообразія плавныхъ корней, какое мы встрѣчаемъ, напр., въ одномъ русскомъ языкѣ. Но и этого мало: существованіе плавныхъ гласныхъ долгихъ и краткихъ должно быть отодвинуто *за грань праславянской рѣчи*, если лингвисты обстоятельно и незыблемо установятъ, что фактъ взаимодѣйствія между плавными фонемами и другими гласными звуками былъ и въ другихъ языкахъ индо-европейскихъ. А это становится очень вѣроятнымъ теперь же благодаря нашимъ бѣглымъ намекамъ на соотвѣтствія, какія встрѣчаются въ иныхъ индо-европейскихъ языкахъ славянскимъ плавнымъ корнямъ, съ одной стороны, а, съ другой—между плавными фонемами и иными въ предѣлахъ одного и того же языка, напр.: нѣмецкаго, латинскаго, греческаго и т. д. [28]).

В. Добровскій
(Преподаватель 2-й Одесской гимназіи).

Одесса.
1899. V—X.

бѣ отношенія со стороны особенно славистовъ; Фику неизвѣстенъ былъ вообще фактъ чередованія между дифтонгами слав. языка. Да и, кромѣ того, мы нашли цѣлый рядъ сопоставленій, явно ошибочныхъ или слишкомъ натянутыхъ; другія же самыя естественныя сближенія, наоборотъ, упущены изъ виду.

[28]) Нужно просто удивляться, какъ это проф. А. И. Соболевскій рѣшился изобрѣтать теорію развитія плавныхъ корней (Лекціи по исторіи русскаго языка. Кіевъ 1888 г. Стрн. 22—29), совсѣмъ не справляясь съ данными индоевропейскаго языкознанія. Результатъ получился, конечно, такой, какого и слѣдовало ожидать: «теорія» вышла крайне близорукой и искусственной. У проф. Соболевскаго все шиворотъ на выворотъ: тьргъ, вълна, пълнъ для него древ-

нѣе, чѣмъ тръгъ, влъна, плънъ; существованіе плавныхъ гласныхъ въ старо-слав. (ръ,—лъ), болгарскомъ и чешскомъ въ его глазахъ явленіе позднѣйшей эпохи въ жизни славянской рѣчи, а не исконное праязыковое, начало котораго скрывается въ дали нѣсколькихъ тысячелѣтій, и т. д.

Въ доказательство того, что гласность плавныхъ заходитъ далеко за предѣлы рѣчи праславянской, мы кромѣ упомянутыхъ выше сопоставленій, приводимъ еще слѣдующія: δρῦς—δένδρον, πράττω—ποιέω, ἔρχομαι—οἴχομαι; τίθημι—θόλος; ἡδύς сладъкъ.—tangere—тръгати (трогать); memini—memor, memoria; peritus [πράττω) опытъ, опытный, опытовати; pulcher—пышный, deglutire—gustus, ille—онъ, клаколъ—campana, dēbet—длъжьно, lingua—ѩзыкъ; клانѩтися knieen, колѣно- Knie; вередъ (врѣдъ)—Wunde, кутать (кѫт—) Kleid, kleiden; wollen—wünschen; благъ—bonus, скврънити—inquinare etc. Эти сравненія мозолятъ глаза сами: мы ихъ не искали такъ, какъ это дѣлаемъ съ корнями славянскими, потому что не намѣрены излагать теоріи развитія плавныхъ фонемъ и корней въ индоевропейскомъ вокализмѣ.

Прим. 1. Обращаясь къ области сравнительной этимологіи индо-европейскихъ языковъ, выразимъ убѣжденіе, что корень словъ caput, capere составляетъ лишь видоизмѣненіе того, который заключается въ cortex кора, cornus sive cornum дернъ (зеленый покровъ земли), а также въ cēlare и occūlere; что точно также греч. κεφαλή состоитъ въ прямой этимологической связи съ κρύπτειν, κράνιον, κράνος, χόρος, καλύπτειν, κόλπος et c.—и съ славянскимъ корнемъ кръ,—клъ и т. д. Разумѣется, пока это только наше личное убѣжденіе, потому что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ фонетическимъ закономъ, о которомъ въ первый разъ заводится рѣчь и при томъ на почвѣ славянскихъ языковъ. Но мы сочли нелишнимъ высказать это убѣжденіе потому, что 1) оно опирается на факты сравн. языкознанія, которые тамъ и здѣсь внимательный читатель найдетъ въ настоящей статьѣ, а 2) потому, что вѣдь славянскіе языки суть языки индо-европейскіе... Если же caput, κεφαλή, съ одной стороны, а cortex, occulere, κρύπτειν, καλύπτειν, съ другой—состоятъ въ прямой этимологической связи между собою, то (какъ это ни будетъ невѣроятно

для старовѣровъ сравнительной грамматики) окажется, что чело, чрѣпъ, чловѣкъ относятся къ одному и тому же индоевропейскому корню вмѣстѣ съ caput, capala, κεφαλή, Kopf.

Прим. 2. Этотъ индо европейскій корень съ гласнымъ плавнымъ звукомъ (kr̄—kl—) нерѣдко является впереди съ сопутствующимъ s: скриня, скралоупа, скора, скорнякъ, шкура, скрило (польск. skrżydło), лат. scortum, греч. σκάφος, σκάφη.

Прим. 3. Слово глава одного и того же происхожденія съ глаголати loqui: та часть организма человѣка и животнаго, откуда слышится гласъ, голосъ. Русское слово «голова» вовсе не существовало тогда, когда давнымъ давно уже было слово чловѣкъ. Что касается суффикса—ѣкъ, то онъ несомнѣнно составляетъ архаизмъ, однако не безслѣдно пропавшій. Онъ породилъ суфф—акъ: въ русс. напр. словакъ, бурсакъ, козакъ и т. п.

Прим. 4. Статья наша о производствѣ слова человѣкъ (первый опытъ авторства), помѣщенная въ «Ф. З». 1880 г. (вып. V—VI), въ свое время вызвала ѣдкую замѣтку со стороны V. Iagic'-а въ «Archiv für Slawische Philologie» (V томъ, 3 кн., стрн. 489). Теперь намъ было бы въ высокой степени интересно знать мнѣніе нашего академика о настоящей статьѣ вообще и этимологіи слова чловѣкъ — uti viri harum rerum peritissimi Miclosevio mortuo.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ, КАКЪ ВОСПИТАТЕЛЬ РУССКАГО ОБЩЕСТВА *).

Мм. Гг.!

Годъ тому назадъ, именно въ этотъ самый день, 26-го мая, вся интеллигентная Россія почтила чествованіемъ память пятидесятилѣтія со дня смерти нашего величайшаго и перваго критика, Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго, который въ теченіе четырнадцати лѣтъ (отъ 1834 г.—1848 г.) съ рѣдкимъ воодушевленіемъ былъ провозвѣстникомъ свѣтлой истины, вождемъ въ высокихъ порывахъ и истолкователемъ великаго богатства, заключеннаго въ художественныхъ произведеніяхъ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Ровно черезъ годъ въ этотъ же самый день, 26-го мая, по странной случайности истекло цѣлое столѣтіе со дня рожденія и перваго нашего русскаго художника, создателя вмѣстѣ съ другимъ достойнымъ своимъ современникомъ (Гоголемъ) всей нашей національной поэзіи—Пушкина. Это странное совпаденіе дня чествованія памяти двухъ великихъ людей, которые составляютъ по истинѣ гордость всей Россіи, невольно заставляетъ насъ припомнить тѣсную связь между этими двумя писателями, дорогими и близкими сердцу всякаго просвѣщеннаго русскаго человѣка, связь—какъ по роду ихъ дѣятельности на пользу русскаго общества, такъ и по обстоятельствамъ, имѣвшимъ мѣсто въ судьбѣ того и другого. И Пушкинъ, и Бѣлинскій являются благороднѣйшими жрецами и служителями одному и тому же дѣлу, искусству, при чемъ одинъ является истолкователемъ и глубокимъ цѣнителемъ другого. И Пушкинъ, и Бѣлинскій падаютъ жертвами преждевременно: первый на 37-мъ году жизни, въ самую цвѣтущую пору умственныхъ и нравственныхъ силъ, отъ руки убійцы; второй на 38-мъ году подъ

---

*) Рѣчь, сказанная въ Бахмутской мужской гимназіи въ день столѣтней годовщины рожденія А. С. Пушкина.

колустныхъ мѣстностяхъ нашего отечества. И, если теперь не рѣдкость встрѣтить крестьянскаго мальчика-подростка, который благодаря требыванію въ школѣ и ея содѣйствію знакомъ хотя немного съ сочиненіями Пушкина, то не въ правѣ ли мы надѣяться, что со временемъ и тунгузъ, и калмыкъ съ такимъ же успѣхомъ и удовольствіемъ будутъ перечитывать сказку о „Рыбакѣ и рыбкѣ", равно какъ и другія доступныя для народа произведенія незабвеннаго нашего поэта, столѣтнюю годовщину рожденія котораго сегодня съ честью празднуетъ вся Россія.

Утѣшаемъ себя мыслью, что и всякій изъ васъ, мм. гг., отправляясь въ настоящее собраніе, имѣлъ въ виду не что иное, какъ исполнить священную обязанность— почтить память величайшаго изъ нашихъ поэтовъ изъ уваженія и благодарности къ нему за тѣ по истинѣ великія духовныя сокровища, который завѣщаны имъ потомству въ его произведеніяхъ. Недаромъ вся Россія, „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды и отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая", въ благородномъ порывѣ пытается выразить свою искреннюю благодарность настоящими чествованіями въ память столѣтней годовщины того, кто самъ еще при жизни сказалъ о себѣ: „Я принадлежу странѣ и хочу, чтобы имя мое было чисто вездѣ, гдѣ оно произносится". Въ тѣсныхъ рамкахъ рѣчи невозможно, конечно, дать полную оцѣнку всякаго сколько-либо выдающагося дѣятеля, не говоря уже о такихъ величинахъ, какою намъ представляется на почвѣ русскаго творчества Пушкинъ, а поэтому, выходя изъ положенія, высказаннаго Пушкинымъ: „Я принадлежу странѣ", и изъ глубокаго убѣжденія, что каждаго изъ здѣсь присутствующихъ рѣдкая гармонія и звучность стиховъ А. С. Пушкина, простота, естественность и обаятельная художественность его произведеній, и притомъ въ чисто русскомъ духѣ, поражали, восхищали и доставляли невыразимое эстетическое наслажденіе,—мы постараемся настоящему собранію изобразить нашего геніальнаго поэта, какъ воспитателя русскаго общества, способствовавшаго развитію общественнаго самосознанія. Но прежде, чѣмъ характеризовать нашего поэта, какъ воспитателя рус-

скаго общества, весьма не безынтересно хотя вскользь бросить взглядъ на состояніе того общества, изъ среды котораго вышелъ и въ средѣ котораго жилъ и дѣйствовалъ Пушкинъ.

Состояніе русскаго общества въ началѣ текущаго столѣтія было весьма печально, насколько можно убѣдиться изъ отзывовъ не только иностранцевъ, но и русскихъ лучшихъ людей того времени: напр., наблюдательная иностранка, г-жа Сталь, такъ отзывается о русскомъ обществѣ: „Большая часть русскихъ аристократовъ говоритъ такъ красиво и съ такимъ приличіемъ, что на первый разъ часто впадаешь въ иллюзію относительно степени ума и знаній у людей, съ которыми говоришь. Начало почти всегда показываетъ умнаго человѣка или умную женщину, но въ заключеніе иногда только и находишь одно начало. Въ Россіи не привыкли говорить отъ глубины души или ума... Образованность распространена еще мало для того, чтобы могло составиться общественное мнѣніе, образуемое мнѣніями каждаго отдѣльнаго лица. У русскихъ слишкомъ увлекающійся характеръ, чтобы они могли любить идеи, а особенно идеи отвлеченныя: ихъ занимаютъ только факты; у нихъ еще нѣтъ ни времени, ни вкуса на то, чтобы переводить эти факты въ общія понятія... Восточное молчаніе превратилось у русскихъ въ любезныя слова; но эти слова обыкновенно не проникаютъ до сущности вещей. На минуту можно почувствовать себя хорошо въ этой блестящей атмосферѣ, которая пріятно развлекаетъ, но въ концѣ концовъ въ ней нельзя ничему научиться, нельзя развивать своихъ способностей, и люди, проводящіе время такимъ образомъ, не пріобрѣтаютъ никакой способности ни къ умственному труду, ни къ дѣламъ“ [1])...

Подобные отзывы о столь печальномъ состояніи русскаго общества встрѣчаются и у русскихъ. Такъ, Евгеній Болховитиновъ въ одномъ изъ своихъ писемъ замѣчаетъ: „Вы все дожидаетесь открытія Харьковскаго университета,

[1]) А. Н. Пыпинъ: «Историческіе очерки. Общее движеніе при Александрѣ I» стр. 292—293.

но и открытые едва дышатъ о сю пору. Ни учить, ни учиться некому. Посудите, у насъ въ модѣ записывать дѣтей на службу съ 15 лѣтъ, а университетскій курсъ наукъ самъ по себѣ требуетъ лѣтъ десяти продолженія (т. е. съ подготовительнымъ ученіемъ). Ктожъ будетъ дожидаться конца его? Науки мысленныя у насъ еще не въ модѣ" и т. п. [2]). Также характеризуютъ умственное состояніе современнаго общества и слова Пушкина, сказанныя князю П. П. Вяземскому: „Все, что вы можете пріобрѣсти въ университетѣ,—это то, что вы свыкнетесь жить съ людьми, и это много. Если вы такъ смотрите на вещи, то поступайте въ университетъ; но едва ли вы въ томъ не раскаетесь [3]). Въ правдѣ подобныхъ отзывовъ объ умственномъ состояніи русскаго общества начала текущаго столѣтія вполнѣ можно убѣдиться, если заглянуть и познакомиться съ содержаніемъ тогдашнихъ журналовъ, которые являются отраженіемъ взглядовъ и вкусовъ современнаго общества. Въ такомъ-то положеніи было въ Пушкинское время общественное самосознаніе! Не въ лучшемъ положеніи было и нравственное состояніе современнаго Пушкину общества, какъ то можно судить по прекрасной, хотя и краткой характеристикѣ нравовъ своего времени, сдѣланной Пушкинымъ „въ Наставленіи" своему брату Льву при вступленіи его въ свѣтъ. Вотъ что онъ, между прочимъ, писалъ: „Тебѣ предстоятъ столкновенія съ людьми, которыхъ ты еще не знаешь. Прежде всего постарайся думать объ этихъ людяхъ, какъ можно, хуже: тебѣ не часто придется поправлять свое сужденіе... Презирай ихъ, какъ можно, вѣжливѣе: въ этомъ заключается лучшее средство уберечься отъ ничтожныхъ предразсудковъ и ничтожныхъ страстишекъ, которыя ждутъ тебя при явленіи въ свѣтъ... Не будь угодливъ и подавляй въ себѣ чувство доброжелательства, къ которому можешь быть склоненъ. Люди не понимаютъ его и расположены видѣть въ немъ низость, такъ какъ всегда рады судить другихъ по самимъ себѣ... Никогда не принимай благодѣяній: по боль-

---

[2]) „Русскій Архивъ", 1870 г., стр. 838.
[3]) „Русскій Архивъ", 1884 г. стр. 418.

шей части благодѣяніе есть ничто иное, какъ предательство" [4])...

Если ко всему этому присоединить замѣчаніе Бѣлинскаго о модѣ того времени на поэтовъ и на стихи, то получится хотя сжатая, но вѣрная картина того хаотическаго состоянія общества, которое задался перевоспитать Пушкинъ. Вотъ что говоритъ Бѣлинскій: „Въ то блаженное время быть поэтомъ значило быть древнимъ полубогомъ. Всѣ поэтому бросились въ поэты. Стишки были въ страшной модѣ: ихъ читали въ книгахъ, изъ книгъ переписывали въ тетрадки. Молодые люди бредили стихами и чужими, и своими: барышни были отъ стиховъ безъ ума. „Дѣва, луна, она, къ ней, золотая лѣнь, мечта, буйное разгулье, разочарованіе", но въ особенности дѣва и луна сдѣлались постоянными темами, на которыя наши поэты въ запуски варіировали свои невинныя упражненія въ стихотворствѣ. Это было полное торжество самой безкорыстной любви къ искусству и литературѣ. Лишь появится бывало стихотвореніе, критики и рецензенты о немъ пишутъ и спорятъ. Бывало убить нѣсколько вечеровъ на спорѣ о стихотвореніи ничего не стоило... Литературу любили для литературы, стихи любили для стиховъ, рифмы для рифмъ, а совсѣмъ не для смысла или того значенія, которое было (если только было) въ стихахъ и рифмѣ" [5])...

Вотъ въ такое-то время, среди такой-то атмосферы выступилъ на литературное поприще нашъ поэтъ. И, какъ сынъ своего времени, Пушкинъ въ первый періодъ своей литературной дѣятельности платитъ дань своему времени. Одинъ неизвѣстный по имени современникъ Пушкина въ своихъ запискахъ такъ выражается о немъ: „Пушкинъ былъ первымъ поэтомъ своего времени и первымъ шалуномъ" [6]).

И, дѣйствительно, въ этотъ періодъ времени Пушкинъ былъ шалуномъ въ духѣ того общества, изъ среды котора-

---

[4]) Анненковъ: „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху".

[5]) Бѣлинскій. Сочиненія т. IX, стр. 256.

[6]) „Русская Старина", 1894 г. X.

го онъ вышелъ. Такъ, однажды, замѣтивъ привычку одной дамы сбрасывать съ ногъ башмаки за столомъ, Пушкинъ осторожно похитилъ ихъ и привелъ въ большое замѣшательство красивую владѣлицу ихъ, которая выпуталась однакожъ съ великимъ присутствіемъ духа [7])... Хотя впослѣдствіи Пушкинъ съ сожалѣніемъ и даже горькимъ раскаяніемъ относился къ своимъ юношескимъ произведеніямъ, какъ то видно, напр., изъ слѣдующаго четырехстишія:

„Ахъ, лира, лира! Что же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, если бъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!"

но именно на этихъ несовершенныхъ произведеніяхъ, запечатлѣнныхъ характеромъ безпечности и легкаго взгляда на жизнь, основывается очень рано слава Пушкина, какъ поэта, среди современниковъ, одни изъ которыхъ считають его „безпутною головою" (Карамзинъ въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву), другіе же всецѣло подчиняются вліянію этой безпутной головы,—вліянію, доходящему до подражанія въ манерахъ. „Подражавшіе ему назывались à la Пушкинъ" [8]).

Но, будучи первое время „отголоскомъ своего поколѣнія со всѣми его недостатками и со всѣми добродѣтелями", Пушкинъ, какъ натура геніальная, скоро опередилъ современное ему общество и вышелъ на собственный, самостоятельный путь: онъ сознательно принимаетъ на себя роль воспитателя русскаго общества (въ качествѣ поэта и писателя), понявъ высокое значеніе литератора, какъ служителя на пользу общества и выразителя современной дѣйствительности. Еще въ первый періодъ своей литературной дѣятельности Пушкину были доступны высокіе порывы въ минуты духовнаго просвѣтленія. Такъ, въ 1819 г. среди разсѣянной, даже разгульной жизни нашъ поэтъ написалъ одно

---

[7]) Анненковъ „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина". 1-е изд., стр. 87 въ спискѣ.

[8]) „Русская Старина", 1874 г. X. стр. 684.

изъ самыхъ высокихъ своихъ стихотвореній: „Возрожденіе“. Вотъ это небольшое стихотвореньице:

„Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней“.

Въ этомъ-то поэтическомъ перлѣ ранняго періода творчества Пушкина, намъ кажется, высказаны уже тѣ взгляды, которымъ его поэзія оставалась вѣрной до конца. Стихотвореніе вылилось въ минуту личнаго потрясенія, но его значеніе общее: поэтъ какъ бы говоритъ каждому изъ насъ: твоя душа въ такомъ видѣ, какъ она дана тебѣ, есть картина геніальнаго художника; въ твоей власти оставить её чистой или зачернить и исказить её въ уродливую мазню бездарнаго маляра; но, если на твою душу ужъ налегла нравственная грязь, не падай преждевременно духомъ: краски порока еще могутъ отстать, и въ душѣ твоей „оживутъ видѣнья первоначальныхъ, чистыхъ дней“.

Только что приведенное стихотвореньице, какъ нельзя, лучше убѣждаетъ насъ въ томъ, какой высокій взглядъ на природу человѣка, какое гуманное отношеніе къ павшей человѣческой душѣ, какое нежеланіе признать её окончательно испорченной,—коренятся въ отзывчивой, подобно эху, душѣ поэта, едва достигшаго 20-ти лѣтняго возраста.

Если присоединить сюда и великолѣпнѣйшую элегію: „Уединеніе“, вышедшую изъ-подъ пера Пушкина въ томъ же 1819 году подъ вліяніемъ пребыванія его въ селѣ „Болдинѣ“, то мы въ правѣ заключить, что молодой поэтъ въ часы раздумья, въ минуты уединенія вполнѣ серьезно смотрѣлъ на поэзію и на ея отношеніе къ дѣйствительной жиз-

ни. По глубинѣ мысли и яркой образности элегія: „Уединеніе“ (иначе „Деревня“), принадлежитъ къ лучшимъ изъ вещей, когда-либо написанныхъ Пушкинымъ, а по своей гражданской подкладкѣ составляетъ одно изъ самыхъ смѣлыхъ произведеній русской поэзіи. Описывая прелести своего барскаго отдыха въ „пустынномъ уголкѣ, пріютѣ спокойствія, трудовъ и вдохновенья“, куда уѣхалъ поэтъ отъ „роскошныхъ пировъ, забавъ и заблужденій, отъ порочныхъ Цирцей“, и гдѣ невидимый потокъ его жизни „льется на лонѣ счастья и забвенья“; описавъ свои прогулки и занятія „оракулами вѣковъ“, т.-е. писателями, которые рождаютъ въ немъ „творческія думы“, Пушкинъ какъ будто опомнился и говоритъ:

„Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ“...

Желѣзнымъ стихомъ, полнымъ патріотической скорби и возмущеннаго гуманнаго чувства, описываетъ онъ въ сжатой и яркой формѣ ужасное положеніе своей родины, изнывающей подъ ярмомъ крѣпостного права, гдѣ „рабство тощее влачится по браздамъ неумолимаго владѣльца; гдѣ дѣвы юныя цвѣтутъ для прихоти злодѣя; гдѣ сыновья, товарищи трудовъ своихъ родителей, идутъ изъ родной хижины множить собою дворовыя толпы измученныхъ рабовъ“, и заключаетъ свое чудное стихотвореніе, начатое такъ эпикурейски-успокоительно, слѣдующими безсмертными стихами:

„Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?“

Есть извѣстіе, что императоръ Александръ Павловичъ, когда это стихотвореніе было представлено ему кн. Васильчиковымъ, сказалъ: „Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent (прикажите благода-

рить Пушкина за добрыя чувства, которыя внушаются его стихами") [9].

Такъ началъ свою поэтическую дѣятельность Пушкинъ, которому отказывали у насъ даже въ любви къ родинѣ. Такъ началъ Пушкинъ свою дѣятельность, призывая милость къ падшимъ и возбуждая въ соотечественникахъ добрыя чувства; такъ и продолжалъ её до заката своихъ дней. Поэтому мы не станемъ останавливаться на многихъ другихъ произведеніяхъ ранняго періода творчества Пушкина, въ которыхъ вмѣстѣ съ трезвымъ взглядомъ на жизнь и окружающую дѣйствительность слышится уже мощный призывъ къ перевоспитанію, усовершенствованію себя и къ измѣненію неблагопріятныхъ общественныхъ условій жизни. Для насъ важно то, что въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ Пушкина, наряду съ эпикурействомъ, звучатъ серьезныя ноты; для насъ важно то, что даже на первыхъ порахъ Пушкину, какъ поэту, были доступны тѣ высокія чувства, которыя возникали въ немъ въ просвѣтленныя минуты и не только не позволяли погрязнуть въ тинѣ житейской пошлости и прозы, но, напротивъ, производили логически живительное дѣйствіе на его душу, которая подъ вліяніемъ любви и вдохновенья становилась мягкой чуткой и воспріимчивой къ правдѣ, добру и красотѣ.

Пушкинъ, такимъ образомъ, и на первыхъ порахъ является пѣвцомъ живыхъ, непосредственныхъ и искреннихъ настроеній и вмѣстѣ съ тѣмъ борцомъ противъ всякой фальши и условности, противъ всѣхъ внѣшнихъ путъ, которыя мѣшаютъ свободному развитію человѣческой личности. Но съ теченіемъ времени, чѣмъ болѣе мужалъ геній великаго поэта, тѣмъ свободнѣе становилось его поэтическое творчество, тѣмъ самостоятельнѣе и вдумчивѣе относился онъ къ выводимымъ героямъ, и тѣмъ болѣе сказывалась въ душѣ поэта любовь къ прямой дѣйствительности, къ русскому быту и русской жизни. Пушкинъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе

---

[9]) Л. Поливановъ: „Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ отзывовъ критики". Москва. 1887 г., I, стр. 71.

и болѣе проникался убѣжденіемъ, что на литературныхъ произведеніяхъ должно воспитываться общество, а своимъ поэтическимъ чутьемъ угадалъ, что для того литература и жизнь должны итти рука объ руку, что литературное произведеніе, такъ сказать, должно быть вѣрнымъ зеркаломъ современной дѣйствительности. По мѣрѣ развитія своихъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и осуществленія высоко-важной задачи, неуклонно преслѣдуемой Пушкинымъ,—служить на пользу общества въ качествѣ поэта, отношеніе русскаго общества въ лицѣ представителей критики къ Пушкину измѣняется. Мы уже раньше упомянули, что первыя произведенія Пушкина, которыя такъ сильно огорчали его впослѣдствіи, стяжали ему славу перваго поэта, такъ какъ были въ большинствѣ случаевъ во вкусѣ того времени. Но, чѣмъ далѣе, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе сказывается не только холодное, но даже чисто враждебное отношеніе къ Пушкину. Это объясняется тѣмъ, что Пушкинъ благодаря своей геніальной натурѣ слишкомъ быстро переросъ современное ему общество, которое желало видѣть въ немъ только голосистаго соловья, но вовсе не поняло той высокой цѣли, какую поставилъ себѣ Пушкинъ со времени своего перерожденія въ тиши строгаго уединенія, объ освѣжающемъ вліяніи котораго онъ говоритъ такъ:

„Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій...

Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;
Ищу вознаградить, въ объятіяхъ свободы,
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ“...

Проницательный умъ Пушкина легко угадалъ, почему современное ему русское общество относится къ нему не совсѣмъ дружелюбно. Въ своемъ стихотвореніи: „Къ Жуковскому“, Пушкинъ такъ говоритъ объ этомъ:

„Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ плѣнить красавицъ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ

И русской глупости не хочетъ бить челомъ!
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата".

Прекрасно сознавая причину такой строгости и равнодушія къ себѣ и своимъ произведеніямъ, Пушкинъ не оставляетъ разъ принятой на себя задачи и смѣло идетъ впередъ своею дорогой, разъ навсегда отказавшись искать участія у свѣта. Извѣстны слѣдующія строки, набросанныя Пушкинымъ къ непонявшему его обществу послѣ выхода въ свѣтъ драмы: „Борисъ Годуновъ", въ которой нашъ геніальный поэтъ саммымъ наглядныиъ образомъ проявилъ служеніе искуству: „Публика и критика, принявшія мои первые опыты съ живымъ снисхожденіемъ и при томъ въ такое время, когда строгость и недоброжелательство отвратили бы меня, вѣроятно, навсегда отъ поприща, мною избираемаго, заслуживаютъ полной моей признательности: они расплатились со мной совершенно. Съ этой минуты ихъ строгость и равнодушіе уже не могутъ имѣть вліянія на труды мои"... и дальше: „Не имѣя болѣе надобности заботиться о прославленіи неизвѣстнаго имени и первой своей молодости, я уже не смѣю надѣяться на снисхожденіе, съ которымъ былъ принятъ доселѣ. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу я изъ ряда ея любимцевъ, принося ей глубокую мою благодарность за все то расположеніе, съ которымъ принимала она слабые мои опыты въ продолженіе 10-ти лѣтъ моей жизни" [10]). Въ этихъ словахъ мы имѣемъ свидѣтельство, насколько великій поэтъ близко зналъ общественное настроеніе: онъ заранѣе угадывалъ равнодушное отношеніе русскаго общества къ лучшимъ своимъ произведеніямъ,—того общества, которое не было связано общностью научнаго и нравственнаго образованія, и о которомъ въ письмѣ отъ 1836 г. къ П. Я. Чаадаеву онъ такъ отзывался: „Наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ,

---

[10]) Анненковъ: „Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина", 150 стр.

это циничеcкое презрѣніе къ мысли и человѣческому достоинству дѣйствительно приводитъ въ отчаяніе" [11]).

Понятно, что при такомъ настроеніи тогдашняго русскаго общества А. С. Пушкину пришлось выдержать сильную борьбу, которую, нужно отдать полную справедливость, онъ дѣйствительно съ достоинствомъ и выдержалъ, хотя и при сильномъ напряженіи своихъ умственныхъ и физическихъ силъ.

Одержанная имъ побѣда и слѣдовавшій за нею громадный авторитетъ дали Пушкину и его послѣдователямъ право писать не такъ, какъ писали до того, чѣмъ было условлено существованіе особаго періода въ русской литературѣ, получившаго названіе „Пушкинскаго"; пріобрѣтенная же имъ слава знаменитаго писателя оказалась прекраснымъ отвѣтомъ на неестественное отношеніе къ нему русскаго общества, чувствовавшаго однако, что „нѣтъ того совершенства, котораго не могъ бы достигнуть Пушкинъ высокимъ превосходствомъ своихъ дарованій" [12]). И Пушкину, дѣйствительно, дались самыя разнообразныя формы словеснаго творчества—отъ сказки до трагедіи. Трудно даже сказать, какой родъ поэзіи наиболѣе соотвѣтствовалъ его силамъ: до такой степени онъ одинаково великъ и въ эпосѣ, и въ лирикѣ, и въ драмѣ! Посмотримъ же теперь, какія воспитательныя начала современному обществу предложены Пушкинымъ въ его произведеніяхъ.

Обаятельная сила художественной литературы заключается въ творческой изобрѣтательности, „открывающей въ предметахъ и явленіяхъ жизни", по словамъ современнаго намъ великаго художника мыслителя, Л. Н. Толстого, „тѣ стороны и свойства, которыя не видны большинству людей, но которыя видитъ проникающій въ глубь и суть вещей непосредственный художникъ мысли и слова; одаренный этой способностью, обладающій вмѣстѣ съ тѣмъ исключительнымъ умѣньемъ выражать ясно, просто, красиво и образно то, что онъ хочетъ сказать, относясь съ захватываю-

[11]) „Русскій Архивъ", 1884 г. т. 2, стр. 457.
[12]) „Русская Старина", 1887 г. I кн.

щей прямотою и искренностью къ тому, что онъ любитъ или ненавидитъ", т.-е. иначе говоря: такой художникъ, который носитъ въ душѣ своего Бога, Которому служитъ въ духѣ истины и правды, чуждаясь угодливаго служенія богамъ ложнымъ ради низменныхъ вкусовъ и временной услужливости разнороднымъ желаніямъ читателей. У такого художника всегда можно встрѣтить „правильное нравственное отношеніе къ предметамъ и явленіямъ жизни и сердечный патетическій тонъ, невольно захватывающій читателя", который при этомъ ясно чувствуетъ, что зачаровавшій его авторъ не играетъ внѣшней красотою словъ, но любитъ, страдаетъ, мучится и живетъ цѣльно и непосредственно со своими героями. Такія свойства истиннаго таланта даютъ яркость художественному произведенію, которое выходитъ изъ-подъ пера вдохновеннаго автора и которое приковываетъ наше вниманіе своей правдой, указываетъ вѣрный смыслъ жизни, въ чемъ и заключается прямое назначеніе и глубокая задача творчества. Высшая воспитательная, слѣдовательно, цѣль художественной литературы—это будить заснувшую душу человѣка, отражая, какъ въ зеркалѣ, хорошія и дурныя ея стороны,—поднимать человѣческій духъ правдивой обрисовкой положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ и явленій жизни, вести и побуждать отстающихъ людей къ достиженію высшаго идеала—чистой любви человѣка—брата, укрѣплять болѣе и болѣе пониманіе въ единицахъ и въ цѣломъ обществѣ, во всѣхъ поколѣніяхъ его, что благо человѣка—въ благѣ другого, ему подобнаго, и что личное счастье только тогда будетъ дѣйствительно, полно и неложно, когда оно не нарушаетъ счастья ближняго и сливается съ нимъ въ общемъ радостномъ счастьи всѣхъ вообще и каждаго порознь.

Резюмируя все выше сказанное, по нашему крайнему разумѣнію, задача художественной литературы—это развитіе высшихъ началъ альтруизма, дружества, любви ко всему живому,—ослабленія эгоизма (себялюбія) и животныхъ, растительныхъ сторонъ человѣческой природы. Конечно, только что высказанное резюме касательно задачи художественной литературы не только не исключаетъ, но, несо-

мнѣнію, предполагаетъ участіе ума наравнѣ съ живымъ откликомъ сердца.

Въ личности нашего поэта А. С. Пушкина, насколько она проявилась въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ, какъ нельзя лучше сказалось это взаимодѣйствіе ума и дѣятельнаго отзвука сердца. Умъ и рѣдкая отзывчивость сердца проявляются, по нашему мнѣнію, въ идейномъ освѣщеніи лицъ и событій, въ негодованіи передъ злымъ или скорби передъ несчастнымъ, въ восторгѣ и симпатіи передъ всѣмъ великимъ, добрымъ. И вотъ эта-то идейность, эта-то человѣчность, это-то мудрое и гуманное, умѣющее объяснять и прощать, утѣшать и заставлять любить жизнь и видѣть въ ней величайшую тайну, и чувствовать ея глубокій смыслъ,—эта-то, такъ сказать, собственная личность, человѣчность Пушкина, какъ художника по преимуществу, имѣла громадное воспитательное значеніе на современное ему русское общество. Какъ обращеніе въ обществѣ лучшихъ людей, съ которыми мы бесѣдуемъ, приноситъ громадную пользу, дѣлая насъ лучше, благороднѣе и добрѣе, такъ чтеніе современниками истинно-художественныхъ произведеній Пушкина послужило краеугольнымъ камнемъ, если только можно такъ выразиться, того эстетическаго, умственнаго и нравственнаго развитія, которое становится съ этого времени отрадною принадлежностью русскаго общества вообще и отдѣльныхъ лицъ въ частности. Съ этой точки зрѣнія мы посмотримъ и остановимся на произведеніяхъ Пушкина.

Пушкинъ прежде всего и сильнѣе всего дѣйствовалъ на современниковъ именно, какъ художникъ, въ теченіе всей литературной дѣятельности, не исключая и перваго періода его творчества. „Прелесть стиховъ“ была тою первою могущественною силою, которая очаровывала первыхъ поклонниковъ Пушкина. Это было единственной, неприкосновенной заслугой поэзіи Пушкина,—заслугой, на которую указывали тогдашніе критики,—даже тѣ, которые не были друзьями Пушкина. И самъ Пушкинъ въ знаменитомъ своемъ „Памятникѣ“ на этой „прелести стиховъ“ основывалъ одно изъ главныхъ своихъ правъ на безсмертіе, когда сказалъ:

„И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ“...

И, дѣйствительно, очарованіе, какое производили первыя стихотворенія и произведенія Пушкина на тогдашнихъ читателей, было поразительно. Дельвигъ объ этомъ такъ писалъ Пушкину въ село Михайловское: „Никто изъ писателей русскихъ не поворачивалъ такъ каменными сердцами, какъ ты“... Современная критика, при томъ самыхъ противоположныхъ лагерей, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ объ изумительномъ дѣйствіи прелести и очарованія поэзіи Пушкина, такъ что совершенно излишне долго останавливаться на этомъ. Достаточно упомянуть о взглядѣ представителя художественной критики. Бѣлинскій объяснялъ, что величайшей заслугой Пушкина было именно то, что онъ впервые создалъ настоящую русскую литературу и массу русскихъ читателей. Выше мы приводили замѣчаніе Бѣлинскаго о модѣ того времени на стихи и на поэтовъ. Не лишнимъ считаемъ здѣсь прибавить, что литература до появленія произведеній Пушкина была дѣломъ небольшаго круга любителей; интересъ къ ней былъ случайный; она была „пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени“, „лѣкарствомъ отъ скуки и задумчивости“, была пріятна, „какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“; словомъ, истинный литературный интересъ былъ дѣломъ тѣснаго круга людей, а для большинства тѣхъ, кто что-нибудь читалъ, былъ только пріятнымъ развлеченіемъ въ досужную минуту, безъ котораго можно было въ крайнемъ случаѣ и совсѣмъ обойтись. Дѣятельность Карамзина дала только первый намекъ на дѣйствительное значеніе литературы, какъ органа нравственныхъ и художественныхъ интересовъ общества, но настоящій переворотъ совершилъ Пушкинъ, такъ какъ произведенія его, какъ нельзя болѣе отвѣчали потребности тогдашняго общества въ литературныхъ и гуманныхъ интересахъ вообще. Поэтому-то стихи Пушкина были встрѣчены съ настоящимъ энтузіазмомъ, и поэзія его не искала читателей; напротивъ, они наперерывъ торопились прочитать каждое новое произведеніе; кругъ читателей расширился вдругъ небывалымъ образомъ; въ первый разъ явилось на-

стоящее наслажденіе поэзіей, которое ощущали и люди образованные, и люди едва книжные: тѣхъ и другихъ подкупала красота и легкость родного языка, котораго они еще не знали въ такой изящной, роскошной формѣ. Впервые въ произведеніяхъ Пушкина раздалась чарующая гармонія родной рѣчи, какъ живой, вѣчно дѣятельной силы или, иначе говоря, той хрустальной струи, въ которой съ удивительной силой отразилось міровоззрѣніе великаго историческаго народа, его бытъ и даже природа родной страны; впервые очаровала и заставила биться русское сердце эта родная стихія—языкъ, о которомъ вполнѣ справедливо другой нашъ поэтъ (кн. Вяземскій) сказалъ:

„Языкъ есть исповѣдь народа:
Въ немъ слышится его природа,
Его душа и бытъ родной“...

О языкѣ произведеній Пушкина, намъ кажется, вполнѣ можно сказать краснорѣчивыми словами извѣстнѣйшаго нашего педагога, К. Д. Ушинскаго, оказавшаго громадныя услуги преподаванію отечественнаго языка и содѣйствовавшаго правильному пониманію его воспитательнаго значенія въ русской школѣ. Ушинскій о значеніи языка высказываетъ такой взглядъ: „Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина; въ немъ претворяется творческою силою народнаго духа,—въ мысль, картину и звукъ—небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея поля, горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы,—весь тотъ глубокій, полный мысли и чувства голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви человѣка къ его иногда суровой родинѣ, высказывается такъ ясно въ народной пѣснѣ, родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народнаго поэта. Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія и живущія поколѣнія въ одно великое историческое живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая жизнь. Когда исчезнетъ народный языкъ,—народа нѣтъ болѣе“! [13]). Всѣ эти характерныя черты присущи

[13]) Ушинскій: „Собраніе педагогическихъ статей“ стр. 201—202.

и языку произведеній Пушкина. Какъ было современникамъ Пушкина не очароваться тѣмъ звучнымъ и сильнымъ, яркообразнымъ, свободнымъ и безконечно богатымъ роднымъ языкомъ, какимъ онъ сказался въ произведеніяхъ великаго поэта, который раньше считался грубымъ и непріятнымъ, и которому поэтому предпочитался языкъ французскій.

И вотъ только со времени Пушкина начинаютъ осуществляться завѣты всѣхъ предшественниковъ, радѣтелей на пользу отечественнаго языка, которые почти за цѣлое столѣтіе угадывали силу и мощь его (Ломоносовъ); только благодаря Пушкину, нашъ родной языкъ вышелъ на тотъ торный путь, идя по которому, онъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и болѣе растетъ, развивается и мужаетъ, завоевывая себѣ все болѣе и болѣе правъ среди другихъ европейскихъ языковъ; только языкъ произведеній Пушкина убѣдилъ русское общество отказаться отъ ложнаго пристрастія къ языку французскому и съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ отнестить къ языку родному, русскому. Мы не станемъ останавливаться на всей совокупности чертъ, составляющихъ „прелесть стиховъ“ Пушкина. Замѣтимъ только, что „стихъ Пушкина въ исторіи русской поэзіи является представителемъ новой, небывалой поэзіи;—это, выражаясь коротко, настоящій поэтическій, художественный, артистическій стихъ. И этотъ стихъ обличаетъ въ Пушкинѣ художника по преимуществу,—художника, призваннаго для искусства, исполненнаго любви ко всему прекрасному. До Пушкина не было у насъ ни одного поэта—художника; поэтому даже самыя первыя незрѣлыя юношескія его произведенія были встрѣчены русскимъ обществомъ съ восторгомъ. Всѣ увидѣли въ нихъ не просто новыя поэтическія произведенія, но совершенно новую поэзію, на которую до того времени въ русской литературѣ не было даже намека. И эти первыя произведенія читались всею грамотною Россіей; они ходили въ тетрадкахъ, переписывались дѣвушками, учениками въ школахъ, сидѣльцами за прилавками магазиновъ и лавокъ. Благодаря только стихамъ Пушкина, русское общество поняло, что различіе стиховъ отъ прозы заключается не въ рифмѣ и размѣрѣ только, но и внутренней гармоніи и кра-

сотѣ. И если и теперь, въ наше время, языкъ и стихъ Пушкина поражаетъ и восхищаетъ насъ, то можно себѣ представить, какое магическое дѣйствіе онъ имѣлъ на современниковъ. Можно съ увѣренностью сказать, что языкъ и стихъ Пушкина, какъ порожденіе гармоническаго сочетанія всѣхъ душевныхъ способностей нашего поэта, вызывали столь же цѣлостное гармоническое настроеніе и у его современниковъ; другими словами, художественная внѣшняя сторона поэзіи Пушкина была цѣлительнымъ бальзамомъ для души, въ тайникѣ которой всегда у человѣка теплится божественная искра, чувство ко всему прекрасному.

Итакъ, уже одна внѣшняя форма поэзіи Пушкина оказывала и оказываетъ громадное вліяніе на развитіе эстетическихъ вкусовъ общества; но Пушкинъ дорожилъ не формою, а мыслію поэтическаго произведенія... А. Н. Островскій въ застольномъ словѣ 7-го іюня 1880 г. совершенно справедливо высказалъ мысль, что „Пушкинъ ведетъ за собою публику въ незнакомую ей страну изящнаго, въ какой-то рай, въ тонкой и благоуханной атмосферѣ котораго возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства. Черезъ Пушкина умнѣетъ все, что можетъ умнѣть,—это его первая заслуга. Отчего съ такимъ нетерпѣніемъ ждется каждое новое произведеніе отъ великаго поэта?—Оттого, что всякій ждетъ, что вотъ онъ скажетъ, мнѣ что-то прекрасное, новое, чего нѣтъ у меня, чего не достаетъ мнѣ; но онъ скажетъ и это сдѣлается моимъ“ и т. д. Имѣя въ виду сказанное Островскимъ, прослѣдимъ, насколько позволяетъ время и рамки нашей рѣчи, что же новаго, прекраснаго, чего недоставало современникамъ, сказалъ въ своихъ произведеніяхъ нашъ незабвенный поэтъ, что сдѣлалось потомъ достояніемъ его потомства; посмотримъ, правъ ли Островскій, сказавшій что чрезъ Пушкина умнѣетъ все, что чрезъ него возвышается душа, улучшаются помыслы, утончаются чувства, иными словами, обратимъ вниманіе на умственныя и нравственныя сокровища, которыя Пушкинъ завѣщалъ потомству въ своихъ произведеніяхъ.

Духовныя богатства произведеній Пушкина—велики. Врядъ ли возможно съ точностью опредѣлить всю сумму ихъ,

не рискуя утомить вниманіе слушателей. Поэтому остановимся на тѣхъ болѣе существенныхъ идеяхъ Пушкина, которыя особенно важны были для его современниковъ, воспользовавшихся его духовными сокровищами. Мы раньше представили уже краткую характеристику умственнаго и нравственнаго состоянія современнаго Пушкину общества. Крайній эгоизмъ въ связи съ полнымъ отсутствіемъ сознанія нравственныхъ обязанностей по отношенію къ отечеству и народу, пренебреженіе человѣческой личности, ничегонедѣланіе и самодовольство при этомъ, а въ лучшихъ случаяхъ хандра въ невольной праздности, нежеланіе знать и ложный стыдъ за все родное—русское—вотъ характернѣйшія черты сытаго въ матеріальномъ отношеніи тогдашняго времени. На основаніи этого можно уже составить вѣрное представленіе о томъ, кто являлся первыми эксплоататорами Пушкина, и въ чемъ они нуждались. Поверхностное знакомство съ произведеніями Пушкина наглядно убѣждаетъ, что нашъ поэтъ съ поразительною вѣрностью и точностью изобразилъ въ своихъ произведеніяхъ печальное состояніе современной ему русской жизни, русскаго общества. Много нужно гражданскаго мужества, силы воли и человѣколюбія, чтобы, совершенно отказавшись отъ мысли о себѣ, выставить на глаза своимъ современникамъ тѣ недуги, которыми они больны. Но Пушкинъ, какъ о томъ можно судить по его произведеніямъ, достаточно находитъ въ себѣ силъ: онъ разъ навсегда отказывается отъ славы, которую стяжалъ себѣ среди современниковъ первыми своими произведеніями, и съ непоколебимой рѣшимостью старается обратить вниманіе, заставляетъ призадуматься русское общество надъ безотраднымъ своимъ положеніемъ или иначе сказать: познать себя. Трудно бываетъ человѣку стать судьею самого себя, еще труднѣе отнестись въ себѣ безпристрастно, благодаря присущему всѣмъ себялюбію. Часто человѣкъ въ себѣ оправдываетъ то, что обвиняетъ и казнитъ въ другомъ, подыскивая и зачастую измышляя фиктивныя оправдывающія его извинительныя побужденія, которыя клонятся всецѣло только къ его обманчивому успокоенію.

Если въ наше время, умершее уже далеко въ отноше-

ніи самоанализа, не всякій способенъ, заглянувши въ свою душу, осудить нехорошія ея движенія, то о современникахъ Пушкина и говорить нечего. Такая мысль казалась слишкомъ дикою для людей, ставившихъ цѣлью существованія—жизнь въ свое удовольствіе, не принимая во вниманіе средствъ, употребляемыхъ къ этому. Не чувствуя въ себѣ пустоты, не ощущая въ себѣ никакихъ запросовъ и стремленій, къ чему бы то ни было, это холодное, сонное общество (1825—1837 г.) спокойно пребывало въ безцвѣтномъ прозябаніи. Правдивымъ выразителемъ этого-то именно историческаго момента и былъ Пушкинъ, проницательнымъ умомъ художника сумѣвшій уловить преобладающій характеръ современности. И чрезъ Пушкина, дѣйствительно, начинаетъ умнѣть все, какъ справедливо замѣтилъ Островскій, и прежде всего—его современники. Въ произведеніяхъ Пушкина, какъ въ зеркалѣ, современное ему общество увидѣло свое я. Въ этомъ-то и заключается громадная заслуга Пушкина предъ его современниками. Можетъ быть, долго еще покоилось бы современное ему общество, продолжая пребывать въ апатичномъ состояніи, если бы Пушкинъ не побудилъ его проснуться и съ удивленіемъ остановиться предъ своимъ изображеніемъ. Конечно, такая дерзость Пушкина непріятно поразила общество, и оно не задумалось развѣнчать своего прежняго любимца и пѣвца авроры. Но это-то и служитъ доказательствомъ того, что Пушкинъ ударилъ по слабымъ струнамъ, смѣло коснулся больного мѣста своихъ современниковъ, которые увидѣли свои недуги и почувствовали боль отъ посторонняго прикосновенія. И, если современное Пушкину общество не могло сразу освободиться отъ болѣзней своего времени, то во всякомъ случаѣ неизмѣримо велика заслуга того, кто первый обращаетъ его вниманіе на эти болѣзни и тѣмъ самымъ заставляетъ, внимательно всмотрѣвшись въ нихъ, искать средствъ къ ихъ исцѣленію, хотя бы со временемъ.

Еще Пушкину суждено было увидѣть, какъ среди безнадежно-больныхъ современниковъ появлялись, хотя и не въ большомъ количествѣ, отдѣльныя личности, которыя, чувствуя и нося въ себѣ заразу, стараются найти тотъ или

ямой выходъ изъ такого своего положенія. Пушкину удалось уловить этотъ типъ зарождающагося новаго человѣка, съ душевнымъ состояніемъ котораго онъ знакомитъ насъ въ лицѣ Кавказскаго плѣнника, Алеко, Чарскаго и, наконецъ, Онѣгина.

Всѣ эти люди рано бросились въ вихрь свѣта, „бурной жизнью погубили надежду, радость и желанье“; очень скоро „извѣдавъ людей и свѣтъ, узнали цѣну этой невѣрной жизни“ и, „наскуча быть жертвой привычной презрѣнной суеты“, стали отступниками этого свѣта и покинули или стремились „покинуть родной предѣлъ“. Но нигдѣ и ни въ чемъ не находили они покоя.

Алеко, наскуча неволей душныхъ городовъ, прельщается цыганскою жизнью, гдѣ „все дико, но живо, неспокойно, такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ, такъ чуждо этой жизни праздной“. Идеальные цыганы съ уваженіемъ относятся къ индивидуальной свободѣ; они не могутъ даже допустить мысли, чтобы одинъ человѣкъ имѣлъ право посягать на личность другого, какими бы тѣсными узами они ни были связаны: мужъ не властелинъ жены, отецъ не властелинъ дѣтей. Казалось бы, что Алеко, этотъ поборникъ свободы, долженъ былъ найти въ такой средѣ полное удовлетвореніе; но онъ не можетъ удержаться среди цыганъ. Причина этого, конечно, въ томъ, что, будучи страстнымъ защитникомъ свободы въ обществѣ, гдѣ была стѣснена его личность, Алеко не умѣетъ относиться съ уваженіемъ къ свободѣ другого человѣка и смертью мститъ Земфирѣ, поддавшейся свободному влеченію своего сердца. Значитъ, протестъ Алеко противъ свѣтскаго общества истекалъ изъ грубыхъ эгоистическихъ мотивовъ. Причина неудовлетворенности въ его собственномъ характерѣ. Эта причина заставила его бѣжать изъ общества, эта же причина заставила дикарей изгнать его изъ своей среды, и Алеко остается въ безотрадномъ одиночествѣ. Таковъ же кавказскій плѣнникъ, который „безъ упованій, безъ желаній вянетъ жертвою“ какихъ-то своихъ страстишекъ „и проситъ черкешенку пожалѣть о его скорбной участи“; который среди дикарей оказывается еще болѣе чуткимъ, чѣмъ среди свѣтскаго

общества. Его удѣлъ—также грустное одиночество. Таковъ и даровитый Чарскій, задыхающійся въ свѣтскомъ обществѣ и не имѣющій даже силъ уйти изъ него; таковъ, наконецъ, и этотъ Онѣгинъ, которому наскучаетъ и природа, и сельское уединеніе, и безплодное чтеніе хорошихъ книгъ, и самое путешествіе, гдѣ преслѣдуетъ его та же самая русская хандра, невыносимая тоска, сознаніе своей ненужности, одиночества, страшная тоска жизни, „кипящей въ дѣйствіи пустомъ",—наконецъ, тоска апатіи, равнодушія рѣшительно ко всему,—тоска медленной смерти. Что же побуждало Онѣгина пытаться бѣжать отъ общества?

Причина бѣгства—это сознаніе Онѣгина, что какая-то язва разъѣла наше общество, почему онъ и бѣжитъ изъ этой зараженной среды, но, самъ того не замѣчая, онъ носитъ и въ самомъ себѣ ту же заразу, его организмъ боленъ той же болѣзнью, и онъ нигдѣ не можетъ найти облегченія своимъ страданіямъ, потому что самъ не знаетъ причины своей боли. Онъ ищетъ эту причину извнѣ, а она въ немъ самомъ. „И гаснутъ, какъ пламень дымный, забытый средь пустыхъ долинъ", эти лучшія юныя, безплодныя и для себя, и для другихъ силы,—гаснутъ потому, что сознаніемъ болѣзненности переросли старое общество и оторвались отъ него, но, такъ какъ по своему складу они—дѣти этого общества, а, слѣдовательно, и въ себѣ носятъ ту же болѣзнь, то и безсильны избавиться отъ нея, найти выходъ изъ такого положенія, хотя и стараются объ этомъ,—безсильны потому, что у нихъ „сердце пусто, празденъ умъ",—потому, наконецъ, что въ стремленіи найти выходъ они руководятся только эгоистическими побужденіями.

Итакъ, Алеко, кавказскій плѣнникъ, Чарскій, Онѣгинъ не находятъ для себя выхода, да и не могутъ найти его, такъ какъ въ своемъ стремленіи руководятся только эгоистическими побужденіями. Но все же Пушкинъ хотя и развѣнчиваетъ этотъ типъ новаго человѣка, но въ то же время высказываетъ и свое сочувствіе ему, оттѣняя въ немъ сознаніе своего я и стремленіе вслѣдствіе этого найти выходъ изъ своего положенія. Мало этого: Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ пытается не только содѣйствовать совре-

менному обществу познать само себя, но желаетъ указать и лучшій идеалъ жизни, пробудить къ нему сочувствіе въ современникахъ и тѣмъ самымъ дать какъ бы новое руководящее начало въ жизни и дѣятельности. И, дѣйствительно, какъ бы въ противовѣсъ эгоистическимъ побужденіямъ даже лучшихъ людей своего времени, обрисованныхъ въ лицѣ Онѣгина и ему подобныхъ, въ произведеніяхъ Пушкина выводится и другой типъ, глубокое сочувствіе къ которому ясно говоритъ за его превосходство сравнительно съ прежнимъ типомъ. Превосходство цѣлаго ряда другихъ личностей, фигурирующихъ въ произведеніяхъ Пушкина (Петръ Великій, лѣтописецъ, капитанъ Мироновъ и его жена, черкешенка, наконецъ, Татьяна и Полина) заключается въ томъ, что имъ присущи болѣе высокія стремленія и идеалы, чѣмъ идеалъ эгоистическаго счастья, служившій основной чертой представителей предыдущаго типа. Этою живою иллюстраціей Пушкинъ какъ бы желаетъ указать своимъ современникамъ, насколько выше стоятъ люди, которые цѣлью своей жизни ставятъ не свое я, а общее благо, или даже благо хотя бы своего ближняго. Правда, для иллюстраціи этой мысли Пушкинъ обращается, за неимѣніемъ въ настоящемъ, къ прошлому, откуда въ большинствѣ случаевъ и беретъ живые образцы. Вотъ, напр., предъ нами ослѣпительно—яркій образъ Петра Великаго, начертанный нашимъ поэтомъ въ „Полтавѣ“, „Мѣдномъ всадникѣ“, „Арапѣ Петра Великаго“ и въ стихотвореніяхъ: „Стансы“ и „Пиръ Петра Великаго“,—образъ „Чудотворца—исполина“, который весь, „какъ Божія гроза“, сіяетъ въ роковой день Полтавской битвы“,—образъ великодушнаго побѣдителя и вѣчнаго работника на тронѣ, прорубившаго окно въ Европу и создавшаго огромный памятникъ себѣ „въ гражданствѣ сѣверной державы“. Не менѣе глубокій и благотворный слѣдъ оставляетъ въ сознаніи также другой высокопривлекательный образъ служенія родной землѣ,—образъ кроткаго инока—лѣтописца, который въ смиренной кельѣ ведетъ свой трудъ „усердный, безыменный“, какъ „долгъ, завѣщанный отъ Бога“, съ единственной цѣлью: „Да вѣдаютъ потомки православныхъ [illegible]

Земли родной минувшую судьбу"...

Яркое воплощеніе героической преданности долгу дано Пушкинымъ также въ образѣ простодушныхъ, но сильныхъ вѣрою и безупречно честныхъ людей, въ родѣ стараго капитана Миронова и его супруги Василисы Егоровны. Что, повидимому, ничтожнѣе капитана Миронова въ „Капитанской дочкѣ"? Но этотъ капитанъ, на первый взглядъ только смѣшной старичокъ, который всю жизнь состоялъ подъ командой Василисы Егоровны, въ минуту роковаго испытанія является во всемъ величіи сознаннаго и непоколебимаго долга. Съ героическимъ безстрашіемъ Иванъ Кузьмичъ умираетъ такъ просто по долгу присяги. Странно, на первый взглядъ, назвать героемъ этого смѣшного коменданта комической Бѣлогорской крѣпости, съ ея единственной пушкой и старенькими инвалидами, а между тѣмъ кто же больше его имѣетъ права на это названіе? Его подвигъ такъ незамѣтенъ, отъ участи Бѣлогорской крѣпости такъ мало зависѣла судьба Россіи, но въ этомъ-то и сущность идеи Пушкина: представить высшій героизмъ въ оболочкѣ сѣренькой дѣйствительности. Для человѣка, какъ бы говоритъ Пушкинъ, никакое дѣло не должно быть ничтожно, если оно ему ввѣрено. Мироновъ тѣмъ и великъ, что всю жизнь такъ думалъ, ни разу не усумнился и умеръ въ этомъ убѣжденіи. Говоря Пугачову: „Ты не государь, ты воръ и самозванецъ", онъ, вѣроятно, и не зналъ, что совершаетъ героическій поступокъ, и мысль о славѣ была ему такъ же чужда, какъ и лѣтописцу, который хочетъ, чтобы его усердный трудъ остался „безыменнымъ". Не станемъ останавливаться на другихъ лицахъ, служащихъ выраженіемъ той же идеи; скажемъ только, что въ изображеніи ихъ сказалось новое отношеніе къ жизни, новая мѣрка людей и поступковъ, по которой они неизмѣримо выше людей, руководящихся только своимъ эгоистическимъ я. Такіе образы, какъ комендантъ Мироновъ, весьма драгоцѣнны: пробуждая добрыя чувства любви и состраданія къ ближнимъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, что въ честномъ исполненіи долга даже заурядными людьми, въ обстановкѣ повседневнаго быта нерѣдко коренятся черты настоящаго героизма. Этими вполнѣ реаль-

ными Пушкинскими образами можно гордиться, какъ нагляднымъ доказательствомъ того:

„Что творческая рѣчь поэта—
Гражданскій подвигъ, что она
Источникъ воздуха и свѣта,
Что ею движется страна“... (П. Вейнбергъ).

Но, давъ современному обществу превосходную иллюстрацію печальнаго состоянія даже въ лучшихъ его представителяхъ, начертавъ новое руководящее начало жизни на общую пользу въ прекрасныхъ образахъ (Петра Вел., лѣтописца, капитана Миронова и др.), нашъ великій поэтъ старается и убѣдить современное общество въ томъ, что, какъ бы низко человѣкъ ни палъ, руководясь въ жизни только преслѣдованіемъ эгоистическихъ цѣлей, онъ способенъ воскреснуть, такъ какъ въ душѣ каждаго тлѣетъ искра Божія, тотъ священный огонь, который способенъ возродить человѣка къ новой жизни. И вотъ, какъ бы въ доказательство этой истины Пушкинъ чертами особенной душевной красоты надѣляетъ не только такихъ лицъ, какъ Петръ Великій, но и лицъ, повидимому, незначительныхъ (какъ напр., капитанъ Мироновъ и др.) и даже одержимыхъ низкими и гибельными страстями. Возьмемъ, напр., стараго барона въ „Скупомъ рыцарѣ“. Онъ весь во власти низкой страсти, съ которой не въ силахъ справиться даже голосъ совѣсти. И онъ однако не лишенъ чертъ душевной красоты: она сказывается въ нѣжности, съ какою онъ вспоминаетъ о давнемъ быломъ; въ пробужденіи рыцарской чести вслѣдъ за самымъ гнуснымъ поступкомъ—скаредною клеветою на сына. Или вспомнимъ кузнеца Архипа (въ „Дубровскомъ“). Озлобленный, онъ умышленно запираетъ двери дома, зная, что губитъ этимъ подъячихъ; ихъ вопли о спасеніи не трогаютъ его желѣзнаго сердца. Кажется, этотъ человѣкъ совсѣмъ не знаетъ состраданія; но и ему свойственна извѣстная душевная красота, и онъ способенъ ощутить жалость къ погибающей Божьей твари: въ дыму и пламени онъ лѣзетъ на крышу горящаго дома, самъ подвергается обжогамъ,—лѣзетъ за тѣмъ, чтобы спасти кошку, это Божье созданье. Точно также Пушкинъ подглядѣлъ

истинно человѣческія черты и въ Пугачовѣ, человѣкѣ привычномъ къ злодѣйствамъ, этомъ воплощенномъ разрушителѣ. Пугачовъ не только помнитъ добро, но и вполнѣ искренно старается отплатить сторицею тѣмъ же; онъ становится благодѣтелемъ Гринева, который нѣкогда подарилъ ему заячій тулупчикъ.

Вообще вездѣ, гдѣ ни приходится Пушкину рисовать картины человѣческаго паденія, онъ не упускаетъ изъ виду и присущихъ человѣческой душѣ хорошихъ движеній, оттѣняя которыя, онъ какъ бы самъ вѣритъ и желаетъ увѣрить другихъ въ томъ, что разъ присущи человѣку проблески душевной красоты даже при сильномъ нравственномъ паденіи, то въ немъ есть возможность возродиться для новой жизни, стать лучше при благопріятныхъ условіяхъ. Но, умѣя сказать доброе слово въ защиту людей, въ душѣ которыхъ тлѣетъ искра Божья, побуждающая ихъ хотя по временамъ къ проявленіямъ душевной красоты, Пушкинъ умѣетъ безпощадно и осуждать за такіе поступки, которыхъ нельзя оправдать съ человѣческой точки зрѣнія. Такъ, подлому завистнику, убійцѣ генія—Сальери онъ не даровалъ прощенія за то, что Сальери забылъ одну важную въ нашей жизни истину,—ту истину, что каждый изъ насъ не для того живетъ, чтобы сдѣлаться первымъ музыкантомъ или великимъ ученымъ, а прежде всего для того, чтобы стать хорошимъ человѣкомъ, чтобы осуществить въ своей личной жизни идеалъ добра, для всѣхъ обязательный. Личностью Сальери Пушкинъ какъ бы говоритъ читателямъ, что люди, отдавшись всецѣло эгоистическимъ чувствамъ зависти и мести и забывая въ своей жизни осуществить обязательный для всѣхъ идеалъ добра, низвергаются на самую низкую ступень въ человѣчествѣ и не заслуживаютъ не только нѣкоторой доли участія, но даже снисхожденія, между тѣмъ какъ Моцартъ, этотъ геній, чуждый малѣйшей тѣни самомнѣнія, полный гуманности, инстинктивнаго влеченія къ людямъ, которое заставляетъ его видѣть ихъ лучшими, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ;—этотъ Моцартъ не столько, какъ геній, сколько какъ высокій чистый характеръ, выростаетъ въ глазахъ читателей до колоссальныхъ размѣровъ. Таково-то въ произведе-

ніяхъ Пушкина изображеніе неисчерпаемой идеи человѣка съ его внѣшними и внутренними особенностями,—идеи, которая способствовала и способствуетъ развитію въ обществѣ самосознанія. Резюмируя все выше сказанное, невольно придешь къ выводу, что въ высшей степени привлекательны эти образы людей труда и долга во имя общаго блага, которые во всей красотѣ выступаютъ въ произведеніяхъ Пушкина; что велика эта чуткость поэта, которая и въ человѣкѣ, павшемъ жертвою своихъ страстей, сумѣла подмѣтить святая святыхъ; что эти неодѣненныя черты Пушкинской поэзіи и составляютъ тотъ рай, въ тонкой и благоуханной атмосферѣ котораго возвышается душа, улучшаются помыслы. Остановимся же еще, хотя вскользь, на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ свойствъ Пушкинской поэзіи, которыя, по меткому выраженію Островскаго, способствуютъ утонченію чувствъ. Неизмѣримо обиліе нравственныхъ началъ, которыми проникнута поэзія Пушкина; по истинѣ поразительно чрезвычайное разнообразіе мотивовъ, свидѣтельствующихъ о неисчислимомъ богатствѣ душевной и духовной жизни нашего великаго поэта, если мы развернемъ лирическія его стихотворенія. Мы не беремся даже перечислить всѣхъ тѣхъ чувствъ, самыхъ высокихъ, самыхъ святыхъ, которыя можетъ переживать и чувствовать каждый при чтеніи его произведеній, какъ ихъ переживалъ и чувствовалъ самъ поэтъ, отзывчивый, подобно эху, на все. О дѣйствіи Пушкина на читателей въ этомъ отношеніи можно сказать его же собственными словами, что онъ

„Сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй“...

Отказываясь, повторяемъ, отъ попытки коснуться даже слегка всего разнообразія чувствъ, которыя возникаютъ въ душѣ и даютъ себя чувствовать читателю, мы остановимся здѣсь на поэтическомъ изображеніи Пушкинымъ идеальнаго отношенія къ мѣсту своего воспитанія и выраженію высокой идеи товарищества и чувства дружбы.

Поэтическое изображеніе идеальнаго отношенія Пушкина къ своей almae matris доступно всякому, прошедшему школьный искусъ и вступившему на бурное поприще жиз-

ни. Краснорѣчивѣе всякихъ примѣровъ поэтъ говоритъ, что на школьной скамьѣ

„Юность намъ совѣтуетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...,

мечты, заставляющія насъ рваться на свободу, за предѣлы школьныхъ стѣнъ, но что потомъ:

„Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ—чужбина,
Отечество намъ—Царское село",

т. е. та же alma mater, которой мы обязаны бываемъ нашимъ умственнымъ и нравственнымъ ростомъ, нашимъ первымъ пробужденіемъ и способностью все болѣе и болѣе совершенствоваться, которая, такъ сказать, бросаетъ первыя сѣмена на дѣвственную нашу почву. Вотъ почему поэтъ, обращаясь къ ликующей музѣ, проситъ благословить:... „Да здравствуетъ лицей!" вотъ почему и черезъ восемь лѣтъ послѣ окончанія курса въ лицеѣ Пушкинъ изъ своего скромнаго далекаго села Михайловскаго, обращаясь къ товарищамъ и поднимая бокалъ въ день годовщины лицея (19 окт.), восклицаетъ:

„Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ"...

Задушевною искренностью и великодушіемъ вѣетъ отъ этого теплаго по чувству четырехстишія поэта, а между тѣмъ кому неизвѣстно, что лицей во время пребыванія въ немъ Пушкина, какъ учрежденіе молодое, только что народившееся, благодаря разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, далеко не стоялъ на должной высотѣ и не соотвѣтствовалъ предначертаннымъ цѣлямъ. Но Пушкинъ игнорируетъ это несоотвѣтствіе учрежденія своему идеалу: напротивъ, цѣлый рядъ сердечныхъ посвященій и обращеній къ лицею, его садамъ со статуями Екатерининскихъ героевъ и „лебедиными кликами" свидѣтельствуетъ о томъ, что Пушкинъ любилъ воскрешать въ своихъ воспоминаніяхъ свою alma mater, гдѣ занялась его заря жизни. И что, пови-

димому, могло привлекать къ лицею поэта, уже увѣнчаннаго славою и громкою извѣстностью, а между тѣмъ онъ время отъ времени посѣщаетъ Царское село и посвящаетъ стихи, проникнутые самымъ высокимъ одушевленіемъ:

„Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской",

пишетъ Пушк. въ 1829 г.:

„Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой!
Такъ отрокъ библіи, безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ".

Чѣмъ далѣе, тѣмъ одушевленіе въ этомъ стихотвореніи становится сильнѣе, и, наконецъ, поэтъ искренно сознается, что во время долгихъ своихъ блужденій „часто, утомленный, раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды", думалъ о пріютѣ благословенномъ, своей almae matris и „воображалъ сіи сады". Подъ вліяніемъ такихъ стиховъ, у кого не припомнятся его школьные годы и вмѣстѣ съ тѣмъ не пробудятся добрыя искреннія и задушевныя чувства къ мѣсту своего воспитанія, въ своей almae matri, гдѣ протекла самая свѣтлая пора нашей жизни — милая юность, полная чистыхъ надеждъ и возвышенныхъ упованій.

Не менѣе благотворно вѣетъ и отъ тѣхъ стихотвореній Пушкина, въ которыхъ онъ въ высшей степени нѣжно и трогательно говоритъ о дружественныхъ отношеніяхъ къ своимъ товарищамъ, а также „подругѣ дней своихъ суровыхъ", старушкѣ нянѣ. Сидѣть на одной скамьѣ въ школѣ для большинства людей немногимъ болѣе, чѣмъ занимать случайно два сосѣднихъ стула въ театральномъ залѣ; не такъ думалъ Пушкинъ.

Вотъ что онъ заноситъ въ альбомъ на прощанье своему товарищу Пущину при окончаніи лицея:

„Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ:
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ".

Этимъ стихотвореніемъ юный еще поэтъ какъ бы хочетъ сказать, что совмѣстная жизнь двухъ сознательныхъ существъ, обмѣнъ первыхъ мыслей и чувствъ не могутъ быть безслѣдны, не могутъ пройти даромъ. Такіе люди на всю жизнь должны остаться не совсѣмъ чужими, и товарищъ долженъ сохранить право сказать товарищу то, чего не сказалъ бы человѣкъ посторонній. Первые хотя незрѣлые, но идеальные толки и споры, общія печали и радости, первыя радужныя мечты, даже размолвки дружества вмѣстѣ съ сладостью примиренья, въ глазахъ поэта какъ бы обязываютъ товарищей и въ будущемъ, въ силу чего товарищескій союзъ не рѣзвая и сладкая мечта, но связь вѣчная, которую не въ силахъ даже разрушить грозная судьба и время.

Такъ думалъ о товарищескихъ отношеніяхъ Пушкинъ юношей, при окончаніи курса въ лицеѣ, и такія, дѣйствительно, чувства сохранилъ въ своемъ сердцѣ и въ теченіи всей послѣдующей своей жизни. Уже въ 1825 г., привѣтствуя изъ села Михайловскаго пирующихъ на берегахъ Невы въ день годовщины лицея друзей-товарищей, Пушкинъ высказываетъ тотъ же взглядъ на дружбу и товарищескія отношенія, что и при окончаніи курса:

„Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ,—
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ"...

И это не красивая только игра словъ въ устахъ Пушкина: такъ было и на самомъ дѣлѣ. Изумительной теплотой и задушевностью вѣетъ отъ тѣхъ стихотвореній поэта, которыя

краснорѣчивѣе всякихъ доказательствъ говорятъ объ отношеніяхъ его къ друзьямъ. Вотъ, напр., теплый привѣтъ въ стихахъ, посланный Пушкинымъ въ 1826 году въ Сибирь несчастному своему другу Пущину:

„Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ снѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучомъ лицейскихъ ясныхъ дней!“...

Да озаритъ, скажемъ вмѣстѣ съ поэтомъ, доброе слово, дружескій ласковый голосъ, который такъ дорогъ, такъ цѣлителенъ и такъ желателенъ всякому въ минуты постигающихъ насъ несчастій и невзгодъ житейскихъ. Какъ же не сказать послѣ этого, что благодаря Пушкину дѣйствительно утончаются, облагораживаются наши чувства!

Только что приведенное стихотвореніе не единственный примѣръ, свидѣтельствующій о добрыхъ отношеніяхъ нашего поэта къ товарищамъ. Оставшіяся намъ въ числѣ произведеній Пушкина посвященія и обращенія къ лицею (1825, 1831 и 1836 г.г.) могутъ служить превосходнымъ памятникомъ его въ высшей степени трогательныхъ и возвышенныхъ товарищескихъ чувствъ. Съ какимъ неподдѣльнымъ умиленіемъ поэтъ вспоминаетъ о своихъ товарищахъ, которыхъ судьба разбросала по всему свѣту, и многіе изъ которыхъ уже успѣли отойти въ царство тѣней (Н. А. Корсаковъ, А. А. Дельвигъ и др.); съ какимъ восторгомъ и горячей благодарностью поэтъ вспоминаетъ о трехъ особенно друзьяхъ, посѣтившихъ его въ селѣ Михайловскомъ, этой „забытой глуши“, этой „обители пустынныхъ вьюгъ и хлада“ (Пущинѣ, Горчаковѣ, Дельвигѣ). А какъ поэтически умѣлъ выразить Пушкинъ возможность стать опять при случаѣ на почву милаго равенства послѣ многихъ лѣтъ разлуки, полагающей зачастую цѣлую пропасть между бывши-

ми товарищами. Кн. Горчаковъ, этотъ „счастливецъ съ первыхъ дней“, этотъ „фортуны блескъ холодный“, посѣщаетъ Пушкина въ его „опальномъ уголкѣ“; съ житейской точки зрѣнія опальный поэтъ и блестящій дипломатъ—придворный Горчаковъ—люди далеко не равные, хотя когда-то и были товарищами по лицею. И вотъ Пушкинъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній (19 окт. 1825 г.) такъ говоритъ объ этомъ:

„Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой:
Вступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись“.

Нельзя лучше оцѣнить нравственной красоты этого свиданія бывшихъ когда-то товарищей, какъ оцѣнилъ въ этихъ стихахъ её нашъ поэтъ; нельзя благороднѣй передать объ этомъ! А кто не знаетъ о нѣжныхъ дружественныхъ отношеніяхъ Пушкина къ своей нянѣ, знаменитой Аринѣ Радіоновнѣ! Мы не станемъ говорить объ этомъ, такъ какъ даже маленькія дѣти знаютъ эти чудныя посвященія поэта своей любимой и любящей его нянѣ. Скажемъ только, что Пушкинъ высоко поэтическимъ изображеніемъ чувства дружбы и товарищества не только способствовалъ развитію этого альтрюистическаго чувства въ своихъ современникахъ, но также способствуетъ развитію и облагороженію его и до нашихъ дней, давая видѣть въ своихъ произведеніяхъ всю нравственную красоту этого чувства.

Къ сожалѣнію, мы вынуждены за недостаткомъ времени пройти молчаніемъ важный вопросъ о значеніи Пушкина, какъ воспитателя въ обществѣ религіозныхъ, а также высокопатріотическихъ чувствованій и убѣжденій. Но, дѣлая этотъ крупный пробѣлъ, по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, мы не можемъ отказать себѣ въ желаніи хотя вскользь коснуться одного основного свойства всей вообще поэзіи Пушкина,—свойства, которое придаетъ ей особенно высокую педагогическую цѣнность для нашего времени.

Въ то время, какъ современная намъ болѣзненно вялая и блѣдная лирика вѣчно ноетъ, толкуя о невѣроятныхъ

будто бы страданіяхъ, выпавшихъ на долю поэта; о противорѣчіяхъ въ природѣ человѣческой, которыхъ будто бы невозможно примирить,—въ то самое время поэзія Пушкина дѣйствуетъ, какъ свѣжій живительный воздухъ, бодрящій и укрѣпляющій силы. Этотъ положительный, такъ сказать, гармоническій характеръ поэзіи Пушкина оказывалъ и оказываетъ въ высшей степени благотворное дѣйствіе на читателей. Читатель Пушкинскихъ твореній хотя не можетъ не сознавать и не чувствовать вмѣстѣ съ поэтомъ разлада дѣйствительности съ идеальными требованіями добра и справедливости, но въ то же время не можетъ также вмѣстѣ съ дорогимъ поэтомъ и не вѣровать, что разладъ въ человѣческомъ существованіи—только нѣчто временное, а не вѣчное,—эпизодъ, если можно такъ выразиться, а не цѣлая поэма,—и это отъ того, что въ произведеніяхъ Пушкина, въ которыхъ изображается что-нибудь отрицательное и мрачное, всегда чувствуется противовѣсъ, если не въ другомъ, свѣтломъ образѣ, то въ бодромъ чувствѣ поэта, въ которомъ слышится призывъ къ жизни и дѣятельности. „Если жизнь тебя обманетъ“, говоритъ Пушкинъ въ посвященіи Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ:

„Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ“... и дальше продолжаетъ: „Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило“...

Это чудное стихотвореньице Пушкина, намъ кажется, слѣдуетъ особенно почаще вспоминать въ наше болѣзненное, полное разочарованій, нервное время: имъ Пушкинъ какъ бы совѣтуетъ читателю никогда не забываться, никогда не доходить до потери сознанія дѣйствительности и этимъ путемъ успокаивать свое душевное волненіе,—напротивъ: онъ какъ бы убѣждаетъ подождать, не придутъ ли еще красные дни, и всмотрѣться хорошенько въ окружающее, нѣтъ ли въ немъ чего-нибудь утѣшительнаго.

Вообще поэзія Пушкина говоритъ намъ постоянно,

что, несмотря на страданія, труды, разочарованія и несовершенства, встрѣчающіяся въ жизни, жить стоитъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ дарами жизни нужно пользоваться разумно, не предъявлять къ ней требованій слишкомъ большихъ, невозможныхъ, такъ какъ въ тѣхъ непосредственныхъ радостяхъ, которыя можетъ дать и даетъ на самомъ дѣлѣ жизнь, нѣтъ обыкновенно ничего изысканнаго, черезчуръ сложнаго или необычайнаго, иными словами поэзія Пушкина учила и учитъ насъ путемъ углубленія и изученія проявленій человѣческой души, дойти до самопознанія и вмѣстѣ съ желаніемъ жизни дойти до пониманія ея сокровеннаго смысла. Намъ, необыкновеннымъ смертнымъ, нельзя и мечтать о возможности рѣшить такой хотя и важный, но глубокій вопросъ, эту загадку жизни, если мы будемъ предоставлены только самимъ себѣ, вѣдь:

„Природа не для всѣхъ очей
Покровъ свой тайный подымаетъ!
Мы всѣ равно читаемъ въ ней,
Но кто, читая, понимаетъ?“..., говоритъ другой

юный поэтъ, Д. В. Веневитиновъ, одинъ изъ первыхъ последователей и учениковъ Пушкина (умершій 1827 г.), и затѣмъ далѣе продолжаетъ:

„Лишь тотъ, кто съ юношескихъ дней
Былъ пламеннымъ жрецомъ искусства,
Кто жизни не щадилъ для чувства
. . . .
И сердца трепетъ жаднымъ слухомъ,
Какъ вѣщій голосъ, изловилъ!“

Да, дѣйствительно, скажемъ вмѣстѣ съ поэтомъ-мыслителемъ Веневитиновымъ, что только сыны боговъ, питомцы музъ и вдохновенья,—эти только люди, владѣющіе какимъ-то особымъ даромъ видѣть и чувствовать то, чего не могутъ видѣть и чувствовать обыкновенные люди, умѣютъ читать книгу жизни, а, слѣдовательно, только они одни могутъ способствовать и помогать намъ въ дѣлѣ разумѣнія этой мудрѣйшей изъ всѣхъ умнѣйшихъ книгъ на свѣтѣ. И хотя, замѣчаетъ тотъ же Веневитиновъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній,

„Немного истинныхъ пророковъ,
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ Неба на землѣ“... а потому и совѣтуетъ „не каждой арфѣ слухъ ввѣрять въ чистой жаждѣ наслажденія“: однако арфѣ Пушкина мы смѣло и безбоязненно можемъ довѣриться, такъ какъ именно онъ больше, чѣмъ кто другой, былъ такимъ истиннымъ пророкомъ, т. е. „съ печатью тайны на челѣ, съ глаголомъ Неба на землѣ“.

Можетъ ли обмануть насъ тотъ, о комъ можно сказать стихами Баратынскаго:

„Ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живыхъ безъ привѣта:
На все отозвался онъ пѣснью своей,
Что проситъ у сердца отвѣта.
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ!
Все умъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
Цвѣтущихъ временъ упованья.
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.
Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.
Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!“...

А если такъ, если нашъ незабвенный, дорогой поэтъ дѣйствительно достигнулъ такой глубины пониманія, то кому же иному стать учителемъ жизни, истолкователемъ ея смысла, какъ не ему? И Пушкинъ, дѣйствительно, первый почувствовалъ этотъ запросъ въ себѣ и первый пытался указать обществу и рѣшить такъ или иначе въ различное время своей жизни эту загадку жизни, рѣшеніе которой не поте-

ряло и не потеряетъ никогда своего смысла и значенія для человѣчества.

Къ вамъ, учащаяся молодежь, позволяю себѣ обратиться съ послѣдними словами. Въ могущественномъ одушевленіи, охватывающемъ въ настоящее время не только всю образованную Россію, но даже отчасти и темныя массы народа,—въ этомъ одушевленіи и глубокой благодарности почтить память столѣтней годовщины рожденія нашего величайшаго и перваго поэта несомнѣнно сказывается справедливость мысли Пушкина, сдѣлавшейся и нашимъ достояніемъ,—мысли, что „произведенія великихъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны". Не одно уже поколѣніе воспиталось на славныхъ произведеніяхъ Пушкина, не одно еще и воспитается въ этой по истинѣ классической школѣ славнѣйшаго изъ поэтовъ,—школѣ, въ которой „русскій духъ, Русью пахнетъ". И вы, ущачаяся молодежь, начинающая только жить, можете спокойно и съ твердою увѣренностью взять Пушкина въ руководители жизни, а потому почаще заглядывайте въ его сочиненія и запечатлѣвайте въ глубинѣ своего сердца тѣ „Любви и правды чистыя ученія", которыя съ такою любовью завѣщаны имъ потомству.

„Забирайте же", скажемъ вдохновенными словами другого нашего великаго поэта—Гоголя, забирайте „съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее юношество,—забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ!" („Мертвыя души", т. VI).

И. Н. Смѣльницкій.

г. Бахмутъ.
1899 года, мая 9 дня.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПОЭЗІИ А. С. ПУШКИНА *).

VI.

Великъ нашъ православный народъ своею вѣрою, великъ онъ и своимъ «набожнымъ усердіемъ къ власти царя, данной Богомъ»; испытанною любовью къ прошлому и настоящему своего неоглядна̂го отечества. Та же основа русскаго характера отличала и Пушкина и выразилась во многихъ его произведеніяхъ.

Какимъ нравственно-свѣтлымъ ореоломъ окруженъ поэтическій образъ русскаго царя-самодержца у Пушкина!

«Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
Противу нихъ? Никто».

А дерзнувшій противъ нихъ, подобно Борису-цареубійцѣ, подвергается грозной карѣ Божіей въ здѣшней жизни и со страхомъ ждетъ суда Божія по ту сторону гроба.

«О Боже, Боже!
Сейчасъ явлюся предъ Тобой, и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!»

Мучительно-больно говоритъ умирающій Борисъ.

Поэтъ молитъ Бога сохранить царя:

«Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю,
Всѣхъ утѣшителю,
Все ниспошли.
Тамъ—громкой славою
Сильной державою
Міръ онъ покрылъ;

*) Окончаніе. (Нач. см. въ предыдущ. кн. «Ф. З.»).

Здѣсь—безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣни.

Мальчикъ въ домѣ Шуйскаго читаетъ молитву за царя Бориса:

... а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
И милостивъ, и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистощимой
Проистекутъ источники на насъ».

Борисъ Годуновъ, вступая на престолъ, говоритъ:

«Да правлю я во славѣ свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ,

а на смертномъ одрѣ завѣщаетъ горячо любимому сыну:

«Со строгостью храни уставъ церковный».

Поэтъ вдохновенно обращается къ императору Николаю Павловичу:

«Во всемъ будь Пращуру подобенъ:
Какъ онъ неутомимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, незлобенъ».

А этотъ великій Пращуръ—

«То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ».

Таковъ идеалъ Царя. Вѣрный сынъ Православной церкви, онъ благостенъ, доступенъ, ласковъ съ подданными; онъ ихъ утѣшитель и хранитель въ годины общественныхъ бѣдствій; онъ милосердъ, потому что

«Земныхъ властителей ничто не украшаетъ,
Какъ милосердіе. Оно ихъ украшаетъ».

Онъ не проклинаетъ тѣхъ «безсмысленныхъ дѣтей» (своихъ подданныхъ), которыя проводятъ время «въ безумствѣ суетнаго пира».

Нѣтъ, ты (императоръ Николай I-й) не проклялъ
Насъ!... Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой».

Таковъ царь Борисъ въ первые годы своего царствованія, когда онъ «думалъ свой народъ въ довольствіи, во славѣ успокоить, щедротами любовь его снискать».

Таковъ царь въ поэмѣ: «Мѣдный Всадникъ», «со славою правившій Россіей», по слову котораго

... «изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы
Спасать и страхомъ обуялый,
И дома тонувшій народъ».

Такова имп. Екатерина II въ повѣсти: «Капитанская дочка», Петръ Великій въ неоконченномъ романѣ: «Арапъ Петра Великаго», и въ поэмѣ: «Полтава», въ которой онъ съ семействомъ Искры и Кочубея

... «слезы проливаетъ.
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ»,

и въ которой тотъ же государь

«Славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ

... И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ»;

Таковъ онъ въ «Пирѣ Петра Великаго», когда

... «съ подданнымъ мирится,
Виноватому вину отпуская, веселится»;

Таковъ въ «Анджелло»:

...предобрый старый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивый,
Другъ мира, истины, художествъ и наукъ»,

простившій Анджелло «судію—торгаша и обольстителя»; таковъ царь Салтанъ, великодушно простившій

... «ткачиху съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой» послѣ того, какъ
... «во всемъ онѣ признались,
Повинились, разрыдались»;

таковы вообще цари-батюшки и царицы-матушки въ сказкахъ Пушкина.

Царь—самодержецъ «не презираетъ страны родной», отдаетъ на служеніе ея благу всю жизнь свою. Энергія, героизмъ, великодушіе—существенныя черты царя русскаго, по представленію великаго поэта.

И Пушкинъ не льстилъ, когда царямъ «Хвалу свободную» слагалъ.

«Я смѣло чувства выражаю
Языкомъ сердца говорю»,

съ глубокимъ убѣжденіемъ признавался онъ по этому случаю своимъ друзьямъ.

VII

Любовь Пушкина къ Россіи съ ея славнымъ прошлымъ и съ ея современной мощью была пламенная и безграничная.

«Святая Русь! Отечество! я твой!» — эти слова, произносимыя Курбскимъ въ трагедіи: «Борисъ Годуновъ», прекрасно характеризуютъ патріотическое настроеніе и самого поэта. Извѣстно, съ какимъ восторгомъ вчитывался Пушкинъ въ «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина, какое величайшее наслажденіе и полное удовлетвореніе своему русскому сердцу испытывалъ онъ при этомъ чтеніи, и какъ это чтеніе вдохновило его написать «Бориса Годунова», трагедію, въ которой, по словамъ Бѣлинскаго, исчерпано все содержаніе древне-русской жизни до Петра. Подобно Карамзину, Пушкинъ уваженіе къ славнымъ предкамъ ставилъ въ достоинство каждому образованному гражданину. «Гордиться славою своихъ предковъ», говорилъ онъ: «не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе». Еще въ лицейскихъ своихъ поэмахъ юноша-поэтъ гордится героями славнаго царствованія имп. Екатерины II-й и Александра I-го, выражаетъ готовность на бранномъ полѣ сложить свою голову за отечество. Съ какимъ достоинствомъ истинно-русскаго человѣка защищаетъ онъ отъ клеветниковъ Россіи честь и славу отечества въ патріотическихъ одахъ послѣднихъ годовъ своей жизни». Русь сильна своимъ внутреннимъ единствомъ, своею внѣшнею мощью, богатствомъ духовныхъ силъ своихъ и безкорыстнымъ великодушіемъ. Ей ли бояться внѣшнихъ враговъ!

«Вы грозны на словахъ,—попробуйте на дѣлѣ!»

Поэтъ гордится тѣмъ, что видитъ въ будущемъ высокое призваніе Россіи, не помнящей обидъ, объединить всѣ народы въ мирномъ трудѣ и просвѣщеніи, въ чувствѣ гуманности и уваженія свободы:

«Враговъ мы въ прахѣ не топтали;
Мы не помнимъ нынѣ имъ
Того, что старыя скрижали
Хранятъ въ преданіяхъ нѣмыхъ».

И въ наши дни не осуществляетъ ли Россія своего великаго призванія, когда, по великодушному почину своего верховнаго Вождя, созвала въ Гаагѣ на мирную конференцію представителей государствъ почти всего міра?

Любя Россію въ крупные историческіе моменты подъема народнаго духа, наивысшаго проявленія народнаго патріотизма, Пушкинъ завѣщалъ намъ любить наше отечество и въ современной будничной его жизни, любить родную природу, родныя деревни, эти пріюты спокойствія, трудовъ и вдохновенья, какъ и самъ онъ горячо любилъ «сермяжную» Русь включительно «до балалайки и пьянаго топота трепака предъ порогомъ кабака».

И какъ не полюбить намъ родной природы, когда Пушкинъ, какъ поэтъ чародѣй, и изъ небогатаго матеріала (напр., описаніе осени, убогой деревушки въ дождливую осень) могъ создавать образы, исполненные красоты и живой прелести!

Чрезъ заучиваніе Пушкинскихъ стихотвореній, описывающихъ явленія русской природы, легче всего воспитать въ дѣтяхъ, особенно—крестьянскихъ, любовь къ «родному». Для нихъ природа близка, они съ ранняго дѣтства привыкли жить съ нею одною жизнью, чувствовать живую связь природы съ жизнью человѣка, какъ это прекрасно изображено въ «Бѣжиномъ Лугѣ» Тургенева.

Въ этомъ отношеніи особенно полезно знакомить дѣтей съ сказками Пушкина. Въ нихъ понятія, чувства и настроенія людей облекаются въ нѣжные и художественные образы, взятые изъ окружающей дѣтей природы, напр.:

«И царица надъ ребенкомъ,
К а к ъ о р л и ц а н а д ъ о р л е н к о м ъ.

Шемаханская царица,
Вся, сіяя, к а к ъ з а р я,
Тихо встрѣтила царя».

Природа въ сказкахъ Пушкина изображена, какъ чудное твореніе Божіе, полное мира и гармоніи; человѣкъ же своею грѣховностью вноситъ разладъ, безпорядокъ въ мирную жизнь природы. Вотъ почему она негодуетъ при видѣ противонравственныхъ поступковъ человѣка. Море, напр., съ каждымъ новымъ приходомъ стараго рыбака, сообщающаго о новыхъ фактахъ корыстолюбія и честолюбія старухи, становится все чернѣе и чернѣе, волнуется все сильнѣе и сильнѣе.

Воспитывая любовь къ отечеству и русской природѣ вообще, Пушкинъ учитъ насъ въ частности любить мѣсто родины, мѣсто воспитанія, воспитателей, друзей дѣтства и школьной жизни.

«Два чувства равно близки къ намъ:
Въ нихъ обрѣтаетъ сердце пищу:
Любовь къ родному пепелищу,
Любовь къ отеческимъ гробамъ».

Мы знаемъ, съ какою любовью самъ поэтъ описывалъ свое родное пепелище—село Михайловское, какъ любилъ

«Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ
покоѣ»;

какъ желалъ онъ почивать «ближе къ милому предѣлу»,

... хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать».

«Мало утѣшенія въ томъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ своей женѣ: «что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ (камеръ юнкерскомъ), и еще въ тѣсномъ Петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку».

Мы знаемъ, какъ Татьяна «постылой (великосвѣтской) жизни мишуру» рада была отдать

«За полку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моей».

За эти самыя блага и самъ Пушкинъ готовъ былъ, если бы это было въ его волѣ, оставить придворную жизнь, потому что онъ

... «рожденъ былъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины».

Дѣйствительно, поэтъ не разъ, хотя и временно, мѣнялъ

«Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубравъ»,

гдѣ умѣлъ познавать «и тихій одушевленный трудъ, и жажду размышленій, и слезы вдохновенія».

Жизнь и трудъ въ поэзіи Пушкина—почти тожественныя понятія. Если собрать въ одно цѣлое строки, посвященныя Пушкинымъ труду, то получится цѣлый вдохновенный гимнъ труду, этому «молчаливому спутнику ночи, другу авроры златой, другу пенатовъ святыхъ». Такимъ трудомъ полна была и жизнь самого Пушкина. Среди бурныхъ порывовъ юности, среди житейской сутолки и базара великосвѣтской жизни поэтъ не переставалъ упорно, съ удивительною силою воли, трудиться надъ своимъ самообразованіемъ. Этому упорному труду онъ обязанъ тѣмъ, что «въ просвѣщеньѣ» шелъ «въ уровень съ вѣкомъ» и цѣлою головою сталъ выше окружавшаго его общества. Заставить же насъ своею жизнью и поэзіею полюбить трудъ—развѣ это не громадная воспитательная заслуга поэта?!..

Какъ, затѣмъ, дороги были Пушкину и его «ли-

цейскій уголокъ», и его лицейскіе товарищи! Въ свою «родимую обитель» («Царскосельскій лицей») всю жизнь стремился поэтъ и подъ наплывомъ дорогихъ воспоминаній о школьной жизни не могъ и въ зрѣлые годы своей жизни равнодушно посѣщать мѣсто своего воспитанія.

«Такъ отрокъ библіи, безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ»!

Стихотворенія, посвященныя поэтомъ лицейскимъ друзьямъ, полны искреннимъ чувствомъ товарищества и доброжелательной дружбы. Объ одномъ Дельвигѣ болѣе 20 разъ упоминается въ этихъ стихотвореніяхъ. Добродушно подсмѣиваясь надъ восторженною вѣрою Ленскаго,

«Что есть избранные судьбами
Людей священные друзья;
Что ихъ безсмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь насъ озаритъ
И міръ блаженствомъ одаритъ,

Пушкинъ не замѣчалъ, что и самъ онъ таковъ же во взглядѣ на дружбу и въ своихъ отношеніяхъ къ личнымъ друзьямъ.

А развѣ во всемъ этомъ нельзя видѣть воспитательнаго вліянія на насъ Пушкинской музы?!

VIII.

Поэтъ оставилъ намъ завѣтъ любви ко всему русскому народу безъ различія его сословій, состоянія и положенія. Только горячая любовь къ этому народу помогла поэту создать рядъ идеальныхъ типовъ, школьное изученіе которыхъ оказываетъ самое благотворное воспитывающее вліяніе на учащихся. Мы не рѣшаемся

говорить здѣсь подробно объ этомъ вліяніи, что завело бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы и безъ того расширившейся рѣчи нашей, и скажемъ только о томъ, что изученіе положительныхъ и даже отрицательныхъ типовъ въ произведеніяхъ Пушкина укрѣпляетъ въ насъ вѣру въ людей, внушаетъ убѣжденіе, что никакія условія жизни не загасятъ въ душѣ человѣка «Прометеева огня». Пушкинъ по преимуществу раскрываетъ красоту души человѣка, подмѣчая въ ней моменты наивысшаго проявленія ея свѣтлыхъ сторонъ. Барклай-де-Толли въ моментъ глубокаго чувства патріотизма для спасенія Россіи не поколебался передать другимъ «и власть, и замыселъ, обдуманный глубоко, и въ полковыхъ рядахъ сокрыться одиноко». Капитанъ Мироновъ и Василиса Егоровна геройски умираютъ «за матушку государыню»; даже Иванъ Игнатьевичъ смѣло сказалъ въ глаза Пугачову: «Ты намъ не государь: ты, дядюшка, воръ и самозванецъ». Другъ истины, Пушкинъ—врагъ всего надменнаго, пошлаго и пустого. Онъ негодутъ на тѣхъ, которые «всѣхъ почитаютъ нулями, а единицами себя»; которые «глядятъ въ Наполеоны», а «на двуногихъ тварей милліоны» смотрятъ, какъ на орудіе одно»; онъ негодуетъ на дворянскую родовую спесь съ ея презрительнымъ отношеніемъ къ людямъ низкаго происхожденія и вмѣстѣ съ тѣмъ съ ея нравственнымъ холопствомъ и преклоненіемъ передъ чинами и орденами (мысли въ сочиненіи его: «Моя родословная»): онъ негодуетъ на человѣка

«Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно;
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ»;

негодуетъ на свѣтское городское общество, среди котораго

«Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть на обумъ;

Не улыбнется темный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки»,

и въ которомъ

«Любви стыдятся, мысли гонятъ,
Торгуютъ волею своей,
Главы предъ идолами клонятъ
И просятъ денегъ да цѣпей».

Поэтъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ принужденный вращаться въ «свѣтѣ», проситъ свое свѣтлое вдохновенье уберечь его отъ пороковъ этого «свѣта».

«А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй».

Сердце поэта съ его «ко благу чистою любовью», напротивъ, лежитъ къ добрымъ, незлобивымъ и нравственно здоровымъ людямъ,—къ людямъ чистаго и разумнаго труда. Дубъ, «величавшійся въ красѣ надменной», былъ низвергнутъ грознымъ аквилономъ, а смиренный «болотный тростникъ», послѣ прошумѣвшаго грознаго аквилона, продолжаетъ жить, «тихо зыблется» при ясномъ ликѣ солнца. Золотая рыбка сочувствуетъ добросердечному старику-рыбаку и наказываетъ «вздурившуюся» старуху возвращеніемъ стараго разбитаго корыта. «Гульливая и вольная морская волна» вынесла легонько» на берегъ бочку съ молодою царицею, женою Салтана, и съ ея младенцемъ—сыномъ Гвидономъ, попавшими въ море по злобѣ и зависти ткачихи и поварихи, тогда какъ «гордая, ломливая, своенравная и ревнивая» царица-мачеха наказывается смертью.

Муза Пушкина—муза состраданія, сочувствія чужому горю, дѣятельной помощи въ чужой бѣдѣ. Царевичъ Гвидонъ защищаетъ лебедь отъ злого коршуна, старикъ—рыбакъ выпускаетъ на свободу золотую рыбку. Знакомство черкешенки «съ кавказскимъ плѣнникомъ» началось съ того, что она пожалѣла плѣнника,

принесла ему «кумысъ прохладный со словомъ сердечнаго утѣшенья». Незлобивый старикъ—цыганъ говоритъ эгоисту—Алеко, убійцѣ своей дочери:

«Прости, да будетъ міръ съ тобою!»

Пушкинъ—поэтъ «всепрощенья». Онъ призываетъ «милость» и къ «падшимъ» людямъ, потому что открываетъ въ ихъ душѣ такія качества, которыя примиряютъ насъ съ ними. Самозванецъ Димитрій на русской границѣ грустить, что «кровь русская потечетъ», что онъ «въ красную Москву покажетъ врагамъ завѣтную дорогу». Другой самозванецъ, Пугачовъ, проявляетъ чувство благодарности и порывы великодушія къ героямъ «Капитанской дочки»; Троекуровъ терзается совѣстью, отнявши деревню Кистиневку у старика Дубровскаго. Мазепа искренно скорбитъ о томъ несчастіи, которое онъ готовитъ Маріи предстоящею казнью ея отца. Грубый и чувственный ханъ Гирей духовно перерождается подъ вліяніемъ любви къ плѣнной христіанкѣ Маріи и т. д. Въ одахъ о Наполеонѣ Пушкинъ учитъ насъ примиренію съ человѣкомъ, рядомъ несчастій искупившимъ свою вину. Онъ и внѣшнимъ врагамъ Россіи не хочетъ мстить. Они

«Не услышатъ пѣснь обиды
Отъ лиры русскаго пѣвца», потому что
«Огнь поэзіи чудесной
Сердца враждебныя дружитъ».

О своемъ другѣ, польскомъ писателѣ Мицкевичѣ, перешедшемъ на сторону политическихъ враговъ Россіи, Пушкинъ молится:

«О Боже, возврати
Твой миръ въ его озлобленную душу!»

Справедливо, поэтому, говоритъ Пушкинъ въ посланіи къ Дельвигу:

«Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ».

Вотъ почему и въ другихъ людяхъ Пушкинъ, по его словамъ, «выше всего ставилъ качество благоволенія ко всѣмъ».

IX.

А какъ привлекательны своими нравственными достоинствами женскіе типы въ поэзіи Пушкина! И эти типы не отвлеченные, не романическіе, не сентиментальные, а выхваченные геніемъ Пушкина изъ живой, реальной дѣйствительности. Всѣ они способны на самоотверженіе. Гордая, твердая и рѣшительная Марія Кочубей увлекается мнимо-идеальнымъ героизмомъ Мазепы и ради него на время заглушаетъ любовь къ родителямъ. Черкешенка, «вся просвѣтленная поэзіею первой любви», не переноситъ разлуки съ кавказскимъ плѣнникомъ. Полина въ отрывкѣ: «Рославлевъ», дѣвушка съ смѣлымъ и рѣшительнымъ характеромъ, въ порывѣ патріотическаго чувства готова итти въ русскій лагерь. Марія Ивановна въ «Капитанской дочкѣ» совершаетъ подвиги героизма. Долгъ, нравственная обязанность свято исполняются русскою женщиною. Царевна, невѣста Елисѣя, не хочетъ быть женою ни одного изъ семи богатырей, потому что, какъ она говоритъ:

«... другому я навѣчно
Отдана».

То же говоритъ Онѣгину замужняя Татьяна:

... «я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна».

Марья Кирилловна, освобожденная Дубровскимъ, на его слова: «Вы свободны», отвѣчаетъ: «Нѣтъ, поздно! Я обвѣнчена. Я жена князя Верейскаго... Я согласилась, я дала клятву».

Женщина—центръ семьи, и какими свѣтлыми чертами рисуются Пушкинымъ семейные устои русской семьи! Семья, какъ видимъ, зиждется на вѣрности жены, на родительскомъ благословеніи: Татьяна, покорная матери, выходитъ замужъ за важнаго генерала; Гви-

донъ (въ «Сказкѣ о царѣ Салтанѣ») проситъ мать благословить его на бракъ съ царевною, съ которою обѣщается жить въ совѣтѣ и любви, и которая будетъ послушною дочерью своей свекрови. Умирающій Мироновъ, благословляя свою Машу говоритъ: «Коли найдется добрый человѣкъ, дай Богъ вамъ любовь да совѣтъ. Живите, какъ жили мы съ Василисой Егоровной». Маша говоритъ Гриневу: «Я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастья. Покоримся волѣ Божіей». А какъ трогательно изображается Пушкинымъ взаимная любовь мужа и жены, родителей и дѣтей». Фактовъ такой любви въ поэзіи Пушкина много.

Такимъ образомъ, скажемъ словами Ѳ. М. Достоевскаго: «Пушкинъ провелъ предъ нами цѣлый рядъ положительно прекрасныхъ русскихъ типовъ, найдя ихъ въ народѣ русскомъ. Повсюду у Пушкина вѣра въ русскій характеръ, вѣра въ его духовную мощь. И никогда еще ни одинъ русскій писатель ни прежде, ни послѣ его не соединялся такъ задушевно и родственно съ народомъ своимъ, какъ Пушкинъ». Вотъ почему Пушкинъ могъ сказать о себѣ:

«И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа».

X.

Послѣ сказаннаго, какою жалкою кажется намъ та часть критики, которая силилась доказать, что вся поэзія Пушкина—есть «безжизненный красивый стихотворный трупъ». Нѣтъ, не безжизненный трупъ, не «безславное паренье» (слова Пушкина), а чистый источникъ высоко-нравственныхъ идей и чувствъ.

Вотъ почему произведенія Пушкина все шире и шире прокладываютъ себѣ дорогу въ народныя школы и русскія, и инородческія по всей Европейской и Азіатской Россіи. Съ Пушкинымъ дѣти-школьники занима-

ются и по «книгамъ для чтенія», и по избраннымъ его сочиненіямъ *).

Именно начальная школа и оправдаетъ надежду великаго поэта, что «слухъ о немъ пройдетъ по всей Руси великой, и назоветъ его всякъ сущій въ ней языкъ». Будетъ, безъ сомнѣнія, время, когда школа, чрезъ изученіе Пушкина, объединитъ всѣ народы Россіи въ одномъ могучемъ русскомъ языкѣ, въ пониманіи истиннаго характера русскаго народа, поскольку онъ отразился въ произведеніяхъ Пушкина. И, кто знаетъ, быть можетъ, черезъ Пушкина и его собратій—русскихъ писателей «Славянскіе ручьи» скорѣе «сольются въ русскомъ неизсякаемомъ морѣ». Извѣстно, какъ славянскіе народы горячо чествовали память нашего безсмертнаго поэта 26 мая.

Великій поэтъ нашъ еще юношею, какъ настоящій русскій человѣкъ, писалъ:

«Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря!

Объ этомъ же народѣ за четыре года до своей смерти Пушкинъ, говоря о колоннѣ, которую устроилъ въ своемъ имѣніи графъ Румянцевъ въ память 1812 года, писалъ: «Церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ». Тридцать восемь лѣтъ уже «пало рабство по манію царя», но до сихъ поръ много еще есть «безграмотныхъ мужиковъ», и до сихъ поръ крестьянская свобода еще не можетъ

*) Примѣчаніе. Въ Рязанской губерніи всѣ почти ц.-приход. школы снабжены уже прекраснымъ трехтомнымъ изданіемъ «Избранныхъ сочиненій А. С. Пушкина», вошедшихъ въ составъ «приходской библіотеки», издаваемой выпусками, подъ редакціею В. И. Шемякина.

быть названа «просвѣщенной». Много еще нужно для народа школъ и такихъ, которыя находились бы, по мысли Пушкина, при церквахъ. На всѣхъ насъ лежитъ святая обязанность притти на помощь «безграмотному мужику», просвѣтить его свѣтомъ школьнаго обученія, познакомить его съ пѣвцомъ лучшихъ сторонъ народной души, ведущимъ людей впередъ къ свѣту и правдѣ. Познакомить же съ Пушкинымъ черезъ школу весь народъ и не трудно, если принять во вниманіе, съ какимъ захватывающимъ интересомъ могутъ читать Пушкина крестьянскія дѣти. Сошлюсь въ заключеніе своего слабаго слова на авторитетное свидѣтельство извѣстнаго народнаго педагога С. А. Рачинскаго, беззавѣтные труды котораго по народному образованію недавно оцѣнены съ высоты Царскаго Престола: «Ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ обаяніемъ, которое производятъ (на грамотныхъ крестьянъ) творенія Пушкина, начиная съ его сказокъ и кончая Борисомъ Годуновымъ. Когда я не приступалъ еще къ занятіямъ въ школѣ, я думалъ, что знаю Пушкина и умѣю его цѣнить. Я ошибался. Узналъ я его только теперь. Этотъ свѣтлый реальный міръ, который меня окружаетъ, міръ бодрой вѣры и трезваго смиренія,—міръ духовной жажды и здраваго смысла, этотъ міръ, столь новый и какъ будто давно знакомый, это его міръ, съ ранняго дѣтства плѣнявшій и манящій насъ. Онъ его пѣвецъ, онъ его пророкъ!!.»

Да будетъ же для всѣхъ истинно русскихъ людей и въ частности для всѣхъ насъ, такъ или иначе соприкасающихся съ дѣломъ начальнаго народнаго образованія, священна память о тебѣ, великій нашъ поэтъ!

...«ты нашъ Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный!»

М. Дроздовъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ЭПОСѢ СЕРБСКОМЪ И БОЛГАРСКОМЪ.

Гайдучество по сербскимъ и болгарскимъ пѣснямъ *).

Во время перваго весенняго сбора гайдуки обыкновенно повѣряютъ наличность своей дружины; если кого не окажется, о томъ собираютъ справки, и, если, напр., гайдукъ былъ выданъ туркамъ, то предавшій подвергался неумолимому мщенію. Однажды, на прощаньи, передаетъ сербская пѣсня (Карадж. III, № 53), гайдуки условились другъ съ другомъ, гдѣ кто будетъ зимовать. Гайдукъ Янко, бывшій въ числѣ другихъ, послѣ того какъ каждый сообщилъ, гдѣ намѣренъ провести зиму, такъ говоритъ:

«Мила браћо и дружино драга!
Ја не имам никога од рода,
Већ турчина Богом побратима
У Коњицу граду бијеломе,
Побратима, бега Али-бега;
Код њега сам три зиме зимио
И с миром се вина понапио,
И ову ћу зиму презимити
И с миром се вина понапити»...

Сообщивъ товарищамъ своимъ, куда и къ кому онъ намѣренъ отправиться на зиму, Янко условливается о времени и мѣстѣ свиданія весною и предлагаетъ товарищамъ искать всѣмъ вмѣстѣ того, кто не явится на условное мѣсто, такъ какъ, пожалуй, можетъ случиться измѣна. Переговоривъ такъ между собою, разсказываетъ дальше пѣсня, товарищи, перецѣловались и отправились каждый въ свою сторону. Юнакъ въ пути днемъ обыкновенно лежитъ, а ночью идетъ. Янко благополучно прибылъ въ домъ Али-бега, одарилъ его и жену его подарками и легъ спать. Но вѣроломный Али-бегъ ночью, во время сна, убилъ Янка. Съ наступленіемъ весны, гайдуки, согласно условію, явились къ

*) Окончаніе. См. вып. I—V за текущій годъ.

Али-бегу на дворы, чтобы узнать о причинѣ отсутствія Янка. Когда они узнали объ убійствѣ своего товарища, то

«.... тргоше ноже од појаса,
У каблиће бега учинише;
Бијеле му дворе похараше,
Похараше, ватром попалише;
Пак одоше у гору зелену
Іанка жалећ', себе сјетујучи,
Да с' не држи вјера у Турчину».

Вообще нужно замѣтить, что гайдуки жестоко и неумолимо наказывали всегда вѣроломныхъ ятаковъ.

По болгарской пѣснѣ («Гайдукъ Ненчё; смерть Стояна», сбрн. Безсонова № XXV) гайдуки повѣсили Стояна за то, что онъ выдалъ лѣчившагося у него Ненчё.

Нѣсколько раньше я замѣтилъ, что убѣжищемъ для гайдуковъ служили горы и лѣса. Здѣсь гайдуки скрывались въ горныхъ пещерахъ, покинутыхъ овчарняхъ, среди неприступныхъ утесовъ, короче говоря: уходили туда, куда не могли проникнуть ихъ преслѣдователи. Въ пѣсняхъ гайдуцкія убѣжища называются иногда соколиными гнѣздами, и говорится, что гайдуки, подобно соколамъ, летаютъ по воздуху. Гайдуки терпѣливо переносятъ всѣ неудобства, спятъ на голой землѣ (сбрн. Безсонова № XXIV), голодаютъ и даже часто терпятъ жажду (Сборн. Караджича III, № 42 и др., сбр. Безсонова № XXIII). Благодаря безпрерывнымъ и непосредственнымъ сношеніямъ гайдуковъ съ народомъ, они и въ своемъ отшельничествѣ продолжали жить народной жизнью: гайдуки перенесли въ горы и лѣса и сохранили здѣсь обычаи и устройство въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали и въ народѣ. Словомъ, можно съ увѣренностью сказать, что въ гайдуцкихъ дружинахъ общинный славянскій бытъ не терялъ своего значенія Гайдуцкая дружина—тоже славянская община; разница будетъ заключаться только въ томъ, что гайдуцкая община была совершенно свободна, независима: она не признавала никакихъ турецкихъ за-

коновъ и властей и не платила податей. Среди гайдуковъ даже народное начало самоуправленія сохраняло всю свою силу; здѣсь не было мѣста единоличной власти; хотя каждая отдѣльная чета и выбирала изъ своей среды кого-либо одного воеводой и позволяла ему руководить ея дѣйствіями, но это больше дѣлалось для соблюденія порядка, чѣмъ служило выраженіемъ существованія единоличной власти, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сходкою обыкновенно начиналась и завершалась дѣятельность той или другой четы.

Религія и нравственность гайдуковъ также стояли высоко. Гайдуцкія пѣсни изображаютъ ихъ религіозное и нравственное состояніе въ самомъ привлекательномъ видѣ. Гайдуки, по пѣснямъ, благочестивы и набожны. Такъ, напр., въ пѣсняхъ тотъ или другой гайдукъ очень часто заявляетъ, что онъ не боится никого, кромѣ Бога. Передъ началомъ всякого дѣла гайдуки считаютъ своимъ долгомъ «помянуть Бога истиннаго». Иногда, если благопріятствуютъ обстоятельства, гайдуки чрезъ посредство священника испрашиваютъ своему оружію Божіе благословеніе. Для говѣнія обыкновенно приглашаютъ въ горы священника. Такъ, напр., П. Хитовъ упоминаетъ, что въ 1861 году причастилъ ихъ и благословилъ оружіе «попъ Іорданъ—большой патріотъ и человѣкъ безъ страха».

По пѣснямъ часто видно, что тотъ или иной гайдукъ подъ зеленой елью творитъ обычную молитву (Караdж. III, №№ 43, 44, и др.). Всѣ посты православной церкви, не исключая даже среды и пятницы, гайдуки строго также соблюдаютъ въ своей скитальческой жизни. Передъ смертью гайдуки отказываютъ деньги на православные монастыри: напр., Индже—воевода, умирая, завѣщалъ часть своихъ денегъ на Хилендарскій монастырь.

Поминовеніе умершихъ считается у гайдуковъ одною изъ главныхъ обязанностей, и добычу дѣлятъ обыкновенно на живыхъ и умершихъ (Караdж. III. № 42). У воеводы Головрана, разсказываетъ сербская пѣсня

(«Іерко Латинин и Головран Луко», сбрн. Караджича III, № 41, стр. 397—300), погибла половина дружины, и вотъ онъ «Који јунак у мору остао,
А на дому има стару мајку,
Јали мајку, јали Љубу верну,
Јали браца, ја сестру рођену,
Њима Луко исе учинио,
Учинио њима, к'о и себе;
Који л' јунак нигде никог нема,
Њему јесте издао за душу,
Како ј' закон у вери ришћанској».

Въ другой сербской пѣснѣ («Женидба Ива Сењанина», Караdж. № 26, стр. 173—192) разсказывается, что однажды Комненъ-байрактарь вызвался отправиться въ Удбинью съ цѣлью похитить турецкую дѣвушку, на которой хотѣлъ жениться его братъ, копетанъ Сѣньскій, Иво. Предпріятіе было слишкомъ рискованное. И вотъ, когда прошло достаточно времени съ тѣхъ поръ, какъ Комненъ-байрактарь отправился, а между тѣмъ о немъ не было ни слуху, ни духу, то Иво счелъ его уже погибшимъ и такъ творитъ поминки за упокой его души.
«Сакупио Сијењанин Ива,
Сакупио Сијењске јунаке,
Сву господу и стару и младу,
Па комнену покој душе даје
Напијају комнену за душу
Бог да прости комнен-барјактара!»

На гайдуцкомъ судѣ при расправахъ всего лучше выражается нравственный кодексъ гайдуковъ. Насколько ихъ нравственныя убѣжденія возвышаются надъ окружающею ихъ мрачною дѣйствительностью, отчасти даетъ понять описаніе П. Хитовымъ гайдуцкой расправы въ честь воеводы Донча-Ватаха, дѣйствовавшаго въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Дончева дружина была возмущена звѣрскими поступками по отношенію къ болгарамъ одного кадіи [22]) и его сына. И вотъ эти

[22]) Кадія—судья.

два турка были схвачены, и рѣшено было умертвить ихъ. Кадія, повидимому, не отрицалъ своей виновности и не надѣялся на пощаду своей жизни. Поэтому онъ попытался тронуть сердце гайдуковъ мольбою объ освобожденіи только его сына. Кадія не ошибся въ своихъ разсчетахъ. «А любишь ли ты своихъ дѣтей?» спросилъ юнакъ Кунчо: «и двѣ крупныя слезы покатились по его грубому лицу. Заплакалъ притворно и кадія. «Видите ли, какъ этотъ звѣрь, который никогда не жалѣлъ чужихъ дѣтей, плачетъ о своемъ сынѣ», произнесъ воевода, указывая своей дружинѣ на кадію. Дружина стала упрашивать воеводу не «рѣзать» сына кадіи. «Ты плачешь о своемъ сынѣ», великодушно обратился Кунчо къ беззащитному тирану: «и просишь, чтобы не убивать его. А знаешь ли, кто я? Ты погубилъ мою дочь, ты хотѣлъ зарѣзать моего сына, разорилъ мой домъ и убилъ мою жену! Развѣ ты не подумалъ, что у насъ, гяуровъ, есть не менѣе родительскаго чувства, чѣмъ и у васъ мусульманъ?»

Что касается самихъ гайдуковъ, то они сами придавали своимъ юнацкимъ подвигамъ значеніе нравственное, высокое. Такъ, напр., они во время своего гайдукованья воздерживались отъ сношенія съ женщинами. По гайдуцкимъ пѣснямъ вообще видно, что отношенія гайдуковъ къ женщинѣ исполнены уваженія и даже рыцарства. Небаснословны и несказочны сюжеты пѣсенъ, изображающихъ подвиги дѣвушекъ, начинавшихъ гайдуковать по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и гайдуки—мужчины. Нужно вообще въ этомъ отношеніи отдать долгъ справедливости гайдукамъ, которые не обращали въ такихъ случаяхъ вниманія на различіе пола: они не только принимали дѣвушекъ въ свои четы, но зачастую добровольно и подчинялись имъ, и выбирали ихъ своими воеводами. И такія дѣвушки всегда стояли на должной высотѣ и оказывались достойными того уваженія и довѣрія, которое было оказываемо имъ мужчинами. Такова, напр., Сирма-воеводка, о которой упоминаетъ Д. Миладиновъ; таковы и многія другія, упоминаемыя

въ пѣсняхъ. Можетъ-быть, изъ уваженія къ такимъ героинамъ, а, можетъ-быть, и въ силу вообще беззащитности и слабости женщины или по другимъ какимъ-либо причинамъ, гайдуки не только сами воздерживались отъ обидъ и оскорбленій, но и жестоко преслѣдовали всякаго другого обидчика женщинъ, будь то турокъ, или родной братъ славянинъ. Обида, оскорбленіе и особенно насиліе надъ женщиной считались преступленіемъ значительнѣе святотатства. Гайдуки скорѣе могутъ рѣшиться ограбить и разорить церковь, чѣмъ употребить насиліе надъ женщиной, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, церковь еще можетъ возстановиться, а честь дѣвицы никогда, вовѣки вѣковъ». Поэтому-то за насиліе надъ христіанской дѣвушкой турокъ обыкновенно платился жизнью, а христіанинъ долженъ былъ жениться на ней или, если она не соглашалась, то подвергался той же участи, что и турокъ. Вотъ почему обезчещенная дѣвушка, стыдясь открыть свой позоръ предъ своею средою, если у нея не было ни отца, ни брата, который бы могъ отомстить за ея позоръ, узнавала, гдѣ бываютъ гайдуки, и шла просить у нихъ защиты, взявши съ нихъ клятву никому не говорить о причинѣ ея жалобы. Гайдуки или самъ воевода, выслушавъ ее, старались захватить въ свои руки позволившаго себѣ насиліе; если онъ прятался отъ нихъ, то мстили ему, какъ турку; иногда же, поймавъ его, заставляли жениться на потерпѣвшей дѣвушкѣ. П. Хитовъ, между прочимъ, передаетъ о существующемъ повѣрьи среди болгарскихъ гайдуковъ,—повѣрьи, будто тотъ гайдукъ, который тронетъ, обидитъ женщину, непремѣнно будетъ схваченъ турками и будетъ обреченъ заключенію въ турецкой тюрьмѣ. Нужно замѣтить, что строгость нравовъ преобладала у болгарскихъ гайдуковъ. Что же касается сербскихъ, то въ пѣсняхъ то и дѣло разсказывается о томъ, что тотъ или иной гайдукъ и даже самъ харамбаша, увлекшись какою-либо красавицей—турчанкой, въ большинствѣ случаевъ рискуетъ даже своею жизнью, лишь бы только похитить свой предметъ, а, похитив-

ши, обыкновенно женится на ней. Какъ примирить пѣсни подобнаго содержанія (а ихъ у сербовъ не мало) съ общимъ принципомъ гайдуковъ, по которому они во время гайдукованья не знались съ женщинами? Можетъ быть, подобныя пѣсни имѣютъ цѣлью своею только рельефно выставить на видъ всю беззавѣтную удаль гайдуковъ и геройство ихъ, не останавливавшееся ни предъ какими препятствіями и опасностями, даже самыми невозможными, что вполнѣ естественно, такъ какъ сербскія пѣсни не строго послѣдовательны относительно вѣрности и точности событій; такъ, напр., онѣ часто изображаютъ гайдуковъ живущими въ томъ или другомъ городѣ, въ той или другой деревнѣ, беззаботно пьющими въ своихъ домахъ вино и ракію, хотя на самомъ дѣлѣ гайдуки не могли жить дома, а всякій, становившійся гайдукомъ, долженъ былъ тотчасъ уходить въ горы: можетъ-быть, также, что пѣсни съ такимъ содержаніемъ говорятъ и о дѣйствительныхъ событіяхъ, такъ какъ гайдуки могли платить туркамъ ихъ же монетою. Вѣдь извѣстно, что турки, противъ воли родителей, не стѣснялись брать себѣ въ гаремы красивыхъ славянскихъ дѣвушекъ, не обращая вниманія на то, что эти послѣднія часто состояли уже невѣстами. Поэтому вполнѣ возможно, что гайдуки, чтобы противодѣйствовать этому злу, воровали въ свою очередь турецкихъ красавицъ. Во всякомъ случаѣ, если только пѣсни въ данномъ случаѣ передаютъ о дѣйствительныхъ событіяхъ, то эти пѣсни никакъ нельзя отнести къ первой эпохѣ гайдучества, а къ болѣе поздней,—къ тому времени, когда турецкіе и славянскіе нравы въ силу тѣсной связи между собою успѣли подчиниться взаимному вліянію.

Что касается мѣста дѣйствій гайдуковъ, то должно сказать, что поприщемъ дѣятельности была, собственно говоря, вся земля, занимаемая ихъ порабощенными братьями; всякая мѣстность, куда жестокость и несправедливость турокъ призывали гайдуковъ чинить судъ и расправу. Но обыкновенно мѣстами дѣятельно-

сти гайдуковъ были особенно опасныя дороги въ Балканскихъ горахъ и лѣсахъ и пограничныя мѣстности. Съ горъ и лѣсовъ гайдуки не только дѣлали нападенія на проѣзжающихъ турокъ и грабили ихъ, но и высматривали, что дѣлалось въ городахъ и селахъ; наблюдали и за своими соотечественниками, помогають ли богатые бѣднымъ и защищають ли отъ турокъ. Виновные не только турки, но и соотечественники подвергались карѣ со стороны гайдуковъ, хотя кара, или месть, гайдуцкая иногда слѣдовала не тотчасъ. Обыкновенно гайдуки требовали отъ народныхъ притѣснителей предварительно дани, выкупа, поручительства за безопасность своихъ соотечественниковъ или вызывали на юнацкій поединокъ, или, наконецъ, приглашали загладить причиненныя несправедливости. Съ этою цѣлью гайдуки въ подобныхъ случаяхъ посылали къ виновному гласоношу или книгоношу. Если требованія гайдуковъ не выполнялись виновными, то это вызывало со стороны гайдуковъ разныя угрозы, при чемъ давалось время на размышленіе. Если и послѣ этого виновный не исполнялъ требованій гайдуковъ, то онъ подвергался преслѣдованію со стороны гайдуковъ, и рѣдкому изъ виновныхъ удавалось избѣжать безпощаднаго суда и расправы гайдуцкой: въ одной сербской пѣснѣ («За што Бајо оде у хајдуке», Караdж. Ш т., № 67, стр. 448) разсказывается, что Байо, послѣ того какъ сдѣлался гайдукомъ, «књигу пише.

«Те је шаље у приморје равно
А турчину Ришњонину хаџу»...,

и выставляетъ въ этомъ письмѣ на видъ Ришнянину то обстоятельство, которое заставило его итти въ гайдуки, и, такъ какъ виновникомъ этого былъ Ришнянинъ, то Байо требуетъ теперь отъ него удовлетворенія, именно:

«Већ ми сакуј токе тридестере
Од чистога сребра каљенога,
Тридест тока на тридест јунака;
Мени сакуј и Лимову моме

Двоје токе од сувога злата,
Нек се знаде, ђе смо харымбаше.
Ако ли ми то послати не ћеш,
Изиђи ми на мејдан јуначки,
Пак што коме Бог и срећа даде»...

Пѣсня въ концѣ прибавляетъ, что Ришнянинъ принялъ юнацкій вызовъ на поединокъ и отписалъ въ такомъ духѣ Байо Пивлянину.

Рѣдко вообще виновные осмѣливались не удовлетворить требованіямъ гайдуцкимъ, такъ какъ имъ хорошо было извѣстно, что въ противномъ случаѣ они рискуютъ своей жизнью. Обыкновенно же бывало, что провинившійся, получивъ письмо отъ гайдуковъ съ тѣми или иными требованіями, старался поскорѣе удовлетворить имъ, просилъ о побратимствѣ и присылалъ подарки. Вотъ какъ, напр., поступаетъ въ подобномъ случаѣ Панца Удбинскій (Караdж. III, № 29, стр. 211: «Млади Марјан и Арнаут—Осман»):

«Књигу пише од Урбиње Панца,
Те је шаље у Сијење Иве:
Да ме чујеш Сијењанин-Иво!
Хајде мене мору на закуке
На мирење и на братимење:
Доста било боја по крајина,
Доста нама гинуше јунаци,
Но ми хајде мира да чинимо»...

Нападеніе на врага совершалось у гайдуковъ по извѣстному плану и часто сопровождалось разными тактическими хитростями. Такъ, предъ началомъ всякаго предпріятія составлялся заранѣе распорядокъ дѣйствій, которому должны были подчиняться всѣ гайдуки. Въ этомъ отношеніи очень характерны произносимыя воеводами предъ началомъ битвъ рѣчи, изъ которыхъ видно, что каждому гайдуку строго наказывается слѣдовать извѣстному порядку, предписанію: напр., воевода Лимо (сборн. Караdж. III, № 42, стр. 300—313: «Гавран харамбаша и Лимо») предъ началомъ нападенія ободряетъ своихъ юнаковъ и отдаетъ имъ слѣдующія приказанія:

«Браћо моја, ви се не препан'те
Но ви дуге пушке наперите,
Хајте са мном мало под планину,
Под планину у тијесне друме;
Начините тврде метеризе,
Исправите плоче поред себе,
То камењем прси заклоните,
Да ми силу мало почекамо.
Браћо моја и дружино редом!
Немој кога да уије гуја,
Немој који пушку да истури,
Док не пукне моја пушка прва»...

Для вѣрнѣйшаго успѣха выстрѣлы заранѣе распредѣляются между юнаками; такъ, въ той же сербской пѣснѣ послѣ ободренія и общаго наставленія всѣмъ юнакамъ воевода Лимо отдаетъ приказаніе, кому въ кого стрѣлять:

«Каде пукне моја пушка прва,
Онда удри, Ђуро барјактаре!
Онда удри харачлијна ћају;
Ти соколе, Рисниђу Стеване!
Добро гледај Фазли—харачлију;
Ја кад пукне пушка Стефанова,
Окресните сви једнијем гласом,
Па пушака више не пуните,
Од појаса мачe потргните,
А у турке јуриш учините;
А ти море, Росниђу Стефане!
Немој, Стево, мача повадити,
Нити више крви проливати,
Теке гледај Фазли—харачлију,
Еда би га с атом раздвојио,
Јел га кажу одвише јунака
Побјећи ће Бишћу на крајину,
Може дићи све из Бишћа турке;
Осијеци седам мазги блага,
Ко остане, с тобом да дијели»...

Далѣе въ пѣснѣ говорится, что юнаки исполнили

всѣ распоряженія своего воеводы и съ успѣхомъ совершили нападеніе.

Въ другой пѣснѣ («Вишњић Іован и Воин трговац», Караджж. III, № 43, стр. 313—319) разсказывается, что, когда дружина Вишнича Йована очень испугалась, то онъ, предварительно ободривъ:

«Па разреди по друму дружину
Свакога је друга сјетовао:
Док не пукне моја пушка танка,
Немој нико пушке изметнути;
А кад пукне моја пушка танка,
Сви заједно пушке изметните,
А једнога Бога помените,
И за оштро гвожђе приватите,
Па у једно на друм излетите;
Па што Бог да и срећа од Бога»...

Этотъ распорядокъ напоминаетъ разсказъ путешественника по Далмаціи, Коля. Ему пришлось однажды ѣхать по одной изъ классическихъ мѣстностей старыхъ гайдуцкихъ подвиговъ, въ Далматинскомъ приморьѣ, между Сѣнемъ и Задромъ. Какъ разъ наканунѣ около этой дороги совершено было нападеніе на дилижансъ, сопровождаемый жандармами; убійство и разграбленіе; пассажиры были убиты и разграблены. Коль, осматривая мѣсто происшествія, нашелъ тамъ тѣ самые окопы и каменныя ограды, о которыхъ говоритъ сербская пѣсня; по словамъ Коля, всѣ выстрѣлы, какъ объ этомъ говорится въ пѣснѣ, были распредѣлены напередъ для должнаго успѣха дѣла [23]).

Нѣсколько выше я уже упомянулъ, что добычу гайдуки дѣлили обыкновенно на живыхъ и умершихъ. Теперь скажу нѣсколько словъ относительно дѣленія добычи вообще между гайдуками. Въ этомъ отношеніи гайдуки обыкновенно поступали такъ. Если воевода или байрактарь подвизался одинъ, то онъ не дѣлится съ

---

[23]) Reise nach Istrien, Dalmatien und Montenegro, 2-е изд. Дрезд. 1856, 2, 346 и слѣд.

дружиной своею добычей: послѣдняя всецѣло принадлежитъ ему одному. Напр., Комненъ-байрактарь, послѣ того какъ дружина изъ трусости оставила его, и онъ одинъ отправился въ Удбинью для похищенія турчанки -Хайкуны,—по совершеніи подвига, отдаетъ часть добычи по доброй волѣ брату своему Иву Сѣнянину и Хайкунѣ дѣвушкѣ, которую онъ увезъ для брата, отдаетъ потому, что онъ является одинъ господиномъ заслуженной добычи. Онъ такъ говоритъ въ данномъ случаѣ:

«Друста немам; да га с њиме делим;
Твоjе тоне нек ти опет стоjе,
Само т' не дам танка џефердана:
Ова j' пушка за ова јунака,
Од себе jу одвоjити не ћу,
Док с' од мене душа не одвоjи» [24])...

Если же дружина принимала участіе вся въ какомъ нибудь предпріятіи, то полученная добыча обыкновенно дѣлилась поровну между всѣми членами четы; даже воевода получалъ одинаковую со всѣми прочими часть. Въ пѣсняхъ то и дѣло встрѣчается, что тотъ или другой воевода предъ началомъ предпріятія въ обращеніи своемъ къ дружинѣ заявляетъ: «добудемъ имѣнье, дружина, братски раздѣлимъ его». Вотъ, напр., картина такого полюбовнаго, братскаго дѣлежа между гайдуками. Нѣкто Ненадъ, у котораго была только одна мать изъ всѣхъ родныхъ, удачно гайдуковалъ три года въ качествѣ старшины, воеводы. И вотъ онъ стосковался по своей матери и такъ говоритъ своей дружинѣ: «дружина, мои братья дорогіе! жаль мнѣ стало матери; давайте мы, братья, дѣлить имущество, да пойдемте каждый къ своей матери». Охотно послушала его дружина. Какъ только кто по очереди высыпалъ деньги, то тяжко клялся надъ ними, кто братцемъ, а кто сестрицей. А когда Ненадъ высыпалъ свои деньги, то онъ говорилъ дружинѣ: «нѣтъ у меня брата, нѣтъ у меня

[24]) Сбрн. Караджич. Ш, № 26, стр. 173--192: «Женидба Ива Сењанина».

сестрицы. А клянуся я вамъ Богомъ единымъ! Чтобы правая рука не отсохла! чтобы доброму коню грива не отпала! чтобы острая сабля не заржавѣла! нѣтъ у меня болѣе денегъ» (Караджич. II, № 16).

Турки были сильно озлоблены противъ гайдуковъ и принимали противъ нихъ всякія мѣры. Такъ, напр., они высылали противъ гайдуковъ цѣлые отряды войскъ, заставляли мѣстныхъ жителей ловить ихъ, устраивали облавы, разставляли караулы, разсылали пандуровъ. Войско, посылаемое для поимки гайдуковъ, называется въ пѣсняхъ пандурами (жандармами), а погоня вообще—«потерой», т.-е. погоней, преслѣдованіемъ. Но даже «пандуры», какъ можно видѣть изъ пѣсенъ, съ неудовольствіемъ и съ неохотой отправляются отыскивать гайдуковъ; они скорѣе согласны биться съ султанскимъ войскомъ, чѣмъ итти противъ гайдуковъ, такъ какъ борьба съ гайдуками въ горахъ и лѣсахъ опасна и не подъ силу имъ. Самый обыкновенный способъ преслѣдованія гайдуковъ состоялъ въ томъ, что изъ того или другого города или села отправлялась погоня за гайдуками, какъ только эти послѣдніе своими поступками давали знать о своемъ присутствіи, или даже и безъ этого, какъ только становилось извѣстнымъ, что та или иная чета, тотъ или другой воевода находится въ извѣстной мѣстности. Вотъ какъ, напр., эта погоня изображается въ одной сербской пѣснѣ («Љуба хајдук—Вукосава» сборн. Караджич. III, № 49, стр. 349—355):

«Подижи се туре од Удбиње,
Од Удбиње крваве крајине,
Младо туре Боичић Алиле,
Подиже се у лов у планину,
И он узе слуге и девере
И поведе хрте и огаре;
Лов ловио три бијела дана,
Лов ловио, ништо не добио;
А кад трећи бјеше око подне,
Таде добар шићар задобио,
Уватио хајдук—Вукосава

Од приморја мјеста питомога»...

Въ пѣснѣ дальше говорится, что Боичичъ Алилъ заключилъ Вукосава «у ледну тамницу», откуда вообще рѣдко удавалось гайдукамъ уходить, хотя пѣсни, правда, и зачастую разсказываютъ о подобныхъ случаяхъ (сборн. Караджич. III, № 25, стр. 168—173: «Ропство Янковића Стојана»; сборн. проф. Качановскаго № 210, стр. 517 и мн. др.).

Пѣсни также разсказываютъ, что турки не стѣснялись никакими мѣрами при розыскѣ гайдуковъ. Такъ, напр., въ одной болгарской пѣснѣ («Турецкіе жандармы отыскиваютъ гайдука Милена», сборн. проф. Качановскаго, № 206, стр. 510—512) говорится, что турецкіе жандармы позволяли даже себѣ употреблять пытки надъ родственниками съ цѣлью узнать, гдѣ находится тотъ или иной гайдукъ. Вотъ какъ поступили «нишéвски сегмéне» при отыскиваніи гайдука Милена съ его сестрой. Они схватили её и заставляли сказать, гдѣ находится Миленъ. И когда она отказывалась незнаніемъ, хотя сама скрыла его въ сундукѣ, то жандармы сначала: «Извертеа тыя церны очи»,
затѣмъ: «Одсѣко рáцѣ до рамена»,
наконецъ: «Одсѣкоя нозѣ до колѣна»...
Пѣсня продолжаетъ дальше, что, когда жандармы ничего не добились отъ сестры Милена, несмотря на тяжкія муки, которыя ей пришлось вытерпѣть, то они принялись съ тою же цѣлью за жену Милена, и эта послѣдняя, испугавшись пытокъ, тотчасъ открываетъ жандармамъ, что Миленъ спрятанъ сестрою въ сундукѣ, «у свилни дарове».

По пѣснямъ также видно, что иногда «пандуры» или «сегмены» настигали гайдуковъ. Тогда они, если случалось убить кого-либо изъ гайдуковъ, отрубали голову, приносили въ городъ и на площадяхъ втыкали ее на колъ; если же «пандурамъ» удавалось поймать гайдука живымъ (что было очень рѣдко и то большею частью благодаря измѣнѣ ятаковъ), то сажали его на колъ вблизи городскихъ воротъ, при чемъ такому гайдуку

обыкновенно предлагали принять магометанство для спасенія своей жизни. Но въ подобныхъ случаяхъ гайдуки какъ бы въ отвѣтъ на подобное предложеніе старались, какъ можно, сильнѣе осмѣивать и ругать Магомета и нерѣдко при ужаснѣйшихъ страданіяхъ выказывали невозмутимое спокойствіе и удивительную силу воли. Когда вели пойманнаго гайдука на казнь, то онъ безстрашно грозитъ туркамъ мщеніемъ отъ своихъ друзей, поетъ пѣсни, давая тѣмъ знать о себѣ своимъ товарищамъ, которые, если не было никакой возможности освободить своего товарища отъ казни и вырвать изъ рукъ палачей—турокъ, не заставляли себя долго ждать потомъ: мстили виновникамъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Иногда пойманные гайдуки намѣренно просятъ турокъ не вести ихъ въ городъ живыми, а совѣтуютъ отрубить голову и воткнуть её на рожокъ. Такъ, напр., поступаетъ гайдукъ Ненчё (сборн. Безсонова, № XXV). Часто также турки прибѣгали къ хитрымъ разспросамъ про гайдуковъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одна болгарская пѣсня («Разспросы турокъ про гайдуковъ»), помѣщенная въ сборникѣ проф. Качановскаго подъ № 207. Нелишнее также упомянуть, что среди гайдуковъ, по пѣснямъ, замѣтно какое-то рыцарско-суровое отношеніе къ смерти не только въ геройскомъ бою, но и въ случаѣ болѣзни. Для излѣченія больного дружинника принимаются всякія заботы (зачастую гайдуки подолгу носятъ на своихъ рукахъ своего товарища, сбр. Безсон. № 23), но когда, по ихъ мнѣнію, теряется надежда на его выздоровленіе, и дружинѣ приходится выбирать одно изъ двухъ: покинуть больного юнака на произволъ судьбы или отрубить ему голову, то предпочитается послѣднее. Трудно вообще сказать, что заставляетъ гайдуковъ прибѣгать къ такому своеобразному способу разставанія съ товарищами и даже близкими родными: желаніе ли больного избавиться отъ напрасной борьбы со смертью и не попасть въ руки врага, или же простое чувство самосохраненія дружины, боязнь ея за обнаруженіе ея плановъ и дѣйствій.

Бывали случаи, когда гайдуки переставали гайдуковать и возвращались къ мирнымъ занятіямъ. Такъ, напр., гайдукъ Стоянъ, по просьбѣ своей матери, послѣ бурной гайдуцкой жизни перешелъ къ мирному занятію поселянина-земледѣльца (сборн. Безсонова: «Стоянъ пашетъ» № 22). Причины, почему тотъ или иной гайдукъ переставалъ гайдуковать, различны. Воспоминаніе о домѣ, о матери, братьяхъ, сестрахъ—вотъ преобладающій въ пѣсняхъ мотивъ въ поворотѣ гайдуцкой жизни. Таковъ Ненадъ гайдукъ (сбрн. Караджч. II, № 16), таковы и мн. другіе. Вообще же, если гайдукъ насыщалъ свое чувство мщенія и желалъ окончить свою дурную жизнь и возвратиться къ спокойной жизни, то онъ испрашивалъ себѣ «бурунтію», т. е. бумагу отъ визиря, которая означала, что онъ принятъ въ общество, и никто уже не смѣетъ попрекнуть его гайдучествомъ. Турецкое правительство не безъ удовольствія выдавало такія бурунтіи, такъ какъ часто пользовалось услугами такихъ гайдуковъ, склонивъ ихъ поступить въ число «пандуровъ».

Вотъ нѣкоторыя, по пѣснямъ, характеристическія черты гайдучества въ его истинномъ смыслѣ. Въ принципѣ, слѣдовательно, гайдучество было народною самозащитою: оно представляло центръ и главную силу политической борьбы; ему принадлежалъ починъ и направленіе всѣхъ дѣйствій. Гайдукъ въ пѣснѣ является вполнѣ народнымъ героемъ, которому отдается полное сочувствіе. Съ такой же симпатіей разсказываетъ о гайдучествѣ современный свидѣтель г. Бацевичъ [25]). Г. Бацевичъ придаетъ гайдучеству чрезвычайно важное національное значеніе: это, по его словамъ, хранители идеи независимости и стараго національнаго обычая. Въ трудныя времена, когда надъ сербскимъ народомъ тяготѣло иго, для народа не было бы надежды сохранить свою національность, не одичать совсѣмъ подъ

[25]) См. Бацевича: «Очерки старой Сербіи», въ «Бесѣдѣ» 1871, кн. 5-я

произволомъ, не потерять послѣдней возможности человѣческаго существованія, если бы у него не было этихъ народныхъ мстителей. Г. Бацевичъ убѣжденъ въ этомъ самымъ положительнымъ образомъ. «Остался ли бы столь крѣпкимъ духъ народный», говоритъ г. Бацевичъ: «если бы не было гайдуковъ? Выраженіемъ внутренней крѣпости народнаго духа и внѣшнимъ проявленіемъ его силъ—были гайдуки», продолжаетъ Бацевичъ. Жестоко поэтому ошибаются турки и европейцы, которые въ гайдукахъ видятъ разбойниковъ. Напротивъ, при тѣхъ условіяхъ порабощенія, въ которыя былъ поставленъ сербскій народъ, онъ иначе и не могъ проявить лучшую сторону своего духа, какъ въ гайдукахъ. Другая форма проявленія была невозможна. Когда власть не могла или не хотѣла итти дружно съ народомъ, а, напротивъ, относилась къ нему враждебно, одни гайдуки поддерживали въ народѣ и вѣру, и обычаи, и нравы, и правду: ихъ судомъ и расправою успокаивалась народная совѣсть, и удовлетворялось чувство правды, сознаніе права. Подъ защитою гайдуковъ народъ (въ Босніи и Герцеговинѣ) отстаивалъ себя и свою нравственную самостоятельность, и свою общественную жизнь... Гайдуки сдерживали и турокъ, и отступниковъ, внушая имъ страхъ неизбѣжной правдивой кары... Отсюда истекала особая черта взаимныхъ отношеній сербовъ и турокъ. Опираясь на гайдуковъ и видя въ нихъ какъ бы лучшую сторону самихъ себя, порабощенные сербы не упадали духомъ и имѣли достаточно нравственной поддержки, чтобы соблюсти въ цѣлости достояніе своей народности; а, съ другой стороны, и турки, и всякіе выродки, и злодѣи не могли безнаказанно покушаться на святыню народной жизни. Такимъ образомъ, гайдуки были благодѣтельной силой, уравновѣшивающей обѣ враждебныя стороны». Нельзя не примкнуть, скажу въ свою очередь, къ подобному взгляду г. Бацевича на гайдучество. Вполнѣ безпристрастно и вѣрно г. Бацевичъ рисуетъ гайдучество и устанавливаетъ его значеніе и роль въ жизни сербовъ. Его характеристика

и взглядъ находятъ себѣ полнѣйшее подтвержденіе въ народной поэзіи сербовъ и болгаръ, этомъ живомъ памятникѣ судьбы цѣлыхъ двухъ славянскихъ народовъ. Знакомый съ содержаніемъ народныхъ гайдуцкихъ пѣсенъ болгаръ и сербовъ всегда придетъ къ подобному взгляду на гайдучество, взятое въ цѣломъ, независимо отъ извращенія идеи гайдучества и уклоненія отъ идеальной его цѣли частныхъ, отдѣльныхъ личностей, которыя не должны приниматься во вниманіе при оцѣнкѣ этого явленія.

Изложивъ, какъ изображается гайдучество въ народныхъ пѣсняхъ, я попытаюсь сдѣлать нѣкоторые только общіе выводы касательно гайдуцкихъ пѣсенъ болгаръ и сербовъ. При самомъ первомъ взглядѣ на содержаніе гайдуцкихъ пѣсенъ и на героевъ, дѣйствующихъ въ нихъ, бросается въ глаза главная черта этихъ пѣсенъ—воинственность. И это очень естественно у такого народа, какъ болгары и сербы, и объясняется ихъ исторіею. Съ четырнадцатаго вѣка болгаре и сербы находились въ безпрестанной борьбѣ съ турками: сперва при своихъ царяхъ и деспотахъ, потомъ, какъ гайдуки. Духъ воинственный никогда не угасалъ въ нихъ. Болгаре и сербы не могли смотрѣть равнодушно на страданія своихъ ближнихъ, на истребленіе огнемъ и мечомъ своей отчизны; они не хотѣли быть невольниками у себя и изъ-за своего добраго. Нѣтъ поэтому ничего страннаго, если поэзія болгаръ и сербовъ вся полна разсказами о доблести, о славныхъ подвигахъ и смерти ихъ витязей, неутомимо пытавшихся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій возвратить свободу своей отчизнѣ; нѣтъ ничего неестественнаго, если ихъ пѣсни преимущественно воинственнаго, гомерическаго характера. Непрерывная упорная борьба болгаръ и сербовъ съ турками должна была по необходимости отразиться и на поэзіи этихъ двухъ народовъ: и вотъ почему вполнѣ естественны народныя созданія: у казаковъ—думы, у сербовъ и болгаръ—юнацкія, гайдуцкія, пѣсни. Кровавая борьба на

жизнь и смерть съ турками—вотъ ихъ содержаніе [26]).

Что касается до героевъ гайдуцкихъ пѣсенъ, то очень немногіе изъ нихъ извѣстны намъ изъ исторіи, да и то это можно сказать о личностяхъ, гайдуковавшихъ въ XVIII и XIX вѣкахъ.

Что же касается до гайдуковъ болѣе древней поры и до большинства воспѣтыхъ даже и въ новѣйшихъ гайдуцкихъ пѣсняхъ, то они, по скудости историческихъ данныхъ и по плохому состоянію еще и до этого времени исторіи—науки этихъ двухъ народовъ, остаются вовсе неизвѣстны. Въ подвигахъ болгарскихъ и сербскихъ гайдуковъ очень важную роль играетъ чудесное и сверхъестественное, какъ вообще подобный элементъ въ народной поэзіи. Почти каждый изъ героевъ отличается необыкновенной силой, удивительной храбростью и неустрашимостью: поражаетъ враговъ часто десятками и даже сотнями. Если такой богатырь пьетъ вино, то чара его по размѣрамъ непремѣнно очень велика; если онъ вскрикнетъ, листья осыпаются съ дерева; если при какомъ-либо печальномъ извѣстіи ударитъ себя рукой по колѣну, то платье на колѣнѣ обязательно лопнетъ отъ силы удара. Самая наружность его необыкновенна: очень длинные усы, высокій ростъ, тонкій станъ; одежда отличается чудовищной цѣнностью: всё шелкъ да бархатъ, золото да серебро. Объ оружіи и говорить нечего: сабля дамасская, богато украшенная; иной разъ на рукояткѣ такіе драгоцѣнные каменья, что стоимость сабли оцѣнивается въ три царевыхъ города; есть также у гайдуковъ и копье, и ружье, и буздованъ. Самого коня подъ такимъ богатыремъ пѣсни любятъ изображать яркими красками. Конь—товарищъ своего хозяина во всѣхъ его подвигахъ, часто даже помощникъ, избавитель его въ какой-нибудь бѣдѣ. Зато и сѣдокъ, по пѣснямъ, любитъ своего коня, бережетъ его, кормитъ

---

[26]) См. книгу, вышедшую въ 1894 г. въ Прагѣ подъ заглавіемъ: «O Bohatyrském epose slovanskem», ч. I; въ ней много говорится о гайдуцкихъ пѣсняхъ.

отборнымъ бѣлымъ рисомъ, украшаетъ шелкомъ и золотомъ, самъ пьетъ вино и коня поитъ виномъ.

Но типъ гайдуковъ болгарскихъ и сербскихъ пѣсенъ не ограничивается одной удалью, воинскими подвигами: въ немъ есть и другія черты характера, доказывающія его великодушіе, честность, любовь къ отечеству и къ своимъ собратьямъ—славянамъ. Онъ не заводитъ по прихоти ссоры, сражается и мститъ только врагамъ общаго народнаго дѣла, уважаетъ храбрость въ непріятелѣ. Съ любовью къ отечеству и къ своему народу въ гайдукахъ соединяется удивительная склонность къ побратимству. Гайдуки, по обоюдному согласію, становятся названными братьями, «побратимами». Съ этой поры у нихъ все общее—жизнь и смерть. Часто узы такого братства священнѣе и крѣпче даже кровнаго родства. Въ сербскомъ языкѣ существуютъ особые глаголы: «братимити, сестримити», что указываетъ на особенную распространенность этого обычая, который цѣнился очень высоко и игралъ важную роль въ жизни сербовъ и болгаръ.

Форма сербскихъ и болгарскихъ гайдуцкихъ пѣсенъ—эпическая. Болгарскія и сербскія пѣсни въ полномъ смыслѣ народная эпопея и по своему содержанію: въ нихъ, пѣсняхъ, изображаются богатырскіе подвиги сербскихъ и болгарскихъ юнаковъ, – и по нравамъ ихъ, какъ представителей цѣлаго народа, и по ходу и пріемамъ своимъ, и по языку, простому и вмѣстѣ живописному, пластическому, съ его образами, сравненіями, уподобленіями, повтореніями и т. п. Этими самыми общими характеристическими чертами, свойственными гайдуцкимъ болгарскимъ и сербскимъ пѣснямъ, я въ настоящемъ очеркѣ и ограничусь, хотя многое еще можно сказать, такъ какъ гайдуцкія пѣсни болгаръ и сербовъ представляютъ еще почти нетронутую область въ наукѣ, обильную и благодарную,—область, которая ждетъ своего изслѣдователя.

1898 г. ноября 11 дня. И. Н. Смѣльницкій.

МЕТОДЫ И ПРЕДМЕТЫ УЧЕНІЯ ВЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМП. ЕКАТЕРИНЫ II-Й *).

Учрежденіе о губерніяхъ, изданное какъ извѣстно, императрицею Екатериною II-ою 7-го ноября 1775 г., возлагало устройство народныхъ училищъ на вновь образованные Приказы общественнаго призрѣнія. Они обязаны были завести училища сперва во всѣхъ городахъ, потомъ и въ многолюдныхъ селеніяхъ „для всѣхъ, кто добровольно пожелаетъ учиться въ нихъ, въ чемъ однако никому не чинить принужденія, но предоставить на волю родителей отдавать дѣтей въ школу или оставлять дома".

Предметы ученія на первое время назначались слѣдующіе: чтеніе, письмо, ариѳметика и законъ Божій. Судя по немногочисленнымъ даннымъ, сохранившимся до настоящаго времени, можно думать, что Приказы первоначально очень вяло исполняли возложенное на нихъ дѣло открытія народныхъ школъ. Да это и вполнѣ понятно: не было ни учителей, ни руководствъ; къ тому же, не зная, какъ приняться за самое дѣло, Приказы и не могли имѣть успѣха: школы стали заводиться по мѣстамъ въ весьма ограниченномъ количествѣ, кое-гдѣ и кое-какія. Императрица понимала, что неимѣніе строго опредѣленнаго плана ученія, недостатокъ учебниковъ и учителей, равнодушіе и даже прямая враждебность со стороны тогдашняго общества къ распространенію образованія не могутъ дать тѣхъ результатовъ, какіе она желала видѣть въ этомъ дѣлѣ, такъ близкомъ ея сердцу. Поэтому она рѣшилась установить систему народнаго образованія на болѣе прочныхъ основахъ, съ болѣе широкими размѣрами преподаванія, которая бы была проникнута строгимъ единствомъ и обезпечивала бы успѣхи обществен-

*) Сост. на основаніи 1) «Историко-стат. описанія уч. зав. Пет. округа. «А. Воронова», 2) «Матеріаловъ для исторіи просв. въ Россіи въ XVIII в.» А. В., 3) «Матер. архива Олонецкой дирекціи» и друг. источниковъ.

наго воспитанія въ Россіи. Правила, которыми она хотѣла руководствоваться въ устройствѣ народнаго образованія и воспитанія, изложены были въ цѣломъ рядѣ сочиненій ближайшимъ сотрудникомъ Екатерины II-й въ этой области, И. И. Бецкимъ. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ: „Образованіе при Петрѣ и его преемникахъ было односторонне и носило характеръ по преимуществу спеціальный—профессіональный. Все вниманіе было обращено на то, чтобы учащимся сообщались разныя знанія, сообразно съ ихъ будущимъ назначеніемъ; заботились только о развитіи умственномъ и пренебрегали совершенно воспитаніемъ физическимъ и нравственнымъ. Все ученіе преслѣдовало одну цѣль—приготовить разныхъ чиновниковъ, годныхъ для того или другого вида государственной службы; разныхъ ученыхъ, художниковъ, военныхъ, ремесленниковъ, но при этомъ совсѣмъ забывали въ этихъ чиновникахъ приготовить добрыхъ честныхъ людей, полезныхъ гражданъ". „Опытъ доказалъ", говорилъ Бецкій: „что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще прямого, добраго гражданина; напротивъ, онъ становится вреднымъ для того, у кого въ сердцѣ не вкоренена съ юныхъ лѣтъ добродѣтель. Отъ небреженія нравственности, отъ ежедневныхъ дурныхъ примѣровъ онъ привыкаетъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству, непослушанію. При такомъ недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ".

Всѣ указанные недостатки прежняго образованія предположено было устранить въ новыхъ заведеніяхъ. Новое воспитаніе должно было произвести реформу общества, создать новую породу людей, свободную отъ предразсудковъ, заблужденій и пороковъ старины. Но, чтобы это новое воспитаніе могло достигнуть своей цѣли, Бецкій считалъ необходимымъ, чтобы дѣти, какъ можно, меньше находились подъ вліяніемъ семьи, своихъ родителей, которые воспитывались иначе или не воспитывались никакъ; которые, будучи сами заражены ложными понятіями, нерѣдко отличаясь дурными нравами, оказали бы вредное вліяніе на молодое поколѣніе. Поэтому педагогическіе планы Бецкаго

могли быть исполнены не иначе, какъ учрежденіемъ особыхъ воспитательныхъ училищъ, куда бы принимали дѣтей отъ пятаго и шестого года и гдѣ бы удерживали ихъ до 20 лѣтъ безвыходно, при чемъ не допускалось ни малѣйшаго общенія съ другими, такъ что даже и близкихъ родственниковъ дѣти могли бы видѣть лишь въ назначенные дни и въ присутствіи начальства. Начальство въ этихъ закрытыхъ воспитательныхъ заведеніяхъ должно было „вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать юныя сердца въ похвальныхъ склонностяхъ, пріучать ихъ къ трудолюбію, научать пристойному въ дѣлахъ и разговорахъ поведенію, учтивости, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастныхъ, отвращенію отъ всякихъ дерзостей, обучать домостроительству, отвращать отъ мотовства, вкоренять склонность къ опрятности и чистотѣ, однимъ словомъ, наставлять всѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, которыя образуютъ прямыхъ гражданъ, полезныхъ обществу членовъ, служащихъ ему украшеніемъ.

Указанныя идеи, положенныя въ основаніе новаго воспитанія, были приведены въ исполненіе при учрежденіи новыхъ училищъ и преобразованіи старыхъ. Въ 1764 г. въ Петербургѣ при Воскресенскомъ (Смольномъ) монастырѣ было основано воспитательное общество для благородныхъ дѣвицъ и въ 1765 г. такое же общество для дѣвицъ мѣщанскаго сословія; при Академіи Художествъ учреждено воспитательное училище для мѣщанъ въ 1764 г., а въ 1766 г. такое же училище при кадетскомъ корпусѣ. Въ Москвѣ были открыты училища: Екатерининское и Коммерческое и воспитательный домъ для приносныхъ дѣтей (1763 г.), такой же домъ былъ открытъ и въ Петербургѣ. Закрытыя воспитательныя заведенія предположено было устроить во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Россіи, но эта мѣра по недостатку учителей и денежныхъ средствъ не могла быть осуществлена. Поэтому наиболѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ было найдено учредить открытыя народныя училища для всего народа, безъ различія званія и происхожденія. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ примѣнены были тѣ же воспитательныя идеи: „въ воспитаніи юношества заключается единственное средство для утвержденія

гражданскаго счастія; воспитаніе, просвѣщая разумъ, украшаетъ душу и, склоняя волю къ добру, дѣлаетъ человѣка благонравнымъ; сѣмена полезныхъ знаній необходимо насаждать въ сердцахъ отроковъ съ младенчества, дабы они въ юношествѣ созрѣли и приносили обществу достойный плодъ".

Поэтому въ 1782 г. была учреждена комиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго. На комиссію эту возложена была задача приготовить хорошіе учебники, образовать искусныхъ учителей и устроить въ Россійской имперіи народныя училища согласно съ современными педагогическими требованіями. Въ томъ же году императрица, по рекомендаціи императора Іосифа II-го, вызвала въ Россію директора Темешварскихъ народныхъ училищъ, Янковича-де Миріева, какъ человѣка, уже трудившагося въ устроеніи народныхъ школъ въ земляхъ владѣнія Его Величества Императора Римскаго, какъ знающаго языкъ Россійскій и нашъ православный законъ исповѣдывающаго". Этотъ-то человѣкъ и былъ преданъ комиссіи въ помощь при устройствѣ училищъ. Можно сказать, что Янковичъ создалъ собственно всю учебную часть народныхъ училищъ. Предположено было по его плану учредить училища трехъ родовъ: 1) малыя (двухклассныя), 2) среднія (трехклассныя) и 3) главныя (четырехклассныя). Предметы ученія въ первыхъ назначались: въ первомъ классѣ чтеніе, письмо, цыфирь, знаніе церковныхъ и римскихъ чиселъ, сокращенный катихизисъ, священная исторія и первоначальныя правила русской грамматики; во второмъ классѣ, послѣ повторенія предыдущаго курса, пространный катихизисъ безъ доказательствъ изъ Священнаго писанія, чтеніе книги о должностяхъ человѣка и гражданина, ариѳметика 1-я и 2-я часть, чистописаніе и рисованіе. Въ училищахъ втораго рода къ первымъ двумъ классахъ прибавлялся третій, въ которомъ, послѣ повторенія предыдущаго, учатъ пространному катихизису съ доказательствами изъ Священнаго писанія, чтенію и изъясненію евангелій, русской грамматикѣ съ упражненіями въ правописаніи, всеобщей исторіи и всеобщей и русской географіи въ краткомъ видѣ и чистописа-

нію. Въ главныхъ школахъ предметы первыхъ трехъ классовъ тѣ же, что и въ среднихъ; въ четвертомъ же обучаютъ всеобщей и русской географіи, всеобщей исторіи болѣе подробно, русской исторіи, математической географіи съ задачами на глобусѣ, русской грамматикѣ съ упражненіями въ сочиненіяхъ, употребительныхъ въ общежитіи, какъ-то: въ письмахъ, счетахъ, роспискахъ и т. п.,—основаніямъ геометріи, механики, физики, естественной исторіи и гражданской архитектуры и рисованію. Планъ этотъ удостоился Высочайшаго одобренія, при чемъ императрица приказала ввести еще въ курсъ главныхъ училищъ латинскій языкъ и одинъ изъ иностранныхъ языковъ, смотря по смежности: нѣмецкій по сосѣдству съ остзейскимъ краемъ, греческій въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ, арабскій—въ юго-восточныхъ и китайскій—въ Иркутской. Сообразно съ этимъ планомъ возникли прежде всего малыя народныя училища въ Петербургѣ и другихъ городахъ Петербургской губерніи, потомъ въ Петербургѣ были открыты два главныхъ народныхъ училища: русское и нѣмецкое, которыя должны были служить нормальными, т.-е. образцовыми для всѣхъ прочихъ. Въ 1786 г. послѣдовало открытіе главныхъ училищъ во многихъ губернскихъ городахъ. Въ слѣдующіе годы стали открываться малыя народныя училища, такъ что къ 1790 г. насчитывалось уже всѣхъ народныхъ училищъ до 170-ти. Заведенныя же кое-гдѣ среднія училища обращены были въ малыя, такъ что въ училищномъ уставѣ 5-го августа 1786 г. удержались только два разряда училищъ: малыя и главныя. Тому же Янковичу принадлежитъ честь образованія для народныхъ училищъ учителей, знакомыхъ съ требованіями современной педагогики и дидактики, составленіе хорошихъ учебниковъ и введеніе новаго метода ученія, который стремился къ живому преподаванію предмета, къ развитію всѣхъ душевныхъ силъ учащагося поколѣнія.

Комиссія объ учрежденіи училищъ первоначально задалась цѣлью доставить учителей для малыхъ народныхъ училищъ, уже существовавшихъ въ Петербургѣ, и обратилась для этого къ семинаріямъ, откуда и были выбраны семинаристы, которые имѣли бы уже свѣдѣнія, достаточныя

для преподаванія въ народныхъ училищахъ, и которымъ оставалось бы только подъ руководствомъ Янковича научиться новому методу преподаванія. Изъ этихъ семинаристовъ въ 1782 г. пятнадцать человѣкъ и поступили учителями, послѣ надлежащей подготовки, въ малыя народныя училища въ Петербургѣ. На послѣдующіе затѣмъ вызовы изъ разныхъ мѣстъ лицъ, желающихъ приготовиться къ занятію учительской должности, откликнулась такая масса молодыхъ людей, что явилась необходимость образовать особый учительскій институтъ, въ которомъ бы будущіе преподаватели обучались не только способу ученія, но и могли бы пріобрѣтать новыя знанія, потребныя для преподаванія въ высшихъ классахъ народныхъ училищъ, которыя въ скоромъ времени предполагалось открыть. Такой институтъ и былъ устроенъ въ видѣ учительской семинаріи при главномъ народномъ училищѣ, которое было открыто въ Петербургѣ въ декабрѣ 1783 года. Завѣдываніе и руководство семинаріей было поручено тому же Янковичу, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ опредѣленъ на должность директора первыхъ народныхъ училищъ Петербургской губерніи. Не вдаваясь въ подробности относительно устройства семинаріи, образа жизни воспитанниковъ, укажемъ здѣсь на то, во-первыхъ, что курсъ учебныхъ предметовъ въ семинаріи былъ тотъ же, какъ и въ главномъ училищѣ, съ тою лишь разницей, что, такъ какъ воспитанники семинаріи со временемъ должны были занять мѣста учителей въ высшихъ двухъ классахъ главныхъ училищъ, то всѣ науки изучались здѣсь подробнѣе, чѣмъ въ обыкновенныхъ главныхъ училищахъ. Для усовершенствованія себя въ наукахъ воспитанники двухъ высшихъ классовъ слушали еще лекціи въ Академіи Наукъ. За восемнадцать лѣтъ своего существованія, отъ 1786—до 1803 г., семинарія успѣла приготовить 425 учителей, которые и размѣщены были по народнымъ училищамъ и отчасти въ училищахъ другихъ вѣдомствъ.

Янковичу, между прочимъ, принадлежитъ трудъ, весьма интересный и не утратившій значенія и для настоящаго даже времени—это „Руководство для учителей“, въ которомъ онъ высказалъ свой идеалъ, какимъ долженъ быть

учитель. „Учитель долженъ отличаться благочестіемъ, любовью, терпѣніемъ, прилежаніемъ, довольствоваться своимъ состояніемъ. Любя учениковъ своихъ, какъ отецъ, онъ долженъ обращаться съ ними съ пріязнію и скромностью, не показывать досады, когда они предложенія его скоро не уразумѣютъ. Для того, чтобы ученики слушались учителя, ему слѣдуетъ пріобрѣсти ихъ любовь, почтеніе и уваженіе. Хотя и думаютъ, что угрозами и наказаніями лучше всего можно управиться съ дѣтьми, но и допуская даже вѣрность этого мнѣнія, все же растить тварь разумную, какъ скотъ, непристойно. Людей, если они въ поступкахъ своихъ только не упрямы и не злонравны, надобно уговаривать и наставлять на доброе представленіемъ добра съ пріязнію и любовію. Учитель долженъ во всемъ подавать примѣръ дѣтямъ: когда учитель и для самомалѣйшей причины небрежетъ школу: или часто приходитъ поздно, или начинаетъ учить не въ надлежащее время, или вмѣсто того, чтобы учить, исправлять домашнія свои дѣла или какое рукодѣлье, то и дѣти становятся также нерадивы. приходятъ въ школу поздно, не столько стараются учиться или и совсѣмъ не ходятъ" (стр. 80—88 „Руковод. для учит." 1789 г.).

„Чтобы съ успѣхомъ вести дѣло ученія, учитель долженъ умѣть различать дѣтей по способностямъ, по характеру и сообразно съ этимъ обращаться съ ними. Въ разсужденіи способностей къ ученію бываютъ:

1) такія дѣти, которыя все скоро понимаютъ, хорошо помнятъ и выученное употреблять умѣютъ. Такихъ дѣтей учитель не долженъ упражнять многими безполезными или такими предметами, которые не предписаны, а увѣщевать ихъ упражняться прилежно въ выученномъ и дѣлать понятія свои часъ отъ часу основательнѣе, но для дальнѣйшихъ успѣховъ ихъ не покидать другихъ учениковъ того же класса, которые не могутъ успѣвать за ними,—

2) такія дѣти, которыя одарены хорошею памятью, но имѣютъ мало разсужденія. Учитель не долженъ ихъ упражнять ученіемъ наизусть, но учить ихъ мыслить и понимать хорошенько предметы, пособлять имъ чувственными представленіями, примѣрами и сравненіями, заставлять ихъ

пересказывать выученное собственными словами, чаще спрашивать и такъ, чтобы при томъ былъ имъ случай думать,—

3)—такіе ученики, у которыхъ слаба память. Имъ задавать, какъ можно, меньше учить наизусть, а объяснять наглядно, возбуждать ихъ вниманіе и чаще заниматься съ каждымъ отдѣльно,—

4)—тупыя дѣти, которыя мало понимаютъ и помнятъ. Имъ сообщать только самое нужное, употреблять всѣ возможныя средства для облегченія ихъ ученія, не поступать съ ними сурово и не отнимать у нихъ строгостію охоты къ ученію.

Въ разсужденіи нрава бываютъ:

1) ученики веселые и бодрые. Они бываютъ склонны къ легкомыслію и разсѣянію, а потому учитель долженъ чаще обращаться къ нимъ и употреблять ихъ къ указанію или исправленію погрѣшностей другихъ учениковъ; для поддержанія ихъ вниманія разнообразить способъ преподаванія, отнюдь не угнетать непристойною жестокостью ихъ природной живости, а обращать ее въ пользу ученія.

2)—боязливые и застѣнчивые ученики. Боязливость и застѣнчивость учитель долженъ разгонять ласкою и дружескимъ ободреніемъ и объяснить имъ, чего надобно бояться, чего нѣтъ, оказывать имъ терпѣніе и снисхожденіе и тѣмъ ихъ къ себѣ приласкивать.

3)—лѣнивые и сонливые ученики. Стараться возбудить ихъ отъ дремоты и бездѣйствія, чаще вызывать, примѣромъ полезныхъ товарищей отчасти ободрить, отчасти и стыдить.

4)—упорные, сердитые и къ злобѣ склонные ученики. Качества эти стараться утушить и упрямыхъ и сердитыхъ учениковъ не допускать никогда къ достиженію ихъ намѣренія. Во время дѣйствія въ нихъ страстей не наказывать и не увѣщевать ихъ, но, когда волненіе ихъ утихло, и ученикъ пришелъ въ состояніе спокойно разсуждать, тогда представить ему худыя слѣдствія упрямства его или злости; въ случаѣ же неисправленія наказывать. Высшею степенью наказанія поставлено исключеніе изъ училища, дабы такіе безпутные ученики не развращали другихъ своимъ дурнымъ примѣромъ“ (стр. 88—94).

Кромѣ приготовленія учителей, Янковичъ трудился надъ составленіемъ учебниковъ, приноровленныхъ къ потребностямъ учащихся и ихъ возрасту, при чемъ учебники эти или были составлены имъ самимъ, или по его указаніямъ и плану другими, или же передѣланы и переведены съ нѣмецкаго. Къ учебникамъ, составленнымъ собственно самимъ Янковичемъ, относятся: таблицы азбучныя и, для складовъ церковной и гражданской печати, букварь, сокращенный катихизисъ, прописи и руководство для чистописанія, правила для учащихся, пространный катихизисъ, священная исторія, всемірная исторія, зрѣлище вселенныя (такъ называлось руководство при обученіи иностраннымъ языкамъ). Изъ передѣланныхъ можно назвать слѣд.: сокращенную русскую исторію, сокращенную россійскую географію, всеобщее землеописаніе. Подъ руководствомъ Янковича изданы изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій—священника Сидоровскаго; географическія карты, глобусы и атласы. По его же указанію, переведено было Ковалевымъ „Руководство для учителей 1-го и 2-го класса народныхъ училищъ", къ которому приложены были „Таблицы о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи и правописаніи, какъ предварительное пособіе при изученіи правилъ русскаго языка". „Книга о должностяхъ человѣка и гражданина" составлена, вѣроятно, самимъ Янковичемъ по нѣмецкимъ источникамъ. Затѣмъ принадлежатъ другимъ лицамъ также переведенные или передѣланные учебники: 1-я и 2-я части ариѳметики, геометрія, механика, физика и градская архитектура—составлены адъюнктомъ Академіи Наукъ Головинымъ; естественная исторія—проф. Зуевымъ и сокращенная россійская грамматика—проф. Сырейщиковымъ (стр. 121 и слѣд. „Матеріалы ист. просв. въ Россіи въ XVIII в.").

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о характерѣ изложенія выше упомянутыхъ учебниковъ, приведемъ нѣсколько выписокъ. Напр., о древнихъ египтянахъ въ учебникѣ исторіи читаемъ: „Египетъ въ древнія времена славился своими законами, которые не токмо греками, но и другими народами приняты были. Между прочимъ, примѣчанія достойны суть слѣдующіе: каждый подданный долженъ былъ на-

мѣстнику тоя области, гдѣ жительствовалъ, объявить письменно о своемъ промыслѣ и торговлѣ; а кто пріобрѣталъ себѣ пропитаніе способомъ предосудительнымъ, того наказывали; слѣдов., всѣ лѣнивцы и бродяги были тамъ нетерпимы..

У египтянъ званія были наслѣдственны: если кто былъ воинъ, то и потомки таковаго долженствовали оставаться въ военномъ состояніи...

...Египтяне хотя и вѣровали во всевысочайшее существо, однако почитали также и небесныя созвѣздія, какъ преображенія Божества, и боготворили великія добродѣтели, какъ, напр., отдавали божескую почесть Озириду за то, что онъ вывелъ народъ египетскій изъ его дикаго состоянія и привелъ въ благоустроенное, подавъ оному законы.... Они вѣрили въ безсмертіе души человѣческой съ тѣмъ, будто души по смерти животнаго изъ одного тѣла переходятъ въ другое, а по истеченіи трехъ тысячъ лѣтъ опять въ прежнее свое возвращаются, отъ чего, думаютъ, и произошло бальсамированіе мертвыхъ" (стр. 129, 130). Въ числѣ выше названныхъ учебныхъ руководствъ особеннаго вниманія заслуживаетъ „Книга о должностяхъ человѣка и гражданина". Она интересна въ томъ отношеніи, что въ ней всего яснѣе раскрывается тотъ взглядъ на воспитаніе, который стремились провести въ народныя училища, а чрезъ послѣднія и въ самый бытъ народа Въ „Книгѣ" излагаются тѣ правила, которымъ человѣкъ долженъ слѣдовать въ своей жизни, чтобы достигнуть благополучія.

„Истинное благополучіе есть въ насъ самихъ. Когда душа наша хороша, отъ безпорядочныхъ желаній свободна, и тѣло наше здорово, тогда человѣкъ благополученъ.

Для пріобрѣтенія этихъ условій благополучія мы должны 1) напоять душу нашу добродѣтелью, 2) пещись надлежащимъ образомъ о нашемъ тѣлѣ, 3) исполнять общественныя должности, на которыя мы отъ Бога опредѣлены; 4) знать правила хозяйства".

На этомъ основаніи всѣ должности человѣка и гражданина отнесены къ четыремъ главнымъ разрядамъ: къ образованію души, къ попеченію о тѣлѣ, къ добросовѣстному

исполненію общественныхъ обязанностей и къ заботѣ объ исправномъ домоводствѣ.

Чтобы можно было судить объ изложеніи этого руководства, дѣлаемъ выдержку изъ первой статьи: „О должностяхъ къ ближнему". Здѣсь важное значеніе придается искренности. „Искренностью называется склонность и стараніе другимъ, не обинуясь, то сказывать, что имъ полезно, и остерегать ихъ отъ того, что имъ вредно. Кто въ обхожденіи съ людьми не искренно поступаетъ, того скоро всѣ возненавидятъ. Невозможно людямъ всѣхъ намѣреній и мыслей ближнихъ своихъ постигнуть, также и вообще невозможно всего имъ вѣдать; а потому и нужно имъ часто на то полагаться, что другіе скажутъ. Когда же люди скажутъ намъ не самую истину, то мы невѣдѣніемъ многое такое дѣлаемъ, которое намъ необходимый вредъ нанести можетъ"...

Итакъ, разсматривая организацію народныхъ училищъ, главныхъ и малыхъ, мы видимъ въ ней реальное, практическое направленіе: учащіеся послѣ пріобрѣтенія навыка въ чтеніи и письмѣ, изученія основаній религіи, ариѳметики, исторіи, географіи, переходили затѣмъ къ ознакомленію съ природою въ главнѣйшихъ и существенныхъ чертахъ, потомъ усваивали основанія наукъ и искусствъ, имѣвшихъ прямое примѣненіе къ жизни. Весь этотъ курсъ завершался разъясненіемъ юношеству будущихъ его обязанностей и отношеній къ семьѣ, обществу и государству.

Сверхъ составленія учебниковъ, трудами Янковича въ вновь открытыхъ народныхъ училищахъ былъ введенъ новый методъ преподаванія наукъ, основанный на началахъ здоровой педагогики. Подробное изложеніе этого метода, „учебнаго способа", можно найти въ „Руководствѣ учителямъ перваго и втораго класса нар. училищъ", изданномъ въ Петербургѣ въ 1783 г. Учебный способъ, съ одной стороны, указывалъ общіе пріемы преподаванія, примѣнимые ко всякому учебному предмету, а, съ другой—частныя наставленія, какъ объяснять и излагать тотъ или другой предметъ. Общіе пріемы, по объясненію „Руководства", состоятъ 1) въ совокупномъ наставленіи, 2) совокупномъ чтеніи, 3) изображеніи чрезъ начальныя буквы, 4) таблицахъ и 5) во-

прошенія. „Совокупное наставленіе“ состояло въ томъ, что учитель низшихъ классовъ долженъ былъ занимать весь классъ вдругъ, а неучить учениковъ одного за другимъ, т. е. порознь. Для соблюденія порядка ученики при этомъ раздѣлялись на отдѣленія, если классъ былъ многочисленъ или состоялъ изъ учениковъ съ разными успѣхами. При спрашиваніи ученика всѣ прочіе, принадлежащіе къ тому же отдѣленію, должны были слѣдить за его отвѣтами и сами быть готовыми къ отвѣту, потому что учитель спрашивалъ попеременно то того, то другого, приказывая продолжать съ того, на чемъ остановился товарищъ. Предлагая вопросы, учитель старался всѣ слова выговаривать громко, плавно, ясно; наблюдать за классомъ и ходить около всѣхъ учениковъ, чтобы видѣть, всѣ ли слушаютъ внимательно, особенно слабые ученики, которые должны были чаще прочихъ отвѣчать и повторять отвѣты другихъ. „Совокупное чтеніе“ заключалось въ томъ, что всѣ ученики класса одновременно упражнялись въ чтеніи, при чемъ или всѣ читали вслухъ, или только нѣкоторые, или одинъ, а прочіе слѣдили за читаемымъ по книгѣ. Понятно, что при такомъ чтеніи всѣ должны были имѣть одинаковыя книги. Каждая статья сперва громко прочитывалась учителемъ или однимъ изъ учениковъ, потомъ она повторялась нѣсколько разъ учениками то попеременно, то всѣми вмѣстѣ, то покласно, то нѣкоторыми порознь; при этомъ указывались и исправлялись погрѣшности противъ произношенія и противъ правильной остановки въ словахъ согласно знакамъ препинанія. Затѣмъ учитель дѣлалъ поясненія прочитаннаго, предлагалъ разные вопросы по поводу статьи, и, наконецъ, содержаніе статьи разсказывалось наизусть однимъ изъ учениковъ.

Какъ подспорье для укрѣпленія памяти и поддержанія вниманія, рекомендовалось „изображеніе чрезъ начальныя буквы“. Оно состояло въ томъ, что учитель на черной доскѣ „слова и рѣчи, ученія наизусть требующія“, обозначалъ первыми только буквами каждаго слова; напр., ученики должны выучить Символъ вѣры, и учитель бралъ, положимъ, первыя пять словъ и писалъ на доскѣ съ соблюденіемъ правилъ правописанія начальныя буквы: „В. в. Е. Б. О“;

потомъ, соотвѣтственно начальнымъ буквамъ, громко произносилъ слова, ими означенныя, и то же самое заставлялъ повторять то всѣхъ учениковъ вмѣстѣ, то поклассно, то порознь, и въ то время, какъ они выговаривали написанное, онъ указывалъ на буквы тѣхъ словъ. Если первыя имъ сказанныя слова выучены, то учитель далѣе писалъ такимъ же образомъ по нѣскольку словъ, заставляя учениковъ повторять по начальнымъ буквамъ всѣ слова, написанныя сначала. Затѣмъ стирались всѣ буквы, и учитель испытывалъ, могутъ ли дѣти безъ помощи ихъ повторить наизусть то, что было написано. Если многіе еще ошибались, то снова продѣлывалось то же самое.

„Таблицы“ представляли не что иное, какъ краткое содержаніе какого-нибудь сочиненія или книги, въ которой всѣ главныя части, ихъ отдѣленія и подраздѣленія такъ излагались, что все въ надлежащемъ соединеніи и порядкѣ легко и удобно можно было обозрѣть. Учитель на черной доскѣ сперва обозначалъ вверху главный предметъ, потомъ главныя его части, далѣе отдѣленія и подраздѣленія ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы всѣ къ одному роду относящіеся отдѣлы начинались на одной и той же линейкѣ.

„Таблицы съ уступами“ состояли въ томъ, что главныя части, обозначавшіяся римскими числами, стояли на одной линіи; отдѣленія подъ прописными русскими буквами—тоже на одной линіи выступали далѣе; потомъ шли подраздѣленія, обозначенныя обыкновенными арабскими цыфрами, выступая еще далѣе. Слѣдующія дѣленія обозначались русскими строчными буквами, а также арабскими числами и строчными буквами съ одной скобкой или двумя. Эту систему обозначенія дѣленія можно выразить для наглядности такимъ образомъ:

I. А. 1. а. 1) а) (1) (а); II. Б. 2. б. 2) б) (2) (б).

Въ таблицахъ со скобками главный предметъ писался въ сторонѣ, части одного рода ставились вмѣстѣ, замыкаясь одною общею скобкою, при чемъ отдѣленія ихъ выступали изъ главной линіи. Въ нихъ не употреблялись ни числа, ни линейки, ни буквы, но только короткія черты, скобками именуемыя, которыя содержали то, чему надобно быть

вмѣстѣ; скобки и отдѣленіи одного рода стояли прямо однѣ подъ другими. Изученіе таблицъ учениками велось тѣмъ же порядкомъ, какъ и при изображеніи чрезъ начальныя буквы: по усвоеніи одной части таблицы переходили къ другой и такъ изучали всю таблицу.

Посредствомъ „вопрошенія" учитель убѣждался, поняли ли ученики его объясненія и такъ ли, какъ слѣдуетъ. При нѣкоторыхъ учебникахъ были приложены образцы вопросовъ, какіе слѣдовало предлагать ученикамъ. Но учитель, не ограничиваясь ими, долженъ былъ стараться дѣлать самъ отъ себя пристойные вопросы, соображаясь особливо со свойствомъ отвѣтовъ. Вопросы рекомендовалось „располагать съ великимъ благоразуміемъ какъ по предмету ученія, такъ и по способности учениковъ. Вопросы объ одной и той же вещи предлагались нѣсколькимъ ученикамъ попеременно и не въ очередь, при чемъ иногда для возбужденія вниманія учениковъ обращались и назадъ къ пройденному уже раньше: спрашивались сперва лучшіе ученики, потомъ посредственные, затѣмъ слабые. Вопросы должны были быть кратки, опредѣленны, безъ возношеній, полны, составлены изъ словъ извѣстныхъ и изъ словъ, взятыхъ въ смыслѣ обыкновенномъ, а не иносказательномъ". Ученики же обязаны были „слушать прилежно то, о чемъ спрашиваютъ, и отвѣтствовать не да, не нѣтъ, а полною рѣчью: сперва по книгѣ, потомъ наизусть и лучше если не тѣми словами, какія въ книгѣ находятся, а своими, потому что изъ этого видѣть можно, что они дѣло понимаютъ". Учитель обсуждалъ отвѣты, исправлялъ погрѣшности, давалъ объясненія, когда то требовалось, незнакомое разъясняя при помощи уже знакомаго, выражаясь при этомъ точно и кратко.

Погрѣшности, какія могли быть въ ученическихъ отвѣтахъ, учебный способъ различалъ двояко: погрѣшности въ дѣлѣ самомъ и въ словахъ. „Въ разсужденіи дѣла бываютъ слѣдующія погрѣшности:

1) Когда ребенокъ ничего не отвѣчаетъ, то долженъ учитель напомнить ему что-нибудь такое, что бы имѣло связь съ требуемымъ предметомъ; буде же не послѣдуетъ и тогда никакого отвѣта, то долженъ онъ отвѣтъ превратить

въ вопросъ и смотрѣть, будетъ ли ученикъ отвѣтствовать справедливо чрезъ да или нѣтъ; тогда раздроби дѣло или скажи ему объ ономъ коротко и спрашивай снова.

2) Когда ребенокъ недостаточно отвѣчаетъ, то недостатокъ извлечь должно новымъ вопросомъ. При семъ случаѣ не долженъ сказывать ученику скоро, но заставить его подумать.

3) Когда ребенокъ лишнее отвѣчаетъ, то долженъ учитель дать ученику подумать, спрашивалъ ли онъ о томъ, что онъ сказалъ ему лишнее, а потомъ заставить его отвѣчать снова съ упущеніемъ лишняго.

4) Когда ребенокъ ложно отвѣчаетъ, то надобно дѣлать новые вопросы другими словами и отвѣдывать, не можно ли будетъ получить отвѣта вѣрнѣе; если не удастся, то долженъ учитель неправость онаго ученику показать или сдѣлать новый вопросъ и заставить ученика отвѣчать справедливѣе.

Въ разсужденіи словъ, которыми дѣла и вещи изъясняются, надобно какъ для избѣжанія погрѣшностей, такъ и для поправленія оныхъ примѣчать слѣдующее:

1) Чтобы рѣчи были цѣлы, чтобы не были выпущены изъ нихъ слова, для смысла нужныя.

2) Чтобы отвѣтствовано было такъ, какъ требуетъ вопросъ.

3) Чтобы въ отвѣтахъ употребляемы были тѣ же самыя имена, глаголы и измѣненія, какъ въ вопросахъ.

4) Чтобы отвѣтствовано было по правиламъ грамматики, и чтобы отвѣтъ не погрѣшалъ противъ свойства языка.

5) Чтобы слова употребляемы были въ собственномъ значеніи, а не въ иносказательномъ и при томъ были знакомыя, а не незнакомыя. Сихъ послѣднихъ учитель или совсѣмъ принимать не долженъ, или по крайней мѣрѣ испытывать напередъ, разумѣютъ ли ихъ ученики.

6) Когда въ отвѣтѣ какое слово пропущено, то надобно дополнить.

7) Ошибки противъ правилъ грамматики или тѣ, при коихъ отвѣтъ не на вопросъ, должно исправить и по сравненіи заставить ученика отвѣчать еще однажды.

8) При чужестранныхъ словахъ долженъ учитель испытывать, соединяетъ ли ученикъ съ оными надлежащій смыслъ; буде же нѣтъ, то долженъ ему оной показать.

Переходя отъ общихъ указаній къ разсмотрѣнію частныхъ пріемовъ при преподаваніи каждой науки въ отдѣльности, мы найдемъ большія преимущества сравнительно съ прежнимъ схоластическимъ способомъ ученія, которыя проявляются прежде всего на самой первой ступени преподаванія, именно въ обученіи грамотѣ При обученіи чтенію въ народныхъ училищахъ по методу Янковича употреблялись большія таблицы азбучныя, въ которыхъ заключались буквы, и таблицы для складовъ; затѣмъ принимались читать буквы и правила для учащихся. Въ „Руководствѣ для учителей“ предлагался такой способъ: познаніе буквъ можно легче всего преподать дѣтямъ чрезъ написываніе на черной доскѣ мѣломъ сперва различныхъ черточекъ, изъ коихъ онѣ состоятъ, а потомъ и самыхъ буквъ чтобы онѣ представлялись взору ясно. Буквы писать на доскѣ должно не обыкновеннымъ азбучнымъ порядкомъ, но такъ, какъ онѣ одна за другой слѣдуютъ въ приложенной здѣсь таблицѣ, при чемъ имъ сообщается новое названіе буквъ. Первый рядъ буквъ заключаетъ въ себѣ буквы, изъ однихъ прямыхъ чертъ состоящія, напр.:

І	Г	П	И	Н	Ц	Т	Ш	Щ
і	ге	пе	и	ен	це	те	ша	ще;

второй рядъ изъ прямыхъ и косыхъ, напр.: Л Д М У Х
ель де емъ у ха;

третій изъ кривыхъ и прямыхъ, напр.:

Ч	*Я*	*К*	*Ж*	*Ь*	*Ъ*	*Ы*	*Ѣ*	*Ю*	*Р*	*В*	*Ф*
че	я	ка	же			ы	ѣ	ю	еръ	ве	ефъ;

четвертый изъ однихъ кривыхъ, напр.: *С Е О А Б З Ѳ*
есъ е о а бе зе ѳе.

Названіе каждой буквы повторяетъ учитель по нѣскольку разъ какъ предъ написаніемъ буквы, такъ и послѣ написанія; ученики же повторяютъ оное за нимъ и потомъ отъ учителя о томъ вопрошаются. Сперва учитель говоритъ, что буквы состоятъ изъ точекъ и чертъ, повторяетъ оное

нѣсколько разъ самъ и заставляетъ потомъ повторять то же самое учениковъ порознь и вмѣстѣ. Потомъ приступаетъ къ написанію точки такъ: а) учитель говоритъ, что напишетъ точку; б) онъ дѣлаетъ ее дѣйствительно и говоритъ, что написалъ точку; в) когда точка написана, то повторяетъ еще однажды, что то—точка; г) спрашиваетъ дѣтей, что написано. д) Дѣти отвѣчаютъ, что то—точка. е) То же самое спрашиваетъ учитель у многихъ дѣтей порознь, пока всѣ хорошо отвѣтствовать ни будутъ. ж) Учитель долженъ примѣчать, чтобы дѣти слово „точка" выговаривали исправно. Послѣ сего написать должно на доскѣ сперва прямую черту, а потомъ кривую и спрашивать такъ, какъ о точкѣ. Посемъ говоритъ учитель, что онъ изъ точки и черты сдѣлаетъ теперь букву *і*, и предъ дѣйствительнымъ ея написаніемъ спрашиваетъ учениковъ своихъ о томъ, что написать хочетъ. Потомъ пишетъ букву *і* самымъ дѣломъ и между тѣмъ, какъ пишетъ, повторяетъ дѣтямъ еще, что онъ пишетъ букву *і*. По написаніи, указывая перстомъ на написанную имъ букву, говоритъ, что написанная имъ буква есть *і*, и спрашиваетъ у многихъ учениковъ объ имени буквы сей, которое ему они и повторяютъ. Потомъ показываетъ онъ еще дѣтямъ, какъ черту буквы сей, такъ и точки ея. Наконецъ, велитъ учитель сыскать *і* сіе на азбучной таблицѣ, сперва между большими буквами, а потомъ и между малыми, и показывать то тому, то другому ученику. Симъ образомъ поступаетъ учитель при прочихъ буквахъ. Учитель не токмо долженъ учить дѣтей познанію буквъ, но и справедливому названій ихъ произношенію, напр., не выговаривать *д*, какъ *т*, а *т* какъ *д*; или *з*, какъ *с*, а *с*, какъ *з*. Если онъ хочетъ назвать дѣтямъ букву исправно, то долженъ самъ произнести ее сперва чисто и ясно, а потомъ и велѣть повторять названіе ея каждому ученику до тѣхъ поръ, пока всѣ не будутъ произносить ее надлежащимъ образомъ".

За изученіемъ буквъ слѣдовало чтеніе по складамъ, для котораго употреблялась особая таблица. Такая таблица представляла собою большой листъ съ напечатанными на немъ большими и малыми буквами Россійской гражданской азбуки, при чемъ буквы должны были имѣть такіе размѣры,

чтобы ученики могли ихъ свободно распознать и на нѣкоторомъ отдаленіи. Для большей наглядности по обѣимъ сторонамъ таблицы напечатаны были черною краской согласныя буквы, какъ прописныя, такъ и строчныя; по серединѣ красной краскою—гласныя, а двоегласныя—зеленой.

Обученіе складамъ происходило слѣдующимъ образомъ: „Учитель уговариваетъ напередъ дѣтей, чтобы они примѣчали, какъ онъ, назвавши сперва нѣсколько буквъ порознь, произнесетъ ихъ потомъ вдругъ. А засимъ произноситъ дѣйствительно сперва *б*, потомъ *а*, и выговариваетъ вдругъ *ба*. Послѣ сего поощряетъ учитель дѣтей себѣ послѣдовать и указываетъ палочкой сперва на *б*, а потомъ на *а* и даетъ опущеніемъ палочки знакъ произнести обѣ буквы вмѣстѣ, т. е.: *ба*. Какъ поступилъ онъ съ *б* и *а*, такъ поступать долженъ и съ прочими буквами, однако чтобы легкіе слоги брать напередъ, а трудные оставлять всегда къ концу. Когда учитель раза два далъ понятіе ученикамъ о складахъ, тогда можетъ онъ объявить впервые, что буквы перваго рода называются гласными и числомъ ихъ девять, кои всѣ на таблицѣ для складовъ напечатаны красною краской. Но, дабы дѣти въ именахъ буквъ гласныхъ, согласныхъ и безгласныхъ не путались, то долженъ учитель о согласныхъ говорить не прежде, какъ разъ въ третій или четвертый и то по одному только имени, когда названіе буквъ гласныхъ сдѣлается дѣтямъ уже знакомо, а, спустя еще нѣсколько, наконецъ, и о безгласныхъ. Чтобы дать понятіе дѣтямъ о согласной, можно поступить такимъ образомъ: а) выговоривъ *б* или *д*, спросить: не слышно ли тутъ *е*? б) спросить: что за буква *е*? в) посемъ можно *д* выговорить вдругорядь и спросить: одно ли тутъ *е* слышно, или слышно еще съ нимъ нѣчто? г) если ребенокъ примѣтилъ при *е* еще другой голосъ, то сказать, что тотъ самый голосъ, который при *е* слышенъ, называется буквой согласною. д) Тогда велѣть дѣтямъ попытать выговорить *б* безъ *е*; при чемъ нужно имъ еще напомянуть, что *е* не во всѣхъ слогахъ выговаривается вмѣстѣ съ *б*, но что можно выговорить съ *б* и всякую другую гласную; е) въ другой разъ можно такимъ же образомъ разобрать, напр., буквы *ж* и *щ*. ж) Надобно также дать примѣтить дѣтямъ,

что у нѣкоторыхъ согласныхъ, какъ-то: у „*б*“, „*д*“, „*в*“ и другихъ гласная слышна послѣ, а у иныхъ, какъ-то: у „*ф*“, „*н*“, „*л*“—прежде, при чемъ наблюдать должно только то, что дѣтямъ не говорить никогда въ одинъ день о двухъ новыхъ слогахъ, ни о словѣ и толкованіи онаго вмѣстѣ, ниже о двухъ какихъ примѣчаніяхъ, а менѣе всего о двухъ новыхъ изъясненіяхъ. 3) Учитель долженъ приложить особливое стараніе къ пріученію дѣтей къ порядочному выговору буквы „*р*“, которую отъ небреженія въ малолѣтствѣ многіе дурно произносятъ. Также побольше употреблять времени на чистый выговоръ буквъ з и ъ, особливо въ серединѣ слоговъ. При складахъ еще примѣчать полезно: во-1-хъ, чтобы учитель сказывалъ ученикамъ напередъ каждый слогъ ясно и чисто, примѣчалъ, какъ оной дѣти за нимъ выговариваютъ, и, если они произносятъ оной неправильно, то поправлялъ бы и исправленное заставлялъ пока выговаривать; во-2-хъ, онъ долженъ заставлять складывать то того ученика, то другого особо, и—что сказано будетъ не такъ, поправлять тотчасъ же; особливо же долженъ заставлять, кои имѣютъ худое произношеніе, напр.: ежели бы ученикъ не могъ выговорить слова „взглядъ“, то отброся сначала *вз*, заставить его выговорить напередъ „глядъ“; если же не можетъ и сего, отбросить еще спереди *г*, а когда выговоритъ *лядъ*, то приложить *г* опять, потомъ приставить *з*, чтобы выговорить *зглядъ*, и, наконецъ, *в* для выговора *взглядъ*“.

Послѣ складовъ приступали къ букварю, гдѣ ученики должны были читать уже цѣлыя связныя слова сперва по складамъ, а потомъ уже выговаривая цѣликомъ, безъ складыванія; тутъ же знакомили учениковъ съ буквами въ ихъ азбучномъ порядкѣ. За чтеніемъ книгъ печати гражданской слѣдовало чтеніе книгъ печати церковной, какъ болѣе трудной, и потомъ рукописей, сначала написанныхъ четкимъ почеркомъ, а потомъ менѣе разборчивымъ. Къ послѣднимъ, впрочемъ, приступали только тогда, когда ученики уже научились хорошо писать.

При обученіи письму прежде всего пріучали учениковъ къ правильному положенію тѣла, рукъ и къ держанію пера;

затѣмъ начинали съ черточекъ и линій прямыхъ, косыхъ и кругловатыхъ, а потомъ постепенно переходили къ буквамъ, различая при этомъ длину, толщину и размѣръ каждой черты. Ученики сначала писали по линейкамъ, но потомъ пріучались писать и безъ линеекъ на осьмушкѣ и четвертушкѣ листа посредствомъ означенія обоихъ концовъ строчекъ точками и, наконецъ, совсѣмъ безъ означенія точекъ.

Къ ученію ариѳметики приступали только такіе ученики, которые уже порядочно умѣли читать и писать. За объясненіемъ правила слѣдовали примѣры, въ рѣшеніи которыхъ упражнялись всѣ ученики въ классѣ или дома, при чемъ преимущественно выбирались случаи, „которые попадаются въ общежитіи, въ хозяйствѣ, ремеслахъ, художествахъ, купечествѣ и другихъ частныхъ промыслахъ, въ мѣрѣ, вѣсѣ и монетѣ употребительныхъ. При предложеніи задачъ учитель не объяснялъ ученикамъ, по какому правилу онѣ рѣшаются, но наводилъ ихъ на то посредствомъ вопросовъ, касающихся задачъ. Въ наставленіи учителямъ ариѳметики замѣчательно указаніе, равно относящееся, впрочемъ, ко всѣмъ учителямъ: „Учитель долженъ замѣчать въ школѣ каждый разъ какъ число учениковъ, которые показанное имъ хорошо поняли, такъ и тѣхъ, которые отстали. Дома долженъ онъ у себя подумать, для чего первые показанное имъ такъ скоро поняли, а другіе нѣтъ, и выискивать хорошія средства, какъ бы побудить отставшихъ въ слѣдующіе часы къ большему вниманію и удержать приономъ прилежныхъ".

Учитель геометріи долженъ былъ показывать ученикамъ приложеніе теоретическихъ знаній въ жизни и объяснять значеніе и пользу инструментовъ. Точно также преподаваніе физики должно было основываться на опытахъ.

Съ преподаваніемъ архитектуры соединялось черченіе плановъ и составленіе моделей.

Учитель естественной исторіи обязанъ былъ показывать ученикамъ при объясненіи царства ископаемаго, „до чего при какой рудѣ искусство человѣческое дошло или перемѣною, или обдѣлываніемъ, или смѣшиваніемъ той руды"; при царствѣ растительномъ обращать вниманіе, „чтобы ученики самыя важныя, къ ихъ собственному домостроительству

и государственной выгодѣ служащія истины познали и общее понятіе пріобрѣтали, какимъ образомъ то или другое произрастеніе обдѣлываніемъ, въ разсужденіи здравія, пропитанія, художества, купечества и проч. въ пользу человѣческую употребляется"; при царствѣ же животныхъ слѣдуетъ, кромѣ того, „изъяснить ученикамъ, сколько можно, и естественное ихъ расположеніе и состояніе. Сверхъ того, для яснѣйшаго понятія и большаго впечатлѣнія пройденнаго въ памяти учащихся необходимо, чтобы учитель 1), кромѣ ученаго названія предметовъ, приводилъ и обыкновенное ихъ названіе у простолюдиновъ, и 2) показывалъ, гдѣ какая вещь родится и почему именно тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ. Притомъ ученики должны имѣть при себѣ географическія карты и отыскивать на нихъ тѣ мѣста, гдѣ какія произведенія по естественной исторіи родятся и находятся".

Грамматика русскаго языка проходилась практически: всѣ выводы дѣлались изъ примѣровъ, и, кромѣ того, ученики упражнялись въ письменныхъ сочиненіяхъ преимущественно на темы, близкія къ понятіямъ ихъ или употребительныя въ общежитіи, какъ, напр., извѣщеніе родителей объ успѣхахъ ученья, толкованіе о предметахъ домашняго хозяйства и т. п. При сочиненіяхъ обращалось особенное вниманіе на правильность языка.

Учитель исторіи долженъ былъ особенно стараться о томъ, чтобы ученики его понимали, „что было главною причиною всякихъ перемѣнъ, случившихся въ родѣ человѣческомъ, и какъ истинная любовь и приверженность къ своему отечеству способствовали благосостоянію гражданъ въ древнія и нынѣшнія времена". Согласно съ этимъ взглядомъ на исторію, въ курсъ ея введена была характеристика великихъ историческихъ дѣятелей. Для примѣра приводимъ характеристику Сократа. Сократъ до тридцати лѣтъ упражнялся въ ремеслѣ отца своего, т.-е. въ рѣзномъ художествѣ. Потомъ предавъ себя наукамъ, превзошелъ въ оныхъ всѣхъ своихъ современниковъ, а особливо въ понятіи о Богѣ и въ нравоученіи... Онъ училъ, что истинное Богопочитаніе состоитъ въ повиновеніи Божіимъ твореніямъ; доказывалъ, что недозволеннаго и несправедливаго нельзя считать полезнымъ; что сло-

ву честнаго гражданина можно болѣе вѣрить, нежели клятвѣ другого. Не взирая на всѣ истинно преполезныя наставленія, которыя Сократъ давалъ аѳинянамъ, обнесенъ онъ былъ своими непріятелями на судѣ, яко бы отвергалъ боговъ своего отечества и вводилъ въ вѣру многіе соблазны; когда жъ одинъ изъ друзей говорилъ въ защищеніе его рѣчь, то Сократъ сказалъ ему: „Она весьма прекрасна, но для меня столь же мало прилична, какъ богатая одежда. Я не могу ничего лучшаго представить въ защищеніе свое, какъ что во всю жизнь мою никому неправды не сдѣлалъ". Сократъ, увѣряя судей, что и впредь будетъ стараться учить и просвѣщать своихъ согражданъ, столько тѣмъ ихъ огорчилъ, что они опредѣлили, дабы онъ самъ, по обыкновенію аѳинскому, назначилъ себѣ наказаніе; а какъ на сіе имъ отвѣтствовалъ, что за просвѣщеніе своего отечества заслуживаетъ паче награжденія, то они до того на него озлобились, что приговорили его къ смерти. Заключенный въ темницу, Сократъ, испивъ смертоносную чашу, равнодушно разговаривалъ еще о безсмертіи души съ друзьями своими и учениками и умеръ на 70-мъ году отъ рожденія. По прошествіи нѣкотораго времени раскаялись аѳиняне, „что безчеловѣчно погубили мужа, столь мудраго и добродѣтельнаго. Сократъ и по смерти принесъ отечеству своему великую пользу тѣмъ, что оставилъ много такихъ учениковъ, кои не токмо учителя, но и отечество свое прославили".

Преподаваніе географіи начиналось по глобусу; сначала объяснялись всѣ части свѣта вообще, а потомъ переходили къ географіи отечественной.

Съ преподаваніемъ неразрывно соединялось упражненіе въ черченіи картъ, которое производилось въ самомъ классѣ мѣломъ на большихъ доскахъ, выкрашенныхъ черною краской. При этомъ учитель обязанъ былъ давать ученикамъ понятіе „объ естественномъ состояніи и выгодахъ каждой земли, объ упражненіяхъ и купечествѣ народа, образѣ правленія и силѣ государства, дабы ученики не одни только имена земель и водъ учили, что было бы для нихъ сухо и, дѣйствительно, пользы въ себѣ мало заключало; но познавали бы при томъ и то, какъ одно государство съ другимъ

или въ разсужденіи купечества, или по какимъ инымъ обстоятельствамъ связно". Въ какой степени наглядность примѣнялась въ преподаванію географіи, можно, напр., судить по картамъ Россійской Имперіи, изъ которыхъ однѣ назначались для учениковъ, другія для учителей. Карты перваго рода были разрисованы разноцвѣтными красками и заключали въ себѣ только названія тѣхъ городовъ и мѣстъ, которыя встрѣчались въ учебникахъ.

При этомъ особые знаки показывали, что такое-то мѣсто изобилуетъ, напр.: солью, желѣзомъ и т. п., такъ что ученикъ по картѣ легко могъ видѣть, гдѣ и что находится и родится. Карты же второго рода были отпечатаны на одномъ цѣломъ большомъ листѣ, наклеенномъ на толстой картузной бумагѣ и раскрашены одною черною краской; границы отмѣчались бѣлою краской въ видѣ точекъ; точками же изображались и замѣчательные города. Объясняя урокъ, учитель обводилъ на картѣ мѣломъ по точкамъ границы намѣстничествъ и отмѣчалъ названія городовъ и мѣстъ на глазахъ учениковъ.

Относительно преподаванія иностранныхъ языковъ главнѣйшія правила заключались въ слѣд.: а) какъ можно, чаще повторяя звуки иностраннаго языка, заранѣе пріучить дѣтей къ правильному произношенію, пока языкъ ихъ еще отличается гибкостью; б) потомъ упражнять ихъ въ чтеніи, для чего употреблять составленную для сего книгу: „Зрѣлище Вселенныя" (на лат., росс., нѣм., франц., итал. языкахъ). Съ чтеніемъ соединяется разговоръ на иностранныхъ языкахъ по поводу прочитаннаго, при чемъ объясняются и заучиваются слова и цѣлыя предложенія на изучаемомъ языкѣ; в) далѣе учитель объясняетъ части рѣчи безъ дальнихъ грамматическихъ опредѣленій и все примѣрами изъ книги, назначенной для чтенія; г) склоненія и спряженія усваиваются практически попутно при чтеніи. „Не должно читать грамматики сряду, подробно и нарочно, ниже заставлять учениковъ твердить правила оной отъ слова наизусть, но токмо показывать тѣ мѣста, гдѣ образцы и примѣры въ оной находятся, дабы они при собственномъ повтореніи и внѣ классовъ имѣли предъ глазами то, что учитель показалъ имъ

въ школѣ"; для ознакомленія учащихся съ идіотизмами иностранныхъ языковъ учитель пишетъ ихъ на доскѣ съ русскимъ переводомъ и посредствомъ сравненія объясняетъ ихъ синтаксическое различіе; е) наконецъ когда, ученики пріобрѣтутъ такимъ образомъ значительный запасъ словъ, можно приступить къ устнымъ и письменнымъ переводамъ; сначала съ иностраннаго языка на русскій, а потомъ съ русскаго на иностранный. Такова была въ главнѣйшихъ чертахъ дѣятельность Янковича на пользу народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Выше нами былъ высказанъ взглядъ относительно составленныхъ имъ для народныхъ училищъ программъ учебныхъ предметовъ и учебныхъ руководствъ.

Въ методѣ ученія онъ не создавалъ ничего новаго, но его заслуга въ томъ, что онъ пересадилъ на русскую почву лучшіе плоды современной ему выработанной за границей педагогики и дидактики. При оцѣнкѣ его методы и съ точки зрѣнія настоящаго времени нельзя отказать въ живости и ясности пониманія основныхъ педагогическихъ требованій. „Отличительный характеръ ея выражается въ стремленіи къ живому преподаванію предмета, возбуждающему и овладѣвающему всѣми душевными силами учащагося. Поэтому неудивительно, что метода его, какъ противодѣйствіе старинному схоластическому и механическому способу ученія, принята была, кромѣ народныхъ училищъ того времени, между прочимъ въ духовныхъ училищахъ, въ корпусахъ: Сухопутномъ кадетскомъ и артиллерійскомъ, въ обществѣ воспитанія благородныхъ дѣвицъ и въ училищѣ мѣщанскихъ дѣвицъ. Конечно, не вездѣ ее понимали, какъ слѣдуетъ, и даже не умѣли или не хотѣли пользоваться ею надлежащимъ образомъ; но тѣмъ не менѣе, хотя она и упала съ теченіемъ времени, но успѣла пустить ростки въ нашихъ училищахъ, и нѣкоторыя наставленія ея долго служили единственнымъ руководствомъ для учителей нашихъ народныхъ школъ" (Стр. 154—Матер. для ист. просв. въ XVIII ст.).

В. И.

Примѣры объяснительнаго чтенія *)

„КАРТИНКА." стих. Ап. Майкова.

(Объяснительное чтеніе примѣнительно къ развитію учениковъ I или II класса).

Чтеніе всего стихотворенія самимъ учителемъ или ученикомъ, по возможности выразительное.

Вторичное чтеніе до словъ: „Что-жъ такъ слушаютъ малютку".

Скажите, что мы увидѣли бы, если бы заглянули въ избу, гдѣ происходитъ то, что изображено въ стихотвореніи.

Ученикъ даетъ приблизительно такое описаніе: изба тускло освѣщена лучиной. За столомъ сидитъ малютка и читаетъ, пальчикомъ водя отъ слова къ слову. Вокругъ нея стоятъ мужики и бабы съ дѣтьми; они слушаютъ малютку. Дѣдъ съ печи, оперпшсь руками, свѣсилъ голову и старается тоже, если не слышать, то хоть видѣть дѣвочку.

Внимательно ли окружающіе слушаютъ дѣвочку?

Очень внимательно. Всѣ кругомъ обступили дѣвочку. Мужики въ глубокой думѣ слушаютъ, молчатъ; развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы уняли ребятъ. Бабы стараются тоже слышать дѣвочку. Чтобы дѣти не мѣшали имъ своимъ крикомъ, онѣ суютъ имъ въ ротъ соску. Старый глухой дѣдъ съ печи смотритъ на дѣвочку и старается хоть глазами уловить то, что читаетъ дѣвочка.

Читайте слѣдующую строфу.

Отчего же дѣвочка читаетъ, а не кто-нибудь изъ взрослыхъ?

—Она одна въ семьѣ грамотная.

О чемъ же дѣвочка читаетъ мужичкамъ? Отвѣтъ въ слѣдующей строфѣ; читайте ее.

—„И пришлося ей, младенцу, старикамъ прочесть про желанную свободу дорогую вѣсть".

---

*) Приводится три вида объяснительнаго чтенія, сообразно различію цѣли объясненія и развитія учениковъ.

Знаете ли вы, про какую это „желанную свободу“ дѣвочка читала? Учитель сообщаетъ ученикамъ, что до 1861 года крестьяне были въ крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ и должны были работать на нихъ... Помѣщики могли продавать ихъ, и нерѣдко случалось, что дѣтей продавали отдѣльно отъ родителей; помѣщики могли также отдавать крѣпостныхъ въ солдаты и вообще распоряжались ими, какъ собственностью. Крѣпостной безъ согласія помѣщика не могъ ничего сдѣлать для улучшенія своего быта. Тяжелое было положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Императоръ Александръ II манифестомъ *) 19 февраля 1861 года освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и надѣлилъ ихъ землею. И въ настоящее время крестьяне считаются свободными земледѣльцами, подданными Государя Императора, подчиняющимися, подобно другимъ гражданамъ, изданнымъ Имъ законамъ и поставленнымъ Имъ властямъ.

Не видно ли изъ прочтенной строфы, желали ли крестьяне свободы?

—Они желали свободы, что видно изъ словъ „про желанную свободу дорогую вѣсть“.

Ясно ли понимали крестьяне, о чемъ читала имъ дѣвочка?

—Нѣтъ, они неясно понимали читаемое; но чувствовали, что то, о чемъ дѣвочка имъ читаетъ, нѣчто отрадное, хорошее для нихъ.

Какъ объ этомъ сказано въ стихотвореніи?

—„Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ теменъ имъ и ей: но всѣ чуютъ надъ собою зорю новыхъ дней“.

Въ какомъ смыслѣ здѣсь употреблено выраженіе: „зорю новыхъ дней“?

—Начало новыхъ, лучшихъ дней.

Кто и кому говоритъ: „Вспыхнетъ, братцы, эта зорька: тьма идетъ къ концу! ваши дѣтки ужъ увидятъ свѣтъ лицомъ къ лицу!“

—Это говоритъ авторъ, обращаясь къ крестьянамъ, слушающимъ дѣвочку, и вообще ко всѣмъ, кто слушаетъ или читаетъ.

Что означаютъ эти слова?

—Зорька вспыхиваетъ утромъ передъ восходомъ солнца: ею оканчивается ночь, и начинается день. Подъ зорей въ

*) **Манифестомъ** называется объявленіе Высочайшей воли по какому-нибудь чрезвычайному происшествію или изданію важнаго законоположенія, напр.: манифестъ о коронованіи государя, манифестъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права (манифестъ — законъ).

стихотвореніи разумѣется начало лучшихъ дней, т.-е. дней свободы и просвѣщенія. Самъ народъ въ пословицѣ: „Ученье—свѣтъ, а неученье — тьма", называетъ просвѣщеніе свѣтомъ, а невѣжество—тьмою. Этотъ свѣтъ, т.-е. свободу и просвѣщеніе, увидятъ дѣти тѣхъ стариковъ, которые теперь слушаютъ вѣсть о желанной свободѣ.

Что значитъ выраженіе: „Тьма пускай еще ярится: день взойдетъ могучъ"?

—Это значитъ, что пускай себѣ лица, желающія, чтобы народъ оставался въ крѣпостной зависимости и невѣжествѣ, возмущаются противъ свободы и просвѣщенія народа, все-таки онъ (народъ) просвѣтится и станетъ свободнымъ.

Что означаетъ выраженіе: „Вѣщимъ окомъ ужъ я вижу первый свѣтлый лучъ"?

—Это значитъ, что поэтъ уже предвидитъ начало новыхъ лучшихъ дней, т.-е. просвѣщенія и свободы народа.

Въ комъ въ частности поэтъ видитъ начало просвѣщенія?

—Въ дѣвочкѣ, читающей книжку.

Какъ объ этомъ говоритъ поэтъ?

—„Онъ (свѣтлый лучъ) горитъ ужъ на головкѣ, онъ горитъ въ очахъ этой умницы—малютки съ книжкою въ рукахъ."

Передайте эти четыре стиха своими словами.

—Въ глазахъ и лицѣ читающей малютки, какъ лучъ проглядываетъ умъ, который со временемъ разовьется.

Читайте послѣднюю строфу.

—„Воля, братцы,—это только первая ступень въ царство мысли, гдѣ сіяетъ вѣковѣчный день."

Про какую волю здѣсь поэтъ говоритъ?

—Про освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Къ чему оно (освобожденіе отъ крѣпостной зависимости) служитъ первою ступенью?

—Къ просвѣщенію, ученію (Ученье—свѣтъ).

Передайте эту строфу своими словами.

—Свобода—это первая ступень къ просвѣщенію, а просвѣщеніе—это уже вѣчный для людей свѣтъ, вѣчный день.

Чтеніе всего стихотворенія и затѣмъ пересказъ его ученикамъ.

Озаглавимъ содержаніе стихотворенія по строфамъ. Учитель предлагаетъ ученикамъ прочитывать строфы одну

за другую и озаглавливать ихъ. Наиболѣе краткое и мѣткое оглавленіе строфы, сказанное ученикомъ, записывается на доскѣ. Такимъ образомъ получается хотя такое оглавленіе стихотворенія:

1. Въ избѣ, при тускломъ свѣтѣ, мужики и бабы окружили дѣвочку.
2. Дѣвочка читаетъ.
3. Мужики молча слушаютъ.
4. Бабы унимаютъ дѣтей и стараются что-нибудь слышать.
5. Дѣдъ внимательно смотритъ на дѣвочку.
6. Дѣвочка одна въ семьѣ грамотная.
7. Она читаетъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.
8) Смыслъ читаемаго теменъ мужикамъ, но они „чуютъ зорю новыхъ дней“.
9. Тьма (невѣжество) окончится, и наступитъ свѣтъ (просвѣщеніе).
10. Просвѣщеніе восторжествуетъ надъ невѣжествомъ.
11. Начало просвѣщенія видно въ дѣвочкѣ съ книжкой.
12. Свобода—ступень къ свѣту знанія.

Группируя строфы по единству содержанія, мы получимъ три части стихотворенія:

I. „Картинка.“
II. О чемъ читаетъ дѣвочка.
III. Поэтъ предвидитъ просвѣщеніе народа.

Имѣя эти данныя, ученики могутъ составить слѣдующій планъ стихотворенія:

- I. Картинка
  - 1, дѣвочка,
  - 2, слушающіе
    - мужики,
    - бабы,
    - дѣдъ.
- II. Чтеніе объ освобожденіи крестьянъ
  - 1, неясенъ смыслъ читаемаго
  - 2, чувствуется приближеніе лучшихъ дней.
- III. Поэтъ предвидитъ
  - а) наступленіе просвѣщенія,
  - б) окончаніе невѣжества;
  - а) тьма ярится;
  - б) свѣтъ возьметъ верхъ;
  - в) свобода-первая ступень къ свѣту.

Пересказъ содержанія стихотворенія по этому плану и заучиваніе стихотворенія наизусть.

Ученикамъ можетъ быть предложена такая письменная работа: Описать по стихотворенію: „Картинка"—Майкова, что происходило въ избѣ. (Письменная работа можетъ быть озаглавлена такъ: „Картинка").

Ученики устно пересказываютъ то, что будутъ писать, и затѣмъ уже приступаютъ къ исполненію письменной работы. Планомъ для письменной работы учениковъ можетъ служить или первая часть выше приведеннаго плана, или учитель вырабатываетъ съ учениками иной планъ.

„КТО ОНЪ?" стих. Ап. Майкова.

(Объяснительное чтеніе примѣнительно къ развитію учениковъ II или III класса).

Чтобы побудить учениковъ вникнуть въ произведеніе, вдумчиво отнестись къ нему, учитель, послѣ чтенія его, предлагаетъ имъ слѣдующія темы для устнаго изложенія:

I. Мѣсто и время совершенія дѣйствія, изображеннаго въ стихотвореніи.

II. Лица, изображенныя въ стихотвореніи, и главное изъ нихъ.

III. Какимъ изображенъ всадникъ?

IV. Какимъ изображенъ рыбакъ?

V. Впечатлѣніе, произведенное всадникомъ на рыбака.

VI. Кто изображенъ въ образѣ чудеснаго всадника? въ стих.: „Кто онъ?."

VII. Изложить содержаніе стихотворенія, съ измѣненіемъ діалогической формы въ монологическую (изложить въ 3-мъ лицѣ).

Темы эти записываются на классной доскѣ.

Учитель читаетъ первую тему и предлагаетъ ученикамъ извлечь изъ стихотворенія матеріалъ, отвѣчающій на эту тему. То тотъ, то другой ученикъ говоритъ подходящую мысль. Когда весь матеріалъ, представляемый стихотвореніемъ, исчерпанъ, учитель предлагаетъ ученикамъ из-

ложить всѣ высказанныя мысли въ связи. Такимъ образомъ получается цѣльный разсказъ, отвѣчающій на первую тему. Такимъ же образомъ составляется разсказъ и на каждую изъ послѣдующихъ темъ. Получаются приблизительно слѣдующіе разсказы:

I. Мѣсто и время совершенія дѣйствія, изображеннаго въ стихотвореніи.

Дѣйствіе, изображенное въ стихотвореніи, происходило «на берегу Невы,» недалеко отъ впаденія ея въ Финскій заливъ («сѣти на море закинь»), вблизи городка («нѣтъ иного сбыта, какъ въ сосѣднемъ городкѣ»). Городокъ этотъ — Петербургъ, нынѣшняя столица Россіи, основанъ и сдѣланъ столицей императоромъ Петромъ В., ко времени царствованія котораго, очевидно, относится дѣйствіе, изображенное въ стихотвореніи. Въ настоящее время Петербургъ одинъ изъ величайшихъ и красивѣйшихъ городовъ Россіи. Отъ него идутъ желѣзныя дороги по всѣмъ направленіямъ. На далекое разстояніе отъ него разбросаны красивые дворцы, дачи, тѣнистые парки, сады и многочисленныя фабрики и заводы. Въ то же время, къ которому относится дѣйствіе, изображенное въ стихотвореніи, здѣсь была глушь: «Вкругъ все дико: ель, сосна да мохъ сѣдой». Вмѣсто дворцовъ и дачъ, здѣсь изрѣдка можно было встрѣтить на берегу рѣки рыбачью избушку, пріютившуюся въ лѣсу. Дорогъ не было. Случайный путникъ пробирался „по тропинкѣ лѣсной".

II. Лица, изображенныя въ стихотвореніи, и главное изъ нихъ.

Въ стихотвореніи изображены два лица: чудесный всадникъ и рыбакъ. Изъ нихъ главнымъ лицомъ является всадникъ. Изображеніе его составляетъ главный предметъ произведенія. Онъ пробирается по тропиночкѣ, заговариваетъ съ рыбакомъ, чинитъ ему лодку, производитъ на него неотразимое впечатлѣніе какъ своею рѣчью, такъ и умѣньемъ владѣть топоромъ и пилой. Рыбакъ является въ произведеніи второстепеннымъ лицомъ, выведеннымъ лишь для большей живости изображенія всадника.

III. Какимъ изображенъ въ стихотвореніи всадникъ?

Всадникъ—человѣкъ военный: рыбакъ говоритъ ему: „Вы дрались, и бомбой въ битвѣ челнъ пришибло у меня." Онъ смѣлъ: въ глухой и безлюдной мѣстности онъ ѣдетъ одинъ, безъ провожатыхъ,—простъ въ обращеніи и привѣтливъ: онъ самъ привѣтствуетъ рыбака: „Дѣдъ, здорово!" (Здравствуй, дѣдушка), не обидчивъ и всегда готовъ оказать услугу нуждающемуся: не получивъ отвѣта на свое привѣтствіе и даже услышавъ упрекъ въ порчѣ лодки, онъ не разсердился, а, напротивъ, даже поспѣшилъ помочь рыбаку починить лодку. Онъ былъ очень искусенъ и проворенъ („ловокъ") въ работѣ: „мигомъ сбилъ борты у челна, руль привѣсилъ за кормой." Даже рыбакъ удивился его ловкости и искусству въ работѣ. Всадникъ былъ любознателенъ: онъ пользуется случаемъ узнать, много ли въ рѣкѣ водится рыбы, и куда рыбаки сбываютъ наловленную рыбу. Онъ дорожилъ временемъ и не любилъ терять его даромъ: починивши лодку и привѣсивши къ ней руль, онъ только сказалъ: „Ну, старинушка, готово! Смѣло въ воду челнъ сдвинь и на счастіе Петрово сѣти на море закинь"! и, не дожидаясь, пока рыбакъ спуститъ лодку въ воду, вскочилъ на коня и умчался впередъ. При всѣхъ означенныхъ качествахъ, во всѣхъ словахъ и дѣйствіяхъ всадника проглядывала духовная сила, мощность, сознаніе своей власти. Вслѣдствіе этой силы, онъ и не разсердился на рыбака, когда тотъ грубо отвѣтилъ на его ласковый привѣтъ.

IV. Какимъ изображенъ рыбакъ?

Рыбакъ старъ: всадникъ называетъ его „дѣдомъ," „старинушкой." Онъ молчаливъ и угрюмъ: дикая суровая природа и тяжелый трудъ наложили на него свой отпечатокъ. Онъ даже не отвѣчаетъ, какъ слѣдуетъ, на привѣтствіе всадника. На вопросъ послѣдняго онъ ворчитъ сердито, дѣлаетъ ему упрекъ въ порчѣ лодки. Онъ враждебно относится къ бывшимъ при Петрѣ В. военнымъ дѣйствіямъ потому только, что „бомбой въ битвѣ челнъ пришибло у него;" не понимаетъ значенія этихъ войнъ для Россіи.

V. Впечатлѣніе, произведенное всадникомъ на рыбака.

Когда всадникъ подъѣхалъ къ рыбаку, послѣдній, занятый своимъ дѣломъ, почти не обратилъ на него вниманія; онъ, какъ сказано, даже не отвѣтилъ на его привѣтствіе. На вопросы всадника старикъ отвѣчалъ сердито. Когда же всадникъ, соскочивши съ коня, сталъ чинить лодку, рыбакъ удивился ловкости и быстротѣ, съ какой тотъ владѣетъ топоромъ и пилой. Но это чувство было неотчетливое. Наиболѣе сильное впечатлѣніе всадникъ произвелъ на рыбака, когда, окончивъ починку лодки, сказалъ: «Смѣло въ воду челнъ содвинь и на счастіе Петрово сѣти на море закинь,» и затѣмъ, вскочивши на коня, быстро умчался. Услышавши слова: „на счастіе Петрово,“ рыбакъ былъ пораженъ. Онъ ранѣе хотя и не видѣлъ императора Петра В., однако слышалъ про него, почему невольно призадумался надъ словами и дѣйствіями чудеснаго всадника. „На Петрово? Эко слово молвилъ?“ Тутъ только рыбакъ догадался, кто такой былъ чудесный всадникъ. Онъ снялъ шапку, развелъ руками и въ изумленіи смотритъ въ лѣсъ, «гдѣ чудесный гость исчезъ.» Но онъ никакъ не могъ согласовать, какъ такой Великій Царь владѣетъ такъ ловко топоромъ. «Съ топоромъ, гляди, какъ ловокъ, а по рѣчи: Какъ же такъ?»

VI. Кто изображенъ въ образѣ чудеснаго всадника въ стих. «Кто онъ?».

Рыбакъ, какъ видѣли, догадался, кто былъ всадникъ. Нетрудно и намъ узнать его по тѣмъ чертамъ, которыми онъ изображенъ въ стихотвореніи: это императоръ Петръ В.—тотъ самый, который основалъ Петербургъ, положилъ начало культурѣ страны, дотолѣ дикой и безлюдной. Онъ же самъ, подъ именемъ Петра Михайлова, учился въ Голландіи кораблестроенію и работалъ на верфи, какъ простой рабочій, и о немъ краткими но могучими стихами сказалъ Пушкинъ слѣдующее:

«То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.»

VII. Изложеніе содержаія стихотворенія, съ измѣненіемъ діалогической формы въ монологическую (изложеніе въ 3-мъ лицѣ *).

При передачѣ діалоговъ въ монологической формѣ слѣдуетъ избѣгать обращенія вносныхъ предложеній въ придаточныя, а нужно выражать ихъ, по возможности, главными предложеніями, такъ какъ они имѣютъ въ произведеніи главное значеніе.

Въ устной передачѣ ученикомъ содержанія стихотворенія, съ замѣной діалогической формы въ монологическую, получится приблизительно слѣдующій разсказъ:

На берегу Невы, по лѣсной тропинкѣ, ѣхалъ всадникъ. Кругомъ все дико: ель, сосна да мохъ сѣдой... Вотъ рыбачья избушка. Старикъ-рыбакъ подъ сосной чинитъ челнъ. Всадникъ подъѣхалъ къ нему и спросилъ, прибыленъ ли его промыселъ, и гдѣ онъ сбываетъ наловленную рыбу. Рыбакъ нехотя отвѣтилъ, что рыбы много въ рѣкѣ; но сбывать ее негдѣ, кромѣ какъ только въ сосѣднемъ городкѣ. Къ тому же и ловить теперь ему невозможно: недавно было сраженіе. и бомбой пробило его челнъ. Всадникъ молча взялъ топоръ, пилу и молотъ и быстро починилъ лодку. Затѣмъ. привѣсивъ руль, онъ сказалъ, чтобы старикъ смѣло спустилъ лодку въ воду и забросилъ сѣти «на счастіе Петрово,» а самъ, вскочивъ на лошадь, умчался. Услышавъ слова: „на счастіе Петрово,“ старикъ изумился, поспѣшно снялъ шапку и, держа ее въ рукѣ, долго въ раздумьи смотрѣлъ въ ту сторону, „гдѣ чудесный гость исчезъ“ **).

---

*) Само собою разумѣется, что передавая содержаніе стихотворенія своими словами, ученикъ отступитъ отъ той разстановки словъ, которая допущена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стихотворенія, вслѣдствіе требованія размѣра. Такъ, напр., въ выраженіи: «и лова гдѣ добычу продаешь,»-слово «лова» ученикъ поставитъ вслѣдъ за словомъ „добычу,“ такъ какъ оно относится къ этому слову. какъ опредѣленіе въ родительномъ падежѣ.

**) Послѣ разъясненія, ученики заучиваютъ его наизусть, для выразительнаго произношенія.

Для письменной работы можетъ быть предложена хотя одна изъ слѣдующихъ темъ: 1) Чудесный всадникъ (по стихотворенію: «Кто онъ?»); 2) Содержаніе стихотворенія: „Кто онъ?" 3) Мѣсто и время совершенія дѣйствія, изображеннаго въ произведеніи: «Кто онъ?»:

„УТРО." стихотв. Никитина.

(Объяснительное чтеніе примѣнительно къ развитію учениковъ III или IV класса).

Чтеніе стихотворенія.

Въ стихотвореніи описано весеннее утро, при чемъ взято нѣсколько моментовъ его. Сообразно съ этимъ стихотвореніе раздѣляется на слѣдующія части: I) Передразсвѣтная тишина (первыя двѣ строфы) II) Пробужденіе природы и людей (третья и четвертая строфы). III) Восходъ солнца (пятая строфа). Въ послѣдней строфѣ говорится о вліяніи яснаго, веселаго утра на человѣка. Эта строфа составляетъ четвертую (IV) часть стихотворенія.

При повторительномъ чтеніи каждой изъ указанныхъ частей, ученики, руководимые вопросами учителя, объясняютъ образныя выраженія, находящіяся въ этой части и затѣмъ передаютъ содержаніе разъясненной части стихотворенія.

При чтеніи первой части ученики даютъ такое, напр., объясненіе образныхъ выраженій. „Звѣзды меркнутъ" значитъ: свѣтъ звѣздъ становится невидимымъ намъ; мы говоримъ: свѣча погасла, т.-е. она перестала горѣть, свѣтить. „Въ огнѣ облака"--значитъ: облака огнисто-краснаго цвѣта; они окрашены лучами скрытаго за горизонтомъ солнца. На основаніи сходства впечатлѣнія, производимаго на душу огненно-краснымъ цвѣтомъ облаковъ и цвѣтомъ зарева пожара, употреблено выраженіе: „въ огнѣ облака." „По зеркальной водѣ"—значитъ, что поверхность воды такъ гладка и свѣтла, какъ зеркало; въ ея поверхности все отражается, какъ въ зеркалѣ. „По кудрямъ лозняка" употреблено тоже для живости изображенія предмета, по сходству вѣтвей и листьевъ лозняка съ кудрями (вьющимися волосами) человѣка. «Алый свѣтъ разливается»—выраженіе образное: распространеніе свѣта отъ зари сравнивается съ

разлитіемъ воды. „Дремлетъ чуткій камышъ"—значитъ: камышъ не шелохнется, будто спитъ—выраженіе образное. Словами: „тишь-безлюдье вокругъ", поэтъ выражаетъ, что въ окружающей мѣстности глубокая тишина, все спитъ, незамѣтно ни малѣйшаго движенія.

Во второй части стихотворенія изображено пробужденіе природы и людей: начинается движеніе, слышны звуки. Утренній свѣжій вѣтерокъ тронулъ поверхность воды, и она зашевелилась, покрылась мелкой рябью; проснулись утки, поднялись и пролетѣли; птицы запѣли и своимъ пѣніемъ оживили лѣсъ. Рыбаки въ шалашѣ пробудились, сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ; слышенъ отдаленный звонъ колокольчика.

Сообразно съ содержаніемъ этой части употреблены и соотвѣтственныя образныя выраженія. „Потянулъ вѣтерокъ"—подулъ вѣтерокъ. „Воду морщитъ—рябитъ"—зеркальная поверхность воды отъ дуновенія вѣтерка зарябилась, наморщилась. „Пронеслись утки"—быстро пролетѣли утки. „Востокъ все горитъ—разгорается"—небо на востокѣ передъ самымъ восходомъ солнца становится краснымъ, подобно пожару. «Лѣсъ улыбается»—значитъ лѣсъ, освѣщенный утренней зарей, производитъ пріятное впечатлѣніе, какъ улыбка радующагося человѣка.

Послѣ разъясненія первой и второй части стихотворенія слѣдуетъ привлечь учениковъ къ сравненію этихъ двухъ частей. Ученики сразу замѣтятъ контрастъ двухъ картинъ: одна изъ нихъ представляетъ глубокую тишину въ природѣ, а другая—движеніе, оживленіе въ ней.

Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе выраженій третьей части стихотворенія. И въ этой части ученики выясняютъ значеніе образныхъ выраженій, изъ которыхъ нѣсколько болѣе они останавливаются на слѣдующихъ выраженіяхъ: «солнце за морями ночлегъ свой покинуло»—солнце показалось изъ-за горизонта, какъ будто покинуло свой ночлегъ; «на поля, на луга, на макушки ракитъ золотыми потоками хлынуло»—солнце быстро и обильно освѣтило, какъ бы залило, все пространство своими лучами, которые по цвѣту напоминаютъ золото.

Передача ученикомъ содержанія третьей части (5-й строфы).

Въ послѣдней части (6-й строфѣ) стихотворенія поэтъ говоритъ о пахарѣ, отправляющемся съ сохой на работу: «Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ». Онъ радуется веселому утру. Самый тяжелый трудъ ему по плечу. Въ заключеніе поэтъ, обращаясь съ привѣтомъ къ солнцу и утру веселому, говоритъ, что подъ вліяніемъ живительной природы, и собственная его душа можетъ отдохнуть отъ житейскихъ заботъ и тревогъ: „Не боли ты, душа, отдохни отъ заботъ!"

Вопросы, которые могутъ быть предложены ученикамъ при разборѣ стихотворенія: „Утро."

На сколько частей можно раздѣлить стихотвореніе? Изложите содержаніе первой части. Объясните образныя выраженія въ этой части стихотворенія. Изложите содержаніе второй части и объясните образныя выраженія въ ней. О чемъ говорится въ третьей части? Что поэтъ говоритъ о пахарѣ и о себѣ въ четвертой части стихотворенія? Передайте содержаніе всего стихотворенія.

Ученики заучиваютъ стихотвореніе наизусть.

Для письменной работы можетъ быть предложена хотя слѣдующая тема: Описаніе весенняго утра (по стихотв. Никитина: „Утро").

К. Ельницкій.

Объяснительное чтеніе стихотвореній Лермонтова: «Споръ», «Парусъ», «Сосна».

Споръ.

Двѣ величайшія горы, Казбекъ и Шатъ, ведутъ между собою „великій“ споръ. Свидѣтелями ихъ спора являются группы и гряды Кавказскихъ горъ.

„Сѣдовласый“ Шатъ (Эльбрусъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ) предсказываетъ Казбеку, что наступитъ время, когда онъ окончательно покорится человѣку, который по уступамъ горъ настроитъ жилищъ (келій), въ ущельяхъ станетъ рубить лѣсъ („въ глубинѣ ущелій загремитъ топоръ“) и будетъ добывать металлы: („въ каменную грудь, добывая мѣдь и злато, врѣжетъ страшный путь“). Труденъ былъ для человѣка лишь первый шагъ, но онъ сдѣланъ: „ужъ проходятъ караваны черезъ тѣ скалы, гдѣ носились лишь туманы да цари-орлы“. И дальнѣйшее подчиненіе всего Кавказа—неминуемо. Словами: „люди хитры“ (въ смыслѣ: изобрѣтательны, находчивы и способны къ преодолѣнію всевозможныхъ препятствій), Шатъ указываетъ на то качество людей, которое даетъ имъ возможность успѣшно вести борьбу съ природой и подчинять ее себѣ. Опасность, по мнѣнію зловѣщаго предсказателя, грозитъ прежде всего со стороны Востока. Онъ говоритъ: „Берегися! многолюденъ и могучъ Востокъ“. Но извѣстно, что могущество и сила каждаго государства зависитъ не столько отъ многолюдства его, сколько отъ нравственнаго и умственнаго развитія членовъ (гражданъ) его, ихъ энергіи, стойкости и знаній. Возражая Шату, Казбекъ говоритъ, что нечего бояться Востока: „родъ людской тамъ спитъ глубоко ужъ девятый вѣкъ“, т. е. уже девятый вѣкъ народы востока предаются умственной и нравственной спячкѣ, бездѣйствію и потому ослабѣли. Въ подтвержденіе своей мысли онъ характеризуетъ въ отдѣльности каждый изъ сосѣднихъ восточныхъ народовъ. Грузины предаются лишь сну и вину („въ тѣни чинары пѣну сладкихъ

винъ на узорныя шальвары сонный льетъ грузинъ"); персы, нѣкогда могущественные, нынѣ отдаются лѣни и дремотѣ, вызывая въ себѣ лишь фантастическіе образы куреніемъ кальяна („склонясь въ дыму кальяна, на цвѣтной диванъ у жемчужнаго фонтана, дремлетъ Тегеранъ"); евреи, составлявшіе нѣкогда самостоятельное государство, давно уже потеряли свою политическую самостоятельность, разсѣяны по всему лицу земли, и страна ихъ превратилась въ мертвую пустыню („у ногъ Ерусалима, Богомъ сожжена, безглагольна, недвижима мертвая страна"); Египетъ, бывшій тоже нѣкогда сильнымъ самостоятельнымъ государствомъ, нынѣ представляется безжизненной страной, народонаселеніе которой лишено самостоятельности, и только однѣ пирамиды напоминаютъ о прежнемъ величіи и могуществѣ этой страны („вѣчно чуждый тѣни, моетъ желтый Нилъ раскаленныя ступени царственныхъ могилъ"); арабы, прежде полные энергіи, воинственности, въ настоящее время утратили свой героическій пылъ и проводятъ время въ бездѣйствіи въ своихъ палаткахъ („бедуинъ забылъ наѣзды для цвѣтныхъ шатровъ и поетъ, считая звѣзды, про дѣла отцовъ").

Охарактеризовавъ каждый изъ сосѣднихъ восточныхъ народовъ, Казбекъ повторяетъ общую мысль, высказанную имъ въ началѣ, именно, что всѣ народы, обитающіе на востокѣ, отжили свой вѣкъ, ослабѣли, лишены энергіи и не представляютъ никакой опасности для него: „Нѣтъ, не дряхлому Востоку покорить меня!"

Но „старый" Шатъ, предвидящій, что Кавказъ все-таки будетъ покоренъ людьми, обращаетъ вниманіе Казбека на сѣверъ: „Не хвались еще заранѣ!" говоритъ онъ, „вотъ на сѣверѣ въ туманѣ что-то видно, братъ!" Эта вѣсть смутила Казбека. Онъ, полный думъ, смотритъ на сѣверъ и „видитъ странное движенье, слышитъ звонъ и шумъ". Онъ видитъ, что на всемъ пространствѣ отъ Урала до Дуная, т. е. на пространствѣ, занимаемомъ Европейской Россіей, стройно движутся полки. Сначала мчится кавалерія: „Мчатся пестрые уланы"; за кавалеріей слѣдуетъ пѣхота: „Боевые батальоны тѣсно въ рядъ идутъ, впереди несутъ знамена, въ барабаны бьютъ"; за пѣхотой движется артилле-

рія, готовая къ бою: „Батареи мѣднымъ строемъ скачутъ и гремятъ, и, дымясь, какъ передъ боемъ, фитили горятъ“, все войско ведетъ опытный и знающій свое дѣло военачальникъ: „И испытанный трудами бури боевой, ихъ (полки) ведетъ, грозя очами, генералъ сѣдой“. Несомнѣнно, что здѣсь рѣчь идетъ объ А. П. Ермоловѣ, полководцѣ, отличавшемся военными подвигами, силою воли и строгостью выполненія правилъ военной дисциплины. Войско движется прямо на востокъ, и нѣтъ ему преграды, никакая сила не удержитъ его: „Идутъ всѣ полки могучи, шумны, какъ потокъ, страшно-медленны, какъ тучи, прямо на востокъ“. Хотѣлъ было Казбекъ сосчитать движущіеся полки, но не смогъ сосчитать ихъ: „Сталъ считать Казбекъ угрюмый и не счелъ враговъ“. Тутъ только ясно созналъ онъ, что онъ самъ и весь Кавказъ съ нимъ должны покориться новой мощной силѣ, должны лишиться своей независимости. „Полный черныхъ думъ, грустнымъ взоромъ онъ окинулъ племя горъ своихъ. Шапку на брови надвинулъ—и на вѣкъ затихъ“. Такъ простился Казбекъ со своею независимостью.

Въ разсматриваемомъ стихотвореніи поэтъ олицетворяетъ неодушевленные предметы—горы: Казбекъ и Шатъ, придавая имъ мысли и чувства, присущія лишь людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и все стихотвореніе имѣетъ переносное (аллегорическое) значеніе. Подъ выведенными высочайшими горами Кавказа подразумѣваются независимыя кавказскія племена, которыя долго отстаивали свою независимость и, наконецъ, должны были подчиниться болѣе культурной державѣ. И покорителемъ явились не изнѣженные и облѣнившіеся восточные народы, а русскіе, народъ дѣятельный, энергичный, мощный. Этому народу и суждено было не только покорить Кавказъ, но и водворить въ немъ просвѣщеніе, промышленность и торговлю.

Значитъ, споръ Шата съ Казбекомъ шелъ о политической самостоятельности племенъ, населяющихъ Кавказъ; этотъ споръ слишкомъ важенъ для этихъ племенъ, почему и названъ въ стихотвореніи „великимъ споромъ“. Кромѣ того, онъ очень близокъ всѣмъ кавказскимъ племенамъ, почему и велся въ присутствіи ихъ („передъ толпою соплеменныхъ горъ“).

Въ стихотвореніи „Споръ“ невольно отразилось глубокое патріотическое чувство поэта, его благоговѣніе передъ могуществомъ и нравственной силой Россіи, призванной внести свѣтъ и высшую культуру въ полудикія кавказскія племена.

При полномъ единствѣ, стихотвореніе „Споръ“ представляетъ слѣдующія части, органически связанныя между собою: I—вступленіе; II—споръ Казбека съ Шатомъ; въ этой части различаются слѣдующія второстепенныя части: 1) рѣчь Шата, 2) отвѣтъ Казбека, 3) указаніе Шата на опасность съ сѣвера; III—картина боевого движенія русскихъ войскъ; IV—впечатлѣніе, произведенное этой картиной на Казбека. Раздѣливши стихотвореніе на части, можемъ обозначить планъ его:

I.

Вступленіе:
1) горы, ведущія споръ: Шатъ и Казбекъ;
2) обстановка спора,
3) характеръ его.

II.

А. Шатъ утверждаетъ, что Казбекъ окончательно будетъ покоренъ людьми:

1. Что люди сдѣлаютъ:
   1) настроятъ жилищъ,
   2) вырубятъ лѣса,
   3) станутъ добывать металлы.
2. Что уже сдѣлали для покоренія:
   1) проложили дороги,
   3) проходятъ караваны.
3. Качество людей, благодаря которому они являются побѣдителями.
4. Указаніе на многолюдный Востокъ, угрожающій Казбеку.

Б. Отвѣтъ Казбека, составляющій характеристику восточн. народовъ:

1) грузинъ,
2) персовъ,
3) евреевъ,
4) египтянъ,

5) арабовъ;
6) общая характеристика народовъ Востока.

В. Указаніе на опасность съ сѣвера:

1) движеніе и шумъ
2) русскихъ войскъ { кавалеріи, пѣхоты, артиллеріи;
3) дѣятельность военачальника;
4) отличительныя черты войска.

III.

Заключеніе. Впечатлѣніе, произведенное на Казбека картиной движущагося войска, и результатъ его.

Попутно съ объясненіемъ содержанія произведенія могутъ быть объяснены ученикамъ и образныя выраженія, напр., эпитеты: „сѣдовласый Шатъ“, „угрюмый Казбекъ, желтый Нилъ и друг.; метафоры: „загремитъ топоръ; „спитъ, покой цѣня“, и др.; сравненія: „шумны, какъ потокъ“, „страшно—медленны, какъ тучи“ и др.; метонимія: „дремлетъ Тегеранъ“, и друг.

При объяснительномъ чтеніи стихотворенія: „Споръ“, могутъ быть предлагаемы ученикамъ, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: О чемъ былъ споръ между Шатъ—горой и Казбекомъ? О чемъ предостерегалъ Шатъ Казбека? Почему онъ полагалъ, что Кавказъ будетъ покоренъ человѣкомъ? Откуда, по предположенію Шата, грозитъ опасность Казбеку? Почему Казбекъ не боится Востока? Какъ онъ характеризуетъ народы востока? На что потомъ Шатъ обратилъ вниманіе Казбека? Что увидѣлъ Казбекъ на сѣверѣ? Какія войска двигались на востокъ? Какое впечатлѣніе произвели на Казбека увидѣнныя имъ войска? Какая основная мысль стихотворенія и какъ она выражена? Какое чувство поэта отразилось въ произведеніи? Укажите образныя выраженія и объясните ихъ.

Темы для письменныхъ работъ учениковъ: 1) Русское войско, изображенное въ стихотвореніи: „Споръ“; 2) Характеристика восточныхъ народовъ; 3) Основная мысль стихотворенія: „Споръ“, и выраженіе ея.

Парусъ.

Стихотвореніе: „Парусъ", состоитъ изъ трехъ четырехстрочныхъ строфъ.

Остановимся сначала на внѣшней сторонѣ стихотворенія, на образахъ, нарисованныхъ поэтомъ.

Въ первой строфѣ изображенъ одинокій парусъ (корабль), виднѣющійся въ туманной дали голубого моря: „Бѣлѣетъ парусъ одинокій въ туманѣ моря голубомъ".

Во второй строфѣ изображена картина морской бури: „Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ, и мачта гнется и скрипитъ".

Въ третьей строфѣ немногими чертами изображена картина тихаго голубого моря: „Подъ нимъ (кораблемъ) струя свѣтлѣй лазури, надъ нимъ лучъ солнца золотой".

Изображеніе этихъ образовъ, или картинъ, занимаетъ первые два стиха всѣхъ трехъ строфъ. Слѣдующіе два стиха тѣхъ же строфъ даютъ полное основаніе заключить, что нарисованные поэтомъ образы служатъ лишь формой для выраженія психическаго явленія, внутренняго смысла стихотворенія. Остановимся на раскрытіи этого смысла.

Бѣлѣющійся „парусъ одинокій" является символомъ человѣка съ его внутреннею, душевною жизнью.

Сообразно съ этимъ, „море" является символомъ жизни, „житейскаго моря".

Посмотримъ же, какъ человѣкъ относится къ явленіямъ „житейскаго моря?"

Корабль (человѣкъ) среди тихаго, спокойнаго моря (житейскаго моря). „Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури, надъ нимъ лучъ солнца золотой". Но эта тишь, эта благодать не удовлетворяетъ его. „Онъ, мятежный, проситъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой".

Но вотъ и буря: „Играютъ волны, вѣтеръ свищетъ, и мачта гнется и скрипитъ". Но и она не удовлетворяетъ человѣка. Ему все чего-то не достаетъ. Онъ почти безучастно относится къ житейской бурѣ: „Увы! онъ счастія не ищетъ и не отъ счастія бѣжитъ".

Очевидно, что въ разсматриваемомъ стихотвореніи вы-

ражена неудовлетворенность человѣка явленіями „житейскаго моря“. Онъ постоянно ищетъ чего-то иного, стремится къ чему-то лучшему, не доволенъ тѣмъ, что даетъ ему дѣйствительность. Слѣдуетъ припомнить стихотвореніе: „Ангелъ“, того же поэта, чтобы яснѣе понять идею разсматриваемаго стихотворенія. И въ стихотвореніи: „Ангелъ“, выражено, что человѣческая душа не находитъ удовлетворенія „въ пѣсняхъ земли“, а стремится къ „инымъ пѣснямъ“.

Вопросы къ выясненію стихотворенія: Какія картины изображены въ стихотвореніи? Какое значеніе въ стихотвореніи имѣютъ эти картины? Кто изображенъ въ образѣ паруса? Что подразумѣвается подъ моремъ? Какъ корабль (человѣкъ) чувствуетъ себя въ тихую погоду и какъ въ бурю? Какой внутренній смыслъ стихотворенія? Чѣмъ стихотвореніе: „Парусъ“, похоже на стихотвореніе: „Ангелъ“? Укажите образныя выраженія въ стихотвореніи: „Парусъ“ (метафоры, олицетворенія и друг.).

Тема для письменной работы: Основная мысль стихотворенія: „Парусъ“, и выраженіе ея.

Сосна.

Въ стихотвореніи: „Сосна“, мысль поэта выражена аллегорически, образно. Выяснимъ его мысль. Сначала обратимъ вниманіе на образъ.

На далекомъ дикомъ сѣверѣ, гдѣ зима сковала все своимъ царчевымъ серебрянымъ покровомъ, на скалѣ стоитъ одинокая сосна. Она какъ будто дремлетъ, двигая своими отяжелѣвшими отъ снѣга вѣтвями. И представляется ей, чудится (снится) одинокая, грустная пальма, растущая на утесѣ, въ знойномъ краю.

Несмотря на то, что сосна и пальма мало имѣютъ общаго по своей природѣ, и условія ихъ произрастанія противоположны, все-таки онѣ имѣютъ и много сходнаго въ своемъ положеніи: какъ та, такъ и другая заброшены судьбою въ уединеніе и обѣ терпятъ: одна отъ холода, другая отъ зноя. Обѣ онѣ недовольны своимъ положеніемъ: сосна, одѣтая „снѣгомъ сыпучимъ“, мечтаетъ о южномъ знойномъ краѣ,

о пальмѣ; пальма, растущая „на утесѣ горючемъ", тоже чѣмъ-то недовольна, грустить. Обѣ ищутъ „иного", того, чѣмъ не обладаютъ, хотя это „иное" если бы и было предоставлено имъ, не могло бы способствовать ихъ благополучію. Пальма, будучи перенесена на сѣверъ, въ страну сыпучихъ снѣговъ, скоро погибла бы; да и сосна, будучи заброшена въ знойный климатъ, не могла бы роскошно произрастать.

Примѣняя сказанное о соснѣ и пальмѣ къ человѣку, мы видимъ тожественное явленіе. И человѣкъ никогда не бываетъ доволенъ своимъ положеніемъ: онъ вѣчно желаетъ чего-то иного, вѣчно стремится къ чему-то лучшему, хотя и не ясно сознаетъ то, въ чемъ это лучшее.

Такимъ образомъ, въ разсматриваемомъ стихотвореніи образно выражено общеизвѣстное явленіе въ душевной жизни человѣка (психологическій фактъ): недовольство тѣмъ, что есть.

Въ немъ (стихотвореніи) мы не замѣчаемъ ни горечи, ни смѣха, ни негодованія, а лишь тихую грусть, вызываемую психологическимъ фактомъ, одиночествомъ.

Нельзя не видѣть, что стихотвореніе: „Сосна", по внутренней своей сторонѣ имѣетъ много общаго съ стихотвореніями: „Парусъ" и „Ангелъ".

Вопросы къ выясненію стихотворенія:

Какіе образы или картины рисуетъ поэтъ? Сопоставьте эти картины! Гдѣ и въ какой обстановкѣ растетъ сосна? О чемъ ей снится, или о чемъ она мечтаетъ? Каковою соснѣ представляется пальма? Гдѣ и въ какой обстановкѣ растетъ пальма? Довольна ли она своимъ положеніемъ (счастлива ли она)? Какая основная мысль стихотворенія: „Сосна"? Есть ли сходство по внутренней сторонѣ (по мысли) въ стихотвореніяхъ: „Сосна" и „Парусъ"? Укажите это сходство! Укажите образныя выраженія!

Тема для письменной работы: Основная мысль стихотворенія: „Сосна," и выраженіе ея.

К. Ельницкій.

Содержаніе I—VI вып. „Фил. Зап.“ за 1899 г.

Содержаніе I и II выпусковъ.

Содержаніе III и IV выпусковъ.

Содержаніе V выпуска.

Содержаніе VI выпуска.

Вновь поступившіе въ продажу оттиски статей и научныхъ изслѣдованій, напечатанныхъ въ „Филологическихъ Запискахъ“.

Прядкинъ С. Н. Памяти А. А. Хованскаго: I. послѣдніе годы жизни, болѣзнь и смерть его. II. вѣнокъ на могилу его. Ворон. 1899 г. Цѣна (съ пересылкой) брошюры съ портретомъ 50 к., безъ портрета 40 к., на лучшей бумагѣ съ портретомъ 65 к.

Вся выручка отъ продажи этой брошюры предназначена на увеличеніе фонда имени А. А. Хованскаго.

„Двѣ преждевременныхъ жертвы смерти (В. Г. Васильевскій и Н. Я. Гротъ)“. Ц. съ перес. 10 к., безъперес. 7 к. 1899 г.

„Памяти А. С. Пушкина“. Цѣна съ перес. 20 к., безъ пер. 15 к. 1899 г.

„Памяти Ивана Саввича Никитина“. Ц. съ перес. 30 к., безъ пер. 25 к. 1899 г.

„Критико-библіографическія статьи и замѣтки“ (разборъ изслѣдованій о Некрасовѣ, Никитинѣ и др.). Ц. съ пер. 25 к., безъ перес. 20 к. 1899 г.

„Критико-библіографич. статьи и замѣтки“ (Замѣтки объ учебникахъ г.г. Смирновскаго и Бородина“ и др.) Ц. съ пер. 25 к. безъ пер. 20 к. 1899 г.

„Къ вопросу о дѣленіи глаголовъ на два спряженія и о правописаніи глагольныхъ формъ“. Ц. съ пер. 10 к., безъ пер. 7 к. 1899 г.

Бунаковъ Н. Ѳ. Сто лѣтъ со дня рожденія Пушкина 1899 г. 15 к., съ перес.

Будде Е. Ѳ. проф. Я. П. Полонскій, какъ поэтъ. Воронежъ. 1899 г. Ц. 25 к. съ пересылкой.

Барсовъ А. В. Живое Слово для изученія родного языка. Практич. курсъ 4-го класса.
1899 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

Хованскій А. А. Живое слово и живые факты. 1899 г. Ц. 10 к. съ перес.

Солоникіо А. Н. Введеніе въ миѳологію Рима. 1899 г. Ц. 50 к. съ перес.

Шишмаревъ В. Ѳ. О научныхъ задачахъ исторіи литературы. 20 к. съ перес.

Козловскій П. С. 1) нѣсколько словъ о Бѣлинскомъ 2) о національн. значеніи литер. дѣятел. А. С. Пушкина. 3) древне и ново-цер.-слав. языкъ, какъ предметъ преподаванія. 1899 г. ц. 20 к. съ перес. 25 к.

Ѳоминъ. Д. Н. Значеніе поэтической дѣятельности Пушкина. 1899 г. ц. 15 к. съ пер. 20 к.

Харламовъ М. А. Краткій очеркъ жизни и педагогическо-литературной дѣятельности И. И. Лажечникова 1899 г. Ц. 10 к. съ пер. 15 к:

Стефановскій И. Н. Языкъ произведеній Пушкина и Лермонтова. 1899 г. ц. 10 к. съ пер. 15 к.

Рамзевичъ Н. К. Правильное произведеніе слова „человѣкъ" 1899 г. ц. 10 к. съ пер. 15 к.

1) Правильное производство слово „человѣкъ", 2) замѣтка о словѣ „русь" 3) къ объясненію выраженія въ словѣ о полку Игоревѣ „дорыскаше до куръ тмутороканe" 1899 г. ц. 15 к. съ пер. 20 к.

Ивановскій В. И. 1) Народный учитель сто лѣтъ назадъ. 2) Методы и предметы ученія при Имп. Екатеринѣ II-й. 1899 г. ц. 15 к. ъс пер. 20 к.

Гороховъ А. Е. Пора изгнать букву „ѣ" изъ рус. алфавита. 1899 г. ц. 5 к. съ пер. 7 к.

1-21.–

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118457107